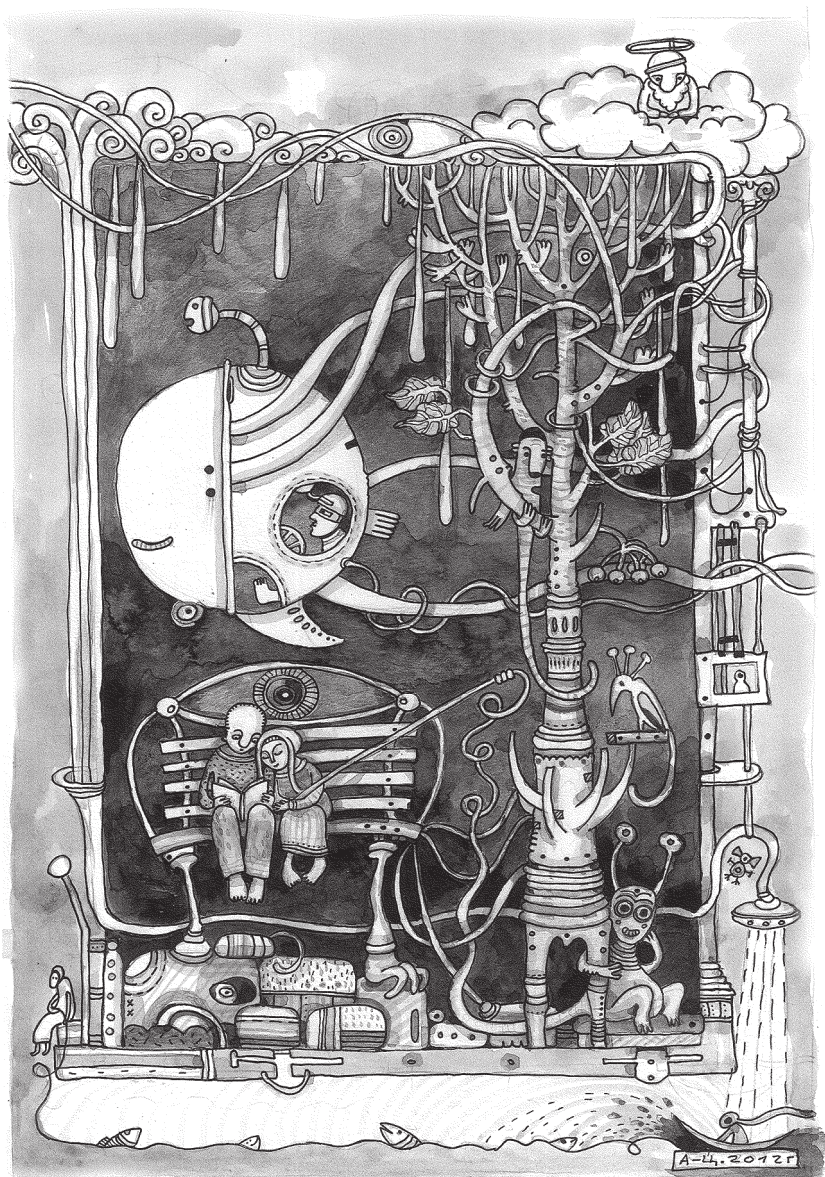

— Нищие, безоружные люди сбрасывают королей с престола из-за любви к ближнему. Из-за любви к Родине солдаты попирают смерть ногами, и та бежит без оглядки. Мудрецы поднимаются в небо и бросаются в самый ад из-за любви к истине. А что сделал ты из-за любви к девушке?

— Я отказался от неё.

(Е.Шварц. «Обыкновенное чудо»)

A-44.20125

АЛЪМАНАХ ФАНТАСТИКИ
АСТРА НОВА **An**^{2[008]}
2017

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44
А91

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ
«ASTRA NOVA»

Print-on-Demand

Астра Нова: альманах фантастики. № 1(008). – СПб.:
А91 Издательство Северо-Запад, 2017. – 296 с.

ISBN 978-5-93835-595-8

Цель не оправдывает средств, но оправдывает ли их любовь? Она такая разная, и грани ее не похожи одна на другую, а ведь между ними есть еще и ребра! И ребра ли это стального каркаса долга или то живое, из которого сделали Еву – каждый решает для себя сам.

**УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус)
6-44**

© Светлана Тулина, составление, 2017
© Авторы публикуемых произведений
© Издательство «Северо-Запад», 2017

ISBN 978-5-93835-595-8

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Р — ЗНАЧИТ РЯДОМ

Дмитрий Вересов	
Молот ведьм.....	10
	Не все Мессеры одинаково полезны, но чужие квартиры любят все!
Сергей Решетняк	
Евгения Зотина	
РОСЧЕРК ПЕРА	48
	Влюбленная служанка алхимика — страшная сила!
Светлана Тулина	
Сказка о контрольном поцелуе	58
	По одному Ромео в руки и за этой Джульеттой не занимать!
Валерий Воробьёв	
БАБЬИМ ВЗГЛЯДОМ	63
	Опасно надевать чужие линзы
Александр Сержан	
Алые туфли.....	65
	Когда в ролевую игру вмешалась судьба — лучше сразу сдаться
Женя Крич	
За счёт заведения	71
	Иногда чтобы спасти — надо убить
Татьяна Томах	
ОСОЗНАНИЕ АДА.....	78
	Когда рай сокращают до ада, бабочки гибнут первыми
Камелия Санрин	
НАСТОЯЩЕЕ МАЧО.....	85
	Ваши бы ложноножки да в мои псевдоподии!
Максим Тихомиров	
Плоть от плоти.....	93
	Пусть будет хоть что-то свое — остальное родители купят!
Евгений Шиков	
Когда я рассыплюсь	101
	Того, кто уверен, что вокруг одни враги, спасти невозможно
Стихи Игоря Константинова	107
	из цикла «Стихи Ольге»

Часть вторая
Р — ЗНАЧИТ РИСК

Андрей Чесман	
УЛЬТИМАТУМ	109
Жаклин де Гё	Настоящий мужчина отвечает за базар – даже чужой
ПРИКЛАДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ	131
	Непросто совладать с бесом, особенно если он стучит в ребро
Анатолий Герасименко	
КОРОБКА НА КОЛЁСАХ	138
	Если не верен своей машине – не жди от нее любви
Андрей Зимний	
БЕЛАЯ ИНН	155
	Погибшей девушке нужен свой... хотя бы медведь!
Наталья Лескова	
Татьяна Берцева	
АНТИДИАБЕТ	171
	Голодный врач – хуже татарина
Илья Полицын	
ФОРМА ЖИЗНИ	181
	Главное, держать себя в форме, а в какой – не так уж и важно
Сергей Удалин	
МЫ МОГЛИ БЫ ПРОСТО ПРОГУЛЯТЬСЯ ПО НАБЕРЕЖНОЙ	187
	Что может быть лучше плохой погоды?
Денис Скорбилин	
МИШКА МЕЖДУ КРЕСТОМ И ЗВЕЗДОЙ	197
	Плюшевый – не всегда значит мягкий
Стихи Натальи Романовой	207
	Главное правильно выбрать из двух половинок

Часть третья
Р — ЗНАЧИТ РОДИНА

Эдуард Шауров	
ПРЕДАТЕЛИ	210
	Можно ли предать то, что не любишь? Что бы ты ни решил – все равно кого-то предашь
Юлия Коротина	
SU — это	225
	Иногда лучше писать, чем говорить
Андрей Гавриленко	
МИГРАНТ	228
	Понаехов не любят даже на Гаити

Часть четвертая
Р — ЗНАЧИТ РЕЙТИНГ

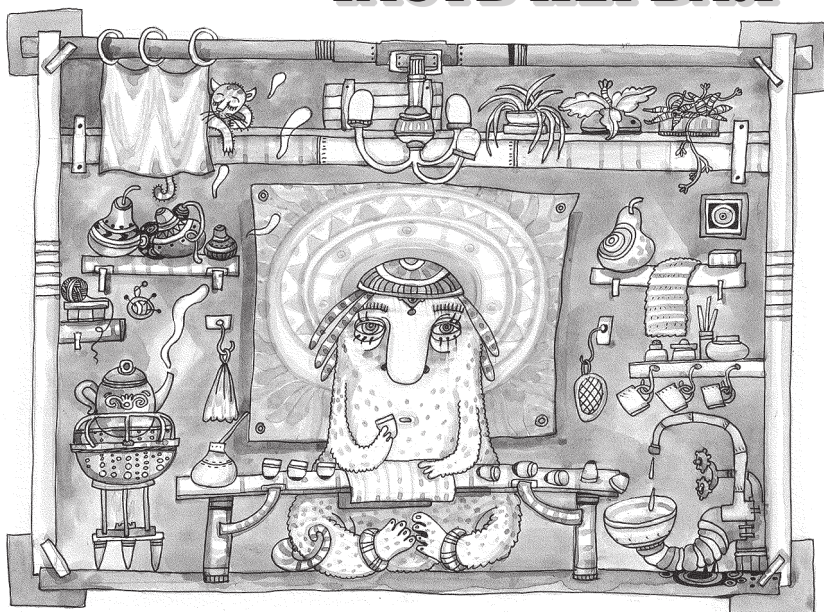
Мария Мальцева	
КАК ВЫБРАТЬ РЕЙТИНГ	232
Если пятнадцатилетний автор пишет текст 17+, может ли он его читать?	
Александр Тишинин	
КАМАСУТРА ПО-ПЕТЕРБУРГСКИ	246
История одной мифологемы в четырех актах или любой каприз за ваши деньги	

Часть 5
Р- ЗНАЧИТ РАЗНОЕ

Алексей Ус	
ВОДА ЛЮБВИ, ВОДА НАДЕЖДЫ	265
Ох уж эти рекламные прилипалы! Впрочем, их всегда можно съесть	
Ольга Денисова	
РАСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ ЭВОЛЮЦИИ	266
Хорошо, когда мужчина остается мужчиной даже на других планетах	
Галина Соловьева	
ВНЕ ИГРЫ	268
Нет ничего более серьезного, чем игра	
Алекс Гагаринова	
СХОДИЛ ЗА ПАСПОРТОМ	269
Ну и времена – приличному юноше страшно на улицу выйти!	
ТТ-ПОБРАТИМЫ	270
Даже если делишь по-братски – половинки разные	
Мария Акимова	
УБИЙЦА	271
Когда адвокат и прокурор едины – судью жалеет даже подсудимый	
Тимур Максютлов	
ВЕТОЧКА	273
Главное – рожать. Все остальное дадут свыше	
Екатерина Васильева (Сычева)	
МОЯ КРАСАВИЦА	274
Если вас укусили – может быть, это любовь?	
Эльвира Жейдс	
ПАЖЕСКИЙ КОРПУС	275
Судьба дает второй шанс лишь тем, кто остается верен	

Кристиан Бэд	
ПРО СБЫЧУ МЕЧТ	277
	Правильно возвращенные курочки дадут обильный урожай
КОЛЫБЕЛЬНАЯ.....	278
	Если ребенок моряк – это надолго
Михаил Загирняк	
ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ	279
	Кто человеку платит – тот его и ужинает
Светлана Тулина	
КОЕ-ЧТО НЕИЗМЕННОЕ	281
	Драконы верят в людей – тем и сыты
Виталий Придатко	
МАЛЕНЬКИЕ ОСКОЛКИ ДНЯ	282
	Иногда догнать упешший день важнее, чем выжить
Дмитрий Хованский	
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ МЕТРО.....	284
	Любите ли вы метро так, как любил его он?
Сергей Фирсов	
ИНВЕРСИЯ	285
	Возможность выбора иногда только мешает
Максим Тихомиров	
СИНГУЛЯРНОСТЬ СЕРОГО ПСА	286
	Любовь способна свернуть не только горы – особенно любовь к Тем-Кто-Ушел
МУБАБ.....	288
	Когда будет совсем край – придет мубаб. Но станет ли лучше, когда он уйдет?
Елена Щетинина	
К ВОПРОСУ О ХОЛОДИЛЬНИКЕ И ВРОНСКОМ	289
	Как помочь влюбленной кофеварке? Несколько практических советов
Дмитрий Гужвенко	
ОБМЕН ХЕППИ	291
	Поменяй свое горе – если успеешь в быстро меняющем мире!
Светлана Стругацкая	
ПОДСОЛНУХ.....	292
	Каков был бы подсолнух, закусывая Ван Гог абсент солеными огурцами?
Татьяна Танасийчук	
РАУНД-СУДЬБА.....	293
	Не соблюдать ПДД на перекрестках опасно даже феям – мало ли с кем столкнешься?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Р — значит РЯДОМ

ДМИТРИЙ ВЕРЕСОВ

МОЛОТ ВЕДЬМ

ОРИГИНАЛЬНЫЙ СЦЕНАРИЙ
ДЛЯ СЕРИАЛА «ЗОЛОТОВ ИЗ МОЛОТА»

1. ТИЗЕР. НАТУРА. УТРО. У ДОМА ДЯДИ ТОЛИ.

Золотов, алкаш «дядя Толя», Маргарита Заполошная

Дядя Толя, озираясь, выходит из подъезда. В руках у него — уличная метла, перевязанная синей ленточкой. Стараясь быть незаметным, дядя Толя семенит по двору, выходит на улицу. По улице на своей машине едет участковый Золотов. Приметив дядю Толю, усмехается, пожимает плечами, едет дальше. Дядя Толя приближается к магазинчику. У входа стоит женщина между тридцатью и сорока, одетая и накрашенная по «готической» моде, что с ее полноватой фигурой и простоватым лицом смотрится карикатурно.

Женщина (Заполошная):

Ну... Принес, вижу. Давай сюда.

Дядя Толя протягивает ей метлу. Та пытается ее схватить, но дядя Толя отдергивает руку с метлой.

Дядя Толя:

Деньги вперед, как говорится...

Заполошная:

Держи, синька...

Отсчитывает две сотни, дает Толе, получая взамен метлу.

Дядя Толя:

Прибавить бы ... Новенькая, неиспользованная, товарный вид к тому же.

Показывает на бантик.

Заполошная:

Бабу свою разводить будешь, урод!

Скалится, показывая крупные, острые вампирские клыки. Дядя Толя от страха икает, отпрыгивает на два шага.

Заполошная (*ухмыляясь*):

То-то...

Гордо удаляется с метлой под мышкой.

Дядя Толя (крестится ей вслед):

Свят-свят-свят...

Теребя деньги, шмыгает в магазин.

ЗАСТАВКА. НАЧАЛЬНЫЕ ТИТРЫ

2. ИНТЕРЬЕР. РАЙОТДЕЛ МИЛИЦИИ. КАБИНЕТ ДОСТОЕВСКОГО *Достоевский*

Мы застаем майора за двумя телефонными разговорами одновременно, причем ни один явно не доставляет ему радости. Перед ним — раскрытый блокнот.

ДОСТОЕВСКИЙ (*в стационарный телефон*):

Так, Золотов, повиси минутку. (*Зажимает микрофон ладонью, в мобильный*) Да... Да... Понял... Сделаем... Еще и это? Ну хорошо... На триста, больше не могу, больше просто нет...

Камера заглядывает Достоевскому через плечо. Видна запись в блокноте:

*«17-30 — род. собрание.
Зайти в химчистку.
Картошка, яйца, сметана, хлеб.
Подарок теще — 300 р.»*

И ниже, под чертой:

«Чурилова А.С.»

ДОСТОЕВСКИЙ:

Кто сквалыга? Я сквалыга? Извини, дорогая, но...

Достоевский отнимает руку от микрофона, хватая ручку, перечеркивает цифру 300, рядом выводит 100. Достоевский вздыхает, нервно стучит карандашом по блокноту. Из трубки мобильного слышится раздраженный женский голос:

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС:

...ненавидишь мою мамочку, так и скажи! И всегда ненавидел! А она столько для нас сделала! В конце концов, ты живешь на ее жилплощади...

Достоевский со стоном отключает мобильный. Встает, наливает из графина желтоватую воду в стакан, делает глоток, морщится, выливает стакан в пыльный фикус на подоконнике.

ДОСТОЕВСКИЙ:

Жилплощадь, жилплощадь! Зато я соержу и тебя, и оболтуса, и твою драгоценную мамочку, и...

Мобильный телефон раздражается резким, визгливым звонком.

Достоевский хватается трубку стационарного телефона:

ДОСТОЕВСКИЙ:

Ну ладно, пятьсот, но ни копейкой больше... Что? Ах, это ты, Золотов... Да, сигнал поступил, причем сверху. Недоработываешь ты, Золотов, по заявлениям граждан, понял-нет?.. Да-да, именно, гражданка Чурилова Александра Степановна, проживающая Четвертый Первомайский тупик... Ну и что,

что с девятьсот тридцатого года? Зато, может, Ленина живого видела... Не умничай, Золотов, Дзержинского вполне могла, понял-нет. Короче, бегом, понял-нет. Примешь меры, доложишь...

Кидает трубку на рычаг, утирает лоб, залпом осушает стакан.

Достоевский:

Заколебали, блин... (Снова визжит мобильный, Достоевский в сердцах отключает аппарат). Подождешь!.. (Вздыхает, крутит карандашом у виска). И дома дурдом, и на службе... бабульки с приветом... и со связями...

Рядом с фамилией Чуриловой майор весьма условно рисует череп и кости. Звонит стационарный телефон.

Достоевский (*хватает трубку*):

Я что, непонятно сказал: самостоятельно отработать эту маразматичку, мать твою!.. Ах, прости, дорогая, думал это по службе, а это ты... по служебному... Нет-нет, я вовсе не имел в виду твою маму...

3. ИНТЕРЬЕР. РЭУ. КАБИНЕТ ЗОЛОТОВА.

Золотов. Дворник Салман.

Золотов встает из-за стола, набрасывает на себя китель, висевший на спинке стула. Берет со стола бумажку, проглядывает, кладет в карман. Вздыхает.

Золотов:

Ох, и умеешь ты достать, Достоевский...

Подходит к двери, резко останавливается, идет к окну, закрывает форточку. Обводит помещение внимательным взглядом.

Золотов (*в пространство*):

Брысь! А ну-ка брысь!

Прислушивается. Берет в руки брызгалку для цветов, начинает расхаживать по комнате, брызгая в труднодоступные места. Откуда-то из-под шкафа с шипением вылетает здоровенный черный кот и молнией устремляется в закрытую дверь. Золотов посылает ему вслед усиленную струю.

Золотов (*в коридор*):

Только еще сунься сюда, бандит усатый!

Поднимает голову — и видит укоризненный взгляд дворника Салмана. Тот стряхивает с куртки капельки воды, другой рукой прикрывая усы.

Салман:

Зачем так говоришь, да? Какой бандит? Нест бандит, ман дворник. Паспорт-маспорт имей, регистрация-шмагистрация имей...

Золотов:

Извини, уважаемый, это я тут кота гоняю. Повадился, понимаешь, подлец!

Салман:

Я, мумкин, потом зайду, да?..

Золотов:

А что у тебя стряслось?

Салман:

Метля у меня тряслось, начальник.

Золотов:

Что-что?!

Салман (*волнуясь*):

Ман гуфтам, метля конкретно! Утром кладовка пришел — замок нест, метля нест!

Золотов:

Не понял... А, погоди, метлу у тебя украли?

Салман:

Украли, да, правильно сказал, начальник! Много метля украли! (*Загибает пальцы*): Як, ду, сеи, чор... Двенадцать метля украли, да! Совсем хороший метля! Теперь Салман новый на свои кровные деньга покупай?!

Золотов:

Так... Ты вот что... Ты пока садись, заявление напиши по всей форме, а я вернусь — и займусь твоей кражей. Плотно займусь, обещаю. Найдем злодеев обязательно!

Салман (*сокрушенно*):

Э-э, напиши... Ты когда школа учился — я хлопкА собирал...

Золотов:

Понял. Пошли.

4. ИНТЕРЬЕР. КОРИДОР РЭУ.

Золотов, Салман, паспортистка Лариса.

Золотов в сопровождении Салмана идет по коридору. Останавливается у кабинета паспортистки. Вежливо стучит.

Голос Ларисы (*по телефону*):

А ты?.. А он?.. А ты?.. А он?.. Слушай, это любовь, однозначно...

Золотов усмехается, стучит погромче.

Голос Ларисы:

Я потом перезвоню, ладно... Да-да, войдите!

Завидев на пороге Золотова, Лариса приосанивается, ослепительно улыбается.

Лариса:

Здравствуй... те, Слава!

Золотов:

Здравствуйте, Лариса! Не выручите по дружбе?

Лариса:

По дружбе? Конечно же! А в чем проблема?

Золотов:

Да вот...

Делает шаг в сторону, пропуская вперед Салмана. Улыбка мгновенно сходит с лица Ларисы.

Золотов:

Тут у нас одного товарища обокрали, так вы помогите заявление по форме написать. Я бы и сам, но у меня срочный вызов... За мной не заржавеет!

Лариса *(со вздохом)*:

Эх!.. *(Салману)* Ладно, проходите!

Золотов *(слегка подталкивает Салмана в кабинет)*.

Ну, я пошел...

Лариса:

Иди уж! *(Салману)* Дверь закройте! Фамилия как?

Золотов идет к выходу. Из кабинета Ларисы слышны голоса:

Голос Салмана:

Мое?

Голос Ларисы:

Ну не мое же!

Голос Салмана:

Хиштакисаритануршоев фамилия!

Голос Ларисы:

О, Господи... А по буквам?

5. ИНТЕРЬЕР. ЛЕСТНИЦА В ДОМЕ ЧУРИЛОВОЙ

Золотов. Чурилова.

Золотов выходит из лифта, подходит к одной из дверей на площадке. Заглядывает в бумажку.

Золотов *(читает)*:

Чурилова Александра Сергеевна...

Голос Чуриловой (*из-за двери*):

Ну я Александра Сергеевна, а ты кто будешь, добрый молодец?

Золотов (*опешив от неожиданности*):

Я?.. Я, это...

Голос Чуриловой:

Из ЖЭКа, что ли? Насчет стояка?

Золотов:

Нет... Я вообще-то участковый ваш... По заявлению.

Щелкает замок, дверь чуть приотворяется, но остается закрытой на цепочку. Сквозь щель видны крашенные черные кудряшки, стеклышко очков, крючковатый нос.

Чурилова:

Участковый, говоришь? Удостоверение имеется?

Золотов (*лезет в карман, бормочет*)

Черт, не в том кармане...

Дверь резко распахивается.

Чурилова:

А вот про черта ты это зря — всуе-то. Не буди лиха...

Золотов поднимает голову — и видит перед собой натуральную бабу-ягу, только в пенсне и одетую вполне цивилизованно, и даже с претензиями на элгантность. Старуха окидывает его с головы до ног цепким внимательным взглядом.

Чурилова:

Участковый... Что ж, и на том спасибо... Что скажешь, голубок?

Золотов:

С заявлением приказано разобраться...

Чурилова:

То есть, уломать полоумную пенсионерку забрать свою глупую цидулку и не беспокоить органы по пустякам?

Золотов:

Не то, чтобы уломать... Велено проявить деликатность...

Чурилова:

Ага, деликатность, значит... Может, все-таки не забыли...

Золотов:

Простите — что не забыли?

Чурилова:

Что эта пенсионерка без малого сорок лет оттрубила в главке ведущим экспертом особого назначения, и многие генералы нынешние за честь почитали... Ладно, не топчись тут, проходи. Кофейку попьем, побеседуем.

6. ИНТЕРЬЕР. КУХНЯ ЧУРИЛОВОЙ.

Чистенькая, современная кухня, примечательная разве что обилием антикварной утвари — ступки, котелки, разнообразные сосуды. Золотов с интересом рассматривает кухню.

Чурилова:

Присаживайтесь, молодой человек, я же пока кофейком займусь.

Чурилова засыпает в старинную кофемолку кофе из антикварной банки, крутит ручку.

Золотов:

Александра Сергеевна, извините за любопытство, но человек вашего ранга — и в таком непрестижном райончике...

Чурилова:

Интриги, молодой человек, козни завистников, неблагодарность родни... Во все времена и повсюду есть свои Геккерны и свои Дантесы...

Золотов (*задумчиво*):

Геккерны, Дантесы... А эти-то тут при чем?

Чурилова:

А вы что, молодой человек, не видите фамильного сходства?

Поворачивается в профиль, становится на фоне окна, снимает очки.

Золотов (*чуть наигрывая*):

Быть не может! Вы — родственница самого Пушкина?!

Чурилова:

Как минимум — духовная! До первого замужества я была — Лягушкина! Александра Сергеевна Лягушкина... Теперь вы понимаете, что все, так или иначе связанное с солнышком нашей поэзии, не может оставить меня равнодушной!

Золотов:

Простите, не понял... Как ваше заявление о ночных явлениях демона связано с?..

Чурилова:

Вот, извольте взглянуть...

Берет с полки карандашный рисунок, кладет перед Золотовым. На рисунке изображена чуть сутулая мужская фигура в цилиндре и длинном плаще-крылатке, идущая по крыше между трубой и слуховым окошком. Удивительное сходство с автопортретными набросками Пушкина.

Золотов:

Действительно очень похоже...

Чурилова:

Да! Только мой великий предок не позволил бы своему призраку разгуливать по крышам. Да еще и с физиономией, мерцающей кладбищенской гнилью!

Золотов:

Да... И когда, вы говорите, он появляется, этот самый призрак?

Чурилова:

В ночь с пятницы на субботу, ровно в четверть третьего. Так было оба раза, я засекала. Убеждена — так будет и сегодня.

Золотов смотрит на кухонные часы «с кукушкой». На них — без пяти час.

Золотов:

А ходики у вас точные?

Чурилова:

Я каждый вечер проверяю их по программе «Время».

Золотов задумчиво вертит рисунок.

Золотов:

Ночь на субботу, цилиндр, кладбищенская гниль...

Чурилова:

А, понимаю ваш ход мысли, юноша. Думаете, появление призрака как-то связано с культом Вуду? Барон Суббота и все такое?

Пересыпает кофе из кофемолки в медную турку. Достает с полки причудливой формы баночку, открывает. Принюхивается.

Золотов (*размышляя*):

С другой стороны, он гуляет по крыше, а не по кладбищу...

Чурилова:

А вот мы сейчас грибочков добавим...

Золотов (*настороженно*):

Каких еще грибочков?

Чурилова вопросительно смотрит на него.

Золотов:

Ну, от которых у Санта-Клауса олени летают. Таких не надо, мне еще работать.

Чурилова (*хрипло смеется*):

Нет, это другие грибочки (*высыпает щепоточку серого порошка в турку*). В тибетском трактате «Чжуд-Ши» сказано: «Толченый императорский гриб в умеренных количествах придает телу бодрость, уму — ясность, духу — чистоту». Думаю, все это будет для вас нелишним этой ночью... Да, а дом — отнюдь

не общежитие. Более того, самый престижный дом в нашем, как вы выразились, «непрестижном райончике». Был еще до революции выстроен для заводского начальства... Только вот слава у этого дома нехорошая...

Шипят ходики. Золотов смотрит на циферблат. Ровно час. Открывается дверца. Вместо кукушки вылетает на шарнирах небольшой нетопырь, трещит крыльями, скрывается.

Чурилова:

А вот и кофе.

9. ИНТЕРЬЕР. ДОМ ЗОЛОВОТА. ЛЕСТНИЦА.

Золотов.

Золотов поднимается по лестнице, продолжая разговор с Солнцевым:

Золотов (*в трубку*):

Чего спишь-то? А, после суточного... Где-где? В детприемнике? Чего? «Мастера и Маргариту» малолеткам читал? думал, хоть вас, оперов, от этого маразма избавили... А то! В колледже выступал, в двух школах, ладно хоть не в детском садике... Месячник, блин, профилактики! В общем, ты, как там отстреляешься, заруливай ко мне, в ночное сходим... Нет, я не в том смысле, просто тут дельце одно мутное нарисовалось, нужна помощь... Само собой, лады!

В процессе разговора Золотов дошел до своей двери, нашарил в кармане ключ, вставил в скважину. Спрятал телефон — и наступившую тишину прорезал оглушительный кошачий мяв. Золотов прислушивается: мяукают за его дверью.

Золотов (*в сердцах*):

В дом уже забрался! Ну я тебя, марамою хвостатый!..

10. ИНТЕРЬЕР. КВАРТИРА ЗОЛОВОТА, ПРИХОЖАЯ.

Золотов.

Золотов крадучись и держась за кобуру входит в прихожую. Озирается. Звук идет из комнаты.

Голос кота:

Мяу! Мя-я-у!!! Кар-ряу!!!

Золотов выхватывает «макарова», врывается в комнату.

11. ИНТЕРЬЕР. КВАРТИРА ЗОЛОВОТА. КОМНАТА.

Золотов. Попугай.

Золотов (*поводя пистолетом*):

Стоять, падла! Руки в гору!

Попугай:

Мусор-ра! Мусор-ра! Полундра! Свор-рачивай майданчик!

Золотов диким взглядом обводит комнату. Комната в состоянии погрома средней тяжести: разбита хозяйская вазочка, попугайская клетка валяется на полу среди разбросанных и частично порванных бумаг. Окно раскрыто настежь. На подоконнике — перья попугая и клочки кошачьей шерсти. Сам попугай сидит высоко на карнизе, потрепанный, но гордый.

Золотов (*строго*):

Где кот?!

Попугай:

Хр-рен тебе, ментяра! Мя-а-ау!!

Золотов (*наводя ствол на попугая*):

Подельником пойдешь, урло позорное!

Попугай:

Гоша хо-роший...

Золотов (*поднимая клетку*):

Пой, ласточка... На кичу шагом марш!

12. НАТУРА. У ВХОДА НА КЛАДБИЩЕ.

Дядя Толя. Нищий. Сыч и Бамбула.

У кладбищенских ворот сидит на ящике нищий, весь в черном и в темных очках, похожий на кота Базилио. Мимо неверным шагом проходит дядя Толя.

«Базилио» (*заунывно*):

Подайте убогому на пропитание... (*Смотрит поверх очков*).

А, это ты, Толян? Здорово! Каким ветром в наши палестины?

Дядя Толя:

Да так... Мне бы к батюшке...

Базилио:

К которому?

Дядя Толя:

Да который есть.

Базилио:

А никоторого нет. Короткий день у них сегодня. По случаю праздника... Да ты садись, остаканемся маленько...

Достает из-под ящика бутылку, заткнутую газетой.

Дядя Толя (*неуверенно*):

Да я сегодня как-то не того...

К воротам подкатывает сверкающий «БМВ». Из машины синхронно выходят Сыч и Бамбула. Нищий приподнимается навстречу уважаемым гостям. Кланяется.

Базилио:

Пал Иванычу! Какие люди! Душевно рады, как говорится...

Сыч:

Здоров, Базилио. Темнила в яме? Директор, в смысле, у себя?

Базилио:

Так точно, Пал Иваныч!

Сыч:

За лайбой последишь?

Базилио:

А как же, Пал Иваныч...

Сыч кидает Базилио сотку и идет, сопровождаемый Бамбулой, вглубь кладбища.

Базилио (*пряча денежку за пазуху*):

Видишь, Толян, какой денек урожайный. Недаром наемни какашки снились...

13. ИНТЕРЬЕР. КОМНАТА ЗОЛОТОВА.

Золотов, попугай.

Попугай сидит в клетке и с удовольствием клюет зернышки. Золотов высыпает последний совок с мусором в ведро, разгибается.

Золотов:

Ну все, теперь — полчаса полного покоя... (*Слышит телефонный звонок, раздраженно*): Ну, кто еще там? (*Берет трубку*)
Золотов слушает!

Голос сестренки Риты:

Привет, Золотов!

Золотов:

Ну, здорово. Чего надо?

Голос Риты:

А чего так грубо?

Золотов:

Устал, извини. Давай по-быстрому.

Голос Риты:

Ну, если по-быстрому, то надо две тыщи.

Золотов:

Однако, два двадцать пять за котлеты! Надеюсь, не долларов?

Голос Риты:

Не отказалась бы, но возьму рублями. Очень срочно.

Золотов:

А зачем, позволь узнать?

Голос Риты:

На вино и на баб! Ладно, шучу, со стоматологом расплатиться.

Золотов:

Ладно, если не врешь, заскакивай, выручу. Я дома еще часа три, потом — работа.

Голос Риты:

Нет, сейчас не получится. Давай завтра, с утра.

Золотов:

Ладно, созвонимся. Предки как?

Голос Риты:

Норм. Ну все, аста ля виста, бэби.

Кладет трубку.

Золотов:

Завтра — так завтра... А теперь — в койку.

Падает на диван.

14. ИНТЕРЬЕР. КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА КЛАДБИЩА.

Директор кладбища Землица, отец Иннокентий, отец Борис. Сыч и Бамбула.

Землица и отец Борис устраивают старенького отца Иннокентия на диванчике.

Землица:

Вот так, батюшка, вот так. Так вам удобно будет, полежите, отдохните... *(Борису)*: Надо бы такси вызвать...

Отец Борис *(тихо, Землице)*:

Рано. Наш отец Иннокентий — боец закаленный, отлежится полчасика — потом еще нас с тобой перепьет.

Отец Иннокентий:

Ибо чадолюбие, дети мои...

Мгновенно засыпает. Отец Борис и Землица возвращаются к столу, накрытому дорого, но из покупного: всякие нарезки, салаты в коробках, икра в банках. Доминирует спиртное: водка, коньяк, виски. Землица наливает себе и священнику.

Землица:

Так, ножки обмыли, ручки обмыли, головку...

Борис:

За сердце давай, оно есть средоточие...

Его прерывает скрип двери и появление на пороге Сыча и Бамбулы.

Сыч:

Здоров, Землица. О, святой отец, и вам здрасьте. По какому поводу гуляем?

Землица:

У отца Иннокентия *(показывает на спящего)* внучок родился, третий. Утром из Саратова телеграмму получили.

Сыч:

Внучок — это хорошо... А тебе, Землица, Валерий Владимирович привет передает и интересуется — как живется, как работается, какие проблемы?

Землица:

Спасибо, живется-работается хорошо, проблем никаких... Может, к столу?

Сыч оглядывает стол, остается увиденным доволен.

Сыч:

Что ж, можно и к столу... Только сначала скажи мне, Землица, Валерию Владимировичу что передать?

Землица:

Ну это... горячий привет, пожелания крепкого здоровья и успехов в труде, а также искреннюю благодарность за заботу...

Сыч *(угрожающе)*:

И все, что ли? Не понял!

Землица *(стучит себя по лбу)*:

А да, конечно, извините, выпил, не сразу сообразил... *(Суетливо лезет в тумбочку, достает толстый конверт, вручает Сычу)*. Вот, тут как договаривались...

Сыч:

Угу. *(Отвернувшись от отца Бориса, пересчитывает деньги, передает конверт Бамбуле)* Вот теперь можешь наливать. Мне вискаря.

Землица *(Бамбуле)*:

А вам?

Сыч:

А он за рулем. *(Бамбуле)* Значит, бабло отвезешь Бубну, за мной заедешь... *(окидывает взглядом стол)* заедешь часика через два... Да и вот...

Кидает в коробку с салатом несколько кусков колбасы, протягивает Бамбуле, потом вручает нераспечатанную бутылку коньяка.

Сыч:

Поешь там где-нибудь, а бухнешь дома. Понял? Иди. *(Бамбула выходит)*. Ну чо, ребята, за внучка!

15. ИНТЕРЬЕР. ПРОХОДНАЯ ОБЩЕЖИТИЯ ИМЕНИ ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ. *Климент Ефремович, Жанна-Жанетта, прочие обитательницы общежития.*

За стеклянной перегородкой, в каморке вахтера, тихо дремлет Климент Ефремович. Перед ним на столе — недопитый чай в стакане с подстаканником, раскрытая книга обложкой вверх. Перед каморкой на цыпочках появляется Жанна. Она облачена в черный балахон и черный колпак, с шеи свисают несколько ниток крупных бус, лицо размалявано черным и красным, в руке — метла.

Жанна *(шепотом)*:

Климент Ефремович...

Климент в ответ лишь похрапывает.

Жанна *(чуть громче)*:

Климент Ефремович!

Климент *(бормочет во сне)*:

Не положено... Согласно инструкции Совета народных комиссаров от ноль второго ноль пятого...

Жанна *(поворачивается к лестнице)*:

Девки, дрыхнет! Вперед!

Мимо вахтерской будки почти беззвучно проносятся черные женские фигуры в колпаках и при метлах.

16. НАТУРА. УЛИЦА ВОЗЛЕ КЛАДБИЩА. НОЧЬ. *Фонарь, Лимон.*

Фонарь *(в мобильный)*:

Ну, супер! Поцелуки-поцелуки! Уже летим *(Лимону)*. Ну все! Верунчик ждет, и подружка при ней, прикинь!

Лимон:

Ну и чо стоим? Кого ждем? Я тачку ловлю!

Выходит на проезжую часть пустынной улицы.

Фонарь:

Фигли тачку? Тут напрямую — пятьсот метров, не больше.

Лимон:

Через кладбище, что ли?

Фонарь:

А чо, стремно?

Лимон:

Не, ну... нам же еще бухлом затариться надо, и закусью. К де-
вушкам пустыми являться — некруто!

Фонарь:

Так у Верунчика и затаримся, у нее внизу круглосуточный.

Лимон:

А если там «Клинского» не завезли?

Фонарь:

Ха, очкуешь, Желтый?

Лимон:

Кто, я?! Да сам ты, блин, трусовость позорный!.. Ладно, погнали!

Рысью мчатся к кладбищу.

17. НАТУРА. КЛАДБИЩЕ. ПОЛЯНКА. НОЧЬ.

Заполошная, двенадцать «ведьм» из общаги. Кот.

На пространстве, относительно свободном от могил, горит костер. Вокруг костра стоят двенадцать «ведьм», облаченных в черные тряпки всех мыслимых фасонов. На головах — черные колпаки, мешки, шляпки. У каждой в руке — метла. На размалеванных лицах сверкают шальные глаза. На небольшом возвышении стоит Маргарита Заполошная. Ее ведьминский наряд исполнен куда более профессионально — и вполне тянет на карнавальный костюм. Голову украшает немислимый тройной колпак, фосфоресцирующий в сумраке летней ночи. Перед ней — поставленный «на попа» черный ящик, на нем — корзина, прикрытая черной тканью. «Ведьмы» пускают по кругу (против солнца) плетеную бутыл, каждая делает по три глотка. Последняя с поклоном передает бутыл Заполошной. Та окидывает свой «шабаш» властным взором.

Заполошная:

Все пили?

Первая ведьма:

Все, матушка...

Заполошная:

Теперь возжигайте факела!

Одна из ведьм обходит круг, раздавая собравшимся палки, обмотанные паклей. По отмашке Заполошной «ведьмы» дружно опускают палки в костер, поднимают. В этой позе они кажутся копиями статуи Свободы.

Заполошная:

Теперь гимн! Слова выучили?

Ведьмы дружно кивают.

Заполошная (*поет гнусаво и немзыкально*):

Кумара них-них запалам,

Бада эшхоно, лаваса, шиббода кумара.

Взмахивает рукой, как капельмейстер. Ведьмы подхватывают.
Ведьмы (*хором*):

А-а-а!

О-о-о!

И-и-и!

Заполошная:

Ла-ла, соб, ли-ли.

Соб, лу-лу, соб, жун-жан...

Ведьмы (*хором*):

Э-э-э!

У-у-у!

Ы-ы-ы!

Заполошная резко опускает руки. Ведьмы замолкают.

Заполошная:

Теперь, сестры, воззовем к возлюбленному отцу нашему и повелителю!... Приди, мессир!

Ведьмы (*хором*):

Приди, мессир!

Заполошная:

Приди, мессир!

Ведьмы (*хором*):

Приди, мессир!

Заполошная:

Приди, мессир!!!

Ведьмы (*хором*):

Приди, мессир!!!

Заполошная сдергивает тряпку с корзины и извлекает оттуда того самого кота, что так досаждал Золотову. Кот с ленивым любопытством оглядывает собрание.

Первая ведьма:

Ой, киса...

Вторая:

Лапушка... Кис-кис-кис...

Третья:

А обещали, что козел будет. Черный.

Четвертая:

Ага! Где козел?

Заполошная (*властно*):

Тихо, бабы!.. Где ж я вам козла найду... в хорошем смысле слова... Так, замолчали все! Построились!

Ведьмы замолкают, выравнивают круг.

Заполошная:

Значит, так! Теперь все по очереди подходят к мессиру и целуют... в морду!

Первая ведьма:

Вот еще! А вдруг блохастый?

Вторая:

Заглохни, Тонька, делай, что матушка велит...

Третья:

Хорошо еще, что не в зад...

Начинают медленно подходить к коту.

Заполошная:

О, мессир, в эту великую ночь дозволь нам, служанкам и рабыням твоим...

Первая ведьма склоняется над котом. Раздается шипение, визг. Кот соскакивает с рук Заполошной и удирает во тьму.

Первая ведьма:

Ох, гад! Как цапнул!

Вторая:

Утек, сволочь!

Третья, за ней остальные:

Держи мессира! Лови мессира! Киса, киса...

Заполошная:

Спокойно, сестры! Трое налево, трое направо, остальные — за ним!... И без мессира не возвращайтесь!

Ведьмы с метлами и факелами разбегаются в разные стороны.

18. НАТУРА. КЛАДБИЩЕ. НОЧЬ. БОБСЛЕЙ.

По тропке между могилами мчится кот. Группа ведьм ломится через кустарник. Вторая группа с гиканьем пронесится мимо церкви. У ворот кладбища из подъехавшей БМВ выходит Бамбула. Из кладбищенской

конторы, пошатываясь, выходит Сыч. Слышит шум и визг, видит сполохи факелов, недоуменно протирает глаза. По дорожке быстрым шагом идут Фонарь и Лимон. Им наперерез проносится черная фигура с метлой и факелом. Они резко останавливаются.

Фонарь:

Что за?!..

19. НАТУРА. КЛАДБИЩЕ. ПОЛЯНКА. НОЧЬ.

Заполошная.

На перевернутом ящике, с корзинкой в руках сидит Заполошная. Слышен шум, визги, крики. Внезапно к женским крикам добавляются мужские. Голоса ведьм, Сыча, Лимона.

Голоса:

Ой, бабоньки!.. Эй, куда поперла?!.. Ну, сука, погоди!.. Урою, стерва!

Заполошная:

Эх, ну все у нас через задницу... *(Встает)*. Ладно, будем считать, мероприятие состоялось, пора рвать когти... *(Томно)* Я иду, мессир...

Крупным планом ее лицо в отблесках костра. Накрашенный рот расплывается в улыбке. Видны вампирские клыки.

20. ИНТЕРЬЕР. КУХНЯ ЧУРИЛОВОЙ. НОЧЬ.

Золотов, Солнцев, Чурилова.

Все трое сидят в темной кухне, придвинувшись к окну. Золотов смотрит в бинокль на противоположную крышу.

Солнцев *(нетерпеливо)*:

Ну, что там?

Золотов

Пусто...

Солнцев:

Может, он не придет сегодня. Отгул взял.

Чурилова *(убежденно)*:

Придет... Поймайте его, ребята, заклинаю вас памятью моего великого предка...

21. ИНТЕРЬЕР. ЧЕРДАК. НОЧЬ

В чердачном полумраке — где-то сзади тускло светит лампочка — перемещается черная тень. Шаг, еще шаг. Впереди — проем открытого окошка, под окошком приставлена стремянка. Тень приближается к окну. Тихая, но жуткая музыка.

22. ИНТЕРЬЕР. КУХНЯ ЧУРИЛОВОЙ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭП. 20
Золотов (*смотрит в бинокль*):

Есть! Вижу цель!

Солнцев:

Где?!

Вырывает у Золотова бинокль, всматривается.

23. НАТУРА. КРЫША. НОЧЬ.

Взгляд Солнцева блуждает по крыше. Сначала ничего — только полная луна (*или неяркая заря белой ночи — в зависимости от периода съемок*) отражается в кровле. Потом в поле зрения попадает движущаяся фигура. Выразительный силуэт — в цилиндре, в старинном плаще, от неразличимой отсюда физиономии исходит жуткое зеленоватое сияние. Фигура движется крадучись, осторожно.

24. ИНТЕРЬЕР. КУХНЯ ЧУРИЛОВОЙ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭП. 22

Золотов уже у дверей кухни, командует:

Золотов:

Погнали! Засаекаем маршрут и преследуем!

Призрак исчезает в чердачном окошке. Солнцев бросает бинокль и выбегает вслед за другом.

25. НАТУРА. ДВОР. НОЧЬ.

Золотов, Солнцев

Солнцев, тяжело дыша, выбегает во двор. Озирается.

Солнцев:

Слава! Ты где!

В ответ слышит сдавленное шипение:

Золотов:

Тихо, спугнешь... Сюда давай.

Солнцев бежит на шепот и видит, как у стены дома подпрыгивает Золотов, пытаясь дотянуться до нижней ступеньки пожарной лестницы.

Золотов:

Подсади!

Солнцев подсаживает Золотова, сам подтягивается следом. Друзья шустро карабкаются по лестнице на крышу.

26. НАТУРА. КРЫША. НОЧЬ.

Золотов, Солнцев

Золотов и Солнцев бегут по крыше, повторяя маршрут призрака. Золотов приостанавливается, оборачивается.

Золотов:

Куда?!

Солнцев:

Туда...

Показывает на окошко, куда исчез призрак. Друзья подбегают к окошку, заглядывают.

Золотов:

Темно...

Достает из-за пояса фонарик. Такой же фонарик извлекает из-за пазухи Солнцев.

Золотов:

Вперед...

Первым залезает в чердачное окно.

27. ИНТЕРЬЕР. ЧЕРДАК. НОЧЬ.

Золотов, Солнцев.

Друзья блуждают по чердаку. Лучи их фонариков выхватывают всякую всячину. Старую мебель, корзинки, пыльные стопки журналов. Остов стиральной машины.

Золотов:

Черт! Другого выхода нет... Куда он мог подеваться?

Солнцев:

Вниз, только вниз... Ищи люк в полу, должен быть...

На одной полке — стеклянные банки с огурцами и прочими заготовками. На беглый взгляд — вполне годными к употреблению.

Солнцев (*шепотом*):

А чердачок-то, похоже, хозяйский... Нашел?

Голос Золотова:

Ни фиги...

Солнцев устало приваливается к полке — и чуть не падает в темноту, открывшуюся за отъехавшим куском стены. Обретя равновесие, освещает открывшееся пространство. Нечто вроде бункера. Вниз ведет узкая винтовая лесенка, упирающаяся в черную дверь.

28. ИНТЕРЬЕР. КВАРТИРА ЗАПОЛОШНОЙ. КУХНЯ. НОЧЬ.

Золотов, Солнцев

Длинная, кривоватая кухня, каких много в старых домах, в свете луны (или качающегося за окном фонаря) выглядит очень мрачно. Какие-то блики пробегают по стеклянным и металлическим поверхностям, шорох мышей и тараканов, скрипы, приглушенное уханье. Слабое эхо

«готической» музыки. Короче, полная жуть. Медленно и бесшумно приотворяется черная дверь в углу. В расширяющуюся щель выглядывают, одно над другим, два серьезных лица — Солнцев и Золотов. Тихо, осторожно входят, осматриваются, на цыпочках, кое-где ощупью перемещаются по кухне. Оказываются возле двери в коридор. Из-под нее пробивается слабый мерцающий свет. «Готическая» музыка слышна отчетливее, к ней добавляется журчание неразборчивого разговора. Осторожно открывают дверь, морщась на ее скрип.

29. ИНТЕРЬЕР. КВАРТИРА ЗАПОЛОШНОЙ. КОРИДОР.

Золотов, Солнцев

Солнцев и Золотов оказываются в коридоре, столь же длинном и мрачном, как кухня. Коридор похож на пещеру из фильма ужасов. С потемневших сводов высоченных потолков свисает паутина. Всякий хлам и скарб, которым забит коридор, выглядит таинственно и зловеще. Коридор освещается светом, льющимся из фрамуги над дверью в комнату. Музыка и тихий разговор тоже доносятся оттуда. Золотов прикидывает к двери, пытается услышать хоть что-нибудь. Солнцев присоединяется.

Вкрадчивый мужской голос (Гнубкин):

Никогда и ничего не просите. Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас...

Солнцев (*шепотом*):

Вот шпарит, гад! Прямо Воланд какой-то...

Золотов (*шепотом*):

Т-с-с! Спугнешь...

Женский голос (Заполошная):

Но, мессир, я жажду, я изнемогаю...

Золотов (*шепотом*):

Подсади, а?

Солнцев покорно подставляет приятелю спину. Золотов забирается на плечи Солнцеву. Голова его как раз вровень с фрамугой. Теперь ему видно то, что происходит в комнате. Зато ничего не слышно, кроме музыки.

30. ИНТЕРЬЕР. КОМНАТА ЗАПОЛОШНОЙ.

Заполошная, Гнубкин

Глазам Золотова открывается следующая картина: В комнате, украшенной всяческими атрибутами сатанизма — перевернутыми распятиями, черепами, плетками и т.п. — на черном кожаном диване развалился натуральный демон, весь в черном, в соответствующих «феньках», рожа дико размалевана светящимися красками. Перед ним в откровенно эротическом танце извивается довольно полная «готическая» дамочка. Она с головы до ног в черном. Черные волосы всклокочены, на лице макияж

в стиле «мертвец второй свежести». На столе черные свечи, бокалы с густо-красной жидкостью.

Демон поднимается, обнимает дамочку, говорит что-то с сардонической усмешкой, дамочка радостно кивает. Демон достает какую-то бумагу, показывает даме, та наклоняет голову, прикладывает губами к руке демона, он в свою очередь берет ее руку, поднимает ладонью вверх, долго смотрит. Неожиданно взмахивает рукой, в ней блестит металлическое лезвие. Золотов невольно вскрикивает.

31. ИНТЕРЬЕР. КВАРТИРА ЗАПОЛОШНОЙ. КОРИДОР. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭП. 29

Солнцев вздрагивает от неожиданности, Золотов кубарем летит с его плеч. Солнцев теряет равновесие и тоже падает. Грохот, тарарам.

32. ИНТЕРЬЕР. КОМНАТА ЗАПОЛОШНОЙ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭП. 30

Демон замирает со вскинутым кинжалом причудливой формы. Готическая дама истошно визжит. Демон бросается к дверям, распахивает.

33. ИНТЕРЬЕР. КВАРТИРА . КОРИДОР. *Золотов, Солнцев, Гнюбкин. Заполошная.*

На полу барахтается Солнцев, придавленный упавшей тумбочкой. Золотов успел сгруппироваться и вскочить на ноги. Он видит демона с ножом, кричит:

Золотов:

Стоять! Ни с места! Милиция! Брось нож!

Демон роняет нож, перепрыгивает через распростертого Солнцева, бежит к входным дверям. Золотов преследует его. Хлопает дверь, бухают шаги на лестнице. Солнцев выбирается из-под тумбочки, поднимается, намереваясь бежать на помощь другу. Из комнаты на него с визгом бросается остервеневшая Заполошная. Длинные коготки, покрытые черным лаком, нацелены ему в лицо. Веня перехватывает ее руку, не удерживается на ногах, падает, увлекая за собой Заполошную.

34. ИНТЕРЬЕР. КОМНАТА ЗАПОЛОШНОЙ. *Солнцев, Заполошная*

Они катаются по полу, закатываются в комнату, пыхтя, борются «в партере». Рядом с ними на пол планирует листок бумаги — тот самый, который демон предъявлял хозяйке. На старинном, похожем на пергамент листе красиво и крупно выведено:

«Я, Маргарита, настоящим передаю бессмертную душу свою в полное владение моему повелителю мессире Воланду, за что принимаю в награду вечное адское блаженство».

Внизу листа черточкой отмечено место для подписи, а под ним, в скобках: *«Подписано кровью»*.

С лестницы доносится душераздирающий вопль поверженного демона.

35. ИНТЕРЬЕР. РАЙОТДЕЛ МИЛИЦИИ. ХОЛЛ, КАМОРКА ДЕЖУРНОГО.
Золотов, Солнцев, дежурный лейтенант.

В отделение входят Солнцев и Золотов. Вид у них помятый и взъерошенный. Золотов машет рукой дежурному.

Золотов:

Миша, здорово! Надо срочно случай зафиксировать...

Дежурный (*перебивая*):

А, Золотов! Тебя-то мне и надо, я уже звонить собирался, будить!

Золотов:

По поводу?..

Дежурный:

Экссесс на твоей земле, вот что.

Золотов:

Какой еще экссесс?

Дежурный:

Паранормальный, едрит... И потусторонний!

Солнцев:

Что, уже насчет демона звонили?! Ни хрена оперативность!

Дежурный:

Какой, к чертям, демон! Тут цельный шабаш! Разгул нечистой силы! Ночь на Лысой горе, блин!

Золотов:

Так, рассказывай!

Дежурный (*встает*):

Я уж лучше покажу.

Открывает дверь в помещение дежурной части. Пропускает внутрь Золотова и Солнцева. С ухмылкой запирает за ними дверь.

36. ИНТЕРЬЕР. РАЙОТДЕЛ. ПОМЕЩЕНИЕ ДЕЖУРНОЙ ЧАСТИ.
Дядя Толя, Сыч, Бамбула, Фонарь, Лимон. Золотов, Солнцев.
«Ведьма» Жанна. Заспанный сержант.

В помещении дежурной части вдоль стены безучастно сидят дядя Толя, Сыч, Бамбула, Фонарь, Лимон. Все они со следами травм: дядя Толя держится за окровавленное ухо, у Сыча перевязана ладонь, у Фонаря, как положено, фонарь под глазом, у Лимона расцарапано лицо, у Бамбулы физиономия в нескольких местах заклеена пластырем. За столом дремлет

сержант. Поперек стола лежит дворницкая метла
В «обезьяннике», отгороженном от остального помещения толстой решеткой, неподвижно сидит Жанна в грязном и мятом облачении ведьмы. Она пребывает в прострации, остекленевшие глаза устремлены в никуда.

Золотов (присвистнув):

Знакомые все лица!.. (*Сержанту*) И кто это у нас?

Сержант (*не просыпаясь*):

Потерпевшие...

Золотов (*показывая на Жанну*):

А это, надо понимать, подозреваемая?

Сержант кивает. Золотов показывает на метлу.

Золотов:

А это не иначе, как орудие преступления?

Сержант (*не открывая глаз*):

Орудие, орудие...

Золотов (*Жанне*):

Эк же тебя сподобило...

Жанна (*со страстью*):

Инквизиторы! Сатрапы! Дипломированные лакеи поповщины!

Солнцев:

Видал, как прет девку, а!

Жанна:

Пепел Жанны д'Арк стучит в мое сердце...

Вновь впадает в ступор.

Золотов:

Так, ладно, будет разбираться по порядку. Начнем с потерпевших. (*Сержанту*) Ключики от дознавательской дай-ка. (*Солнцеву*) Пособишь?

Солнцев (*со вздохом*):

Придется...

Сержант, не просыпаясь, достает из стола ключи и замирает, держа их на весу.

Золотов (*забирая ключи*):

Ну что, граждане терпилы, прошу за мной.

37. ИНТЕРЬЕР. РАЙОТДЕЛ. КОМНАТА ДОЗНАВАТЕЛЕЙ.

Золотов, Фонарь, Лимон

Золотов сидит за столом, составляет протокол. Напротив — Фонарь и Лимон.

Золотов:

А туда зачем поперлись?

Фонарь:

Ну, это... типа на свиданку спешили...

Золотов:

Типа фишка такая? Свидание среди могил?

Фонарь:

Да не... мы это...

Лимон:

Короче, мы с Верунчиком забились, а этот чмырь предложил напрямки рвануть...

Фонарь:

За чмыря ответишь, лох чилийский! *(Замахивается)*

Лимон:

А чего он?.. В общем, идем тихо, никого не трогаем, а тут сверху на меня — котяра, огромный, и сразу — когтями. Все лицо расцарапал, а мне, между прочим, лицом работать...

Золотов:

Котяра, говоришь? Так и запишем... *(Фонарю)* А тебе кто бланш навесил? Тоже котяра?

Фонарь:

Не, ну... Козлина этот *(показывает на Лимона)* на меня завалился, а я — об дерево, хрясь!

Золотов:

Понятно. А эта, которая внизу, с метлой?

Лимон:

Да их там много было, с метлами. И с файерами. Метались, орали...

Фонарь:

Кино про немцев!

38. ИНТЕРЬЕР. РАЙОТДЕЛ. КОМНАТА ДОЗНАВАТЕЛЕЙ.

Солнцев, Сыч, Бамбула.

В другом углу Солнцев снимает показания с Сыча

Солнцев:

Значит, приехали поздравить священника Иннокентия Петровича Знаменского с рождением внука? Так и запишем...

Сыч:

Пиши-пиши... Мы со святыми отцами давно корешимся, вот те крест...

Задирает майку. На груди — татуировка церкви с двумя маковками, поверх нее — массивный золотой крест на цепочке.

Солнцев:

Понятно... Ну, а руку при каких обстоятельствах повредили?

Сыч:

Сидим, значит, празднуем, а тут за окном кипиш какой-то, движуха нехорошая — вопли, огоньки мелькают, бабы с метлами... Ну, вышли разобраться, прихватили одну, а она Бамбулу — метлой в хлебало, меня — по руке деревяшкой. Как битой, прикинь...

Солнцев:

Это та, которая внизу?

Сыч:

А хрен поймешь, их там штук полста было. Эту мы уже потом повязали...

Солнцев:

Угу... Заявление писать будем?

Сыч:

Это юмор такой, да? Сами разберемся, сами накажем...

Солнцев:

Без рукоприкладства, предупреждаю.

Сыч (*усмехаясь*):

Какое рукоприкладство, начальник, мы ж не звери... Отработают по специальности.

39. ИНТЕРЬЕР. РАЙОТДЕЛ. КОМНАТА ДОЗНАВАТЕЛЕЙ.

Золотов, дядя Толя

Золотов:

А тебя, голубь шизокрылый, за каким лешим на погост занесло?

Дядя Толя:

Ой-й... (*Покачивается, взявшись за голову*). Да я к батюшке шел, а там Базилио, ну, попрошайка кладбищенский. Мы с ним тяпнули, я и отрубился... А очнулся, когда наступили мне прямо на ухо... Кто — не знаю.

Золотов:

А к батюшке зачем шел?

Дядя Толя:

А думал, подскажет что — от сглаза.

Золотов:

А тебя, выходит, сглазили? Кто, не знаешь?

Дядя Толя:

Как не знать? Ведьма, прости господи, упыриха. Зубищи — во!

Золотов:

Где? Когда?

Дядя Толя:

Да утречком еще, возле углового...

Золотов:

И за что ж это она тебя, бедолагу?

Дядя Толя:

А ни за что, печенкой клянусь! Я ей, честь-честью, метлу при-
таранил, как договаривались...

Золотов:

Ну, видел я тебя с той метлой. Это из тех, что у Салмана-двор-
ника спер?

Дядя Толя:

Да побойся Бога, гражданин начальник? Какого еще Салмана?
Свою отдал, кровную-единоутробную. На лоджии пылилась
с тех самых пор, как меня, стало быть, в прошлом годе из озе-
ленителей турнули...

Золотов:

К делу ближе давай...

Дядя Толя:

Я, значит, выхожу утречком, трубы горят, в доме ни копыя,
баба моя, стервь, с позавчера к сестре уехавши. Иду к лабазу,
думаю, встречу кого или так настреляю... на лечение. А там
эта... Мадам, говорю, ссудите страдальцу... А она — за так
не подам, а вот принесешь метлу садовую — посодействую.
Ну, я быстренько смекнул, домой мухой...

Золотов:

Понятно. Ведьму опиши. Уж не та, что внизу, в дежурке про-
хлаждается?

Дядя Толя (*убежденно*):

Не, точно не она. У этой зубы обыкновенные, и метла при ней
не моя... А та, утрешняя... Б-р-р! Одета в черную кожу с за-
клепками, патлы черные, рожа бледная, как у трупа, а глав-
ное — клычищи!..

Задумчивое лицо Золотова.

40. ИНТЕРЬЕР. РАЙОТДЕЛ. КОМНАТА ДОЗНАВАТЕЛЕЙ.

Золотов, Солнцев, Жанна.

Теперь Золотов с Солнцевым сидят рядом, напротив — поникшая Жанна.

Золотов (*строго*):

Громче! Фамилия?

Жанна:

Даркина. Жанна Даркина.

Солнцев:

Историческая личность!.. Так это ты, Жанна Даркина, всю эту пердимонюкль на кладбище замутила?

Жанна:

Нет, честное слово, не я!..

Золотов (*хмуро*):

А кто?

Жанна:

Да не знаю я, чувырла какая-то, ее Светка знает, из сто седьмой!.. Зашли как-то с девчонками в «Бормотос» потусить, а там она, готичная такая, вся в черном, в феньках с черепушками, макияж типа «трупак», клыки вампирские нарощенные. Сначала со Светкой ля-ля тополя, потом к нам за столик — и давай втирать. Про ведьминское братство, про Вальпургиеву ночь, про ритуалы... Ну мы и повелись — а чего, прикольно...

Золотов:

По полной программе прикололись, ага!.. Метлы у Салмана кто свистнул?

Жанна:

Ну, мы... Но мы вернуть хотели, честное слово!..

Солнцев:

А эта, из «Бормотоса», сама-то на кладбище была?

Жанна:

Была. Она-то и шабашем руководила, и котищу притащила, которого мы все целовать должны были. Только он Тоньку цапнул и убежал. Мы за ним, а тут мужики эти, сначала одни, потом другие...

Золотов (*хмуро*):

Так, а имя у этой вашей «готичной» имеется?

Жанна:

Да Ритка вроде...

Золотов (*Солнцеву*):

Продолжай, я выйду на минуточку...

41. НАТУРА. ПАРК. УТРО.

Рита, пёс

Рита, сестра Золотова, в модном спортивном костюмчике, выгуливает собаку («киногеничной» породы — бульдожку, чау-чау). Ее мобильный

отзванивает танго. Рита берет трубку, одновременно удерживая пса, рвущегося к куче мусора.

Рита (*в трубку*):

Привет, братишка, если ты насчет денег, то спасибо, я выкрутилась, халтурку нашла... (*Псу*) Бобик, или как тебя там, сидеть, я сказала! (*В трубку*) Нет, это я не тебе... Чего-чего? Ну как, две пломбы, прикус поправила, выровняла... Слушай, а с чего это тебя мои зубы интересуют? Клыки?! Вампирские?! Совсем охренел?!.. На каком еще кладбище?! Нет, ты, Золотов, точно или не опохмелился, или наоборот! (*Отключается. Псу, сокрушенно*): Один был приличный родственник, и тот спятил.

Пес подбегает к Рите, поднимает голову, преданно смотрит в глаза. Рита улыбается, демонстрируя ровные белые зубки.

42. ИНТЕРЬЕР. РАЙОТДЕЛ. КОРИДОР.

Золотов, дежурный.

Золотов (*в телефон*):

Эй, я ведь всыплю, не посмотрю, что... Отключилась.

Собирается вернуться в дознавательскую. Его окликает дежурный.

Дежурный:

Слава! Золотов! Дуй к Достоевскому, срочно! Рвет и мечет!

Золотов:

А зачем, не сказал?..

Дежурный:

Сказал — быром!

Исчезает за поворотом. Золотов пожимает плечами, идет к лестнице.

43. ИНТЕРЬЕР. РАЙОТДЕЛ. КАБИНЕТ ДОСТОЕВСКОГО.

Золотов, Достоевский, адвокат Зайчик, Заполошная.

Достоевский, насупившись, сидит в своем кресле. Напротив на диванчике вольготно расположился адвокат — гладкий мужчина лет пятидесяти, с физиономией хитрой и глумливой. Рядом с ним нервн елзтит на стуле скромно одетая брюнетка в темных очках, в которой трудно узнать Заполошную. Немая сцена.

Голос Золотова:

Разрешите, товарищ майор!

Достоевский (*шипит*):

З-заходи...

Золотов (*входя*):

Вызывали, Федор Михайлович?

Достоевский начинает подниматься, угрожающе шипя.

Адвокат (*Достоевскому*):

Разрешите мне. (Золотову) Присаживайтесь, Вячеслав Михайлович. Позвольте представиться, Лев Львович Зайчик, адвокат (*достает визитку, протягивает Золотову*). Городская коллегия...

Золотов (*недоуменно*):

А в чем, собственно...

44. ИНТЕРЬЕР. КУХНЯ ЧУРИЛОВОЙ.

Чурилова

Хозяйка, в цветастом халате, раскладывает пасьянс. Что-то у нее не сходится. Она хмурится, что-то пришепetyвает, тасует колоду, раскладывает. Смешивает карты, встает, подходит к телефону.

Чурилова:

Соедините меня с генералом Гришечкиным... Профессор Чурилова... Спасибо... Васенька, милый... И я рада, наслышана про твои успехи... Да так, помаленьку, скрипим по-стариковски... Я вот по какому вопросу — тут у двух очень милых мальчиков из твоего ведомства могут быть крупные неприятности, и все из-за меня... Дело в том, что...

45. ИНТЕРЬЕР. КАБИНЕТ ДОСТОЕВСКОГО. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭП. 43

Зайчик, Золотов, Достоевский, Заполошная. Чурилова, генерал Гришечкин.

Зайчик:

Слова потерпевшей однозначно подтверждаются всеми фактами. Незаконное проникновение в частное жилище, причинение морального и материального ущерба, нанесение вреда здоровью... Маргарита Пахомовна, снимите очки, пожалуйста...

Заполошная (*тихо*):

А можно — не надо?..

Зайчик:

Снимайте, снимайте, это в интересах дела.

Заполошная нехотя снимает очки. Под глазом у нее — тугой фиолетовый синяк.

Зайчик (*удовлетворенно*):

Ваши деятели постарались — между прочим, все задокументировано и запротоколировано... Второй пострадавший, господин Гнубкин Роберт Вавилович...

Заполошная:

Мессир Воланд!

Зайчик:

Маргарита Пахомовна, мы же договорились!.. Так вот, господин Гнубкин госпитализирован, состояние его оценивается как тяжелое...

Золотов:

Ну уж и тяжелое...

Зайчик:

А как же — перелом двух ребер, перелом конечности.

Золотов:

Мизинца...

Зайчик:

Бросьте в меня камень, если мизинец — это не конечность...
Множественные ушибы...

Золотов:

Так он же сам с лестницы упал...

Зайчик:

Спасаясь от преследования вашего сотрудника Солнцева.

Достоевский (*мрачно*):

Между прочим, он не мой сотрудник. И вообще, действовали они без моего ведома...

Золотов:

Но, товарищ майор, вы ж лично приказали отработать по заявлению гражданки...

Достоевский:

Молчать, понял-нет!!!

Зайчик:

Итак, Федор Михайлович, вы утверждаете, что капитан Золотов и капитан Солнцев действовали по собственной инициативе, из хулиганских, так сказать, побуждений? Ворвались в квартиру, избили, ограбили...

Достоевский, Золотов (*хором*):

Как это — ограбили?!

Зайчик:

После их, с позволения сказать, визита из квартиры моей клиентки пропали ценные вещи — антикварный нож для бумаг итальянской работы и лист древнего пергамента...

Золотов:

Изъяты как вещественные доказательства.

Зайчик:

Доказательства чего? Ролевой игры влюбленной парочки? Смешно!.. Короче, вещи должны быть в кратчайшие сроки возвращены моей клиентке, а насчет остального... Думайте, майор, думайте... Предупреждаю, мы тоже не будем сидеть сложа руки... Маргарита Пахомовна!

Заполошная (*вставая*):

Я требую, чтобы вокруг палаты мессира Воланда выставили круглосуточную охрану, иначе эти отморозки...

Зайчик:

Маргарита Пахомовна, нам пора...

Они выходят. Из коридора продолжает гудеть голос адвоката:
Голос Зайчика:

Сколько можно говорить — никаких Воландов, идиотка! Сейчас рвем в больницу, надо чтобы он подписал...

Достоевский (*Золотову*):

Чего сидишь, рабочийчек? Беги, обрабатывай этих, чтоб за-
яву забрали, иначе — сам понимаешь. Понял-нет? Пошел вон!

Золотов выходит. Майор страдальчески вздыхает, наливает желтоватой воды из графина, подносит ко рту, но, не донеся, плюется, выливает воду в горшок с фикусом. Противно звонит телефон.

Достоевский:

Майор Статюк, слушаю... Да... Да, купил... И зелени купил, и шпрот... Да, и коньяк для твоего сибирского дядюшки... «Арарат», пять звезд... Чей разлив? Да какая разница, чей разлив!... Каким таким тоном, обыкновенным тоном... Ладно, сейчас посмотрю, не вешай трубку.

Майор ныряет под стол, достает один из универсамовских пакетов, вытаскивает оттуда красивую бутылку. Изучает этикетку. Берет трубку.

Достоевский:

Алло, дорогая. Ты меня слышишь?..

Дверь кабинета неожиданно распаивается. Стремительно входит большой усатый мужчина в генеральской форме (генерал Гришечкин) в сопровождении Чуриловой. Достоевский роняет трубку на стол и застывает по стойке смирно.

Гришечкин:

Ну, здравствуй, Статюк.

Женский голос из трубки:

Тебе всегда было плевать на моих родственников, мерзавец!
Даже не удосужился организовать машину в аэропорт...

Достоевский:

Здравия желаю, товарищ генерал!

Женский голос:

Я устала жить с эгоистом, хлюпиком и импотентом!

Достоевский:

Простите...

Бросает трубку на рычаг.

Гришечкин:

Ничего, ничего... *(показывает на коньяк)*. Ты, я вижу, подготовился к встрече с начальством? Кто настучал?

Достоевский *(пытаясь убрать бутылку)*:

Да, это так, товарищ генерал, для дома...

Гришечкин:

Ты погоди, не прячь пока, может, еще пригодится... *(по-хозяйски садится в кресло, жестом пригласив Чурилову сесть напротив)*. Скажи-ка мне, Статюк, кто у тебя по заявлению гражданки Чуриловой работал?

Достоевский:

Да тут, видите ли, такие дела...

Гришечкин:

Дела — у прокурора!.. Говорят, они там какие-то вещдоки изъяли? Нам бы *(кивает на Чурилову)* взглянуть...

46. НАТУРА. УЛИЦА ВОЗЛЕ РАЙОТДЕЛА. УТРО Золотов, Солнцев

Из дверей выскакивают Золотов и Солнцев, бегут к припаркованной напротив машине.

Солнцев *(на бегу)*:

Значит, говорить будешь ты...

Золотов:

Идет... Но цветы и шампанское — с тебя.

Впрыгивают в машину, стремительно трогают с места.

47. ИНТЕРЬЕР. РАЙОТДЕЛ. КАБИНЕТ ДОСТОЕВСКОГО. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭП. 45

Чурилова, держа ножик двумя пальцами за концы, разглядывает со всех сторон, зачем-то нюхает.

Чурилова:

А ножулечка-то у нас интересенький... Ритуальненький у нас ножулечка...

Достоевский с немим вопросом смотрит на генерала. Тот показывает жестом — все нормально, все по плану. Чурилова скребет бронзовое лезвие, бормочет под нос.

Чурилова:

Заклятие Трисмегиста — не то... Каинова печать — не то...
А вот это — то!!!

Плюет на опилки. Те шипят. Комнату заволакивает зеленым дымом. Достоевский кашляет, зажимает нос. Чурилова щелкает пальцами — и дым моментально рассеивается.

Чурилова (*потирает ручки*):

С ножичком все понятненько... Понятненько с ножичком...
(*Возвращает нож в пакет, смотрит на пергамент с «клятвой Маргариты»*) А матерьяльчик-то не того... Неправильный матерьяльчик... (*Громко*) Господа, прошу внимания, сеанс черной магии с разоблачением!

Брызгает на лист водой из стакана. На глазах у генерала и майора верхний слой осыпается и проступает казенный бланк генеральной доверенности.

Чурилова (*читает, попутно стряхивая ошметки*):

«Я, Заполoshная Маргарита Пахомовна, первого мая 1973 года... имеющая паспорт... доверяю гр. Гнубкину Роберту Вавиловичу... год рождения, паспорт... совершение всех действий по продаже принадлежащей мне жилой площади в виде трехкомнатной квартиры, находящейся по адресу...»
Фамилия, имя отчество, нотариальная заверка и гербовая печать... Подпись отсутствует, однако, заметим, что место для подписи расположено в точности там, где, по замыслу Гнубкина, наша Маргарита должна была расписаться собственной кровью.

Гришечкин (*Достоевскому, торжествующе*):

Ну!.. Давай, майор, действуй, пробей этого Гнубкина по всем каналам, наверняка он еще где-нибудь наследил — опыт чувствуется у стервеца немалый. Санкцию прокурора тебе подвезут через пару часиков... а нам пора.

Достоевский:

Есть, товарищ генерал! Разрешите выполнять?

Гришечкин (*показывает глазами на коньяк*):

А стремennую? На ход ноги? Я же сказал — еще пригодится.

Достоевский:

Есть стремennую!

Открывает сейф, достает оттуда три хрустальных рюмочки. Генерал мастерски откупоривает бутылку.

48. НАТУРА. ВОЗЛЕ ТОРГОВОГО ЦЕНТРА. ДЕНЬ.

Золотов, Солнцев.

За столиком открытого кафе возле торгового центра мается Золотов. Елозит, поглядывает на часы. С неохотой прикладывается к пластиковому стакану. На столике перед ним — несколько таких же стаканов, но пустых. Наконец из дверей торгового центра появляется Солнцев. В одной руке у него — букет каких-то непонятных желтых цветов, в другой — пакет, в котором угадывается контур бутылки.

Золотов (*нетерпеливыми жестами подзывает Солнцева*):

Шмелем, шмелем, бисово отродье!...

Подбежавший Солнцев плюхается на соседний стул, отбирает у Золотова недопитый стакан, жадно пьет.

Золотов:

Давай-давай, наворачивай... у меня эта кола скоро из ушей польется! Ну и где тебя целый час мотало?

Солнцев:

Было трудно, но мы достали...

Золотов (*с сомнением смотрит на странный букет*):

Цветочки-то я бы лучше выбрал...

Солнцев:

Что ты понимаешь?! Желтые были только такие... Зато вот (*с гордостью извлекает из пакета бутылку спирта «Рояль»*) Раритет! Пришлось дойти до директора, и он из личных запасников...

Золотов:

Ты что, с дуба рухнул?! Не, я конечно, понимаю, она у нас на всю головку долбанутая, но все же... К телке подкатываться со спиртягой — полный жлобизм.

Солнцев:

Темный ты человек, хоть и Золотов... (*Встает*) Ладно, скрипнула калитка — вышла Маргаритка. Погнали. Адрес помнишь?

Золотов:

На всю оставшуюся жизнь... Слушай, только давай сначала в больницу. Наверняка она сидит у своего Воланда.

Друзья садятся в машину.

49. НАТУРА. ПЛОЩАДКА ПЕРЕД БОЛЬНИЧНЫМ КОРПУСОМ. ДЕНЬ.

На площадке стоят несколько машин — как частных, так и медицинского назначения. Среди них выделяется «автозак» с открытыми дверцами, возле которых дежурят два милиционера. Проходящие оглядываются на эту

группу, переговариваются. Двери больничного корпуса открываются. Еще два милиционера выносят носилки. На носилках — «зафиксированный» ремнями Гнубкин. Он в больничной пижаме, мизинец толсто перебинтован, из-под пижамы видна забинтованная грудь. Следом за носилками выходит серьезный человек в штатском, в руке — папка для документов. Спускаются, направляются к автозаку.

Гнубкин:

Это произвол! Я больной! Я буду жаловаться! Требую соблюдения прав человека!

Человек в штатском (*поравнявшись с носилками*):

Вот что, больной... (*с нарочитым кавказским акцентом*) Я тэбэ один умный вещь скажу — только ты не обижайся...

Склоняется к Гнубкину, что-то шепчет.

Гнубкин (*канючит*):

Ну, хоть долечиться бы дали... Я ж израненный, изувеченный...

Человек в штатском:

В тюрьме тебя долечат, там медсанчасть хорошая...

Из дверей корпуса выбегает растрепанная Заполошная в темных очках. Ее пытается удержать адвокат Зайчик. Носилки с Гнубкиным начинают загружать в автозак. Заполошная вырывается от Зайчика, подбегает к автозаку.

Заполошная:

Стойте! Остановитесь! Отпустите его! Я никаких претензий не имею!

Человек в штатском:

У меня постановление. Отойдите, гражданочка.

Заполошная:

Но он не виноват!

Человек в штатском:

Суд разберется. Наймите адвоката.

Заполошная (*оборачивается к Зайчику*):

Лев Львович, сделайте же что-нибудь!

Зайчик:

Маргарита Пахомовна...

Гнубкин (*из автозака, поет дурным голосом*):

Плачь, Маргарита!..

Резко замолкает — видно, заткнули. Двери автозака захлопываются. Человек в штатском устраивается рядом с шофером. Автозак отъезжает. Заполошная бежит за ним несколько метров, машет руками, потом останавливается. Рыдает на плече у подбежавшего Зайчика.

Заполошная:

Лев Львович, спасите его, умоляю вас, заклинаю...

Зайчик:

Маргарита Пахомовна, поймите, он же аферист, он хотел лишить вас квартиры...

Заполошная:

Я сама с радостью отдам ему все... не только квартиру, но и... все-все...

Зайчик:

Это ваше право, Маргарита Пахомовна, но есть и другие потерпевшие... действительно потерпевшие... Ему придется отвечать по всей строгости...

Заполошная:

О, я не переживу...

Из подъехавшей машины на площадку вбегают Золотов и Солнцев. Видят Заполошную в объятиях Зайчика.

Золотов:

Ну, что я говорил?! Здесь она!

Подбегают к Маргарите. Солнцев передает Золотову Солнцеву желтый букет.

Заполошная (*стена*):

Я возьму его на поруки... Я продам квартиру и внесу залог... Я выступлю на суде в его защиту! О, мессир...

Золотов:

Кхе-кхе... Маргарита... Это мы... Простите нас, если можете...

Маргарита поднимает голову, секунду смотрит на Солнцева, на Золотова, не узнавая, потом губы ее кривятся ненавистью.

Заполошная:

Вы...И вы еще смеете?!..

Золотов: (*поспешно закрываясь букетом*):

Это вам! От нас...

Маргарита выхватывает у него букет, хлещет по щекам. Во все стороны летят цветки, листики. Золотов уворачивается, как может.

Заполошная:

Негодяи! Мерзавцы! Вы погубили его!..

Швыряет в Золотова остатки букета, бежит в том направлении, куда увезли Гнубкина.

Золотов:

Нет, ты видел?! Видел?!.. У нее ж клыки, как у вампира! Веня, это ж и есть та самая Ритка-вампирша, которая главная ведьма! За ней!

Общий план: Солнцев и Золотов бегут за Заполошной. Наперерез, еще не видимый ими, мчится громадный черный кот...

КОНЕЦ СЕРИИ

СЕРГЕЙ РЕШЕТНЯК
ЕВГЕНИЯ ЗОТИНА

РОСЧЕРК ПЕРА

Кухня сияла чистотой. Лив с удовольствием огляделась, потуже подвязала передник, заправила под чепчик непослушную прядку и принялась разворачивать кульки, свертки и сверточочки, которые горкой высились на столе. Она здесь уже почти три месяца, и дом преобразился. Прежняя служанка явно была грязнулей. Хозяин — учёный-алхимик — сутки напролёт пропадал в своей лаборатории и не особо обращал внимание на то, что творится вокруг. И предшественница Лив всю этим пользовалась. Дом буквально погряз в грязи и пыли.

Девушка подтянула рукава и, плеснув в миску теплой воды, принялась тщательно перемывать овощи. Хозяин не ест мясо, и она каждый день придумывала новое кушанье из овощей и круп. Господин Рихард не привередлив, но ей так хотелось угодить его неприятзательному вкусу!

Сочная помидорка жалобно пискнула, когда острый ножик сделал первый надрез. Почти прозрачная кожица обнажила сочащуюся соком мякоть. Лив провела тыльной стороной кисти по носу и довольно улыбнулась. Господин Рихард только и обращает внимание на свои мензурки и старинные рукописи, будто до остального ему и дела нет. Даже если бы весь дом рухнул, но осталась его лаборатория, он бы не заметил утраты. А как он трясётся над своими рукописями. В первые дни она было попыталась убраться в кабинете, но господин страшно накричал и выставил её за дверь, велел никогда больше не появляться в святая святых.

Вскоре блестящая кастрюлька, заполненная алой мякотью, побулькивала на огне. Лив всыпала в нее щепотку соли и, перемешав содержимое, накрыла крышкой. Пришел черед картофеля. Тоненькая кожура ленточкой падала на стол, нож порхал в воздухе, подобно бабочке. Девушка на мгновение остановилась и погрузилась в воспоминания. В день, когда она пришла в дом учёного, она тоже видела бабочку. Первую, летнюю. И настроение у нее было прекрасное, и песенка мурлыкалась веселая. Господин алхимик сел за свою первую при новой служанке трапезу улыбаясь. Он вертел в руках голубой кристалл, а когда заметил, что она смотрит, демонстративно опустил его в бокал с вином. Потом в тарелку с луковым супом.

— Милочка, это волшебный кристалл, — произнёс он тогда суровым тоном. — Если бы он поменял цвет, я тотчас бы узнал, что вы решили отравить меня или усыпить. Эта вещичка распознает все яды. Так что имейте в виду...

Сказав это, господин Рихард взглянул на побледневшее лицо служанки и наигранно нахмурил брови, но в его глазах плясали озорные искорки. Как же Лив хотелось снова увидеть эти искорки в глазах хозяина.

Тоненькие кружочки картофеля смешались с оранжевыми морковными и отправились в кастрюльку. Упругая луковица неохотно расставалась с шелухой и отомстила обидчице, выкатив из ее глаз две слезинки. Лив шмыгнула носом. В тот день она тоже все время шмыгала носом, подавая на стол. Хозяин обидел ее недоверием. Впрочем, как же иначе? Такой умный серьезный человек просто обязан быть осторожным. Наверное, его ученые занятия очень важны и даже секретны. И враги у известного алхимика тоже, несомненно, есть. Так что все правильно. И все же было обидно. До слез.

Горка мелко нашинкованного лука скрылась в алой булькающей мякоти. Служанка ловко распотрошила пучки петрушки и укропа, оторвала стебли, связала их ниткой и опустила в рагу. Нож снова запорхал в воздухе. Бледно-зеленые кабачки и темно-лиловые баклажаны были нарезаны аккуратными кружочками и ждали своего часа. Лив открыла крышку, с удовольствием принялась и отправила внутрь несколько зубчиков чеснока, потом аккуратно выложила поверх бурлящей массы кабачки и баклажаны, чуть посолила и щедро залила оливковым маслом.

Убрав на столе и протерев пол, Лив снова открыла крышку кастрюльки, посыпала содержимое мелко нарезанными листьями петрушки, перемешала, достала из кармана передника маленький флакончик и капнула в рагу ровно три капли. Тяжелый аромат сандала повис в воздухе. Служанка провела пробочкой по запытям, за ушами и по ложбинке между грудей, плотно закрыла и спрятала пузырек, прикрыла кастрюлю крышкой и распахнула окно. Ничего, до обеда еще есть время, кухня проветрится, и господин алхимик ничего не заподозрит.

Смесь в сосуде зашипела и запенилась, после чего повалил пар. В следующий миг хрупкое стекло разлетелось осколками по комнате. Остатки смеси забрызгали пол.

— Гермеса Трисмегиста! Снова ошибся, — из своего укрытия вылез человек средних лет и с сожалением посмотрел на плоды неудавшегося опыта. Рука непроизвольно стала теребить аккуратно подстриженную бороду. Она смотрелась нелепо, но позволяла скрыть испещрившие лицо морщинки.

Рихард Штейн медленно подошёл к столу, осторожно обходя всё ещё шипящую на полу жижу. Огромный дубовый стол весь был заставлен сосудами, мензурками, капсулами, капельницами и прочими алхимическими инструментами. На счастье, они оказались

не повреждены. Но что толку. Он бился уже третий год над разгадкой секрета Пэн Цзу, но результата как не было, так и нет. А до этого он пять лет пытался получить легендарный “Золотой эликсир”, и это не считая десяти лет безуспешных поисков “Красной тинктуры”.

Впрочем, не всё так плохо. В то время, как его собратья-алхимики продолжают искать секрет бессмертия в экспериментах с жидким серебром, киноварью, оловом, золотом и серой, он уже давно ищет разгадку процесса Великого Делания в другом.

Вот только есть ли эта разгадка? Может, стоит бросить поиски и переключиться с Внутренней Алхимии на Внешнюю? Она не принесёт ему славы и не даст вожделенного бессмертия, но позволит существенно улучшить финансовое положение.

Рихард провёл рукой по коротко стриженным чёрным волосам. Это была неплохая идея. Ведь он уже не так молод. Ему скоро будет сорок, а что он имеет? Конечно, не бедствует, и даже может позволить себе редкие и дорогие ингредиенты, но богатства про запас так и не нажил.

Страхнув с мантии пыль, алхимик задумчиво посмотрел на висевший над столом список. Маленькие пылинки облачком повисли в воздухе. Не прошло и минуты, как Рихард начал чихать.

— Да уж, — алхимик оглядел кабинет и вздохнул. Его карие глаза потускнели. Вокруг царило жуткое запустение. — Надо будет всё же позволить Лив здесь убраться.

Лив... Рихард потер нос и усмехнулся. Молодая служанка всегда заботлива и приветлива с ним. А он вечно недоволен и даже порой груб. Девчонка молча терпит, ни разу слова поперёк не сказала. Лишь изредка он слышал, как по ночам она тихо плачет в своей комнате.

— Апчхи! — гадкая пыль и не думала отступать.

Рихард отошёл от стола с мензурками и фильтрами и направился к письменному. По пути он остановился возле полки с книгами и свитками и долго изучал её содержимое. Чего здесь только не было: «Физика и мистика» Болоса, «Изумрудная скрижаль», авторство которой приписывалось самому Гермесу Трисмегисту, труды Ибн Сины, Аристотеля, Джабира ибн Хайяны и Ар-Рази. Копии, конечно же. Некоторые тексты Рихард переписал своей рукой. Оригинальные трактаты «Зеркало алхимии» и «О тайнах природы и искусства и о ничтожестве магии» францисканца Роджера Бэкона и многое-многое другое. Большинство из рукописей были полезны в его опытах, но не могли дать главного. Они не могли раскрыть секрета бессмертия.

Шальная мысль пронеслась в мозгу учёного. Взгляд невольно упал на печь в углу кабинета, в которой всё ещё горело не так давно разведённое пламя. Как же захотелось сгрести в охапку все манускрипты и фолианты и бросить в огонь.

— Нужно всё проверить, — пробормотал алхимик и уселся за стол, заваленный листами с переводами «Золотого эликсира» и «Баоцз-цзы»

Гэ Хуна. Его переводами. «Оригинал» последней вещи лежал тут же. Он купил её у одного перса, отдав целое состояние. Книжица в кожаном переплёте с вытравленным символом «Инь и Янь» на обложке. Разумеется, эта книжечка не была оригиналом. Но в подлинности копии Рихард не сомневался. С момента покупки этой проклятой книги его жизнь резко изменилась, и вот уже три злополучных года он бьется над текстами, но каждый раз суть проклятых иероглифов ускользает от него. Вот и сейчас он снова где-то ошибся. Но где? Тысяча смыслов было скрыто лишь в одной закорючке.

Усталые глаза снова стали изучать черновики. В руках учёного появилось перо, и он принялся быстро чётко и править, сверяясь с книгой, открытой на странице, где был изображён бородатый китаец, сидящий в позе лотоса. В его руках был зажат камень — «философское яйцо». Символ бессмертия и проклятие каждого алхимика. Вокруг азиата плясали чёртовы иероглифы, над переводом которых ученых бился уже месяц.

Наконец Рихард выпрямился и зевнул. Заработался же он сегодня, впрочем, как и вчера, и позавчера. Отложил перо и потянулся. Ещё раз посмотрел на лежащую перед ним книгу и поправил выехавший из стопки лист. Эта старинная рукопись оказалась такой занимательной. Она досталась учёному совершенно случайно. Когда десять лет назад он покупал древний трактат тибетских алхимиков, этот листок оказался вложенным в него. Рука неожиданно для учёного выхватила из стопки тот самый лист. Рихард даже не обратил бы на него внимания, если бы тот не выпал из книги. И вот теперь уже десятый день, параллельно со своими изысканиями, он занимался изучением еще и загадочного листка. Автор рассуждал о вещах вполне обыденных, но настолько нетривиально, что даже перевод с китайского не скрадывал цветистости и высокопарности речи. Повествование завершалось описанием некоего рецепта. Вот только о рецепте чего шла речь, Рихард так и не смог понять. Ему не удавалось правильно перевести название. Некий эликсир, который дарует... что? Вот тут-то и была загвоздка. Иероглиф, как и в случае с иероглифом в книге даоссистского алхимика, мог быть переведено по-разному. И все равно смысл оставался темным.

Внезапно Рихарда осенило. Он подвинул к себе «Баопу-цзы» и... Он не ошибся. Иероглиф был одним и тем же. Руки учёного затряслись. Неужели ему повезло? Великий Гермес, как же он мог раньше этого не заметить! Это же... рецепт эликсира бессмертия! Того самого... Переводить заумные мысли Гэ Хуна больше не требовалось. Перед ученым лежал не занудный трактат, а инструкция, пусть и написанная высокопарным стилем. Ничего лишнего, только ингредиенты и последовательность действий. Невероятно...

Так хотелось приняться за новый опыт, но в этот момент до алхимика донёсся приятный аромат. Рихард вздохнул и принялся. От лужи всё ещё исходил мерзкий запах, но и он не мог перебить

запах пищи. Прислушавшись, учёный понял, что не ошибся. Из кухни доносились шорохи, постукивание, звяканье. Лив готовит обед и наводит порядок. Служанка так усердствует, что ему первое время было даже страшно. Она ничего себе, миленькая, вот только глупа до безобразия. Рихард усмехнулся, вспоминая, как в первый же день обманул ее. Конечно, его кристалл, действующий наподобие лакмуса, может помочь определить наличие яда, но не снотворного же.

Рихард потянул носом, и тотчас же в животе требовательно заурчало. Заработался он. Пора и подкрепиться. С сожалением взглянув на разложенные на столе бумаги, алхимик поднялся, поправил мантию и вышел из кабинета. Дверь, по привычке, запер, а ключ повесил на шею. Не хватало только, чтобы глупая девчонка сунула нос в его бумаги и все там перепутала. Конечно, она ничего не поймет ни в книге, ни в его записях, но береженого Бог бережет.

Белоснежная скатерть, серебряная посуда, хрустящая салфетка в серебряном кольце. Лив поправила бокал и отступила, любуясь столом. Конечно, в обеденном зале все смотрелось бы куда наряднее и торжественнее, но хозяин сразу заявил, что предпочитает трапезничать в кухне. Она оглянулась, услышав шаги за дверью, торопливо одернула передник, снова заправила под чепчик непослушную прядку и отошла к плите.

Господин Рихард вошел, как всегда, хмурый и погруженный в свои мысли. Он рассеянно кивнул служанке и сел за стол. Лив тотчас же налила в бокал розового вина, поставила перед ним тарелку с рагу и хлебницу, заполненную крупными ломтями серого хлеба (как раз такой, который нравился хозяину: хрустящая корочка и упругий мякиш). Она отступила на шаг и, затаив дыхание, смотрела, как обожженные опытами длинные пальцы ломают серый ломоть. Сердце замерло от горькой нежности. Никогда, никогда, несмотря на все ее ухищрения, не взглянет на нее господин Рихард. Он считает ее глупой поломойкой и кухаркой. И прав, конечно. Кто она — и кто он? Вот и сейчас, поглощает рагу, почти не жуя, а сам думает о чем-то своем, наверное, очень важном.

Рихард действительно почти не чувствовал вкуса еды. Мысль о том, что он в одном шаге от славы, богатства, бессмертия, снова завладела им. Так, сейчас он доест — и обратно в кабинет. Внимательно перечтет свои записи, еще раз сверится с оригиналом, нет ли ошибки, и ...

Что-то неуловимо изменилось. Воздух вокруг алхимика сгустился, стал плотным, сладким, горячим. Пальцы, держащие ложку, задрожали. Он с трудом проглотил тающие во рту овощи и поднял взгляд.

Высокая девушка в мешковатом платье, которое, впрочем, совершенно не скрадывало ее стройную фигуру, смотрела на него, покусывая полные губы. Ее щеки горели нежным румянцем, беленькие ручки,

обнаженные до локтей, теребили завязки чепчика, из-под которого так наивно выглядывала каштановая прядка. Рихард, как замороженный, глядел на ямочки у локтей, на тонкие пальчики, выдающие волнение хозяйки, а потом встретился с ласковым взглядом серых глаз.

Горячая волна пробежала по его телу, заполняя каждую клеточку. Невольные слезы затуманили взор. Он медленно отложил ложку, нетерпеливо отбросил в сторону салфетку и поднялся, оказавшись, к собственному удивлению, одного роста с Лив.

«Красавица... Милая... нежная... И как я раньше этого не замечал... Глупец... Слепец... Дурак... Счастье вот оно, в шаге от тебя, лишь протяни руку... Я был так увлечён, что едва не упустил его... Едва не прошёл мимо... Ещё не поздно... Мысли путаются... Конечно же, не поздно... Она... Богиня — прекрасная богиня. Она смотрит на меня... О великий Гермес, я тону в озёрах её глаз... Немыслимо... Но что, если она отвергнет меня... Я был так груб с ней. Я... Она...», — он качнул головой, отгоняя мысли, и шагнул к девушке.

Свеча почти догорела. Неверный свет дрожащего пламени выхватывал из темноты лежащего на разоренной постели обнаженного мужчину. Он спал, его грудь мерно вздымалась, на полуоткрытых губах блуждала улыбка. Лив, обняв руками колени, затаила дыхание. Рихард... ее хозяин... ее возлюбленный. Он оказался таким пылким и страстным. Куда делась его холодность, мрачность, грубость? Девушка провела ладонью по груди, на которой сияли красные отметины, и вздохнула. Скоро рассвет. Наступит новый день, а изменится ли что-то в ее жизни? То, что произошло этой ночью, не настоящее. Морок. Это всё волшебное масло, которое ей удалось перекупить у одной из редких посетительниц хозяина. Рихард проснется и будет недоумевать, какая злая сила бросила его в объятия служанки. Конечно, масло еще есть. И Лив может воспользоваться им еще и еще... Но надо ли ей это? И что будет, когда любимый догадается, что причина кроется в созданном им же снадобье, а не в чувствах?

Девушка закрыла глаза. Перед внутренним взором замелькали картины прошедшей ночи. Рихард... он был нежен, ласков... а потом вдруг стал нетерпеливым и требовательным... Она подчинялась его напору, его желаниям и была счастлива... так счастлива, что ей хотелось умереть, лишь бы это счастье не кончалось...

Мужчина шевельнулся, его пальцы бессознательно сжали прицепленный к цепочке ключ. Губы шевельнулись, и Лив наклонилась ниже, прислушиваясь.

— Бессмертие... оно есть... я буду бессмертным... книга... всего один иероглиф... всего один опыт... слава... богатство... бессмертие... — этот бессвязный шепот наполнил сердце Лив отчаянием.

Господин алхимик даже во сне не думает о ней. Он ученый, ему важны только его опыты, его иероглифы. А она? Что теперь будет с ней?

Лив протянула руку, осторожно высвободила из пальцев Рихарда ключ, отцепила его от цепочки и встала. В кабинете хозяина служанка была только однажды, больше ее туда не допускали. Но сейчас она вполне может туда зайти.

Накинув сорочку и подхватив свечу, Лив быстро пробежала, едва касаясь босыми ногами пола, по длинному коридору и отперла дверь кабинета.

Морща нос, она вошла в темную комнату и огляделась, высоко подняв свечу. Здесь ничего не изменилось с того дня, когда хозяин выгнал ее, приказав не совать нос в его святая святых. Девушка передернула плечами, вспомнив его грозный голос, и на цыпочках приблизилась к столу, заваленному листами исписанной бумаги. Прямо сверху лежал пожелтевший листок. Странный пузатый человек равнодушно глядел на Лив глазами-щелочками, прижимая к животу остроконечное яйцо. Вокруг него вились маленькие значки, похожие на червячков. Это и есть иероглифы? Девушка поставила подсвечник и наклонилась ниже. Рихард бормотал что-то о последнем иероглифе... он самый важный, наверное? Только который из них последний? Наверное, вот этот, справа, похожий на готовую взлететь бабочку.

Лив оглядела стол, взяла перо, обмакнула его в чернильницу и резким движением начертала закорючку. Бабочка превратилась в жука. Пальцы, сжимающие перо, дрогнули, и черная капля соскользнула с кончика, но Лив успела подставить ладонь и перевела дыхание. Что же она творит?

Но ответа на этот вопрос у нее не было. Она осторожно положила перо, взяла свечу, еще раз глянула на дело своих рук (узкие глаза-щелочки осуждающе блеснули) и быстро вышла из кабинета.

Солнечный зайчик робко скользнул по закрытым векам. Алхимик зажмурился, покрутил головой и неохотно открыл глаза, блаженно потянувшись. Так хорошо ему еще никогда не было. За всю свою жизнь он не испытывал ничего подобного. На душе было легко, а по телу разливалось приятное тепло. Заботы вчерашнего дня остались в прошлом.

Под боком кто-то зашевелился. Рихард слегка повернул голову и увидел её, Лив. Девушка свернулась калачиком, уткнувшись носом ему в бок. Она улыбалась во сне. Непослушная прядка опять лежала на розовой щеке. Алхимик аккуратно убрал волосы и провёл рукой по нежной теплой коже. В памяти всплыли картины прошлой ночи, пробудив в учёном чувство безмерной любви.

Как же это могло произойти? Вот он идёт на кухню, как всегда погруженный в свои мысли. Быстро поглощает пищу (очень вкусное,

к слову, кушанье), а потом... Два бездонных озера глаз милой Лив — и больше ничего. Весь мир исчез, осталась лишь она. Все мысли улетучились, осталась лишь одна. Мысль о любви к очаровательной Лив.

Здесь было что-то не так. Девушка и раньше нравилась алхимику, но чтобы вот так бросить всё ради объятий любимой. И как же ей удалось так быстро влюбить его в себя?

Сандал. У еды был привкус сандала. Рихард улыбнулся. Где эта чертовка смогла раздобыть зелье? Маленькая бестия подлила ему в похлёбку его же собственное снадобье. Алхимик улыбнулся. Но ради чего? Она не потащила его в ратушу, не заставила раскрыть все секреты, она лишь хотела, чтобы он любил её. Так просто.

Рихард снова посмотрел на милое создание, устроившееся у него под боком. Она была так прекрасна. Его несравненная Лив. Его любимая. Учёный задумался. Действие любовного масла краткосрочно. Эффект должен был уже пройти, но... Невозможно! Или же... Нет, определённо... Он любит девушку. Любит по-настоящему. Любит давно, с первого мига, когда увидел её на пороге своего скромного жилища. Зелье лишь помогло ему осознать это.

И тут алхимик вспомнил о вчерашнем открытии. Ему ужасно не хотелось покидать свою ненаглядную Лив, но нужно было закончить начатое.

Аккуратно встав, стараясь не потревожить сон любимой, Рихард надел свою мантию и ещё раз посмотрел на спящую девушку, поцеловал её в лобик и укрыл одеялом, после чего уверенным шагом направился в лабораторию.

Закрыв тяжёлую дверь на ключ, учёный поспешил развести огонь в жаровне, по пути зажигая свечи, чтобы осветить комнату, в которой напрочь отсутствовали окна. Схватив листок с разгадкой, Рихард быстро пробежался по нему, сверяя со сделанным вчера переводом. На мгновение он остановился. Один символ переведен неправильно. Тут же исправив досадную ошибку, алхимик поспешил к столу с инструментами. На подготовку ушло с десятков долгих минут. Затем ещё пятнадцать минут ушло на поиски нужных ингредиентов. Мёд, хмель, пряности, кое-какие ягоды. Азиаты умудрились найти секрет бессмертия в таких тривиальных вещах, удивлялся про себя алхимик. Пока их европейские собратья смешивали ртуть и мышьяк, не получая ничего, кроме отменных ядов, китайцы восхваляли своих бессмертных. Рихард ещё раз взглянул на список, немного задумался над тем, почему вчера вписал корицу вместо имбиря, но затем взял нужную пряность. Время потребовалось и для определения нужных пропорций. Разумеется, и думать было нельзя, что пропорции высчитаны идеально, но нужные цифры даст только опыт.

Процесс начался. Вокруг всё зашипело, повалил пар. По тонким стеклянным трубочкам перегонного аппарата потекли первые капельки желанного эликсира.

Учёный просидел в лаборатории весь день, так и не выйдя наружу. Раз десять он терпел неудачу, и пару раз ему даже пришлось прятаться от осколков разорвавшихся мензурок, но ближе к вечеру на столе стоял сосуд, наполненный вожделенным нектаром богов. Так хотелось отпить глоточек. Рука сама потянулась к сосуду, но Рихард резко отдернул её. Нет. Слишком опасно. Он с горечью вспомнил, какой эффект дал приготовленный им Золотой Эликсир. Его верный пёс Ульф умирал в жутких муках. Как же быть теперь?

Даже сквозь толстые стены до слуха алхимика донёсся пьяный вой. Ганса. Старый пьяница, живущий по соседству, опять надрался и теперь горланил свои похабные песни. Как же Рихарду хотелось отравить проклятого соседа. Внезапно в мозгу алхимика созрел дьявольский план. Он подхватил сосуд, быстро открыл дверь и бросился на улицу, по пути едва не сбив перепуганную и растерянную Лив.

— Эй, Ганс! — закричал на всю улицу ученый.

Пьяница остановился. Он уже был почти у дверей своего разваливающегося домишки.

— Чего вам, гер Рихард?

— Мне удалось получить несколько капель одного божественного напитка, и я решил разделить его с тобой, мой дорогой сосед.

Пьяница недоверчиво посмотрел на алхимика. Он всегда побаивался мрачного соседа и уж точно не считал себя его другом. Так зачем же тому делиться с ним столь ценным напитком?

Рихард по-доброму улыбнулся и протянул склянку.

— Если не понравится, то обещаю, что куплю тебе бутылку самого дорого вина, что только можно найти в наших краях.

Последнее заверение склонило чашу весов в пользу учёного. Шатающейся походкой Ганс перешёл улицу и остановился напротив алхимика. От него жутко воняло, но Рихард не показал вида.

— Прошу, — лишь произнёс он.

Пьяница взял сосуд, повертел его в руках и отхлебнул. Несколько мгновений на его лице не было никаких эмоций, а затем он расплылся в блаженной улыбке.

— Будь я проклят, это самый вкусный напиток, который мне только доводилось пить. Баварское пиво ничто по сравнению с ним!

Ганс сделал ещё глоток, пока Рихард не отобрал сосуд. Он посмотрел на пьяницу. С ним ничего не происходило. Ну что ж, по крайней мере, это не яд. Но почему же Ганс сравнил напиток с пивом?

— Гер Рихард, это был щедрый подарок... — улыбаясь, молот языком пьяница-сосед. Алхимик не стал его слушать. Он улыбнулся на прощание и побежал в свой кабинет, снова едва не сбив с ног Лив.

Заперев дверь, он долго смотрел на эликсир, пока не решился сделать глоток...

Быстрый росчерк пера ознаменовал заключение сделки. Рихард пожал протянутую Густавом руку, и они вместе засмеялись. Собравшиеся в кабинете радостно загомонили. Ещё бы, эта сделка сулила им баснословное состояние.

Густав Хайнц, владелец пивоварни, посыпал на чернила песком и быстро сдул его, после чего аккуратно положил документ в папку и поспешно убрал в сейф.

— Ну вот, мой друг, — обратился он к алхимику. — Благодаря моей фабрике и твоему рецепту скоро о нас заговорит весь мир.

Рихард улыбнулся и поправил сюртук. Он больше не носил старую мантию, делавшую его похожим на чернокнижника. Теперь он стал другим человеком.

— Но как, скажи мне на милость, — продолжил пивовар, — ты смог раскрыть этот секрет?

— Случайно, мой друг, — учёный подошёл к стоявшей неподалёку Лив и обнял её за талию. — Я искал рецепт бессмертия.

— Забавно, никогда бы не подумал, что эликсир бессмертия так схож с рецептом медовухи! — Густав зашёлся смехом.

— Всё дело в одном иероглифе, который я не смог правильно перевести. Я думал, речь идёт о рецепте бессмертия, а на самом деле в тексте говорилось о бессмертном рецепте. Осознание этого пришло ко мне намного позднее.

— Чудно получилось.

— Чуднее, чем ты думаешь, мой добрый друг. Китайский напиток в оригинале имел весьма противный вкус, но из-за того, что в моём рецепте вместо корицы был вписан имбирь, вкус получился совершенно другой. Я до сих пор ума не приложу, как такое могло получиться.

Лив загадочно улыбнулась и положила руку на запястье Рихарда.

— На всё воля Бога, — с довольным видом заявил пивовар.

— Пожалуй, — согласился с ним бывший алхимик. — Ну, что же, нам пора.

Рихард взял Лив за руки и влюблёнными глазами посмотрел на неё.

— Понимаю, — смущенно ответил Густав. — Не забудь о встрече с бургомистром во вторник. Вы с супругой приглашены.

— Не забуду, — не отрывая взгляда от любимой, произнёс учёный.

— А как же бессмертие? — спросил старый пивовар, когда парочка уже почти покинула кабинет.

— Оно мне больше не нужно. У меня есть моя Лив, — радостно произнёс Рихард и улыбнулся на прощание.

СКАЗКА О КОНТРОЛЬНОМ ПОЦЕЛУЕ

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕГЕНДА О ФИЛЬТРАХ

Жила-была Джульетта, которая целовала всех подряд. Совершенно бесконтрольно. Вот такая она была необычная — не возводила, в отличие от прочих Джульетт, вокруг поцелуя неприступную крепость условностей, ворота которой заперты на замок огромным ключом, а ключ этот будет выдан лишь одному-единственному счастливчику, сдавшему экзамен на звание настоящего Ромео. Она дарила свои поцелуи любому, кто просил, или даже не просил, а просто проявлял интерес. Небрежно, как дарят выросшие у дороги цветы, сорванные просто так, лишь для того, чтобы было чем занять руки во время скучной прогулки. Дарила легко и быстро, с нетерпеливой улыбкой пробуя губами чужие губы — и отстранялась, не переставая улыбаться, разве что улыбка становилась с каждым разом чуть более растерянной. И вряд ли кто-то догадывался, что она просто пыталась найти своего Ромео. По запаху. На вкус. Губами, на ощупь.

Она не могла отыскать его иначе, поскольку была слепой.

Полагаете — так не бывает? Еще как бывает! Они ведь все такие разные, Джульетты. Эта хотя бы красивой была, а сколько на свете кривых, косых, бельмастых или вообще одноглазых Джульетт? А рожи у иных таковы, что поневоле начинаешь сочувствовать тем Ромео, что таки попадутся им под контрольный поцелуй — а ведь наверняка попадутся. От начала времен не случилось еще такого, чтобы настоящая Джульетта не сумела обнаружить, узнать и поцеловать своего Ромео. Хотя бы один раз. Такова их природа, Джульетт, тут уж ничего не поделаешь. И вовсе не потому, что у них слишком много любви, которая распирает, бьет через край и рвется наружу.

Это у Ромео любовь огромная — как море, такая же неутомимая, переменчивая и бескрайняя. Ее не удержишь в рамках границ или берегов, не скуешь оковами брачных колец или набережных. Такой огромной любви с лихвой хватит на всех — и на Джульетту, и на Розалинду, и на Еву с Марией. И не убудет от нее — морю ведь без разницы, один человек им наслаждался или сотня. От моря невозможно оторвать кусочек и унести на память, разве что высыхающие соленые капли на коже — да и то ненадолго, до ближайшего душа. Любовь Ромео, как и море, не становится меньше оттого, что в ней купаются многие. И точно так же, как и с морем, никогда до конца не понять, все еще с тобою она — или это давно уже просто моленные брызги на коже.

Она и неуловима точно так же, как море — накатывает и ускользает, вновь и вновь возвращается, чтобы уйти — снова и снова. Вся суть

Ромео — в этом постоянном возвратно-поступательном движении. Суть Джульетты — в неподвижности и ожидании. Ведь у Джульетты нет моря с его бесконечной чередой бьющих о берег волн, когда не одна — так другая, третья, сотая, но цели достигнет.

У Джульетты нет моря, но есть у нее самострел — маленький и однозарядный.

И любовь у Джульетты тоже маленькая, не способная что-то там распирать и куда-то там рваться. Зато ее очень удобно носить в кармане — тяжелый шарик, холодный и тусклый.словно сделанный из свинца. Маленький такой шарик — грамм на девять. Как раз для однозарядного самострела.

Любая Джульетта знает, что у нее не будет второго шанса. Потому и выжидают они долго, порою годами храня ежеминутную готовность к выстрелу — единственному и просто обязанному оказаться точным. Судьба не дает Джульеттам второй попытки. И кто виноват, если не смогла, дрогнула рукой, не попала — или попала не в того. Только сама. Поторопилась. Не подпустила поближе. Не проверила поцелуем.

Пухлые губы даны Джульеттам не только для красоты — это тестер, проводящий окончательное подтверждение идентификации Ромео — обнаруженного, оцененного, признанного условно годным и подпущенного на расстояние губ. Высшая проба.

Но над нашей Джульеттой, повторяю, судьба подшутила, дав ей прекрасные голубые глаза, но лишив возможности что-либо видеть. Слепая Джульетта особо не расстраивалась по этому поводу, поскольку свято верила в контрольный поцелуй. А еще у нее была Надежда — Джульетта возлагала ее на статистику. Ведь если перецеловать достаточно большое количество претендентов, то среди них по незыблемым законам случайных чисел обязательно должен попасться и ее Ромео — а уж тогда она его обязательно опознает и не промажет. Только перецелованных должно быть по-настоящему много — ведь с малыми числами статистика не срабатывает. Ну, так это не сложно. Надо просто быть достаточно активной...

Она пробовала на вкус всех подряд — он? Не он? Разочаровывался каждый раз. И надеясь — может быть, следующий окажется тем самым, пусть не сегодня, пусть даже не завтра, не через год. Главное — твердо верить...

Вера ушла первой. По-английски, не попрощавшись. Вроде бы недавно еще была, а сейчас уже нет. И не вспомнить, была ли вчера. Или позавчера. Да и вообще — была ли?

Вера ушла, но осталась Надежда. Пусть статистика врет, но случайность никто не отменял! И по этой случайности — почему бы и нет? Ведь не может же быть, чтобы Ромео, такой умный, такой прекрасный, такой единственный — и вдруг прошел мимо ...

Понадобилось десять лет, чтобы Джульетта поняла — Ромео может все.

В том числе и пройти мимо. Не узнать, не заметить, и губами на встречу не потянуться. А, может быть, даже и хуже — был он уже. Среди огромной толпы безликих, мимоходом попробованных. И это она сама — не заметила и не узнала. Потому что всегда торопилась и уже ни во что не верила, а проба превратилась в надоедливый ритуал — поставить губами печать «проверено», не ощутить ничего и устремиться к следующему, заранее ожидая и с этим точно так же не ощутить ничего. А губы потихоньку теряют чувствительность, и нет уже прежнего им доверия, но если не верить даже своим губам — чему тогда можно верить вообще и на что надеяться?

Так ушла Надежда.

Но осталась привычка трогать губами все новые и новые губы. И какое-то время Джульетта жила почти по-прежнему — так же щедро и весело раздаривая поцелуи, только теперь уже ни во что не веря и ни на что не надеясь. А потом и привычке с нею наскучило...

Нашей Джульетте не повезло дважды — она была не только слепой, но еще и умной. Глупая бы так ничего и не поняла, и продолжала бы целоваться в полной уверенности, что счастье где-то совсем рядом, просто притормозило слегка, но надо самой проявить активность — и все будет в порядке. И умерла бы в свой срок от старости точно такой же — счастливой и уверенной, что все еще впереди. Умение понимать — это не то, что приносит счастье Джульетте, тем более, если Джульетта слепа. Оно вообще ничего не приносит хорошего, понимание это. Оно жадное и ревнивое — появившись, сразу бы изгнало веру с надеждой, если бы те еще оставались. Но оставалась только привычка, и потому пониманию пришлось ограничиться ею.

А потом заскучавшее понимание тоже сделало ручкой, и однажды Джульетта вдруг осознала, что осталась совсем одна.

Впрочем, нет. С ней по-прежнему оставалась ее так и не выстрелившая любовь — маленькая, холодная и тяжелая, словно свинцовый шарик...

Типичная Джульетта до такой ситуации старается не доводить, а если уж вышло — то стреляет немедленно, в первого встречного. Что поделаешь, если жизнь такова, годы идут, а Ромео на всех не хватает? Типичная Джульетта предсказуема и при умелом обращении почти неопасна.

Наша Джульетта была нетипичной.

Одноразовый самострел проржавел насквозь и не хотел открываться, пришлось надавить. Что-то треснуло, скрежетнуло, ломаясь — и тяжелая горошина выкатилась в подставленную ладонь. Джульетта покатала ее в пальцах, погрела дыханием. Шарик согрелся и словно бы стал тяжелее. Теперь он казался почти живым.

— Знаешь что? — сказала Джульетта задумчиво, баюкая теплый шарик в ладонях. — Я сама тебя выращу. И ты будешь такою, что все просто умрут от зависти. Ты самой лучшей будешь. Самой красивой, самой умной, самой сильной. И — только моей. Нам с тобою не нужен Ромео!

А любовь промолчала в ответ, потому что говорить тогда еще не умела. И не было рядом никого, кто бы предупредил, как опасно пробуждать любовь. Особенно ту, которая так и не выстрелила. Такая любовь может только проснуться, но не родиться, а нерожденному трудно жить, хотя и нет у Времени власти над нерожденным. Впрочем, слепая Джульетта вряд ли стала бы слушать советчиков. А после того, как выяснилось, что отогретая и разбуженная ею любовь еще и не слепа — Джульетта вообще никого бы не стала слушать.

Она старалась быть самой лучшей матерью для своей нерожденной любви. Прослушала все книги по воспитанию, какие только сумела найти. Книги о любви она тоже пыталась освоить все, но их оказалось слишком много. Стены детской были исписаны любовной лирикой и разрисованы сценами из камасутры — в одной из прослушанных книг утверждалось, что ханжество убивает любовь, и отныне слово на букву «Х» было отнесено Джульеттой в разряд самых страшных ругательств. Джульетта не могла рисковать, поскольку знала, что второго шанса не будет.

— Нам с тобою никто не нужен! — твердила Джульетта своей нерожденной Любви, твердила все иступленнее, потому что стала бояться людей. Они могли навредить ее необычной малышке, оказать плохое влияние, она ведь такая маленькая и впечатлительная. И она — видит.

То, что ее любовь растет не слепой, наполняло Джульетту счастьем — и одновременно пугало до судорог. Любовь ранима и беззащитна, а, значит, должна быть окружена красотой со всех сторон, как щитом, и не видеть ничего, кроме красоты. А люди порою так некрасиво себя ведут, да и сами они тоже не то чтобы очень красивы.

Джульетта поселилась на вершине самой высокой горы. Все, кто там побывал, говорили, что прекраснее места они не видели и не чают увидеть. «Вот и отлично — решила Джульетта. — Подходящая оправа для моей девочки». А нерожденная Любовь лишь улыбалась в ответ, и в темно-синих глазах ее отражалось небо, близкое и холодное.

Шли годы. Хотя кто их знает, куда они шли там, где само Время застыло среди хрусталя горных озер и заснеженных пиков. Застыло, а, может быть, даже и пошло в обратную сторону. Впрочем, это уже другая история...

— Нам с тобою никто не нужен, правда же, солнышко? — шептала стареющая Джульетта подросшей Любви, а та молчала в ответ, лишь улыбалась и щурила снисходительно синие глаза, яркие и холодные,

словно два горных озера. Она никогда не спорила с Джульеттой, и даже почти не морщилась, когда та обнимала ее слишком сильно. Она вообще мало говорила, только улыбалась, эта странная холодноглазая Любовь, у которой не было Ромео, но были крылья.

И однажды настал тот день, когда, улыбаясь, она сказала Джульетте:

— Ты права. Мне не нужен никто. И ты тоже мне не нужна.

И крылья развернулись у нее за спиной двумя серебристыми веерами, и от улыбки ее на лету замерзали птицы, а взгляд был настолько темен, что никто не мог его выдержать и остаться живым. Так она потеряла имя — ведь тот, кому никто не нужен, не имеет права зваться Любовью.

Улетая, она продолжала улыбаться, холодно и отстраненно. И даже не обернулась. Ей нравилось летать. И не нравилось оборачиваться.

И каменели от ужаса люди на ее пути. Потому что Любовь, которой никто не нужен, приносит лишь смерть. Быструю, чистую и почти безболезненную. В чем-то даже красивую. Но — только смерть и ничего кроме смерти. И сама становится смертью — со временем.

Выжившие прозвали ее Горгоной и научились делать защитные зеркала. Синеглазой Смертью назовет ее кто-то из фильмов, но случится это намного позже, и это совсем другая история.

А тогда лишь седая Джульетта, улыбаясь растерянно и часто по-маргивая, все крестила ее вслед дрожащей старческой лапкой.

БАБЬИМ ВЗГЛЯДОМ

Читай на упаковке: вставлять в свои глаза чужие контактные линзы негигиенично. Даже если это линзы твоей жены.

В совместной жизни случается всякое: спросонья доводилось путать зубные щетки, второпях вытираться ее полотенцем. Но линзы... Всегда уважал чужие укромности, ребенком стеснялся входить и в родительскую спальню, и в комнату сестры.

Ладно, ладно... Я еще выращу новые волосы и новые зубы.

Зубы, начну с зубов. Дорого, кстати, один новый зуб — мой двухнедельный заработок. Или дюжина упаковок контактных линз. Кстати, о линзах: лет десять назад кто о таком мечтал? Отдохните, фантасты-фантазеры, умойтесь, Маниловы-Циолковские: оптронный визуальный преобразователь мощностью в тысячи и тысячи тогдашних компьютеров уместается в контактной линзе. Сотни программ интерактивного стереотиви, библиотеки, городские облачные сети, выход в инет на приличной скорости. Дешевыми линзами управляют взглядом: не очень удобно, зато цена — пятак. Пятачок? Ха! Одна поездка в сабвэе. Или пять одноразовых зажигалок, или два стакана сидра в автомате, или пирожок с повидлом. Пирожок... А вырастить зубы столь же кучеряво, как и десять лет назад. Резонный вопрос: что для человечества важнее — иллюзии или здоровые зубы? Вопрос. Риторический? Про сладкое и мучное пора забыть: зубы — не линзы, зубы надо беречь. А линзы...

Домашние линзы жена оставила на моей полочке возле умывальника. Свои линзы. На моей полочке. Понятно, почему не на своей: в хаосе женских парфюмерных изысков попробуй что-то отыскать. Оставила. Забыла. Она. Я спросонья не заметил, умылся, нащупал на полочке, да и вставил. Вместо своих. Сослепу. По ошибке. Я.

Вставил, несколько раз моргнул, помассировал веки суставами указательных пальцев, открыл глаза и увидел себя в зеркале. Себя? С перепугу отшатнулся... А кто не всполошится, если неожиданно увидит вместо своего лица чужое?... Не так просто принять, что этот здоровенный смуглый блондин в отражении — как бы я. Моя дин-авка, моя динамическая аватарка в линзах жены. Такой, каким жена хотела бы меня видеть. Меня? Своего мужа. Моя жена. Моя? Моя авка... Точнее авка, которой линзы жены заменяют мою физиономию. И не только физиономию.

Качественная авка, спецзаказ, профессиональная работа. Дорогая. Идеально адаптирована к моей мимике и динамике. Хоть голый, хоть в тулупе, хоть в ластах, хоть на лыжах — умная программа все учтет и подгонит иллюзию — не отличить от реала.

Сразу сообразил, с кого эта авка срисована. Дёма-Дёмочка-Демьяша, лапа-лапочка ты наша! Вот сейчас вдруг осознал: ведь еще

при первом знакомстве подавил ничем не оправданное желание нахлестить холеную рожицу. Блондинчик ты наш крашеный, гитарист, программист, идеалист и идеал... Молодец, что не дал повода. Как бы я тебя уделал: ботинком по голени, лоу-кик слева, правым крюком в солнечное, локтем в челюсть. Пока падает — коленом в лицо. Но как объяснить подобное желание клуням, воркующим вокруг красавчика? Прости, Демчик, мою нелюбовь. Ведь и не упрекнуть за дело: милостиво позволил мне, нескладному пузанчику, увести одну из курочек своего гаремчика. Больше того: всемерно способствовал, чуть ли не наперстничал. О спасибо, спасибо, спасибо, добрый господин! Твои инстинкты верны: если прекратят размножаться такие вот, как я, то кто обеспечит безоблачность таким вот, как ты?

В минутном бое с тенью я выпустил пар и успокоился. Поиграл завидной рисованной мускулатурой. Правильно Демьяненко кушинкал, в крутые качалки хаживал. Семейно кормить не надо, да, бережёт себя Дёмушка. Что греха таить: далеконок мне до Демуленьки, даже в молодости таких бицепсов не имел. А теперь-то... Скорчил рожу, оскалился. И зубки у Демусюсеньки ровненькие, не доводилось Демупусеньке коленопреклоненно ловить челюстью маваши. Ага, маваши, на срочной, сапогом: пара старослужащих выкручивают руки, а третий — вшивый щенок, замкомвзводовский прихвостень! — куражится над беспомощным салабоном. И татушечка на груди... Любопытно, Демьянчик действительно щеголяет якорем, аль жена дофантазировала?

Ладно, я ещё выращу себе новые зубы. Денег накоплю и выращу. И мускулы накачаю, там поглядим, демонические вы наши...

Я окинул чужим взглядом нашу ванную комнату. Тесный и обшарпанный в реале, в линзах стандартный совмещённый санузел выглядел домашними термами римского патриция. Мрамор, золото, пальмы, две могучих амазонки с кинжалами охраняют вход, чернокожие атлеты с амфорами в руках выстроились вдоль бассейна. Взгляд на рисованное благосостояние потревожил давно утомленную совесть. Пожалуй, не стоило экономить и столько тянуть с приобретением горничной, давно могли пригласить на распродаже контрафактную китаянку или индуску. Даже без ипотеки. Или в «секонд-хэнде» — вполне приличную, здоровую негритянку, а то и белую.

Я вытащил из глаз чужие линзы. Чужие. Глаза слезились. Врет реклама? Вылупившееся желание посмотреть, какими жена видит остальные каморки нашей вшивой полуторки, не дожило до окукливания и издохло в стадии личинки. Качаться, качаться начну прямо сейчас. Клешему нетсерфинг! Никаких булочек, брошу курить, накоплю на новые зубы.

Читай на упаковке: примерять на себя чужие мечты опасно для здоровья. Даже? Особенно! Особенно, если это мечты твоей жены.

АЛЫЕ ТУФЛИ

Нет, мы так не договаривались. Помню только собственный визг, жгучее желание выцарапать глаза, стремительный бросок моего, в общем-то, рыхлого тела и встречную оплеуху. Еще припоминаю красивый узор полированного тика, по которому я скользила носом верных три метра, и обогнавшую меня перед финишем туфлю. Изящную алую лодочку, презревшую все догмы яхтенного этикета.

Соленая морская горечь стягивает мои губы, жжет язык и десны, раскаленным тупым ножом терзает гортань... Так не бывает... Мы так не договаривались... Пить!...

Что-то мягкое, холодное, живительное и восхитительно пресное капает на мое лицо. Я продираю спекшиеся от морской соли глаза и судорожно впиваюсь зубами в мокрую тряпицу.

Сашка. Лицо тревожное. Одной рукой поддерживает меня за голову, другой выжимает белый обрывок рубашки. Я жадно ловлю падающие капли...

Остров нам достался небольшой, но таинственный. В том смысле, что притаился он бог знает где. Уже четвертые сутки, как удалось добыть огонь, а горизонт все также девственно чист. Никто и не думает приходить на помощь, несмотря на три густых вонючих столба дыма от тлеющих водорослей. Методу Сайреса Смита из «Таинственного острова» было по барабану на весь наш энтузиазм и находчивость, проявленные во время добычи огня. При помощи моих акриловых ногтей мы вытащили стекла из наших наручных часов. Скрепленные глиной и наполненные водой, стекляшки должны были превратиться в лупу. Несмотря на принесенные в жертву Богу огня сверхмодные ногти, вода утекала из конструкции раньше, чем нам удавалось что-нибудь поджечь. Вероятно, следовало принести жертвы богам земли, воды и ветра, чтобы теория Сайреса заработала как следует, но увы — как островитяне мы были на редкость «жертвеносостоятельными». Все, что удалось спасти от пиратов, было на нас, и мы не собирались отдавать на закланье последнее иначе чем в практических целях.

Красный, каким следовало быть вовсе не ему, а испекшемуся на углях крабу, остервенело чиркающий кремнями над сухим пучком травы, Сашка был зол, как черт. Мой благоверный всегда злится, когда хочет есть. И тем невиннее был мой взгляд, которым я его наградила, вручая туфлю. Каблуком вперед, конечно, чтобы дошло... Дошло. Под пробковым колпачком, который меня заставили надеть, чтобы не царапать дерево палубы, скрывался чудесный

твердый сплав шпильки. А что вы хотите — на заказ туфли делала, знала куда ввязываюсь. Жаль — только левая лодочка уцелела. Со спрятанной в каблуке гибкой пилой из набора для выживания. В правой, потерянной, помещался ножик с двадцатью предметами. Но хотя выход в моих «супертуфлях» на песчаный подиум острова под восхищенные аплодисменты мужа и не состоялся, я была всецело вознаграждена его радостным воплем при виде мощного снопа искр. Против такого фейерверка у импровизированного трута не было ни единого шанса.

Вслед за туфлей ушел на алтарь школы выживания и мой шикарный бикини. Его тесемки Сашка сразу же пустил на тетиву лука, а из чашечек было устроено что-то вроде сачка, которым я с увлечением ловила мелкую креветку. Прыгая за ней по мелководью и прислушиваясь к визгу пилы — муж отправился строить жилье, — я в сотый раз пыталась осознать реальность происходящего с нами.

Что дело неладно, я почувствовала, когда Сашку свалили ударом приклада в живот. Ему только в прошлом году прооперировали язву, что было внесено мною в анкету при заключении контракта с «Ситуацией». С чего туда бить? Любой адвокат порвет, как тузик грелку! Муж был великолепен, когда бросился на троих вооруженных чернокожих громил. С одной только шваброй. Натуральный центнер его разогнавшей массы смел молодчиков за борт, как хороший бульдозер. Храбро. Безумно даже, если учесть, что он считал это настоящим абордажем. А вот четвертый успел шарахнуть раньше, чем Сашка добрался до него. Муж осел сразу. Без выдоха. На то, чтобы прийти в себя и озвереть, мне потребовалась пара секунд. Заорала, вскочила, кинулась, — и нарвалась на удар, выбивший меня из туфли и сознания.

Мы сменили отпускную ориентацию на водоплавающую, когда сухопутное пятизвездье достало нас до печенок своим однообразием. Я вам так скажу — эффекта ноль. Если раньше мы любовались проплывающими мимо яхтами, то теперь лениво провожали взглядами уходящие в бесконечность берега. Радости от покупки новых посудин затухали в геометрической прогрессии. Шкипера и стюарды оставались на той же пятизвездной высоте в море, что и управляющие с обслугой на VIP-побережье. Бесконечная роскошь могла закончиться только глупостями. Моими или мужа. Последние месяцы чуть ли не заполночь возвращался. Посиделки у них в клубе, видите ли. Ага. Знаю я эти посиделки и чем они рано или поздно заканчиваются... Я с тоской вспоминала наше ранее время, когда мы с Сашкой плечом к плечу вырубали свою дорогу в джунглях современной жизни. Вот

это было времечко! Никогда позже счастливее не были. Одолели свою вершину. И соседнюю. И еще парочку. И еще... Выше уже куда? Очнуться хотелось. Понимаете?

Недавно купленная Сашкой двадцатифутовая лодка идеально подходила для задуманного. Облаченные в пиратский прикид агенты «Ситуации» должны были взять нас на abordаж и высадить на необитаемом острове «как есть». В том смысле, что без синяков и внутренних кровотечений. С комплектом предметов первой необходимости, аптечкой и спутниковой связью. Но это так, на всякий случай, если самостоятельно выжить не сумеем. Сундук с припасами должен был находиться рядом с островом, в рубке старого затонувшего баркаса, ориентиры местонахождения которого я заучила, как Отче наш. И, конечно, не было на острове ни ориентиров, ни баркаса, ни тем паче сундука. Вернуться за нами должны были через пять дней; предполагалось, что за это время мы сумеем добыть огонь и запалить интернациональный сигнал о помощи — три дымовых столба. И, конечно, не вернулись. В том, что по роковой случайности нас захватили настоящие пираты, сомневаться уже не приходилось.

Говорить Сашке ничего не буду. Во первых — убьет. Во-вторых, назовет дурой. И будет прав. Вот он сидит. Мрачнее тучи. В глазах черте что. Всю неделю демонстрировал мне чудеса изобретательности. Отыскал источник с пресной водой, добыл огонь, соорудил шалаш, сделал обсидиановый нож, нашел множество съедобных растений и корней, бил стрелой рыбу, ставил силки на марасов. Причем делал это так, будто имел в этом неплохую практику. Я со своей стороны хранила огонь, чистила и свежевала добычу, пекла и жарила. Удивительного в моих навыках ничего не было — воспользовавшись клубными посиделками мужа, я тайком ходила на курсы экстремальной кулинарии. Понимала, что при скудной флоре-фауне достучаться до сердца любимого через желудок будет ой как непросто. Но ничего. Достучалась. Любовь под пальмами крутилась под печеного лобстера «на раз». А сколько было нежности под вкрадчивый шелест ночной волны! А огненной страсти под жаркими лучами утреннего солнца! На горячих камнях! В райской прохладе шалаша!

А вот сегодня Сашка сдал. Сидит такой, печальный весь. К вечеру прямо пятнами пошел.

«Не могу я, мать, этого выносить, — говорит. — Никто за нами не придет. Реально нас с тобой грабанули!».

Я, слегка опешив, поддакиваю, мол, конечно по-настоящему, а как же еще?

«А так, — поясняет, — что должны были придти за нами еще вчера! И контейнера с рацией нигде нет, второй день по острову шарю».

Так, думаю, приплыли. Настучали! Прознал!

А он, сердечный, не унимается.

«Фирму «Игра» помнишь? Ну та, что психологическими розыгрышами занимается? Пиар-компанию год назад проводили. Вижу — еще немного царской нашей жизни, и ты, родная, от скуки сбесишься, а там и до глупости не далеко. Вот и решил я с их помощью комедию с пиратами разыграть да на острове с тобой в неглиже высадиться. Адреналин... Жизнь на лоне... И вообще...», — заканчивает он, видя выражение моего лица.

«Чего вообще? — ору матом. — Лона ему захотелось! Я тебе сейчас такое лоно устрою, маму вспомнишь!» А про себя думаю: такие совпадения и раз в сто лет — редкость. Нет, ну надо же нам с Сашкой так... Точно говорят — Муж да жена — одна сатана.

Понятно теперь, откуда у него талант «нарисовался». Посиделки в клубе. Как же...

И что у нас по плану дальше? «С милым рай и в шалаше»? Нет? Или да? А СПА? Обслуживание в номерах? Фуа-гра? Цивилизованный фитнес, а не прыжки с выцветшими чашечками сачка за хитрой креветкой? Увижу ли? Поплакала, уткнувшись в широкое плечо мужа, и... и пошла краба в глине запекать...

Вот честно — взгрустнулось, когда через три дня за нами прилетел-таки гидросамолет. Со спасателями, Антоном, из нанятой мною «Ситуации», его девушкой, которую я мельком видела в офисе, но сразу все поняла, и тремя африканцами, закованными в наручники. У Антона с подружкой был виновато-изможденный вид. У наших знакомых пиратов — изможденно-затравленный.

Забрались мы в самолет, помахали на прощанье приютившему нас острову и расселись в свободных креслах. «Что будет? Что будет?» — спрашивала я себя, предвкушая объяснения Антона. «Я это, — промямлил тот, — лодку вашу потерял...» От ужаса надвигающейся бури я едва не теряю сознание.

«Понимаете, черт меня дернул наемную команду в дело пустить...», — продолжал вколачивать гвозди в крышку моего гроба проклятый Антон. Говорил он, естественно, обернувшись ко мне, не замечая, как у моего благоверного начинают ходить желваки. Вот тут мне захотелось жить так сильно, что единым духом призналась мужу во всем. Ну, почти во всем...

Его хохот потряс салон, войдя в резонанс с авиадвигателями, набирающими взлетную мощь.

Антон с испугом смотрел на нас и, дождавшись окончания приступа, продолжил убитым голосом.

«Наемники вышли на вашу лодку по нашему радиомаяку, захватили ее, высадили на ваш остров, как договорились, всех кто был на борту... Пригнали ее в порт. А потом... Шикарная лодка-то, заскучает без дела, думаю. Взял Гальку, говорю, мол, пока клиент терапию

проходит — махнём на пару дней... И махнули... О том, что наемники высадили вместо вас на остров трёх разоруженных африканцев, я узнал на второй день по радио. Из конторы интересовались: почему трое, ведь контракт на двоих? Только подумал, что дело нечисто — бац, догоняет меня какой-то катер. Примерно с крейсер величиной и пушек не меньше. Приказывает лечь в дрейф, пришвартовывается и команду спускает. Нас с Галькой носом в палубу, мешки на голову... Все, думаю, конец истории. Ан нет. Вечером вблизи какого-то острова отпустили. Лодку вашу забрали. Недельку на острове с Галькой просидели, костер жгли, хорошо зажигалка была... А когда самолет, на дым наш прилетел, я с борта в контору отзвонил и координаты «вашего» острова спасателям дал. Там мы этих горе пиратов взяли, а они признались, где вас высадили. Тоже по дыму вышли...»

«Так ты рацию в контейнере не нашел?» — перебил его Сашка.

Иногда я позволяю мужу соображать быстрее себя.

«Какую рацию???» — шепчет Антон побелевшими губами...

Взрыв нашего с Сашкой смеха почти отрывает от самолета крылья, и он резко садится на воду. Совсем рядом с катером, подозрительно смахивающим на ракетный крейсер. У подветренного борта стального гиганта фривольно плещется наша лодка.

На пирсе нас встречает целая делегация. Полиция забирает пиратов и наши данные для показаний. Блики фотовспышек, заглядывающие прямо в рты микрофоны. Сашка решительно протискивается сквозь строй репортеров к какому-то здоровяку в темных очках. Мертвой хваткой профессионального ловца крабов хватает того за грудки и, почти приподняв эту глыбу, медленно цедит в лицо, — «Ильяха, совсем страх потерял? Ты видел, кого на abordаж брал? Видел? Или тебе все равно кого?»

«Так, Александр Семенович, мы напрямую таких вещей не делаем. Только через наемников. А те — по радиомаяку работают. Кстати, а почему на лодке у вас их два? Мы же всего один устанавливали?»

«Да хрен с этими маяками! — разжимает клещи отходчивый Сашка. — А то, что два дня назад должен был, пусть не нас, но хоть этих охламонов с острова забрать — память отшибло?»

«Тут дело такое, Александр Семенович, — Утес с трудом восстановил дыхание. — Психологическая разгрузка, по мнению наших консультантов, должна иметь элемент неожиданности и для лица, заключившего контракт... поэтому забрать вас с острова должны были только сегодня... Пойдите, а о каких охламонах вы говорите? «... «Об этих», — Сашка красноречиво ткнул пальцем в сторону Антона и Гальки, с быстротой молнии прибирающих любовный беспорядок на борту нашей лодки. Судя по устрашающему количеству разбросанных вещей, ребята веселились не по-детски. «Об этих охламонах, — повторил Сашка, — что свои труселя и лифчики из

нашего камбуза выносят! Которых твои остолопы вместо нас на остров ссадили!» «Когда? — поперхнулся от неожиданности шкаф: — Вас же только что спасатели доставили?» Мой муж выудил из кармана буфетообразного пиджака Ильи булькнувшую фляжку, не спеша отвинтил колпачок и картинно, не сводя глаз с собеседника, приложился к горлышку долгим, проникновенным глотком.

Сдобренное парами дешевого Курвазье жизнеописание было лаконичным, красочным и нецензурным. По мере разъяснения ситуации на светло-духовый оттенок лица Ильи ложилась пепельно-серая патина просветления. Когда до него дошло, что хитросплетение нитей судьбы свело нас, пиратов, обе компании по тиражированию психологических розыгрышей с их радиомаяками, нашей лодкой, наемниками и тремя отдельно взятыми островами Тихого океана, монументальный Илья отобрал у Сашки свой коньяк и приговорил последнего чудовищным залпом.

В этот момент меня трогают за локоть.

«Анна Сергеевна, не ваше? — Антон глуповато улыбается, — В кокпите валялся»

С диким удовольствием срываю с поданной мне туфли и зашвыриваю на обратную сторону Луны пробковый колпачок.

Как есть — в бикини, тесемки которого пошли на тетиву лука, висящего за спиной, в обрамлении пышных пальмовых ветвей, в ослепительно алых туфлях, я хватаю мужа под руку и увлекаю прочь от этой жадной и глупой прорвы людей. Мы идем по набережной под дробь шпилек, высекающих из древнего камня целые фонтаны искр.

ЗА СЧЁТ ЗАВЕДЕНИЯ

Первый посетитель уже занял своё привычное место у окна. Это был пожилой эмигрант, напоминающий разбитый корабль, потасканный по многочисленным гаваням и, наконец, пришвартованный к чужому берегу, усталый и невозмутимый. Он мог сидеть здесь весь вечер, до самого закрытия. Хорошо, если не засыпал, потому как, проснувшись, не сразу соображал, где находится. Правда, не буянил, платил безоговорочно, извлекал из кармана мятые купюры и, не считая, кидал их на стол. Ни разу не ошибся в свою пользу, но выглядел при этом как-то очень потеряно и жалко. А Поль считал, что в его заведении посетители должны обретать если не счастье, то хотя бы присутствие духа. Поль как-то предложил старику открыть кредитный счёт, как постоянному клиенту, но тот отказался, заявив, что не любит быть должным, даже недолго, даже бармену.

Ближе к семи пришла Виктория. Она всегда приходила рано, любила разыграться до прихода основной толпы, выпить пару рюмок коньяка и войти в благодушно-творческое расположение духа, при котором регги вылетает из-под пальцев легкой тропической птицей, описывает круг под потолком, и растворяется в клубах сигаретного дыма. Главное, чтобы Виктория не перебрала. Иначе, на смену гавайским ритмам Боба Марли и Пита Тоша, придёт беззаботный «Маргариттавилль» Джимми Баффета, следом за ним — приспанный коксом ранний блюз Рэя Чарльза, а в конце шатающейся походкой, задевая мебель на своем пути, ввалится благоухающий бурбоном авангардный джаз Тома Уэйтса, неровный, перебитый речитативами, словно пытающийся убедить слушателей, что во всём виноват пьяный рояль. После чего Виктория последний раз пройдет по клавишам, утопит окурки в недопитом коньяке и, покачивая полными бедрами, отправится искать очередного любителя послушать нехитрую прозу жизни из уст стареющей, подвыпившей, но всё еще красивой женщины. Поль много раз грозился её уволить, но знал, что не сделает этого. Она тоже знала. У Виктории были золотые руки, которые переставали дрожать, едва она садилась за инструмент.

Поль хорошо помнил, как эти руки расстёгивали его рубашку, скользили по груди, по спине, обжигали кожу электрическим рядом прикосновения. Помнил, как задыхаясь от собственного желания, набрасывался на Викторию голодным зверем, катился вместе с ней в пропасть, на самом дне которой, наконец, обретал блаженный покой. Это было давно, лет двадцать назад. А может, и больше. Тогда не было Поля Сезанна — владельца сети баров «Сезанн» в Сан-Франциско, а был Пашка Сазонов — непризнанный талант

с большими амбициями, свободный художник, специализирующийся на этикетках, карикатурах, поддельных ксивах и краденых картинах известных мастеров. Была Вика, молодая виртуозная пианистка, получившая приглашение в Парижскую национальную консерваторию, но тем застойным советским временам — событие более чем фантастическое. Что связывало таких разных людей, кроме двух пар золотых рук? Да, в общем-то, ничего особенного. Общий двор, куда выходил десяток знакомых окон, вишня, едва поспевшая и уже ободранная местной шпаной, разбитые коленки и локти, запах майской сирени, первый поцелуй, второй, третий, и долгие бессонные ночи, наполненные наивными мечтами о так и не наступившем будущем.

Ещё Поль помнил, как нежные Викины руки извлекали девяти-миллиметровую пулю из его простреленного предплечья пинцетом, смоченным водкой, как зашивали рану шёлковой нитью, как его рвало при виде собственной крови, а Вика — ничего, словно всю жизнь занималась тем, что штопала раны проходивцам, находящимся во всесоюзном розыске. А ещё Поль помнил, как на его глазах тонкие Викины пальчики — мизинец и безымянный, тот, на который она так и не надела кольцо, были грубо сломаны его, Поля, подельником из-за каких-то давно утёкших в песок денег, и он не мог этому помешать. Помнил, как сильно он хотел тогда сдохнуть, и как ненавидел себя за то, что не сдох. С тех пор прошло очень много лет. Поль сменил страну, имя, фамилию, исправно платил налоги и парковал машину в строго отведенных для этого местах. Но Вика так никогда и не выступила ни в Московской филармонии, ни в Карнеги-Холле. Она играла в барах блюз и джаз, и регги, и даже иногда этюды Шопена, и делала вид, что ей абсолютно не интересно, где сегодня ночует Поль.

Раньше, когда она была моложе, Вика могла пропасть надолго. Поль неизбежно находил её в каких-то притонах, вытаскивал из изъеденных клопами постелей дальнобойщиков, встречал у дверей дешёвых мотелей, откуда она выходила усталая, разбитая, обдолбанная наркотой, иногда еле живая. Виктория швырялась в Поля словами, из которых самым приличным было “подонок”. Да, Вика, я знаю, я сломал твою жизнь. Иди умойся, а я пока сварю кофе.

Несколько лет назад один богатый турист влюбился в неё по уши и хотел увезти с собой то ли в Австралию, то ли в Новую Зеландию, в общем, далеко. Поль надеялся, что она согласится. Но она отказалась.

Вика прошла за стойку, лениво чмокнула Поля в щеку, и уже собиралась идти к своему инструменту, но Поль удержал её.

— Похозяйничай за меня пять минут. Я сейчас вернусь.

— Без проблем, — повела плечами Виктория, — дедуля что пьёт? Как обычно?

— Да, — ответил Поль, — смешай ему «Кровавую звезду» за счёт заведения. Что-то у дедули слишком печальный вид сегодня.

«Кровавая звезда» — фирменный напиток баров «Сезанн», включала в себя смесь ликёра «Кампари», бренди и вишнёвого сиропа.

Туалет располагался справа по коридору. По дороге Поль достал из кармана пузырек с таблетками, открыл, не глядя высыпал на ладонь и отправил в рот. Таблетки давно не помогали. В медицину Поль всё равно не верил. Почему-то в памяти всплывал далёкий армейский товарищ Серёга, с которым они вместе служили на Черноморском флоте. Серёга был сыном деревенского священника, в свое время сосланного по политической куда-то под Красноярск. Таким образом, Серёга родился настоящим сибиряком. А вот каким образом настоящий сибиряк, сын настоящего священника, подцепил настоящий триппер, оставалось загадкой. Впрочем, для Поля загадка была слишком проста. Ибо он подцепил нехорошую болезнь в то же удовольствие и с того же адреса.

Серёга наотрез отказывался лечиться. Нёс ахинею о том, что все болезни исцеляются словом Божьим, включая трипак.

— Какое к лешему, слово? — недоумевал Поль, тогда ещё — Пашка Сазонов, — я поссать нормально не могу, а ты мне ерунду впариваешь!

Серёга доставал из кармана маленькую книжечку, с которой не расставался никогда.

— Надо читать «Отче наш» когда более всего приспичит. И вот когда закончишь читать, уже как бы и легче.

Поль в ответ усмехался:

— А твой боженька не обидится, что ты к нему в такой не слишком святой момент зываешь?

На полном серьёзе Серёга листал свою книжечку и совал её товарищу под нос:

— Вот тут написано: «Из теснин к тебе зываю».

Поль, который в жизни не прочёл ни одной книги, вглядывался в мелкий шрифт, делал суровое лицо и, стараясь не расхохотаться, отвечал:

— Кайся, раб Божий, Сергей. Ибо «теснины» и «параша» — не есть одно и то же.

Это, конечно, не какой-то примитивный гонококк, но чем чёрт не шутит, подумал Поль, расстёгивая ширинку и зажмуривая глаза. Острая боль пронзила насквозь.

— Отче наш, иже еси на небесах...

Боль стала невыносимой, слёзы выступили на ресницах одновременно с медленными каплями, упавшими в унитаз.

Поль открыл глаза. В мутной воде плавал красный сгусток крови, по форме напоминающий звезду.

— Твою мать, — прошептал Поль и прислонился к стене.

Солнце бесшумно погружалось в прохладные воды залива, напоследок разбрасывая золото по влажным спинам морских львов,

облюбовавших тридцать девятый пирс “Рыбацкой пристани”. Разношерстная толпа волнами перекатывалась по шумным улицам от одной двери к другой, рассыпалась на мелкие бусинки и вновь собиралась в единый поток, сливающийся с запахами морского побережья и звуками бесконечной живой музыки.

Бар “Сезанн” располагался не в самом оживлённом месте, спрятанный в глухом переулке, где отыскать его могли только те, кто знали, что ищут, или же случайные прохожие, заблудившиеся в незнакомом городе.

Вечер шёл своим чередом, медленно перетекая в ночь. Люди приходили, уходили. Виктория выжимала из клавиш максимум и пела хриплым, прокуренным, до боли родным голосом:

— Hit the road, Jack, and don't cha come back, no more, no more...

У Виктории выходило не хуже, чем когда-то у Марджи Хернандес. И, как всегда, нашёлся захмелевший любитель живого караоке, который во всю глотку подпевал:

— Well, if you say so, I just have to pack my things and go...

“Девушка у пианино” кисти известного импрессиониста неодобрительно поглядывала из позолоченной рамы на стене.

Беспокойство возникло вдруг, неожиданно. Словно холодная ладонь прикоснулась к горячей коже и стянула тонкие струны нервов в узел солнечного сплетения.

К стойке подошёл человек, и Поль почувствовал, как напрягаются мышцы, а рука непроизвольно тянется к спрятанной на одной из нижних полок бейсбольной бите. Инстинкт, не подчиняющийся логике.

— Стало быть, ты — художник, — скорее утвердительно, чем просительно произнёс посетитель.

— Если вы про автора этой картины при входе, то он уже лет сто как на том свете, — ответил Поль.

— У тебя есть большой толстый шанс к нему присоединиться.

Поль в этом не сомневался. Прошлое продолжало охотиться за ним, настигало в самые неподходящие моменты, грозило раздавить, но в последний момент выпускало, предупреждая: “Я вернусь”.

— Тобой интересуется серьёзный заказчик, — продолжал человек.

— И что же он будет заказывать? — усмехнулся Поль. — Виски с содовой? Или “Кровавую звезду”?

— Вот здесь — адрес. Кровавые звезды посыпятся у тебя из глаз, если не придёшь.

Поль не шелохнулся.

— Или у неё из глаз.

Виктория уже была основательно пьяна и, Поль не сомневался, успела вдохнуть белую дорожку кокаина.

— Don't care if you do, it's understood

You ain't got no money, you ain't no good...

Сколько раз уже это повторялось?

— No more, no more, no more, no more...Hit the road, Jack...

Регги, джаз, блюз, рок...Когда же этот рок оставит нас в покое? От него невозможно укрыться, его невозможно подкупить. Прежде, чем подумать логически и трезво оценить свои шансы, Поль нащупал деревянную рукоять биты. И опоздал. Он всегда опаздывал. В прошлый раз пуля попала ему между глаз, оставив аккуратное отверстие. В позапрошлый раз удар кастета пришелся точно в висок, вызвав кровоизлияние. До этого Поля дважды сбивала машина, трижды его топили в холодных водах Тихого океана и даже однажды закатали в бетон. Поль ждал, когда метастазы окончательно сожрут его мозг. Может, этим, наконец, всё закончится? Или он опять проснется здесь, за барной стойкой, в пустом тёмном помещении. Виктория с опухшими глазами и следами плохо смытой косметики видя, что он открыл глаза, начнет выговаривать:

— Опять нажрался? Я вместо тебя кассу закрывала. Неужели так сложно не вести себя, как свинья? Ты сколько выпил?

— Нисколько, — отвечал Поль.

Это была правда. С тех пор, как он умер в первый раз, Поль не взял в рот ни грамма спиртного. Когда он понял, что никто не замечает его смерти, Поль перестал удивляться чему-либо. Но постоянное ожидание конца было мучительным. То раз в месяц, то раз в год Поль чувствовал его приближение, ощущение это ни с чем не мог спутать и неизбежное был не в силах предотвратить.

Сегодня что-то пошло не так. Умолкло фортепиано. Ночь, словно оказавшись в паузе между тактами, замерла, затаив дыхание. К барной стойке подошёл старик, тот, что обычно сидел у окна. Плотный туман окутал бар, утопил весь мир, оставив в нём только старика и бармена.

— Мне нужно отдать вам долг, — сказал посетитель. Говорил он по-английски неплохо, с едва заметным европейским акцентом.

— Вы мне, кажется, ничего не должны, — пожал плечами Поль, пытаясь понять, что же, всё-таки, происходит.

— Кровавая звезда". Я за неё не заплатил. Уже полночь — я был должен вам слишком долго.

— Вы, конечно, можете заплатить, но это подарок от заведения, от меня лично, если вам угодно.

— Видите ли, я не принимаю подарков, — старик выглядел немного смущенным, — мне придется что-то дать вам взамен.

— Мне ничего не надо.

— Так уж совсем ничего? — грустно усмехнулся посетитель.

Резкая боль вдруг пронзила низ живота, словно через плоть прошел острый охотничий нож с заточенным фальшьлезвием. Поль запил горсть таблеток водой.

— На той стадии, что у вас, уже ничто не поможет, — без тени жалости заметил старик.

— А вы-то откуда знаете? — удивился Поль.

— Наблюдаю, — улыбка на секунду мелькнула на морщинистом лице, — вам ведь порядком надоело умирать каждый раз, когда вас убивают.

— Вы и это знаете? Кто вы?

— Вы поймёте. Потом. У вас уникальный шанс. Просите, чего хотите, я не могу вечно оставаться у вас в должниках, а долг мой не измеряется стоимостью коктейля. Ибо уже за полночь.

— Почему я никак не могу умереть? Или может я уже все-таки сдох и нахожусь в каком-то персональном аду? — Поль по жизни не верил ни в черта, ни в Бога, ни во что сверхъестественное, но списать происходящее на галлюцинации метастезирующего мозга не получалось. — Вы можете мне объяснить, что происходит?

— Вы в школе учились? Физику изучали? Вижу, не изучали. Пожалуй, квантовая механика для вас, — такой же тёмный лес, как китайская грамота. Ну вот, допустим, это картина на стене.

— Это копия, — вставил Пол.

— Довольно удачная копия, — кивнул старик, — я имел удовольствие быть знакомым с автором оригинала. Вашим тёзкой. “Девушка у пианино” — жена Сезанна. Она исполняет “Увертюру к Тангейзеру” Вагнера. Не самое моё любимое произведение. Тем не менее, я сижу и слушаю, вон в том кресле, повернутом к вам спиной. Мы были близки с Полем. Впрочем, с его женой тоже. Время — интересная штука. Если вдуматься, его не существует, как не существует людей на этой картине. Движение времени — иллюзия, созданная нашими биоритмами. Если сбиться, то можно оказаться вне его, в так называемом временном узле, где иллюзия времени не подчиняется нашим внутренним часам. Вы застряли, Поль. Иногда так бывает.

— А Виктория?

— Я бы сказал, что ей просто не повезло. Она, увы, всю жизнь любила вас, а могла бы любить кого-то другого. Но это звучит довольно банально, тем более, что любовь — такая же иллюзия, как и время.

— А можно сделать так, чтобы меня не было в её жизни? Вообще никогда. Чтобы тридцать лет назад мы не столкнулись случайно на лестнице нашего дома, не встретились глазами, вот чтоб ничего не было. Вообще. Чтоб она без меня прожила всю свою жизнь, как хотела, без всего этого, — Поль обвел взглядом помещение бара, затянутое густым туманом.

— Ну что ж, если вам так хочется. Спасибо за выпивку. Коктейль удачный, название, правда, дурацкое, — с этими словами старик развернулся и исчез в тумане.

Поль провалился в сон, короткий, случайный, как иногда бывает при большой усталости. Очнулся от звуков музыки:

Hit the road, Jack, and don't cha come back no more...

Привидится же такое, чёрт побери.

Аккуратно закрыв крышку инструмента, Виктория медленно поднялась со стула. Поль, не отрываясь, смотрел на неё. Она была другая. Она была...Это была не она.

— У вас замечательное фортепиано, — сказала Виктория, улыбаясь Полю лучистой незнакомой улыбкой, — спасибо, что разрешили на нем поиграть.

Поль молча кивнул, не решаясь произнести ни слова.

— Вот, возьмите, — Виктория положила на стойку конверт, — Я вступаю послезавтра в “Золотых воротах”. Приходите. Здесь два билета.

На секунду Поль накрыл её руку своей, почувствовал, как ускользают из его ладони её пальцы, тонкие, холодные, безупречно ровные.

Смотрел, как она идет к двери, задерживается у картины Сезанна, словно встречаясь глазами с нарисованной женой художника, и выходит в ночь.

Поль нащупал в кармане пузырек с таблетками. Он был пуст.

Тогда Поль достал бутылку “Кампари” кроваво-красного цвета, плеснул в шейкер, добавил немного бренди и вишнёвого сиропа. “Кровавая звезда” — действительно, дурацкое название.

ОСОЗНАНИЕ АДА

Ева танцевала среди облаков — радужной птицей, невесомой бабочкой. Лепестки юбки металась огненными крыльями; блестящие башмачки и узкие ладони попеременно касались золотого луча проволоки — не опираясь, а отталкиваясь. Как будто каждый шаг был началом полёта.

Когда первая тварь, скалясь и визжа, сорвалась с башни, зал ахнул. Ева замерла, будто парализованная страхом — зал затаил дыхание. Ева покачнулась, выгнулась, распласталась в шпагате, успевая отклониться от оскаленной пасти в самый последний момент — зал выдохнул протяжно и восхищённо, и через минуту ошеломлённого молчания взорвался аплодисментами. Ева улыбнулась; капелька пота скользнула по виску.

Аду не нужно было поворачиваться, чтобы видеть лицо Евы. Он помнил — каждое её движение, вздох, всплеск огненной юбки. Он чувал — её дыхание, напряжение пальцев, обнимающих лезвие проволоки, дрожь улыбки на губах. Так, будто это были его собственное дыхание, пальцы и улыбка.

Аду нельзя было поворачиваться. Его дело было следить за тварями. Успокоить; раздражить; сдержать; заставить прыгнуть вовремя.

Старая серая самка никогда не прыгала. Ревела, мотая огромной головой на длинной шее, тянулась когтистыми лапами — пыталась достать вертлявую яркую добычу. Щурила злые умные глаза. Но не прыгала — в отличие от своих молодых собратьев. Наверное, потому, что поняла уже давно — на обрезках, оставшихся от крыльев, не взлетишь. Будешь только бестолково кувыряться до тех пор, пока не шлёпнешься на вонючий песок арены. Другие, когда хлыст Ада подгонял их к краю площадки, срывались вниз так, будто всё ещё помнили свои настоящие крылья.

Ева взлетела — в ладони от бугристой морды серой старухи — раскинула руки и несколько долгих секунд плыла среди голографических облаков. Потом нырнула вниз, поймала струну проволоки, в несколько ловких движений добралась до последней башни и, под неистовый восторженный грохот зала, смеясь, упала в руки Ада.

— Здравствуй, — прошептал Ад, трогая губами горячий висок и чувствуя, как колотится сердце под невесомой тканью Евиного платья. И задыхаясь от бешеного бега собственного сердца — бега из ниоткуда в никуда, следом за огненным танцем Евы.

* * *

— Гнилое место этот Парадиз, — БимБом взглянул на Ада и отхлебнул из фляжки. Несколько капель скатилось от угла ярко-накрашенного синего рта к подбородку, пятная золотую маску грима. — Дрянь-место...

Зелёный самец кинулся на решётку, когда Ад проталкивал в клетку поднос с едой. Хлыст ожёг морду; запахло палёным мясом. Остальные твари угрожающе заворчали и попятились, сверкая глазами. Серая старуха следила за человеком молча и спокойно, выжидая, не предстанется ли случай ударить наверняка.

— Тварь, — усмехнулся Ад. — Ничего у тебя не выйдет, поняла?

Он выключил хлыст и присел рядом с Бим-Бомом на кучу старого реквизита, глядя, как твари жадно хватают с подносов дымящиеся куски. Пожал плечами:

— Мне здесь нравится, Бим-Бом.

— А Еве?

— Не начинай опять, — поморщился Ад. — Это она тебя подговорила? Мы с Евой решили — ещё один сезон. Заработаем на квартиру. А потом поженимся, и она уйдёт из цирка.

— Ты уже говорил это в прошлом году, мальчик. И, возможно, скажешь в следующем, — Красная загогулина брови дрогнула, лицо старого клоуна, жалкое и будто голое без огненно-рыжего парика, стало совсем печальным.

— Бим-Бом... Да не смотри ты на меня так! Будто я дрессировщик с хлыстом и заставляю Еву...

— А ты и есть дрессировщик с хлыстом, — перебил его Бим-Бом. — Знаешь, после представления иногда так трудно отмыть маску с лица. А иногда — неохота. Зачем — если завтра опять её рисовать. А иногда — просто забываешь. И со временем она въедается в кожу...

— Не понимаю, при чём тут... — разозлился Ад. — У меня нет маски. Иу Евы. Думаешь, она не ушла бы отсюда, если бы ей самой не нравилось...

— Что? — перебил Бим-Бом: — Аплодисменты? Крики? Взгляды? Поклонники с охапками цветов? Танец на проволоке? То, как ты смотришь на неё, когда она возвращается — с неба — к тебе?

— Ты говоришь так, будто Ева притворяется, а я — заставляю её это делать.

— Гнилое место, — Бим-Бом вздохнул и шумно глотнул из фляжки: — дрянь... Знаешь, что самая дрянь, мальчик? Любой Парадиз рано или поздно... Если человека вовремя не выгнать из рая, он рано или поздно превратит этот рай в ад...

* * *

Острова далеко внизу казались горстью радужных бусин, рассыпанных на мятном бирюзовом платке моря. Ева восхищённо ахала, глядя сквозь прозрачный пол кабины. Ада мутило от созерцания своих ног, висящих над бездной — он несколько раз пытался проверить страховку на талии, не находил, морщился и беспомощно опуская руку.

— Я обещал показать вам рай, дети, — Бим-Бом, непривычно оживлённый и весёлый, восторженно улыбался, будто вся красота внизу принадлежала исключительно ему. — Вот так увидели эту планету первооткрыватели. Понимаете, почему они назвали этот мир Парадизом?

Тёплый песок нежным шёлком ласкал ступни; стайки огромных разноцветных бабочек грелись на дорожках между бунгало.

— Целая неделя?! Сколько это стоит? — еле дыша, спросила Ева. Её тонкие пальцы дрожали в руке Ада.

— Свадебный подарок. Я хочу, чтобы вы знали, каким мог бы быть рай, если... Смотрите! — узловатый палец Бим-Бомы указал в небо. Высоко в безоблачной сини, сверкая на солнце радужной чешуей, безмолвно плыли огромные крылатые существа. — Они не трогают людей, хотя могли бы... Знаете, дети, сначала это показалось всем сказкой. Планета драконов и сокровищ. Золото, алмазы, рубины. Потом... Потом появились шахты, города, казино, цирки... Спыхватились, когда от рая остался жалкий кусочек — впрочем, вполне достаточный, чтобы устроить курорт для миллионеров...

— А теперь ты подарил нам целую неделю рая, — запрокинув голову к небу, Ева улыбалась. Мягко и немного печально — совершенно не так, как улыбалась залу, балансируя на лезвии проволоки среди голографических облаков.

* * *

Ад стоял на границе воды и суши. Иногда до него дотягивалась сильная волна, обнимала лодыжки, тянула за собой — в море, вымывала из-под ног песок. Ад терял равновесие, с усмешкой вспоминая зыбкую опору проволоки — и не отступал ни на шаг. Море сердито шипело.

— Ты точно решил остаться, Бим-Бом?

— Вы с Евой тоже могли бы...

— Что? — Ад покачнулся, увяз пяткой в мокром песке; рассердился и уселся рядом с Бим-Бомом. — Что — могли бы? — переспросил он. — Наняться здесь прислужгой?

Он поморщился, пытаясь представить легконогую Еву, каждый шаг которой казался началом танца, — горничной, застилающей постели в бунгало.

— Необязательно. Здесь недалеко колония, вроде как энтузиасты. Изучают драконов, охраняют от браконьеров, восстанавливают растения на месте заброшенных шахт. Если они согласились принять меня, то молодые и сильные...

— Мы уже подписали контракт на этот сезон. Я ведь говорил.

— Так глупо, мальчик... — Бим-Бом зачерпнул песка; посмотрел, как между пальцами выскальзывают песчинки. — Так...

— Что глупо? — разозлился Ад.

— Знаешь, только человек умеет строить клетки. Так глупо, что в первую очередь, он запирает в эти клетки себя самого...

— Ты предлагаешь вот так, ни с того, ни с сего, разорвать контракт, заплатить неустойку, уйти из цирка — в никуда?! Это Ева с тобой говорила, да?

— ...И самое скверное даже не то, что постепенно к клетками при-
выкают... а то, что начинают считать их своим домом... — Злость Ада неожиданно утихла под грустным взглядом Бим-Бомы. — Раньше ты был совсем другим, мальчик... Знаешь, ты заплакал, когда впервые увидел, как бьют хлыстом новичка-дракона. Не потому, что испугался, а потому что пожалел зверя. Я виноват, что позволил отдать тебя в этот номер... И Еву... Тогда мне казалось, что я ничего не могу сделать... И теперь, видно, тоже — ничего не могу...

— Думаешь, Ева несчастлива со мной? — помолчав, хрипло спросил Ад.

Бим-Бом вздохнул и отвёл глаза.

Когда Ад поднялся, Бим-Бом ухватил его за руку.

— Пожалуйста, — попросил он непривычным умоляющим голосом: — пожалуйста, мальчик... если ты сам не хочешь или не можешь уйти... выпусти её...

Ночь пахла волосами Евы, её дыханием и кожей. Горечь и сладость; миндаль, гвоздика и душистый перец — драгоценные ароматы, которые теперь удаётся вдохнуть немногим счастливчикам. Когда старая Земля, многие тысячелетия старательно превращаемая в ад, умерла — вместе с ней умерли и многие земные растения, казалось уже прижившиеся на других планетах. Оставшиеся экземпляры стали диковинкой; а многие цветы и плоды — роскошью, доступной только богачам.

— Ты хотела бы остаться? Здесь, вместе с Бим-Бомом? — спросил Ад.

— Без тебя?

Ева отстранилась, уперлась локтями в его грудь — будто хотела разглядеть глаза Ада в кромешной темноте. Он ждал, стараясь дышать спокойно.

— Без тебя — нет. Нигде. Даже в раю. Тем более — в раю. Как ты мог подумать...

— Я тоже люблю тебя, — хрипло сказал он, обнимая строптиво напрягшиеся Евины плечи; прижимая её к себе.

— Больше, — Евин шёпот обжёг дыханием шею: — Ты сам знаешь, это больше, чем любовь.

Ад слушал, как рядом с его сердцем торопливо колотится Евино, и думал, что только так — рядом с Евой, чувствует себя цельным. Живым, настоящим. И, наверное, поэтому, он, не оборачиваясь, чувствует каждое движение и вздох танцующей на проволоке Евы.

— Да, — отозвался он.

— А ты... ты думаешь, что нам нужно возвращаться?

— Мы ведь подписали контракт на этот сезон, верно?

— Конечно, — помолчав, тихо согласилась Ева. Высвободилась из его рук, соскользнула с кровати — и сейчас же растаяла в темноте. Ад потянулся за ней и замер. На минуту, ужалившую висок торопливым биением пульса, этот, разделивший их шаг показался опасным и почти невозможным. Будто в босые ступни врезалась невидимая проволока, а в лицо дохнула пропасть с вонючим песком арены на дне...

* * *

После возвращения цирк показался другим — будто вылинял, потускнел и уменьшился. Огромные буквы названия «Парадиз», переливающиеся разными цветами, выглядели аляповато и пошло. От резких запахов города щипало в носу и в горле. Зрительный зал пах ещё хуже — потом, духами, страхом, жадным любопытством.

Ад постоял возле клеток, разглядывая тварей — и вспоминая прекрасных крылатых существ, паривших в синеве неба. Один из драконов умер — в неволе обычно звери жили недолго. Только серая старуха держалась уже много лет — будто ненависть, тлеющая в прищуренных глазах, давала ей силы жить.

На замену умершему директор добыл у браконьеров дикаря. Новичок шумно ворочался в тесной затенённой клетке, шелестел необрезанными крыльями. Иногда Аду удавалось разглядеть в полумраке блестящий испуганный глаз.

Когда он узнал о сумасшедшее затее Евы, было поздно. Директор загорелся новой идеей — Ева умела убеждать — и не стал слушать никаких возражений.

— Представляешь, как это будет красиво, — мечтательно говорила Ева, и в её глазах Ад видел отражение радужных крылатых красавцев, плавающих в синеве неба.

Ад уговаривал; умолял; объяснял, что не зря драконам обрезают крылья перед дрессировкой; и что Евина задумка — дурость и самоубийство. Выдохшись, разозлившись и отчаявшись, он попробовал представить, что сказал бы сейчас Бим-Бом.

— Ты забыла, что здесь не настоящее небо, а крашенные тряпки и голография.

Но этого Ева тоже не услышала.

Репетиции проходили на диво хорошо. Новенький послушно взлетал, не делая попыток напасть на Еву, и кружил под куполом цирка. Помощники, назначенные Аду, скучали. Старые звери, сдержанные световыми клетками, волновались, задирали головы и следили за

полётом. Директор восхищённо цокал языком и мучил осветителей, не умевших как следует показать сияние радужной чешуи дикаря.

Наверное, новенького испугал грохот зрительного зала. Зверь отпрянул назад, сорвался с башни раньше времени; забился, запутавшись в привязи. Чего-то подобного следовало ожидать — Ева успела уклониться, удержаться на проволоке, не забывая осыпать зрителей сияющими улыбками; Ад быстро распутал привязь — выпустил новенького лететь вверх, подальше от криков и аплодисментов. Всего несколько секунд задержки были теми самыми секундами, которых уже много лет ждала серая старуха. Она прыгнула со своей башни, целясь в Еву раскоряченными когтистыми лапами. И не промахнулась.

На рассвете, перед тем как уйти из цирка, Ад прокрался в зверинец. Два хлыста, взведенных на максимум, потрескивали и дрожали в его руках. Серая старуха с усилием подняла морду, исполосованную шрамами и свежими рубцами. В её взгляде Аду почему-то почудилось облегчение.

Ад, кусая губы, постоял напротив клетки. Потом отшвырнул хлысты и распахнул дверь.

— Ну! — сказал он старухе. — Мы превратили ваш рай в ад. Теперь можешь убить меня за это. Ты всегда хотела так сделать, да?

Они так и не стали выходить из открытых клеток. Взволнованно потоптались у выхода — будто там была невидимая граница, которую они не могли или не хотели переступить — и вернулись на привычные места. Калеки, осознающие своё уродство и невозможность вернуться в потерянный рай.

Новенький вывалился из клетки торопливо и неуклюже, споткнулся о порог и зашипел на Ада. Легонько подталкивая зверя хлыстом, Ад направил его к выходу.

Дракон поднимался в воздух тяжело, с усилием двигая крыльями, заваливаясь набок, как подбитая птица. Но над крышей цирка выправился, царапнул когтями вывеску и выше полетел уже легко и быстро; будто вспомнил, как это — летать.

Перед тем, как свернуть за угол, Ад обернулся в последний раз взглянуть на цирк.

Ему не хотелось вспоминать Еву, неподвижно лежавшую на сером песке арены — как мёртвая бабочка с измятыми крыльями.

«Выпусти её», — попросил Бим-Бом. Она улетела сама. Попыталась улететь. Слепо и бездумно бросилась в пропасть, в которой почудилось небо. Совсем как те, юные драконы, забывающие о том, что у них уже больше нет крыльев.

Ад запрокинул голову к небу, стараясь не думать о Еве. Уже очень высоко среди белых перьев облаков постепенно растворялся силуэт крылатого зверя. Интересно, сумеет ли он найти дорогу в свой потерянный рай? Интересно, почему, серая старуха так и не убила человека, стоявшего перед ней безоружным? Интересно, почему у этого человека такое дурацкое, такое невозможное в счастливом городе-рае имя?...

— Почему ты дал мне такое имя, Бим-Бом? — как-то спросил он у своего приёмного отца.

— Видишь ли, мальчик, когда от рая остаётся одно название, на обломках можно найти много брошенных детей... Когда я успел вытащить тебя из коробки автоуборщика — за минуту до запуска программы уничтожения мусора — я почувствовал себя... ну, нет, конечно, не так, как Он... Но я подумал, если у меня уже есть Ева — почему бы не появиться Адаму? Это потом твоё имя как-то так сокрatилось... незаметно...

— И что мне теперь делать — без неё?! — спросил Адам. У своего приёмного отца? У неба? У зверя, выпущенного из клетки?

Он почувствовал себя драконом, у которого в один миг отрезали радужные крылья, превратив из живого летучего существа в уродливую беспомощную тварь. Тварь, которой одинаково невыносимо воспоминание о потерянном рае и осознание обретённого ада.

Адам смотрел в небо, постепенно понимая, что отныне всегда и везде будет видеть его только таким — крашеными тряпками, голографическим мороком. Потолком своей клетки, из которой теперь ему нет выхода.

Он смотрел в небо до тех пор, пока не заслезилась глаза. До тех пор, пока не разглядел Еву, танцующую среди облаков на золотой проволоке солнечного луча...

НАСТОЯЩЕЕ МАЧО

1. СООБЩАЮЩИЕСЯ СОСУДЫ

У меня в соседней квартире живёт амёба с жёлтыми волосиками на пузике. Так я вам скажу: они бесцветные. А вы уж никому не передавайте. Они ей страшно нравятся. Как только лето началось — она с балкона не выползает. Загар пытается приобрести и форму, а то в тапочки уже не влазит. С таким пузиком никто бы не был рад, если бы влазила. Пузико миленькое, честно сказать, даже очень миленькое. А положи руку на пульс — так и вообще огого. Это на мой скромный вкус. Я самец амёбы, настоящее мачо, уж я в этом знаю толк.

Так вот: нафига ей эти жёлтые волосики на пузике сдались? Я ж и так из тапочек готов выпрыгнуть, как её вижу. Но они бесцветные, я вам клянусь. А с этим новым кремом «под загар» — они ещё в два раза бесцветнее. Я ей говорю:

— Инфузория Андревна, вот честное слово, прямо вам говорю, положи руку на...

А она перебивает и не даёт досказать:

— А вот не надо мне ваших честных слов! Вы бы мне лучше бульончику в бутылочке, да и крем для загара заканчивается.

Конечно, заканчивается, с таким-то пузиком. Но мачо — это не только тапочки и интерес к даме. Мачо — это ещё и умение держать дистанцию на минимуме. Одна ложноножка здесь — другая там.

— Пжалте, вот ваш крем за ради загара, а вот и бутылочка. И кстати, с двумя соломинками, если вы не против.

Как же — против? С таким-то мачо. Поздно, милочка. Теперь мы — сообщающиеся сосуды через соломинку.

Я — необычное мачо. У меня есть вкус. Не только к крепким напиткам или, допустим, к соседкам. (Какая соседка? Стенку-то снесли.) У меня есть вкус к прекрасному. Так вот, таких волосиков, как у Инфузории Андреевны на пузике, в природе больше не сыщешь.

А она на солнышке жмурится, так бы и залапал всю и съел бы. Да куда уж больше? Сажу, люблюсь, смотрю как на пузичке у неё волосики золотятся.

Всё это, конечно, хорошо — балкон, бульон, соломинки. Но чего-то не хватает. Интиму. Поманил её в спальню. Не идёт. Передвинул бутылочку — не идёт. Начал шептать страстные гадости — отмахнулась, как от мухи. Пришлось ползти в магазин за новым монитором. Ну там уж я ей показал свою коллекцию аниме. И на интернет подсадил. Теперь вот играем с ней. Не всё же только вирусам. Она в монитор,

а я — то на монитор, а то на неё. Хороша, зараза! И волосики у неё на пузике не жёлтые, а золотистые прямо какие-то при свете монитора...

Кто сказал «бесцветные»? Я сказал? А в рыло не хочешь?!

2. ДУХОВНАЯ ПИЩА

Если вы думаете, что мачо — значит дурак, то я вам скажу: «Ха!» Мы с вами живём в разных измерениях и мыслим разными категориями.

Хотя, может, и встречаются дураки. Мне выяснять некогда. Как увижу, кто на Инфузории Андревны пузико заглядывается — сразу в лоб. А коэффициент интеллекта при сотрясении не принято спрашивать.

Кстати о тапочках. Не знаю, зачем их изобрели, но это не оружие. Точно вам говорю. То, что в тапочках прячется — может быть оружием, но сами тапочки — розовые пушистые и с бантиками — летят в меня один за другим и радуют душу.

— В доме нет ни крошки духовной пищи! Идите в библиотеку немедленно!

А я что? Не знаю, как пройти в библиотеку, что ли? Одна ложно-ножка здесь — другая там! Подвиг во имя прекрасной дамы? — да запросто. Взял у охранника рупор и рывкнул на всю библиотеку:

— А сейчас! Только в нашей библиотеке! Ради всей бесконечности любовного чувства, меня переполняющего! Подвиг во имя прекрасной дамы! — Для вас, о моя несравненной Инфузория Андревна! За ваши золотистые волосики!

Упал и отжался два раза.

А? Каково?

Книжки в меня так и полетели. Только успевай собирать. Набрал две корзины духовной пищи, принёс:

— Кушайте, обожаемая!

Да и сам через соломинку приобщился.

3. Я — ПАРАНОИК

Приобщился к классике. Травка зеленеет. Солнышко блестит. Посмотрел блог новостей о погоде. Красота. И температура воды в реке. Значит, и река есть. У меня интуиция.

— А что, наилюбезнейшая? — не зафигачить ли нам пикничок на травке да под солнышком?

Пикничок, так пикничок. Что надо — сварил. Остальное порезал и зажарил. Бутылочку с бульончиком прихватил, крем для загара и обожаемую с книжкой.

Прибыли. Расположились. Солнышко блестит. Загорает над книжкой. Охраняю от мух.

— Ах, если б вы знали, какие гадости мне вам хочется говорить! Заинтересовалась.

— Я — не поэт. Но за точность цитирования не ручаюсь. В общем, что-то типа...

Как мне не стыдно? А не пойти ли мне?..

А я без проблем. Одна ложноножка здесь — другая там. Сходил. Принёс две мороженки.

Всё понял.

— Кто этот тип в кепочке?

— Это ваш друг? А я ваше животное? А вы просто друзья? А я параноик?

Упал двараза. Один раз отжался. Хотел передислоцироваться с речки на балкон, но не смог разглядеть дорогу из-за примочки. Нежнейшая забота обо мне привела к полному растеканию организма в кисель. Пикник стал завершающей деталью картины неземного блаженства.

— Ах, Инфузория Андревна, что вы со мной делаете...

Взял себя в руки:

— А теперь я должен вам что-то сказать серьёзное, кроме шуток. Я вас очень люблю. Очень-преочень.

Имеет смысл бывать в общественных местах.

4. ЧЕГО-ТО ЖДЁМ

Я — мачо. Меня хлебом не корми — дай мяса. Без мяса у меня теряется объём и взор тускнеет. Покушал, гляжу блестящим взором. Инфузория Андревна — холодная дама, я вам скажу. С такой не стоит ждать у моря погоды, нужно действовать. Закрыл форточку. Включил отопление. Отогрелась. Зачирикала:

— Вы будете выполнять супружеский долг или не будете выполнять супружеский долг? Где билеты в театр?

А я что? Не знаю, где у меня билеты в театр? Настоящий мачо всегда знает, где у него билеты в театр. Под книжками в корзинке, на нижней полочке холодильника.

Пришли на автобусную остановку. Сели. Сидим. Десять минут сидим — секса нет. Я спрашиваю:

— А... мы чего-нибудь ждём?

Оказывается, автобуса.

Подошёл автобус. Залезли. Сидим. Десять минут сидим. Смотрю на неё, голова кружится. Хороша.

— Мы чего-нибудь ждём?

Оказывается, ещё не приехали.

Приехали. Раздевалка. Раздеваюсь. Останавливает. Заставляет надеть обратно. Заходим. Чувствую, вроде опять похолодела. Она такая: чуть разденется — сразу остывает. Но кругом дышат, отогрелась. Десять минут сидим. Руки так и чешутся. Спрашиваю:

— Мы чего-нибудь ждём?

Оказывается, спектакль. Надо отвернуться и смотреть мимо.

Настоящий мачо не жалуется. Выжил — да и ладно. Зато дома — бегом в ванну. У неё реснички так и запорхали от моей непредсказуемости. А я что? Она у меня на чистоту падкая. Вымылся, пришёл и сел рядом. И вкусно пахну.

Истинное искусство стоит жертв.

— Ах, Инфузория Андревна...

5. ВЕСНА — ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Весна. Гормоны торжествуют. Про гормоны я от себя, а что весна — это и так понятно. Мне Инфузория Андревна первому сообщила.

Говорит, весна — женский день, положено чтоб поздравления про любовь. Прилёг, отжался свои два раза, жду радостный. Говорит: положено чтоб в письменном виде. Понял. Положено — значит, положено.

А я что? Не могу в письменном виде, что ли? Я в любом виде могу. Написал с подключением романтических чувств и воображения. Аж самому жарко стало. Говорю:

— Нате.

Прочитала. Назвала дураком и животным. Понимает. Говорю:

— Ещё одно слово — и вы не пожалеете!

Молчит коварно.

Пришлось самому додумывать. Говорю:

— Я — маньяк!

Хорошо весной!

6. ХОЧУ ЛИ Я КОФЕ?

— Да я как-то... спасибо, конечно, Инфузория Андревна, да я как-то... А может, и хочу.

Сварил, принёс в чашечках на блюдечках. Попили. Жмурится. Нашла стихов в интернете, читает мне.

— А я пока посудку помою. Я мигом.

Принёс тазик с водой. Помыл. Заодно и пропылесосил, и окна протёр.

— А не желаете ли, любезнейшая, ванночку с солью принять? — желает. Каково? Не хило я мысли читаю? Забабахал ванночку такую, что мама не горюй. Принёс, погрузил. Наслаждается.

Тапочки принёс, краники протёр, всё сверкает и пенится — а по центру моя Афродита. Полюбовался на пузико и помчался по дому дела делать, мускулистый и реактивный. Пока во мне кофе не кончился.

7. С ГОЛЫМ РАЙ В ШАЛАШЕ

Жара такая, что места себе не нахожу. Навёл ванночку с солью, остыть. Выскочил, как огурчик солёный.

Решил спать голым. Настоящий мачо ничего не боится! Инфузория Андревна радуется: с голым рай в шалаше! Радует, а сама из тапочек не вылазит.

Лежу, болтаю всякие гадости. Смеётся, но от монитора не отворачивается, читает психологию. Назвала дураком. Понимает.

А не опить ли её?

— Не желаете бульончику с греночкой? — желает.

Перебазировал их с монитором в кухню, пока бульончик поспевает. Да мне любые перестановки — плёвое дело. Я какой-никакой, а мачо. Притом, очень скромный. Вообще, все лучшие вещи я называю «какой-никакой».

— А вот и бульончик поспел. И греночки какие-никакие.

— А вы?

— А мне греночки нельзя лишний раз. У меня от них внутренний голос.

Жмурится от вкуснятинки.

— А классно, что вы моя стали! Я теперь хоть счастливый стал. Я вас так люблю! Хотите, отдамся?

8. КРАСОТА РУЛИТ

Мачо — это прежде всего мускулы. Если вы не можете отжаться свои два раза, вы не мачо, вы — чмо. Дальше, понятно, идут гантели и прочие тяжести вплоть до упоительного момента переноски обожжаемой с балкона в спальню и обратно, если она захочет. Для мачо важны не тапочки, а то, что в них. А у ненаглядной в них такой внутренний мир! Так и тянет на культурные мероприятия! Билетики, причёсочка, маникюрчик — внутренний мир так и светится!

— Ах, Инфузория Андревна, до чего же вам в одежде-то хорошо!

Смотрит в зеркало, а там я в старых тапочках. Мои тапочки не соответствуют действительности. Расстроилась. Пошёл искать новые. Поискал в мониторе. Тапочки в мониторе есть, но возврату после примерки не подлежат, а за пересылку три шкуры. Итого оного.

Дражайшая пообщалась с телефоном и сказала, куда мне идти.

Пошёл к спекулянтам. Обули по полной. Зашёл в парикмахерскую, причесать пузиком заодно. Причесали, вымыли, шампунь-кондиционером spraysнули — залоснился как никто и ни разу. Ушёл довольный.

Возвращаюсь. Ненаглядная так и висит на телефоне, сохнет без меня. Спас её от чудовища, утащил в спальню отдохнуть перед культурным мероприятием. И сам на всякий случай остался в спальне поприблизиться, в новых тапочках, причёска с иголочки... Она у меня на красоту падкая.

9. ФОТОГРАФИЯ НА ПАМЯТЬ

Кто там опять про Инфузорию Андревну всуе? Да ничё. Сейчас вот как отожмусь два раза — сразу поймёте у кого здесь мускулы. И не надо мне в глаза таращиться, ты на мышцы смотри! На трицепсы вот. Всё понял? А про поэзию мы с тобой в больнице поговорим,

когда я навещать приду. Там и поговорим. Нечего на пузико еёшное заглядываться.

Тебе фотографию на память надо? Вот тебе фота. Это мы на пляже во всей красе. Она за мной, поэтому не видно. А мои трицепсы хорошо видно? Ну вот, давай подпишу: «Поклоннику Инфузории Андревны на память.»

И всё. Аудиенция окончена. Я кушать хочу теперь. Что непонятно? Ик.

10. ОЖИВШАЯ СКАЗКА

Утром в душеике смотрел в зеркало и несказанно радовался за Инфузорию Андревну. Решился её разбудить, чтоб и она порадовалась, полицезрела, какое сокровище ей досталось.

Не получилось. Повернулась на другой бочок, мурлыкает, что надо сон досмотреть. Какой сон? Вот он я — ожившая сказка.

— А позвольте полюбопытствовать, а про кого сон? Про того, про кого я думаю, или не про меня? А я весь тут — и вкусно пахну!

Посапывает сладко. Чует.

Сварил кофе, принёс — поразнообразить ароматы. Посапывает.

Сбежал за цветами, поставил в вазочку рядом на столике. Посапывает.

Обед приготовил — три блюда и все пахнут. Принёс на цыпочках, поставил. Посапывает.

Что ещё делать? Ванночку с солякой ароматной. Принёс, погрузил тихонечко. Посапывает.

Полез в холодильник за книжками. Смотрю — а они все прочитанные. Вот оно что. Ну, больше я в библиотеку не ходок. Лёг рядом на коврик, газетку почитал, поотжимался, разминочку провёл. Она проснулась — а у меня мышцы в тонусе и программа новостей готовая. Рассказываю с бульончиком, греночки подсыпаю.

Потом только не выдержал, сказал:

— Вот вам честное моё слово — больше я в библиотеку не пойду. Скажете мне сдержать слово — сдержу.

Не сказала.

— Ну, я пошёл? Вам какую книжечку? Розовенькую или чёрненькую?

11. ВАГОН НЕЖНОСТИ

Вот ты мои мускулы хорошо разглядел? Понял, сколько во мне тепла и нежности? А теперь посмотри на мой рост — насколько я тебя выше. Вот за это и любит: за возвышенную нежность. Прохихикайся, это нервное, я понимаю. Со многими случается. С кем ни поговорю — начинают икать или хихикать.

Цветы? Давай. Сколько с меня?

И вас с супругой с Новым годом! Нету? Кого нету? Как нету супруги? Куда девал? А чего припёрся? Вот и вали отсюда.

Когда найдёшь — приходите. Вдвоём. Будем рады. Пока.

— А чем это у нас ненагляднейшая занимается? А мы стишочечки почитываем... А какие же мы стишочечки почитываем? А это мы про любовь стишочечки почитываем!... А кому это я цветочков вот такенный веничек притаранил? Это вам от Деда Мороза!

12. АНТИКВАРИАТ В СПАЛЬНЮ!

— А я откуда знал, что мы трельяз купили? Я смотрю — у нас в спальне мужик. У меня рефлекс сработал. Ах, антикварный... то-то он мне подозрительным показался.

Отнёс драгоценнейшую в зал, обложил подушечками на диване, включил про природу, сам пошёл пылесосить. Все осколки собрал, пыль смахнул. Смотрю — а в углу опять тот мужик. А у меня опять рефлекс. Что-то я себе не нравлюсь. Украсил пластырем.

— Завтра куплю другое зеркало, ещё больше сегодняшнего. И повесим его с вашей стороны. Для красоты.

13. РАСПРОДАЖА

Вот только встать на колено — это лишнее. Дама уже занята. Пояснять не буду. От моих пояснений всем только хуже становится. Туфельки примерить я сам могу.

— А какую туфельку мы хотим примерить? Розовенькую с тесёмочками? А позвольте вашу ложноножку в мои нежные объятия...

Кто сказал, что мачо кружавчиками не интересуется? Настоящего мачо за уши от кружавчиков не оттянешь. Если Инфузория Андревна интересуется — значит, и я интересуюсь. Отвернись и смотри по своим делам. А нефиг.

Мачо — это самец мужчины. Не путать с самцом ребёнка или женщины. Или с самкой мужчины.

Где тут у вас кружевной отдел? Нам тазика два надо.

— Я правильно понял, обожаемая? Нам кружавчиков надо во все уголки и на каждую выпуклость?

Да, и чтоб совсем понятно: это только дикие мачо по распродажам не ходят. А я ручное.

14. ТВОРИМ ПОЭЗИЮ

Обожаемая накормила мясом. Сразу приступ энергии и пробежка в магазин:

— А что, почтеннейшая кассирша, где тут у вас огурчики для Инфузории Андревны?

Провели, показали, обслужили со всяким почтением.

Принёс домой ворох еды. Съел ещё мяса. Отжался, пропылесосил.

— А чем это ненагляднейшая занимается?

А она стишечки сочиняет. Подключился. Помог.

«От кефира плечи шире...»

А «гири в мундире» мы отмечаем по итогам дискуссии. Стихи должны быть правдивые.

— В общем, направление я указал. И даже рифмы обозначил. Теперь только слова подставить — и шедевр.

15. ПОЛЁТ ТАПОЧКА

Проснулся от стука. Стучали долго и громко, что есть силы. Стучали тапочками по голове. Открыл один глаз. Почесал голову.

— Я вас чем-то расстроил, обожаемая?

Говорит, кофе готов.

А? Каково? Кофе в постель? — Сейчас принесу. Встал, принёс. Забрала, понесла обратно в кухню. Гуляем через зал. Беседуем.

У обожаемой сегодня День Рождения. Положено чтоб цветы. А я разве не понимаю? Понял всё. Одна ложноножка здесь — другая там. Протянул букет прямо с порога, и тут же упал и отжался два раза на коврике. Совершил подвиг. По-быстрому в душ, гель, шампунь, крем до и после, дезодорант, зеркало — хорош!

Чего ещё надо? Романтики? Взял кастрюльку, зарядил музыку, поставил, булькает.

Теперь подарок. Уж я-то знаю, как угодить женщине. Ребёнок — лучший подарок! Позвонил, заказал аиста. Говорят, раньше весны не получится. Зато девочка. Вечером обрадую. Смотрю на драгоценнейшую лукаво, подмигиваю. Спросила в чём дело — рассказал. Амёба я.

Тапочки так и запорхали. Музыка, тапочки любимой женщины, ужин почти готов — что ещё надо?

— Почему слёзки?

Оказывается, ребёнок с аистом уже заказан на середину февраля. Мальчик. Вылитый я. Говорю:

— Так можно позвонить, переоформить. Адрес-то один.

Мальчик, так мальчик. Мачо никогда не спорит с женщиной. У мачо должно быть своё мнение.

— Как насчёт кусить неземного блаженства?

МАКСИМ ТИХОМИРОВ

ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ

Посылку доставили вечером.

Чуть слышно звякнул колокольчик у входа, и настенный экран показал псоглавца, переминающегося с лапы на лапу перед дверью. Цветастая кепка службы доставки то и дело сползала с острых собачьих ушей, придавая посыльному заливчатый и вместе с тем глуповатый вид.

В длинных обезьяньих руках посыльный крепко держал весьма увесистую на первый взгляд коробку, сплошь заклеенную пестрыми марками и обильно покрытую разноцветными штампами.

— Лис! — взревел Тадам, едва взглянув на экран. — Лис! Это она! Ее доставили! Скорее, Лис!

Он бросился отпираться замок, слыша, как по дому перестуком острых копыт раскатывается частая дробь шагов спешащей на его зов жены. Его руки дрожали от волнения, и замок все не поддавался. Вибриссы дрожали в нетерпении, бакенбарды топорщились, круглые уши прижимались к лобастой голове, а утробный рык рвался из горла, разбиваясь о так и норовящие оскалиться клыки. Тадам чувствовал, как хлещет по ногам хвост — несомненный признак сильнейшего возбуждения, охватившего все его существо. Черно-рыжая шерсть на руках поднялась дыбом, спутав рисунок полос.

Прежде, чем он сумел открыть дверь, Лис оказалась рядом. Он почувствовал жар ее учащенного дыхания на своей шее, а мгновение спустя его уха коснулся горячий и влажный язычок супруги.

Лис волновалась ничуть не меньше его самого.

Долгие месяцы ожидания подошли к концу.

Посыльный радостно оскалится им навстречу слюнявой пастью, приветственно вывалив язык и радостно помахивая хвостом.

— Чета Гойцовых? — приветливо спросил он. Получив утвердительный ответ, посыльный торжественно вручил Тадаму коробку. Она и впрямь оказалась тяжелой.

— Распишитесь, сударыня. — Из перекинутой через плечо сумки появился планшет со световым пером, и Лис дрожащей рукой вывела закорючку их фамилии в нужной графе.

Глаза ее блестели от едва сдерживаемых слез радости.

— Поздравляю вас с пополнением, — учтиво откозырял курьер, и Тадам смог лишь благодарно кивнуть ему в ответ. Дар речи на время оставил его, в горле пересохло, и он мог лишь глупо улыбаться, чувствуя, как черты лица посыльного подозрительно расплываются перед его взглядом.

Курьер улыбнулся напоследок, пустив длинную нитку слюны с вислых черных губ, вскочил на служебный скутер и укатил прочь, поднимая в воздух золотые вороха опавшей листвы.

И только тогда Тадам понял, что тоже плачет от счастья.

* * *

Коробка была полна противоперегрузочной пластины. Ее спиральные завитки прыснули во все стороны, стоило вскрыть предохранительные печати, и в гостиной начался почти настоящий снегопад. Не дожидаясь его окончания, Тадам и Лис нетерпеливо склонились над коробкой.

Там, в уютном гнездышке из пены лежал округлый серебристый контейнер.

— Какой маленький... — прошептала Лис над ухом у Тадама.

— Так и должно быть, — прошептал он в ответ.

Он никак не мог решиться прикоснуться к нему. Такое чудо...

Контейнер вздрогнул и шевельнулся на своем ложе. Тогда Тадам протянул руку и почувствовал открытой ладонью исходящее от шара тепло.

Жена обняла его сзади и тихо рассмеялась, уткнувшись в его широкую спину.

— Наш... — услышал он.

— Да, — отозвался он и взял контейнер в руки. Взял осторожно, словно хрупкую драгоценность.

Это и была самая большая драгоценность на свете.

Тадам стоял посреди гостиной в вихре кружащихся хлопьев настоящего снега, держа на руках упруго пульсирующий горячий шар. Лис накрыла его руки своими. Глаза ее сияли.

Тадам чувствовал, что счастлив.

* * *

Этой ночью они не занимались любовью. Просто лежали на супружеском ложе, заворочено глядя на пришедшее по почте чудо, которое жемчужно сияло в лучах заглянувшей в окно луны, покоясь на шелке простыней между ними.

По поверхности шара ритмично пробегали волны ряби, и если прислушаться, можно было различить частые негромкие удары: тук-тук-тук-тук...

В тишине ночи в их доме билось новое крошечное сердце.

Затаив дыхание, супруги вслушивались в его стук.

* * *

Утро разбудило Тадама, коснувшись его щеки теплыми щупальцами лучей. Открыв глаза, он встретился взглядом с женой. Лис, нагая,

склонялась над серебряным шаром, опираясь на локти и колени. Одна из пар ее сосцов касалась гладкой поверхности шара, скрываясь в ней без четкой границы между живой плотью и полупроницаемой мембраной скорлупы яйца. Шар издавал негромкие сосущие звуки. Глаза Лис возбужденно горели, розовый язычок то и дело облизывал пересохшие губы, а остававшиеся свободными пары сосцов потемнели и напряглись.

Нежно и осторожно Тадам взял ее сзади, держась за ветви рогов и подстраивая свои движения под первобытную дикость ритма кормления. Рыча и оставляя в страсти следы когтей на изогнувшейся в экстазе спине жены и ее покатых боках, он чувствовал себя неизмеримо более животным, чем когда-либо ранее за всю свою жизнь, и знал наверняка, что его любимая чувствует то же, что и он сам. В конце их вздохи, стоны и возгласы слились в единую мелодию, подчиненную тактам удовольствия сосущего груди малыша, и они насытились друг другом одновременно — все трое.

Потом они долго лежали, обнимая друг друга, и каждый из них согревал теплом своего тела сонно урчащий плод их взаимной любви.

Начиналась новая жизнь.

* * *

В суете первых месяцев отцовства Тадам едва не пропустил день, когда треснула разбитая ударом изнутри скорлупа.

Неделя за неделей пролетали так быстро, что он не успевал замечать течение мимолетных дней. Работы прибавилось — хотя состав семьи увеличился формально лишь на треть, ее потребности возросли вдвое. Лис была всецело поглощена ребенком. Она не оставляла его одного ни на минуту и не сводила глаз с прочной оболочки яйца, словно силясь рассмотреть за ее матовой поверхностью родные черты.

— Как ты думаешь, любимый, на кого из нас он будет похож больше? — спрашивала она мужа по десятку раз за день.

— На тебя, — отвечал Тадам, видя, как лицо жены освещается счастьем после каждого такого его ответа. Он знал, что это не может быть правдой, но любил делать свою женщину счастливее. Иногда для этого было достаточно совсем немногого — как и на этот раз.

Они нечасто появлялись теперь вместе на людях — гораздо реже, чем обычно, и даже реже, чем в период беременности Лис, которая ужасно стеснялась своей погрузневшей фигуры и практически перестала покидать дом до того момента, когда пришел наконец ее срок. Лис боялась простудить малыша, и все попытки объяснить ей, что внутри сверхпрочной оболочки их дитя находится в совершеннейшей безопасности до той самой поры, пока не окрепнет достаточно

для того, чтобы от нее освободиться, натыкались на категорическое «нет» с ее стороны.

— Всему свое время, — строго говорила она, и взгляд ее оленьих глаз был полон укора. В конце концов Тадам смирился. Однако ему постоянно приходилось пресекать попытки жены сломя голову, — сейчас же, немедленно! — в лучших традициях чисто женской логики кинуться за одеждой для их чада в ближайший магазин товаров для новорожденных. Доходило до ссор, основным — и единственным работающим наверняка — аргументом со стороны Тадама было то, что не стоит приобретать одежду для малыша хотя бы до той поры, пока его пол не будет точно определен.

А какой может быть пол у биокерамического яйца, скорлупа которого прочнее камня?

Супруге же, поглощенной заботой об их совместном ребенке, совершенно ни к чему знать правду об их действительном финансовом положении.

Тадам считал себя хорошим мужем, свято оберегающим свою женщину от всех опасностей жизни — включая опасность разочарования в нем самом.

Он надеялся также, что станет не менее образцовым отцом — ведь беречь покой ребенка должно оказаться гораздо более простым делом, чем утаивать часть правды от его матери. Не так ли?

А что может быть проще, чем обмануть ребенка, если уж научился обманывать его мать?

Все эти перспективы казались сейчас весьма отдаленными, и Тадам постепенно втянулся в ритм новой жизни, зарабатывая свои невеликие деньги, целуя жену по возвращении домой и выслушивая от нее очередное предположение относительно пола их драгоценного отпрыска.

Жизнь шла своим чередом, не оставляя времени на созерцание ее стремительного течения.

Однако сегодня все изменилось — вновь.

— Милый, милый! — встретил его на пороге задыхающийся крик жены. Ворвавшись в детскую комнату — с обоями в паровозиках, плюшевых медведях и мультипликационных мышатах, а как иначе? — Тадам понял что она плачет от счастья.

Лис в последнее время часто плакала, по причине и без, и по тональности и громкости ее рыданий Тадам давно научился различать уровни депрессии, в которую она погружалась под гнетом забот.

Она протянула ему навстречу сложенные лодочкой ладони, в которых покоилось яйцо.

— Видишь? Ты видишь?...

По гладкому боку яйца змеилась трещина. В следующий миг новый удар изнутри сделал ее шире.

Потом следовали еще удары. Один за одним.

* * *

— Что ты видишь, любовь моя? — спросила его шепотом Лис.
— Я думаю, что то же, что и ты, ангел мой, — шепотом ответил Тадам.
— По-моему, это ухо, — сказала Лис после минут, потраченной на тщательное разглядывание того, что лежало сейчас в половинке расколотой сферы, которую она держала в руках.
— Определенно, ухо, — согласился с ней муж.
— Как ты думаешь, оно нас слышит? — спросила Лис, разглядывая содержимое яйца со всех сторон.
— Надеюсь, что да, — ответил Тадам. — Если ты — только ухо, то со стороны судьбы крайне цинично лишить тебя еще и слуха.
-Э-эй! — Лис помахала уху, а потом рассмеялась и расплакалась одновременно. — Мы любим тебя, малыш!
Глядя на нее, Тадам тоже помахал уху рукой.
— Кстати, козенок у него точно твой! — сказал он жене и улыбнулся в ответ вспыхнувшему в ее глазах счастью.
Тут ухо заплакало, и его пришлось кормить грудью, чтобы оно успокоилось.

* * *

— И ничего страшного в этом нет, — говорила ему Лис месяц спустя. — Нет причин впадать в панику и поддаваться тоске. У Салкиных, которые живут ниже по улице, малыш в первый год больше всего был похож на шмеля, весь такой толстый, мохнатый и в черно-желтую полоску. А Герепановы из дома напротив так и вовсе родили ногу... правую, если мне память не изменяет. И ничего ведь, вышли из положения! Пусть не сразу, пусть постепенно — но они ведь купили все, чего не доставало при рождении, и скорректировали облик детишек. На то Центры и нужны. Иначе выходило бы, что взносы им мы платим совершенно впустую!

Тадам угрюмо кивал, проклиная про себя тот день, когда легкомысленно отказался учиться на эмбриомеханика, избрав для себя более перспективную, как казалось в юности, стезю мультифункционалиста-универсала... что на деле оказалось лишь более куртуазным поименованием простого разнорабочего.

Эх! Вернуться бы на пару десятков лет назад... И доход был бы иным, и собственное умение должным образом программировать модификации развивающегося организма сейчас бы очень пригодились. На одних только взносах бы сэкономили круглую сумму. Это ж не тот случай, когда сапожник без сапог... Это ведь — эмбриомеханик!

Самая ценная и востребованная специальность в эпоху торжества генной инженерии, эмбриотехники и трансплантологии....

Кто ж знал-то еще пару десятилетий назад, что все так обернется?

Победа над зловещим призраком реакции отторжения пересаженных органов и тканей организмом-реципиентом привела к бурному всплеску интереса к изменению человеческого тела. Движение модификаторов захватило весь мир, не оставив равнодушным никого.

Человечество менялось и видоизменялось, используя для большей приспособленности к условиям жизни, среды обитания и профессиональной деятельности весь необъятный арсенал биосферы Земли, накопленный за миллионы лет эволюции. Пересаживалось все, всем и ото всех — для достижения большей функциональности индивидуумов, и просто для красоты.

Вскоре неизменные человеческие тела стали редким явлением среди полчищ модификантов. Женщины-кошки, люди-пауки, кентавры и минотавры, русалки, грифоны и горгульи... Шагнув из глубин безудержной человеческой фантазии в реальный мир, совсем скоро они заполнили его, перестав удивлять друг друга и удивляться чему-либо вообще. Приспосабливаясь к любому местообитанию, любой деятельности и любым нормам общественной морали простой заменой органов, частей тел и изменением внешнего вида, человечество быстро заняло все возможные экологические ниши, вытеснив из них большую часть их естественных обитателей.

Под давлением все возрастающего спроса на органы и ткани вымерла или была истреблена большая часть крупных представителей животного царства планеты. Функцию доноров взяли на себя банки органов, предлагавшие все бесконечное многообразие экосферы планеты, клонированное из бережно собранных коллекций образцов и размноженное в чанах биофабрик.

Генные инженеры предлагали широчайший выбор выведенных в лабораториях химер — оптом и в розницу, целиком и частями тел.

Само понятие моды претерпело радикальные изменения, раз в несколько месяцев полностью — в прямом смысле слова — меняя облик следующей за ней части обновленного человечества.

Исчезли понятия народов, культурных групп, землячеств и рас. Секс быстро приобрел статус межвидовых отношений, что совершенно естественно было воспринято в качестве новой нормы поведения. Охваченное исследовательским пылом и врожденной тягой к поиску разнообразия, человечество активно экспериментировало в постели. Люди-быки крыли ундин и василисков, ангелы отдавались сколопендрам, нагайны обвивали своими гибкими телами морщинистые туши слонopotамов... Это происходило везде, со всеми и ко всеобщему удовольствию.

Так продолжалось до тех пор, пока на свет не начали появляться результаты этих странных союзов.

Плоды межвидовой любви поначалу ужаснули даже самых раскрепощенных и терпимых представителей бесконечно многоликой теперь человеческой расы.

В ходе акций за чистоту человеческого генотипа, проводившихся молниеносно возникшими партиями нео-социал-дарвинистов, быстро выяснилось, что в природе человеческий генотип как явление более не существует. Падение барьеров тканевой совместимости, помноженное на многие годы успешных аллотрансплантаций, привело к взаимопроникновению геномов донорских организмов и геномов пересаженных органов и тканей. Оставаясь стабильными в границах одного отдельно взятого организма, при половом размножении получившиеся в результате кроссовера мультигены рекомбинировали настолько непредсказуемым образом, что развившиеся по заключенным в них паттернам организмы оказывались нежизнеспособными, по сути своей организмами уже и не являясь.

Для того, чтобы через пару поколений не исчезнуть с лица Земли, явно утомленной всей этой искусственно стимулированной эволюцией, человечеству пришлось спешно учиться размножаться вегетативно, клонироваться, почковаться и делиться надвое.

Тем же, кто не хотел уподобляться представителям низших классов, типов и царств, снова пришла на помощь ее величество наука.

Неотрадиционалистам, которых в итоге оказалось немало, помогали в планировании их семей Центры Рекомбинации, Родовсплождения и Модификации, в которых эмбриомеханики, тератологи, генотехники и прочие специалисты неустанно трудились — разумеется, за полагающееся им вознаграждение — над вопросами выживания рода человеческого в условиях устроенного их предшественниками эмбриогенетического хаоса.

Услуги Центров были недешевы — но ведь чего только не отдашь за счастье стать родителями, верно?

* * *

Слушая успокаивающий голос супруги, Тадам не слышал ее слов. Он вспоминал, как счастливы они были в любви, как сутками не вылезали из постели, доводя друг друга до взаимного изнеможения водоворотом бесконечных ласк; как радовались беременности Лис — и как страшились неопределенности, которая ждала их впереди.

Он вспоминал, как держал ее за руку в стерильной палате Центра, когда в боли и муках она произвела на свет некий кровавый комочек, в ту же секунду спешно унесенный прочь в герметичном боксе — и как потянулись бесконечные месяцы ожидания, опустошившие их сердца и банковский счет.

Зная, что над проблемой выживания их ребенка трудится не покладая рук армия дипломированных специалистов, они, тем не менее, едва не потеряли надежду и доверие — к Центрам, человечеству и друг другу. День за днем отчаяние все больше наполняло мир, и супруги все дальше отстранялись один от другого.

Все уже висело на волоске, когда в их дверь позвонил собаковод-курьер, явив собой осовремененную версию старых, как мир, историй об аистах.... Или об ангелах-хранителях?

И все стало, как раньше — только гораздо лучше.

— Тыфу ты, — сплюнул Тадам, изрядно напугав отпрянувшую от неожиданности жену. — И правда: было бы, из-за чего расстраиваться. Деньги... Деньги появятся. Все будет хорошо. Ведь счастье-то и впрямь не в них!

Он крепко прижал к себе Лис, и вместе они склонились над колыбелью, с любовью глядя на своего малыша.

— На Рождество из шкуры вылезу, но подарю ему глаз. Хотя бы один, — сказал Тадам, обнимая жену. — Пусть увидит нас, в конце-то концов! На Центры надейся, а сам не плошай! Ничего, ангел мой, проживем! К весне еще кое-что прикупим... К тому времени, думаю, уже видно будет, на кого похож — на мальчика или на девочку. Тогда и имя подберем...

— Пусть будет сын, — сказала Лис. — Хочу, чтобы у тебя был сын.

— У нас, — сказал Тадам и, не удержавшись, лизнул шершавым языком морду любимой, видя в темных омутax ее расширившихся воловьих глаз золотистый блик от собственных радужек, рассеченных надвое вертикальными щелями зрачков. — У нас, любимая.

За окнами начался снегопад — первый в этом году.

В зеркале над камином они отражались всей семьей.

Все трое.

Тигр.

Олень.

И ухо.

КОГДА Я РАССЫПЛЮСЬ

— Так и знала, что здесь смотреть нечего! — девочка пнула одну из железок под ногами. — Ничего вокруг, только железная пыль и этот...

Годжи не обиделся. Он поднял железяку и, несколько раз подбросив её в руке, подмигнул.

— Эта станция, конечно, развалина, и торчит невесть где, но всё только потому, что внизу радиация и испарения. А это значит, — он размахнулся и швырнул железяку в пустоту, — что можно кидать туда что угодно.

— Совсем всё? — заинтересовалась девочка и начала оглядываться.

Она подхватила стоящую у зарядного блока лучевую втуль, взвесила на ладони, осторожно ступая, подошла к краю и, размахнувшись, отправила её вниз.

Годжи с грустью подумал, что ему придётся ждать несколько лет, пока он увидит ещё одну лучевую втуль 11-го поколения, но промолчал.

Девочка побежала дальше, разглядывая платформу и, находя что-то, что могла поднять, отправляла это в полёт.

Она не выкинула больше ничего, что могло бы послужить Годжи. Ну, почти ничего — те четверть рулона псевдоплоти могли понадобиться ему в ближайшее время, но это было не критично.

— Как же долго! — её отец стоял у флаера, остальная семья развалилась внутри — из двери выглядывали только ноги в дорогах «летунчиках». Ноги иногда начинали болтаться и вихлять в воздухе туда-сюда, но, видимо, владелец их обладатель быстро уставал, и флайботы вновь, с жужжанием, отключались. — Пора вам уже давным-давно поставить «А» — шесть плюс. Битый час здесь торчим! Да и жарко же...

«Если бы я решал...» — подумал Годжи. Вслух однако сказал:

— Это платформа времён Колонизации, настоящий раритет своего времени. В то время здесь проходил довольно оживлённый путь, но не было ни одной планеты, на которой можно было поставить платформу. Поэтому поставили на неподходящей. Потом путь остыл, и платформа стала использоваться только как аварийная площадка... Оборудование устарело, но мы всё ещё держимся.

— Держитесь? Да такое чувство, что здесь всё развалится через минуту!

— Поканет, — сказал Годжи с лёгкой грустью. — Но вскоре возможно...

— Какой же он старый! — сказал мальчик в флайботах. Теперь он, высунувшись из проёма, рассматривал Годжи. — Мои «летунчики», наверное, стоят больше, чем он весь!

— Да, это правда, — подтвердил Годжи.

— Эта чёртова старуха, — сказал их отец еле слышно, наблюдая за шкалой заряда. — Приспичило ей окочуриться прямо во время отпуска! Теперь возвращаться какими-то... аварийными платформами...

— Отдай! — закричал мальчик. Рядом бегала его сестра, хохоча и размахивая флайботом, который она по-тихому стащила с его ноги.

— Я — Грозная Стерва! — закричала она. — Я отниму у тебя последнее и распылю тебя в прах!

— Грозная Стерва никого не убивает, — поправил её Годжи.

— Тебе-то откуда знать? Она убила восемь тысяч на Поднебесье! Свалила их корабль прямо в океан!

— Всех пассажиров этого корабля на тот момент уже...

— Хватит! — Сказал их отец. — Заправились. Пора лететь.

— Спасибо, что воспользовались...

— Да-да, — отмахнулся он, залезая в флаер. Мальчик натягивал флайбот на ступню, девочка скучаясь сидела рядом с ним.

— Не стартуйте, пожалуйста, ближе, чем на полтора километра от платформы, это может вызвать...

Его голос потонул в звуке двигателей. Флаер поднялся в воздух, развернулся на фоне стылого сиреневого неба и, отлетев метров на сто, рванул на Сверх.

Платформа задрожала. Скелет Годжи завибрировал, внутри что-то скрипнуло, хрустнуло.

«Когда-нибудь, — подумал он, — я просто рассыплюсь. Как и эта платформа».

— Я не думаю, что ты убийца, — произнёс он.

— Чего? — Грозная Стерва вышла из двери склада, зевая и поправляя рубаху. — Ну они и стартанули! Я думала, у меня зубы все повывлетают!

— У меня вылетали, — сказал Годжи. — Но это только от грузовых.

— Дьявол, как ты здесь живёшь! — Стерва покачала головой. — Я бы спятила.

Годжи не ответил ей.

Стерва вывела «катушку» со склада, волоча её прямо за раму, залезла поверх и натянула на лицо маску. Выглядела она грозно.

— Короче, за частью баракла прилетят через пару месяцев, а нет — так бери себе. В этот раз всё равно один мусор. Что-то не везёт мне в последнее время — какой корабль не вскрыю, там один лом или порода, а что мне делать с породой? Не к тебе же её везти. Не-ет, нужно опять, видимо, за пассажирские братья.

— Я должен буду отказать тебе, если ты начнёшь...

— Да знаю, знаю я! — она завела «катушку» и поднялась в воздух. — Не скучай давай! И к краю не подходи, понял? В следующий

раз подвезу тебе запчастей, если музей какой грабану! А то из тебя пока разве что только сердце не высыпалось!

Она ошибалась.

Его сердце рассыпалось в тот самый день, когда он увидел Грозную Стерву.

* * *

Тогда он стоял на самом краю платформы, ожидая бурю. Он уже чувствовал её приближение — единственное, что в нём было нового, так это датчики в мозгу. Он стоял на краю, ожидая, пока она придёт, густая и злобная, яркая и жаждущая.

Он ждал её потому, что не мог упасть сам.

— Эй! — крикнула тогда Стерва, и он обернулся. Она сидела на своей «катушке» — тихой и маленькой, и тяжело дышала. — Можно, я здесь побуду несколько дней, пока буря не пройдёт? А то за мной хвост, буря сметёт их с пути, но мне надо отлежаться...

— Если вам угрожает опасность, вы всегда можете занять места. Правда, осталось только одно — на складе...

— А ты что, сигануть вниз решил? — она покачала головой. — Не выйдет же! У тебя программа какая? Одиннадцатое поколение?

— Одиннадцать с половиной, — сказал он и отошёл от края. — Я андроид. Меня зовут Годжи.

— Приятно познакомиться, Годжи. А я — Грозная Стерва. Тут ничего не развалится во время бури?

— Только если я, — сказал Годжи.

Тогда он впервые услышал её смех и сразу же почувствовал, как внутри него что-то рассыпалось.

* * *

Он слишком поздно понял, что это не очередной грузовой. Стены блока, его скелет и сама платформа завибрировали, будто кто-то включил самую большую в мире дрель — так всегда было, когда кто-то выныривал прямо над платформой, и Годжи обречённо стал ждать треска или хруста, означающего, что внутри него рассыпалось что-то ещё, но потом вибрация исчезла, и на платформу опустилось что-то тяжёлое.

Грузовой бы раздавил платформу, а значит, только...

Годжи вскочил и стал осматриваться, пытаясь обнаружить улики — предметы, которые могли остаться после Стервы — иногда это была кружка со следами помады, иногда — несколько волос на лежаке, где она спала. Он всегда всё сжигал, но вчера он так устал...

Дверь раскрылась и в блок зашёл Родион.

— Значит, только недавно улетела, так? — спросил Родион посмотрев на него. — Вот не понимаю, она тут спит или где? Неужто вы с ней трахаетесь, а? Хотя о чём я, ты же не можешь...

Родион прошёл сквозь крытый переход, дёрнул дверь склада и хитро посмотрел на Годжи.

— Закрыто, — сказал он. — Так и положено по уставу?

— Вы больше не работаете на компанию, господин Родион, — сказал Годжи. — Вы не имеете доступа к внутренним помещениям аварийной платформы.

Родион дёрнул дверь ещё раз.

— Знаешь, я помню, ты всегда называл меня «господин Родион». Даже когда я был ребёнком. А ты ходил такой важный, в бабочке, раздавал колу со льдом и лимонад придуркам, которые решили здесь заправится. Господин Родион, не желаете напитков? Господин Родион, вам пора чистить зубы... Но тогда я был сыном главного архитектора, а потом — начальником службы безопасности, но теперь-то... Теперь я работаю на других.

— На Грузовые Линии, — кивнул Годжи. — Я это знаю.

— Но ты всё так же называешь меня господином Родионом, — он двинулся к Годжи. — Вот только знаешь что? Не совсем так же.

Он бросился к Годжи и, схватив за лицо, повернул. Годжи вцепился в его руки, сиюсь вырваться, но лучевая шпуля тренькнула — и правая рука повисла плетью. Тогда Родион взял его за челюсть и, дёрнув на себя, раскрыл до груди. Язык Годжи заболтался в воздухе, невольно вторя его же руке.

— Я помню твой голос, сраный робот. — Родион просунул руку в рот и дальше. — Я знаю, как он звучит.

Годжи почувствовал, как в его пищеприёмнике шевелятся чужие пальцы, как они нащупывают его ценность, его секрет, но ничего не мог сделать. Теперь он просто хотел, чтобы всё это закончилось — как можно быстрее.

Родион, будто поняв его мысли, резким движением выдернул из его нутра речевой блок. Годжи упал на пол, его открытая челюсть и язык легли на холодный, пыльный пол.

— Хватит, — сказал Годжи в руке у Родиона. — Вы не можете портить меня. Я — собственность компании.

— Речевой блок с начинкой последнего поколения, — сказал Родион, разглядывая блестящую деталь. — Это не собственность компании. Это Стерва тебе всунула, чтобы задобрить. Ты проданся ей. Что она тебе пообещала ещё? Может, мужиком тебя сделать?

Годжи отвёл глаза. Он не хотел, чтобы Родион вырвал и их.

— Ты всегда либо лжёшь мне, либо молчишь, — сказал Родион. — Тогда зачем тебе вообще голос, а, робот? Чтобы ты лгал им людям или отказывался сказать правду?

Годжи молчал. Родион кивнул.
— Ну что ж, это твой выбор, — Он подошёл к двери и распахнул её. Годжи вздрогнул от холодного ветра, ворвавшегося в помещение. Надвигалось что-то страшное.

Родион размахнулся и швырнул речевой блок в темноту, за самый край. Затем посмотрел на Годжи и улыбнулся.

— Ну, чего скажешь, Годжи? Что скажешь, а, утиль?

В этот момент Годжи дико, протяжно орал где-то далеко внизу, растворяясь в ветре и кислотных испарениях, до тех пор, пока не остался полностью немым.

Родион сплюнул и вышел в ночь. Годжи поднялся на ноги и щелчком вставил себе челюсть, затем повернул шею в исходное.

Когда зашумел флаер он выскочил на платформу, он махал руками, он колотил по корпусу — но флаер взлетел, несмотря ни на что. Не обращая внимания на его удары. Вспыхнули искры двигателей — и Годжи опустился на платформу, закрыв голову рукой.

* * *

Она появилась после бури. Встрёпанная, соскочила с «катушки» и, подбежав к Годжи, стала разглядывать его лицо.

— Почти не повредил, — выдохнула она. — Ну и ладно. Я думала, этот убудок перед смертью тебя совсем разобьёт.

Годжи отвернулся.

— Ну ты чего, — Стерва ударила его по плечу. — Ошибки тоже случаются. Они тебя столько не чинили — датчики ведь тухнут иногда, здесь же вообще радиация! Ну пропустил приближение бури — ну и чёрт бы с ним!

Годжи молчал. Тогда Стерва подошла к нему вплотную.

— Годжи, — она стала очень серьёзной. — Скажи что-нибудь.

Он молчал. Она выматерилась.

— Ты не сказал ему про бурю не потому, что не знал о ней, так? Придурок сам себе могилу вырыл. Годжи, ты... — она взяла его за растрёпанную, прожжённую искрами руку. — Ты что, пытался остановить флаер руками?

Он протянул ей прозрачную плёнку с посланием. Грозная Стерва взяла её двумя пальцами, как берут что-то давно прогнившее.

— В связи с гибелью старшего исполняющего грузовой... — она замолчала, затем продолжила. — Неисполнение предназначенного и серьёзный износ... — подняла на него взгляд и закончила. — Вутиль...

Плёнка вырвалась из её ладони и упорхнула, несомая ветром за край платформы.

Грозная Стерва заметалась по платформе, бросилась к складу, но остановилась и некоторое время стояла, закрыв глаза ладонью. Затем кивнула и направилась к Годжи. Тот послушно ждал.

— У Джоддера есть ещё речевые аппараты, — сказала она. — Я за несколько месяцев управлюсь, слышишь? Туда-обратно. Просто «катушка» двоих не потянет, а до моего корыта по-другому не выйдет. Подожди меня, хорошо? Мы всё поправим. — Она положила ему руку на плечо. — Ты мне нужен, слышишь, Годжи? Ты мне очень нужен.

Подбежала к катушке, рывком завела, обернулась. Тот стоял, под палящим солнцем и радиоактивным ветром, один — посреди ржавого, утилизированного мира, и его губы шевелились, будто в попытке что-то сказать, но потом дернулись и застыли в жуткой улыбке обречённого и всё понимающего существа, оставленного умирать в одиночестве.

— А, к чёрту, — она слезла с «катушки» и пошла к нему — твёрдо, уверенно и быстро, на ходу стягивая с руки перчатку. — Пошло всё к чёрту. Таким ты здесь не останешься!

Годжи смотрел, как она приближается, он видел, как сейчас сама буря движется на него, и самая первая, и все последующие в одной — в одной женщине, в её волосах и коже, в её ступнях и взгляде.

Его датчики в мозгу ожили, запоздало предупреждая об её приближении.

Буря подошла к Годжи вплотную, схватила его за челюсть и уверенно вытянула вниз.

После этого взяла за челюсть себя и проделала то же самое.

Её рука нырнула в себя, а затем, с зажатым в пальцах блестящим шариком — в него.

А Годжи всё смотрел и смотрел в её глаза, такие похожие на его собственные.

Она закрыла челюсти двумя руками — себе левой, ему правой, подержала ладони ещё немного и, отвернувшись, бросилась к своей «катушке».

* * *

Годжи сидел на самом краю и осторожно, медленно говорил:

— Ты мне нужен! — он улыбался, смотрел вниз, на игру радиоактивных ветров и вновь, раз за разом повторял её голосом. — Ты мне очень нужен!

Впервые за свою долгую жизнь Годжи чувствовал себя абсолютно и полностью целым.

Игорь Константинов

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ ОЛЬГЕ»

Я без тебя схожу с ума,
А жизнь — как детская игрушка.
Что мне тюрьма, что мне сума,
Когда весь мир внезапно рушится?!
И, уподобясь лихачу,
Понес по кочкам в чисто поле я:
Тебя хочу! Тебя хочу!
И ничего не знаю более.
И во вчерашний день умчась,
Я обойдусь без красноречия,
Но каждый день и каждый час
Жду с нетерпением новой встречи я.
Мне все сегодня по плечу —
Любовь я докажу не фразами.
Тебя хочу! Тебя хочу!
И не тверди, что я не в разуме.
Ведь поняла давно сама
Счастливую беду мою:
Я по тебе схожу с ума
И заходить на ум не думаю.

КАЮСЬ

Ну и пусть, ну и пусть мне опять далеко до безгрешности.
Каюсь, Господи, каюсь — я помню: сегодня среда.
Но тону в бесконечной и всепоглощающей нежности,
А по телу бежит будоражащих чувств череда.

И опять замираю в цепи бесконечного круга я
Сладострастных мгновений, где нет беспричинной тоски;
Не могу не ласкать это тело бесстыже-упругое,
Не могу не кусать эти крупные чудо-соски.

И беру свою дань ненасытной рукою опричника, —
Знаю: в эти мгновения нынче я не ворочусь, —
И вгрызаюсь в тебя с жаждой алчного нефтедобытчика
И опять растворяюсь в безудержной магии чувств.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Р — значит РИСК

УЛЬТИМАТУМ

Мне потребовалось сорок шесть лет жизни, чтобы понять простую вещь — нельзя добиться всего. Чем выше ты взбираешься по социальной лестнице, тем круче ступеньки и тем больше падать.

Два года назад я приобрёл небольшой домик на Чеджу, и каждое утро встречал рассвет, любясь водами Жёлтого моря, которое местные зовут океаном, а потом бродил по одному из самых живописных мест на Земле. Это были лучшие годы моей жизни. Сегодня счастье кончилось — на рассвете меня посетила дама.

Впрочем, у правительственных агентов нет пола. Неполиткорректно называть это существо дамой.

— Мишель Гёсснер, — представилась она, протягивая руку.

Отвечать на приветствие я не стал. Пауза затягивалась, протянутая рука зависла в воздухе, и гостя пошла на штурм:

— Я присяду, если вы не возражаете, — уселась она в плетёное кресло напротив меня. Теперь нас разделял только миниатюрный столик, на котором стоял утренний коктейль.

Итак, она пришла в мой дом, села в моё кресло и готова выпить мой коктейль. Что дальше?

— Сорок восемь часов назад посол Земной Федерации объявил ультиматум баритам. У них есть стандартный галактический месяц, чтобы выполнить наши требования.

— Что вы сделали?

Я думал, что разучился удивляться — слишком часто приходилось сталкиваться со всякого рода глупостями и непрофессионализмом коллег. Но такого не ожидал даже я.

— До истечения этого срока они должны выдать нам убийцу гражданина Земной Федерации, — невозмутимо продолжила Гёсснер.

А ведь если бы я не ушёл из дипкорпуса, мог бы сейчас расхлёбывать последствия.

— Поздравляю! Очень твёрдый шаг!

Мадам Гёсснер предпочла не заметить иронию в моём голосе. Или правильнее называть её мадмуазель? На вид лет сорок. Из какой она партии — гуманистов или пацифистов? К сожалению, память отказывала. Последние два года я не следил за политическими новостями.

— Спасибо! Мы официально просим вас вернуться на службу, и назначаем помощником посла на Барриэте. Через полгода вы станете послом.

Вершина карьеры, которую я планировал достичь только годам к семидесяти. Сердце дрогнуло. Неужели во мне осталось ещё что-то от прежнего Майкла Эрли? Такой триумф!

— Нет.

Я пригубил коктейль и целых восемь секунд наслаждался замешательством госпожи Гёсснер. (Или она из эгалитарок? Всеобщее равенство сейчас в моде. Не дай бог подчеркнуть в общении социальные различия!)

— Как это нет?

— Я не вернусь на службу, — вежливо объяснил я.

— Вы не имеете права! — возмутилась Гёсснер. — Вы подписывали контракт. Это ваш долг перед Землёй и человечеством!

— Я понимаю, — перебил я поток её красноречия. — И готов нести любую ответственность за нарушение контракта, долга и прочей ерунды, которую вы можете на меня повесить.

— Вы ведёте себя как ребёнок! Как неполовозрелый юнец! Неужели вы действительно считаете, что можете просто так отказаться? Что какие-то личные амбиции могут стоять выше интересов человечества в подобной ситуации?

— Уже отказался.

Я встал, давая тем самым понять, что разговор окончен, и добавил:

— Су Джин, проводи госпожу.

Вдверях появилась моя подруга, и, поклонившись, указала гостье рукой на выход. Вежливо и грациозно, как умеют это делать только азиаты. Гёсснер побледнела от гнева. Глаза её сузились. И, тем не менее, она бросила парфянскую стрелу:

— Кстати, сколько лет Су Джин? Неужели двадцать три?

Я внимательно посмотрел на Гёсснер. Нет, это была не стрела. В её глазах уже горело торжество. Она поняла, что я осознал смысл сказанного. И сейчас, в эту секунду я должен был капитулировать.

— Да. Ей двадцать три. Либо вы покинете мой дом, либо я вызываю полицию.

Гёсснер застыла на миг. Похоже, в её практике подобного не встречалось. Шантаж — это беспронимательное оружие. Так нас всех учат. Если тебе есть чем надавить на противника, и противник это знает — ты добьёшься поставленной цели. Я должен был капитулировать после этих слов. Выторговать себе приемлемые условия и сдаться. Я набрал номер полиции:

— Здравствуйте, меня зовут Майкл Эрли. Я сейчас нахожусь ...

Дальше говорить не потребовалось — Гёсснер пулей вылетела из моего дома.

Увы, победа была пирровой. Я уже знал, что произойдёт дальше. Я усадил Су Джин на диван, обнял её и постарался объяснить:

— Скоро тебя заберут и поместят в изолированное помещение. Потом тебе станут объяснять, что наши отношения ненормальны. Что ты — жертва. Просто признай это.

Она уткнулась мне в грудь.

— Я не предаю тебя.

Я понял, что сейчас закричу. Сжал её своими руками, оторвал от груди и посмотрел в глаза.

— Даже не думай! Говори им всё, что они хотят услышать. Обвиняй меня во всех смертных грехах? Ты меня понимаешь?

В её глазах сквозили боль и обида. Она не понимала. Она не хотела понимать элементарные вещи.

А потом утро померкло во вспышках свето-шумовых гранат. В мой дом ворвались спецназовцы, возглавляемые агентами службы ювенальной юстиции. Меня брали как какого-то террориста, с шумом, взрывами и спецэффектами.

* * *

Комната была полностью серой. Серые стеновые панели, серый стол в центре с серыми, привинченными к полу стульями. С серого потолка лился бледный неживой свет.

Наверное, это должно было подавить волю.

Следователь по моему делу — дама в возрасте между пятьюдесятью и шестюдесятью — смотрела строго и безразлично.

— Вы понимаете всю глубину своего морального падения?

— Нет, — наивно ответил я.

Безразличность в её глазах сменилась отвращением.

— Вы два года сожительствуете с несчастной девушкой, которая годится вам в дочери! Это аморально!

— Почему? — продолжил я валять дурака.

— Вы слишком стары для неё! Подумайте хоть на секунду, что будет через двадцать пять лет, когда вам будет за семьдесят, а ей не будет и пятидесяти. Как можно строить отношения, когда между людьми такая пропасть в возрасте?

— Это наше с ней дело, — пожал я плечами.

— Не ваше! — следователь стукнула кулаком по столу. — Вы сами это прекрасно знаете. До тех пор, пока Ким Су Джин не исполнилось двадцать пять лет, служба ювенальной юстиции будет заботиться о её эмоциональном и психологическом здоровье.

— То есть она должна трепаться со сверстниками, меняя половых партнёров не реже раза в месяц, иначе вы сделаете вывод, что её психическое здоровье под угрозой? — уточнил я.

— Именно так, господин Эрли! — сверкнула она глазами. — Но не такими вульгарными выражениями! До тех пор, пока Су Джин не получит всесторонний сексуальный опыт, её социализация в обществе находится под угрозой. Вы взрослый человек и должны понимать это! Подавленные сексуальные комплексы являются самыми страшными разрушителями нашего общества. И если выяснится, что вы запрещали

ей половые контакты с другими людьми, если выяснится, что вы принудили её спать только с вами ... вы сядете. Вы сядете надолго!

Эта женщина. Она действительно верила в свою правоту. Весь её монолог проистекал не от служебного рвения — он шёл из глубины души. Самое противное, ещё два года назад я разделял подобные взгляды. Я был таким же, как она. Потом я встретил Су Джин ...

— Мне вас жалко, госпожа следователь. Вы не знаете, что такое верность и честь.

Это было пощёчиной. Она задохнулась словами и посмотрела на меня уже с ненавистью. Потом приблизилась вплотную и практически прошипела:

— Ты мерзкое животное! Патриархальный ублюдок и выродок. Я сотру тебя с лица земли! Ты всю оставшуюся жизнь проведёшь в одиночке без права общения с людьми!

— Мне так страшно! — цинично ответил я. — Это всё, на что вы способны?

Следователь вылетела из допросной комнаты. Я подозревал, что останусь в одиночестве ненадолго. Минут через десять пришла Гёсснер.

— Ну как, осознали, что вас ждёт? Это Лидия Йео — одна из самых компетентных следователей ювенальной юстиции. Она закроет вас пожизненно как социопата, если откажетесь вернуться на государственную службу.

Я молчал. И это молчание Гёсснер восприняла как слабость. Ну да, именно так нас и учили интерпретировать молчание в подобных ситуациях.

— Ну же, Майкл, у вас и у Су Джин нет другого выхода. Вы же знали, что совершаете аморальный поступок. Надо было скрывать свои патриархальные моногамные привычки, притворяться, играть социальную роль. Вы же дипломат, Майкл, вы знаете, как работает система.

— Я действительно знаю, как работает система, госпожа Гёсснер, — и я посмотрел ей прямо в глаза. — Но я не хочу принимать участие в её работе. Ни я, ни Су Джин не будем шестерёнками этого механизма. У Гёсснер дёрнулась губа.

— Вам предлагают выбор между высокой должностью и прозябанием в тюрьме. Вам предлагают либо жить с женщиной, которую любите, либо жить в одиночке. И вы ещё колеблетесь? Вы хоть подумали о той девочке, которую соблазнили и держали рядом с собой два года? Что будет с ней!

— А что вы собираетесь с ней делать?

По лицу Гёсснер пробежала тень удовлетворения. Она вот-вот подцепит меня на крючок и заранее торжествует.

— Её ожидает социальная адаптация в центре полового воспитания. Знаете, что это такое?

Когда я заканчивал университет, мне приходилось слышать об этом нововведении. У нас ещё шутили, что все недотраченные мальчики и девочки теперь смогут получать сексуальное удовлетворение за счёт государства. Кто-то даже мечтал пойти туда работать инструктором-воспитателем. Шуток ходило много.

— Вижу, что вам не приходилось сталкиваться с работой центров? — улыбка Гёсснер превратилась в оскал.

Она была на пике, эта престарелая мегера. Сейчас она сломает это ничтожество, этого слизняка — читалось на её лице. Мне было почти жаль обламывать кайф:

— Если вы приведёте свою угрозу в исполнение, мадам Гёсснер, в числе моих требований будет ваша голова. Это не фигура речи. Я потребую, чтобы вас убили на моих глазах!

Я сказал это спокойным тоном, глядя в упор. Она побледнела и отшатнулась.

— Видите ли, мадам Гёсснер, ситуация такова, что ваши боссы жертвуют вами не колеблясь, потому что кроме меня договориться с баритами сегодня не может никто. И голова одной набитой дуры — очень скромная цена за улаживание межрасового конфликта.

— Вы блефуете! — нашла в себе силы выдохнуть она.

— Спросите у своего босса, как часто я блефовал в прошлом, — пожал я плечами. — И добавьте ему, что я попрошу не только вашу голову, но и головы всех, кто решил шантажировать меня через мою женщину.

— Вы не в том положении, чтобы что-нибудь требовать! — прибегла она к еще одному психологическому приёму.

— Поверьте, мадам Гёсснер, я сейчас в том же положении, что и бариты. Я загнан в угол, и мне нечего терять.

— Вашу женщину ... — начала было она.

— Мою женщину изнасилуют в течение ближайших двадцати четырёх часов. Таковы правила. Вы их прекрасно знаете. И после этого ваша смерть станет единственной моей наградой за урегулирование отношений с баритами. Ваша смерть и смерть насильников Су Джин. Всё просто!

Она вылетела из допросной комнаты в панике. Мне даже стало немного её жаль. Эта дура просто не выросла до высшей лиги, что бы она о себе ни воображала.

* * *

Прошло двенадцать часов с момента последнего разговора, когда меня снова ввели в допросную комнату. Новый посетитель уже ждал меня. На его лице сияла совершенно искренняя улыбка:

— Майкл, дружище, я так рад тебя видеть! — воскликнул он, вскакивая и двигаясь мне навстречу.

— А я тебя нет, — ответил я, усаживаясь на стул.

— Почему? — удивился он.

— Может быть потому, что ты увёл мою жену, испортил мою карьеру, оклеветал меня перед близкими? Достаточно или продолжить?

И я честно посмотрел в глаза Лерою Демпси. На его лице проскользнула тень непонимания:

— Но ведь это было так давно! Не пора ли забыть? Как там в мурдрой книжке сказано: ударившему по правой щеке подставь левую! Майкл, дружище, жизнь продолжается. Нам надо двигаться дальше!

— Двигайся! — согласился я. — Только без меня.

— Послушай, приятель! Ты оказался в очень херовой ситуации. Но я тебя вытащу. Я пришёл к тебе с шикарным предложением, с предложением, от которого ты не сможешь отказаться.

Он шпарил без запинки, излучая доброту и заботу моего самого главного друга. Наверное, Демпси был главным «обаяшкой» всего Земного Дипломатического Корпуса. И сейчас он включил фирменное обаяние на полную катушку.

— Мне нужно немедленно поговорить с Су Джин, — потребовал я.

— Зачем? — поперхнулся он.

— Это моя женщина. Я за неё волнуюсь, — терпеливо объяснил я.

— Я подумаю, что можно сделать. Но сейчас у нас есть более важные дела. Земная Федерация нуждается в твоих услугах ...

— Ты не понял, Лерой! — я перегнулся через стол, разделявший нас. — До тех пор, пока я не решу, что Су Джин в безопасности, разговоров не будет.

— Да в безопасности она! Что ты так кипятишься?

— Докажи.

— Наш разговор заходит в тупик, Майкл, — грустно сообщил мне Демпси.

— Полностью с тобой согласен. Если Су Джин изнасилуют, мне нужна будет физическая смерть её насильников и всех, кто принимал решение о её изнасиловании. Иначе разговора не получится.

Демпси вскочил:

— Что за бред? Ты спятил, Майкл!

— А разве это что-то меняет? — пожал я плечами. — Кроме меня договориваться с баритами некому. В случае войны человечество могут объявить расой-агрессором. И тогда уничтожат нас всех. Учитывая, что вы собираетесь сделать с Су Джин, я не против уничтожения человечества.

Я говорил спокойно, глядя в глаза своему бывшему лучшему другу, и видел, как его лицо бледнеет, лоб покрывается испариной, предательски дрожат губы.

— Ты это серьёзно?

Полувопрос-полуутверждение. Конечно же, я серьёзно, но как уложить в голове такое. Я начал излагать факты по делу, с которыми меня ознакомили в процессе ожидания очередного визита.

— Ситуация выглядит следующим образом. Один сынок нашего высокопоставленного деятеля, совершая путешествие по Барриэту, осквернил чувства верующих. Его, разумеется, убили. Бариты очень верующая раса. И доказывать им в их храме, что их бога не существует — верх идиотизма. Папа нашего идиота потребовал наказать убийц своего сына, и наш посол на Барриэте выдвинул ультиматум. Я пока правильно излагаю?

— У тебя странные формулировки. Всё должно звучать по-другому, — начал было Демпси.

— Я говорю про факты, а не про формулировки! Бариты восприняли наши требования, как объявление войны. Точнее, они объявят нам войну по истечении срока нашего ультиматума. И большая часть рас воспримет это как должное, потому что теперь любая звёздная раса может стать следующей жертвой нашей агрессии. Мы сильнее любой из них. И даже сильнее двух-трёх вместе взятых. Но ведь они объединяются. Просто потому, что у них нет другого выхода. Этого не понимает наше правительство. Они всё ещё живут в мире, где единственный закон: «разделяй и властвуй». А доклады наших военных в последние пять лет даже не открываются.

Сказанное мною не было всей правдой. Это была мягкая лайтовая версия событий. Но даже в эту сахарную вату мой бывший лучший друг не смог поверить. А ведь, если объективно, когда-то он был способнее меня.

— Майкл, что за бред ты несёшь?

Демпси смотрел на меня как на родственника, вдруг оказавшегося умалишённым.

— У вас осталось две недели до точки невозврата, Лерой, — пожал я плечами. — Мои требования ты слышал. Хочешь ещё что-то сказать?

По существу он больше ничего не сказал.

В своей камере мне осталось только гадать, насколько сегодняшнее наше руководство вменяемо.

Одиннадцать лет назад, когда мы только подписывали договор с баритами, эта раса казалась отсталой и деградирующей. Трудно было вообще представить, что в космос, пусть даже и ближний, могут выйти те, кто сохранил организованную централизованную религию. Наука и вера — это вещи несовместные.

Система Барриэта была богата ресурсами, в которых Земная Федерация испытывала острый дефицит, и эти ресурсы бариты не разрабатывали сами за ненадобностью. Они вообще освоили только две планеты из десяти, находящихся в системе. И у них не было военного флота.

Точнее, мы не видели ни одного их военного корабля.

Остальные расы, с которыми познакомилось человечество, были или намного дальше от нас, или намного менее гуманоидны. К баритам они симпатии уж точно не питали.

Договор с баритами, который от лица человечества подписывал в том числе и я, недавний выпускник Дипакадемии, должен был подвести юридическую базу под мирную аннексию и колонизацию отсталых космических варваров. Наша экономика получала новый огромный рынок, наша промышленность — новые заказы и рабочие места. И всё это мирным путём. Как покупка Лонг Айленда за бусы когда-то.

У меня была красавица-жена из влиятельного семейства, престижная работа с огромными перспективами, и я только что принёс на блюде человечеству новый мир. Я был на коне.

Через год жена сбежала от меня с лучшим другом, Лероем Демпси, и быстро родила ему ребёнка. Её родители протолкнули Лероя на моё место, а меня задвинули в захолустье без малейших шансов на продвижение. Я понял, что был калифом на час.

Несколько лет я пил. Потом, от нечего делать, стал изучать всю доступную информацию о баритах. И вот тут-то мне поплохело окончательно. Я понял, что меня подставили. Меня и ещё четырёх идиотов приготавливали в качестве козлов отпущения, если что-то вдруг пойдёт не так.

А не так что-то пошло лет пять назад. Наши военные вдруг обнаружили, что у баритов есть военный флот, только его средства маскировки намного превышают наши возможности по его обнаружению. А ещё у баритов есть возможность менять орбиты довольно крупных космических объектов в заданном направлении. Например, запустить Европу или Каллисто точнёхонько в Землю.

Но докладу военных никто не дал ходу. Ни один наш серьёзный политик не стал принимать доклад в расчёт. Военных, доживших об этом бреде, отправили в отставку и на пенсию с запретом на общение со СМИ. Неофициально предупредили всех причастных — любой панический доклад вышестоящему начальству будет караться немедленной отставкой.

Я понял, что не могу больше терпеть эту шизофрению, и ушёл в отставку добровольно. Купил себе домик на Чеджу, нашёл Су Джин. Я просто сложил лапки и собирался доживать век в своё удовольствие, пока не случится неизбежное. Я рассчитывал протянуть ещё лет десять.

Но обо мне вспомнили. В нашем руководстве всё-таки нашлись люди, прочитавшие панические военные доклады. Хотя, что более вероятно, сначала был поставлен ультиматум баритам, потом военных поставили в известность, что мирную аннексию, возможно, придётся поддержать космическим флотом, и тут-то наш Генштаб выложил всё, что думает по поводу войны с отсталой космической расой, вплоть до поголовной отставки. Тупые солдафоны, на которых и был весь расчёт, отказались начинать военные действия.

А время для принятия решения стремилось к нулю.

И тогда люди, принимавшие решения одиннадцать лет назад, вспомнили о запасном варианте. Мне оставалось лишь гадать, как далеко они готовы зайти, продолжая гнуть свою линию.

* * *

Ночью одна из стен моей камеры превратилась в огромный голоэкрэн. Мне показывали Су Джин. Она была под релаксирующим наркотиком. К ней подошли двое голых людей — мужчина и женщина — с масками на лицах. И начали насиловать. Разнообразные позы, всевозможные способы. Это продолжалось несколько часов с комментариями и подробным объяснением технических деталей.

Я мог бы не смотреть. Я мог бы отвернуться к противоположной стенке, закрыть уши руками и внушить себе, что это хитрый видеомонтаж.

Я сидел и смотрел, как они проделывают всё это с моей женщиной. На них были маски, но я всё равно пытался запомнить хоть одну отличительную деталь. Из глаз у меня катились слёзы.

* * *

Следующим посетителем была Лидия Йео. Я вошёл в допросную еле передвигая ноги. Опущенные плечи, повисшая голова, пустой взгляд остекленевших глаз. Кажется, у меня даже капли слюны застыли на подбородке. Она светилась от счастья:

— Я искренне переживаю за вашу жертву, Эрли! Вы сами вчера всё видели. Её социализация ненормальна! Поведение бедной девочки не естественно!

Я сел на стул напротив твари и посмотрел в глаза. В них не было ничего кроме торжества и морального удовлетворения.

— Над несчастной Су Джин придётся долго работать. Привлекать лучших специалистов. Вот чего вы добились!

Кувырок через стол был стремителен. Силовая система просто не успела сработать, а парализаторы опоздали на десятую долю секунды. Они выстрелили, только когда я уже перелетал через голову Лидии Йео, ухватив её за лацканы пиджака. Дротик, попавший в человека, вызывает мгновенный паралич — и это только усугубило ситуацию. Моё безвольное тело рухнуло за спину Йео, в то время как силовые наручники, сковывающие руки, вошли ей в горло. От резкого рывка сломались шейные позвонки, из разорванных артерий фонтаном брызнула кровь.

Это была лёгкая смерть. Она такой не заслужила. Но убить её другим способом я не мог.

* * *

Теперь вид Мишель Гёсснер был не столь победоносен. Она отодвинула стул как можно дальше от стола, но всё ещё пыталась диктовать условия. К ручным силовым наручникам добавились ножные магнитные браслеты, а разговор затруднял силовой экран, разделивший комнату на две части.

— Вы усугубили своё положение, Майкл. Вам теперь не удастся избежать пожизненного заключения или многолетней реабилитации!

— Это так печально, — согласился я с её выводами.

— Но мы всё ещё можем исправить!

— Вы можете воскресить Лидию Йео? — удивился я.

Она непроизвольно сглотнула. Наверное, она никогда раньше не разговаривала с убийцей, и в её задачи никогда раньше не входило установление с этим убийцей доверительных отношений.

— Вам что-то от меня нужно? — подтолкнул её я.

— Это вам нужно! Вам нужно не сгнить в тюрьме пожизненно! — вызверилась она.

Да, земная дипломатия окончательно превратилась в клуб по интересам!

— Но я же совершил ужасный поступок! — трагично ответил я. — Вот этими самыми руками я убил человека. Я до сих пор чувствую капли крови Лидии на своих браслетах. Я должен понести заслуженное наказание! Или вы считаете, что человек, совершивший убийство, должен остаться безнаказанным?

Она глубоко открыла рот, пытаясь что-то сказать, но слов не было. Это были её козыри. Я совершил убийство. Я виновен. Я должен искупить. Ну так я готов искупать свою вину! В тюрьме. Пожизненно. И что дальше?

Её же не за этим посылали. Сейчас она лихорадочно пыталась придумать, как же ей спасти карьеру и выполнить задание, которое сначала казалось таким пустяковым.

— Вы чудовище! — выдохнула, наконец, она.

Я не стал спорить. Ей нечего было мне предложить.

* * *

— Да, дружище, наворотил ты дел! — почти искренне сочувствовал моей ситуации Лерой.

Впрочем, он сел даже на несколько сантиметров дальше от меня, чем предыдущая гостья.

— Мне так стыдно, что я убил человека! — тем же задушевым искренним тоном ответил я, глядя ему в глаза.

— Чего ты хочешь? В пределах разумного, разумеется, — перешёл к делу Демпси.

— Я хочу своими руками убить людей, изнасиловавших мою женщину.

— Это не было изнасилование! Это часть программы реабилитации, — перебил меня Демпси.

— Этих двоих людей я хочу убить. Для начала. Потом можно будет обсудить условия. Передай своему начальству, Лерой, что у вас осталось двенадцать дней до принятия окончательного решения.

— Ты с ума сошёл! — не выдержал Демпси.

— Это что-то меняет? — пожал я плечами. — Я знаю, зачем нужен именно я. И без моей доброй воли ничего не получится. Нельзя выставить моего двойника, нельзя накачать меня психотропами или закодировать. Со мной можно только договориться по-хорошему.

— Ты слишком много о себе воображаешь! — не сдержался Лерой. Я ничего не ответил. Это тоже психологический приём. Последнее осмысленное слово должно остаться за тобой — и тогда это будет небольшой психологической победой над противником. Так нас учили. Постоянно шаг за шагом одерживать маленькие психологические победы.

Лерой ждал моего ответа минуту. Пауза затягивалась.

— Ты хоть понимаешь, что будет дальше с Су Джин?

Этому тоже учили нас всех. Давить на больное место оппонента до тех пор, пока у него не начнут лопаться глаза от гнева и не пойдёт пена изо рта от собственного бессилия.

— Двенадцать дней, Лерой, — снова пожал я плечами.

Он возмущался ещё минут пять. Потом аргументы закончились.

* * *

Когда меня вводили в камеру, внезапно на долю секунды вырубилось освещение и включились аварийные системы.

— У нас минута — прошептал мне в спину охранник. — Вы можете остановить войну?

— Да, — не колеблясь, ответил я.

Возможно, это была провокация. Скорей всего это была провокация. Только мне было всё равно.

— Что для этого нужно? — спросил охранник.

— Убить несколько десятков человек. Возможно, пару сотен.

— Это поможет избежать войны?

— Да.

Освещение снова стало нормальным. Охранник впихнул меня в камеру и закрыл дверь.

Странное дело. Я же знал, что это еще одна попытка манипулировать мною. Заставить сделать то, что нужно кукловодам. Но у меня затеплилась надежда. Возникло дурацкое ощущение, что всё закончится хорошо. Именно так и ломают людей. Сначала дают им надежду, а потом, в момент, когда ты уверишься в своей победе, отбирают всё.

Я знал это.

Но надежда всё равно крепла.

* * *

Их привели в допросную. Парень и девушка двадцати пяти — двадцати семи лет. Ненамного старше Су Джин. Усадили напротив

меня и зафиксировали магнитные браслеты, чтобы они не могли сбежать. Гёсснер дала мне пистолет:

— Здесь два патрона. Надеюсь, вы не наделаете глупостей?

Она интересовалась, не пушу ли я себе пулю в лоб. Глупость сделала она. Это была её личная инициатива. Её ставка ва-банк. Она решила, что я блефую. Что я лишь талантливый политик, а не свихнувшийся на мести психопат. Что она меня сломает этим пистолетом. Ну да, ведь каждый земной дипломат проходит в Дипакадемии совершеннейшую школу блефа. Блефа на таком уровне, чтобы даже представители рас, умеющих читать мысли, верили каждому твоему слову.

Я выстрелил в голову девушке. Это тоже навыки психологии. У нас принято считать, что половые различия между мужчиной и женщиной сегодня не существенны. У нас абсолютное равенство полов. А на самом деле женщины более выносливы психологически, легче поддаются психотренингу и в стрессовых ситуациях, как правило, стремятся действовать по внедрённому шаблону.

Мужчины ведут себя гибче.

— Это не я! Мы здесь ни при чём! Я стажёр дипкорпуса! Она тоже стажёр дипкорпуса! Это ошибка!

Я прервал истерику парня пулей в лоб и положил пистолет на стол. Мишель Гёсснер застыла в параличе.

Её план был гениален. Она приводит двух подставных людей, выдавая их за насильников Су Джин. Когда я вдоволь над ними поиздеваюсь, угрожая физической расправой, они будут ползать у меня в ногах, вымаливая прощение и жизнь. Я, видя их искреннее раскаяние, должен буду либо нажать на курок (не факт, что выстрелю в них) либо вообще выкинуть пистолет. И то и другое обязательно меня сломает. Особенно, когда Су Джин покажут кадры, как её мужчина мог убить её насильников и не убил. Может быть, это даже показывали ей в реальном времени. А если я всё-таки выстрелю в них — мне подробно объяснят, что я чудовище, убившее невиновных людей. Опять же, на глазах у моей женщины.

Хорошая психологическая ловушка.

Когда Мишель Гёсснер начала приходить в себя, я добавил ей оптимизма:

— Мне нужны двое настоящих насильников Су Джин. У вас остаётся десять дней.

* * *

Прошло два дня. Меня никто не беспокоил. Больше не было никаких попыток сломать меня психологически. Мне даже не стали показывать Су Джин. Не стали демонстрировать ей в моём присутствии, как я убиваю невиновных людей. По ночам мне не включали

записи с её новыми изнасилованиями. Впрочем, возможно, новых изнасилований и не было после моих действий.

Время уходило. Осталось восемь дней до точки принятия решения, и я был уверен, что Земная Федерация обречена. У нас просто не осталось политиков, готовых пойти на уступки перед таким ничтожеством, как я.

А потом снова включилось аварийное освещение в моём блоке. В камеру вошёл охранник, спрашивавший меня о возможности остановить войну.

— У нас пять минут. В чём заключается ваш план?

Да, это была провокация. Последняя попытка меня сломать. Именно так надо было считать. Впрочем, я уже ничего не терял:

— Надо убить несколько десятков человек вместе с их прямыми генетическими потомками. Все убийства должны быть подтверждены. Причём подтверждены без всяких сомнений в том, что это монтаж и фальсификация.

Охранник глубоко выдохнул, переваривая услышанное. Секунд десять в нём шла внутренняя борьба. Потом он принял решение.

— Вы можете назвать имена?

— Мне нужно время. Несколько часов и выход в сеть.

— Ясно.

Охранник протянул свой наручный комм:

— Сделайте вид, что спите. Наберите нужную информацию под одеялом. Через четыре часа я принесу ужин. Постарайтесь вернуть его мне незаметно.

Я взял комм, лёг на койку и принялся за работу, даже не дождавшись закрытия двери камеры. В первую очередь я просмотрел новостные ленты. Все они пестрели сообщениями о чудовищно-агрессивных баритах, совершающих самые гнусные злодеяния каждый божий день. А также потоком шли ролики о благородных земных дипломатах, одиннадцать лет назад заключивших мирный договор с этими чудовищами. Ролики о выросшем агрессивном потенциале баритов. О необходимости нести им мир. И призывы к заключению нового соглашения, более справедливо отражающего реалии.

Кто-то пытался заботливо подстелить соломку под любое развитие событий. И я даже знал этих «кто-то» поимённо.

А потом я составил список, в котором были имена людей, подписавших договор с баритами, и имена людей, принимавших с нашей стороны решение о подписании договора. И возле каждого имени сделал пометку «вместе с прямыми генетическими потомками».

Хотите поиграть со мной в психологию, господа? Ещё не наигрались? Ну так играйте.

Через четыре часа я передал охраннику его комм.

Оставалось семь дней.

Четыре дня.

Четыре дня меня никто не беспокоил.

Я тренировал позу для медитативной практики. Я не Су Джин, мои ноги не приспособлены для подобного сидения. Я выдерживал час, от силы два, потом приходилось вставать и разминаться. Пил воду и смотрел на подносы с едой, тренируя волю. Хотя ...

Мне просто не хотелось есть. Я вспоминал самые счастливые моменты жизни со своей любимой женщиной. Я прощался.

Это очень важно. Вся эта обманка с охранником — последний козырь в их колоде. Последняя карта, которую они могут разыграть. Я знал, что они наблюдают за мной двадцать четыре часа в сутки. Они ждут, когда надежда заставит меня поверить в то, что я выиграю.

Старые грязные психологические игры.

За мной пришли на пятый день.

На этот раз меня вывели в тюремный двор и показали самую желаемую картину. Двое молодых людей были зафиксированы возле стены магнитными кандалами. Рядом с ними стояли мой бывший лучший друг Лерой Демпси и сотрудник дипкорпуса Мишель Гёсснер. А в стороне от них, окружённая пятью личными телохранителями, стояла Лизз.

— Здравствуй Майкл! — улыбнулась она. — Ты прекрасно выглядишь!

На самом деле прекрасно выглядела она. Если бы она не была моей бывшей женой, я бы подумал, что это сверстница Су Джин. Строгий деловой костюм будил эротические фантазии о суровой учительнице и непослушном ученике. Тем более, я знал, какое бельё скрывается под верхней одеждой. И мозг мог сколько угодно твердить, что на самом деле ей пятьдесят, и это тело пережило уже, наверное, сотню пластических и омолаживающих операций.

— Ты восхитительна, Элизабет! — честно ответил я.

— Знаешь, ты был лучшим мужчиной в моей жизни! — Её сожаление было искренним.

Этому нас тоже учили. Дипломат всегда должен говорить искренне. Любую ложь. И его сердце в этот момент должно выдавать требуемые эмоции.

— Я так понимаю, что идея надавить на меня через Су Джин принадлежит тебе?

— Ну что ты? Это идея Мишель. Я протестовала, но осталась в меньшинстве. У меня есть даже копия совещания, на котором принималось решение.

Лизз потянулась к своему наручному комму, подтверждая правдивость слов. Я посмотрел на Мишель Гёсснер. Она была в ступоре от ужаса и отчаянья. Лерой улыбался чуть ли не до ушей — ловил

кайф от релаксантов. Молодые люди, изнасиловавшие мою женщину, были парализованы.

— Кто ты сейчас? — спросил я у Лизз.

— Советник Федеративного Секретаря, — беспечно ответила Элизабет.

Это самая вершина власти. Не той, которая избирается раз в семь лет ходе ритуальных голосований, а настоящей. Впрочем, её семья правила бессменно вот уже несколько столетий, всё время оставаясь в тени. Таковы правила игры, неизвестные наивному избирателю.

— У нас осталось мало времени, Майкл. Давай решим все вопросы сейчас. А потом сможем поболтать за жизнь. Может, даже переспим по старой памяти. Ты можешь делать со мной всё.

Если бы она произнесла эту фразу ещё три года назад, меня бы охватила волна эротических фантазий от лёгкого до жёсткого садо-мазо. В этом Лизз была мастерица, заставляя меня сходить по ней с ума.

Я взял пистолет, протянутый охранником, и выстрелил в головы четырём приговорённым. По одной пуле на каждого. Потом посмотрел на Лизз, опустив пистолет вниз.

— И всё? — удивилась моя бывшая.

Она знала меня совершенно другим человеком.

— Нет. Я обещал, что, если изнасилуют мою женщину, я убью всех, кто принимал решение.

— Я же была против, — как маленькому ребёнку объяснила мне Лизз.

— Это детали, — хмыкнул я.

— Ну так стреляй! — пожала она плечами. — Чего ждёшь?

Я поднял пистолет и выстрелил. Осечка. Потом ещё одна. Кончились патроны.

— Майкл, ну нельзя же быть таким наивным! — Лизз превратилась в игривого котёнка. — Ты что, действительно думал, что сможешь убить меня? Кстати, зачем ты включил в свой чёрный список нашего сына? Ты ведь в курсе, что Арнольд твой сын, а не Лероя?

Это был по-настоящему сильный удар. Я почувствовал, как ошаташивается моё сердце. Действительно. Всё сходилось. Так и было задумано ещё одиннадцать лет назад. А я-то, дебил, верил, что мне выпал счастливый билет. Что через постель жены я добьюсь всего. Только через эту постель мне вживили крючок под жабры.

Пистолет выпал из моей руки. Лизз торжествовала. Я протянул опустевшую руку охраннику, безмолвно требуя новое оружие.

— Майкл, котик, ну признай уже, что проиграл! — томно протянула Лизз.

Десяток выстрелов слились в один, и её охрана упала на землю с простреленными головами. Моя бывшая успела только моргнуть, когда в мою протянутую руку легла рукоять нового пистолета. Наверное, надо было насладиться моментом и наказать тварь, испортившую мне восемь лет жизни, но я всё ещё считал, что со мной играют.

Я выстрелил ей в голову.

Она упала, так и не успев осознать, что впервые в своей жизни проиграла. Я подошёл вплотную к её телу. Мой конвоир, поделившийся своим табельным оружием, фиксировал всё на клирианский мнемокристалл. Он тоже подошёл к телу моей бывшей, взял в капсулу немного генетического материала из пулевого отверстия во лбу, и зафиксировал капсулу клирианской печатью.

Подделывать клирианские устройства мы до сих пор не научились, так что в этом плане всё было сделано правильно.

Я снял с руки Лизз персональный комм и посмотрел запись, которую она подготовила для своей защиты. На ней совещались шесть человек, включая мою бывшую. В моём списке было четверо из них. Я перекинул информацию на комм конвоиру.

— Господин Эрли? — поинтересовался он.

— Здесь есть двое не указанных. Опознать и уничтожить вместе с прямыми генетическими потомками.

— Есть, сэр! — не задумываясь, отсалютовал мне конвоир.

До точки невозврата оставалось два с половиной дня.

* * *

Его зовут Алекс Нестероф. Ему тридцать пять. Он был полковником галактразведки. И это он устроил заговор, вытащивший меня из тюрьмы.

Теоретически подобное считалось невозможным. Всем нашим военным вживляются психоблоки, запрещающие применять насилие в отношении гражданских лиц и представителей власти. Военные слишком хорошо вооружены и обучены применению насилия, поэтому такое серьёзное нарушение гражданских прав против них, как коррекция личности, стало нормой.

Никто не мог предвидеть случившегося.

Алекс встретил меня у ворот тюрьмы. Он прилетел на планетарном десантном боте и тут же перешёл к делу.

— Майкл, ты должен возглавить правительство Земли. У тебя минут десять, или я ни за что не отвечаю.

— Какое правительство? — поперхнулся я от такого напора.

— Легитимное, — объяснил он мне, как малолетнему дебилу. — Мои люди должны знать, что подчиняются закону.

Ну да, он же военный. Для него всё просто.

— Я объявляю себя Диктатором. С этого момента вся исполнительная, законодательная и судебная власть в Земной Федерации подчиняются мне, как верховному главнокомандующему. Любые лица, нарушающие мои приказы или саботирующие их, или выступающие против меня, являются государственными преступниками.

— Так получается? — перешёл я на обычный человеческий язык после официального пафоса.

— Да, спасибо! — просиял Алекс. — То, что нужно.

Теперь все поступки его людей приобрели легальный характер и им не грозила кома в результате выполнения действий, противоречащих установленным психоблокам.

Почему я назвался Диктатором? Наверное, чтобы наказать себя за последующие действия. Диктатор — это ведь самое страшное для политика ругательство. Диктаторы прошлого уничтожали сотни тысяч и миллионы своих сограждан и граждан других государств.

Я собирался уничтожить не менее сотни человек, включая женщин и детей. Включая собственного сына. Я стал чудовищем в глазах человечества, так зачем же тешить себя самообманом?

* * *

Мой корабль стартовал от Земли через сутки. В запасе оставался ещё один день, который я мог бы провести с Су Джин. Но у меня просто не хватило духу увидеть её после всего, через что она прошла из-за меня.

Я пробыл Диктатором меньше суток, но уже вошёл во вкус. Отдал приказ о физическом уничтожении всех сотрудников центров полового воспитания. А также о физическом уничтожении всех создателей этих программ. Алекс выслушал меня не моргнув глазом и уточнил:

— Вместе с генетическими потомками?

— Нет, — пожал я плечами. — Мы же люди, а не бариты.

— Когда вернёшься, объяснишь разницу, — поставил меня в известность Алекс.

Я не стал ему говорить, что не вернусь.

За час до отлёта доставили кейсы с восьмьюдесятью семью мнемокристаллами и запечатанными капсулами. Алекс рассказал, что есть ещё три цели: девочка десяти лет, парень лет пятнадцати и девушка лет двадцати пяти. Он обещал решить проблему в течение трёх-пяти часов. Я приказал прекратить. Мы всё-таки люди.

Мнемокристалл с записью убийства моего сына я подвесил на цепочке на шею.

Уже в полёте я запросил информацию, скольких людей убили по моему приказу. Двадцать две тысячи семьсот пятьдесят трёх человек. Включая стариков, женщин и детей.

Это мне помогло.

* * *

Я снова был в том самом баритском храме, где одиннадцать лет назад подписывал договор с отсталой космической расой от лица

всего прогрессивного человечества. Четверо человек, поставивших подписи вместе со мной, догадались умереть раньше.

Специально для землян в ограниченном объёме внутреннего помещения храма была воссоздана земная атмосфера. Это какая-то хитрая разновидность силовых полей. Напротив меня сидел барит. Тот же самый, что и одиннадцать лет назад. Наверное, большинство землян сочло бы его отталкивающим существом, но сейчас я видел только глаза, умные и всё понимающие. Одиннадцать лет назад мне приходилось сдерживать рвотные рефлексy. Сегодня его внешность меня не интересовала.

— Вы Майкл Эрли, заключивший с нами договор от лица человечества? — начал разговор барит.

— Да, — спокойно ответил я.

— Человечество нарушило условия договора. Вы признаёте этот факт?

— Да, признаю.

Наш диалог транслировался на открытой волне, к которой мог подключиться любой корабль в радиусе светового часа. То, что происходило сейчас, видели представители десятка космических рас.

— Вы готовы нести ответственность за нарушение условий договора? — простой вопрос. Интонации барита не изменились. Не проявилось ни гнева, ни торжества, ни какой-либо другой эмоции.

Те самые строчки договора, которые обычно пишут мелким шрифтом на последней странице. «В случае если переговорщик, выступающий от лица своей расы, не обладает должными полномочиями для гарантирования выполнения своей расой условий договора, он должен наказать себя вместе со своими генетическими потомками, для аннулирования договора. В противном случае вся ответственность за нарушение договора ложится на расу переговорщика».

Тогда, одиннадцать лет назад, это всё казалось нам обычными ритуальными фразами, и наши переводчики подобрали неверное значение баритского слова. На самом деле, читать надо было «наказать смертью». Чего ещё ждать от варваров, которые настояли на подписании договора в религиозном храме?

Вот это и было ловушкой. Мы считали себя на голову сильнее баритов. И мы готовились постепенно шаг за шагом расшатывать те условия, которые нам казались неправильными, и на всю катушку использовать те пункты, которые выгодны нам. Просто потому, что слабый всегда будет уступать сильному. Надо только не загонять его в угол и всегда оставлять пространство для манёвра, чтобы поражение не казалось ему абсолютным, и чтобы невыгодный поступок авгладел меньшим из двух зол.

Никто не задумался о нашей части сделки. Никто не собирался давать реальные гарантии соблюдения договора землянами. А если вдруг придётся отыгрывать всё назад, тогда пожертвуем пешкой.

Вроде тех двух стажёров-дипломатов, которых я убил в тюрьме. Им ведь объясняли, что в последний момент их обязательно спасут. Надо только достоверно сыграть свою роль, и их ждёт великое будущее и блестящая карьера.

Нуда. Именно. Каково это — всю жизнь считать себя умным, и только перед самой смертью понять, что всё повторяется. Одиннадцать лет назад вся моя жизнь была спланирована за меня. Впрочем, это не имеет отношения к делу.

В итоге всех наших шажочков и мелких побед через одиннадцать лет земляне незаметно сами для себя нарушили одно из основных условий договора. Мы выставили баритам ультиматум, который не имели права выставлять. Но к этому времени мы уже столько раз отодвигали граничные условия, что ещё один шаг в сторону казался чем-то естественным.

Для баритов последний день нашего ультиматума означал только одно — автоматическое объявление войны Земной Федерации.

Или ...

Перед баритом лежал кейс с мнемокристаллами и капсулами с генетическим материалом.

— Здесь доказательства наказания всех лиц земной расы, которые принимали участие в подписании договора с нашей стороны, и их генетических потомков.

— Здесь все причастные? — спросил барит, указывая на кейс.

— Не хватает трёх генетических потомков. Но они достойны продолжить свой род и не отвечать за ошибки своих родителей.

— Среди этих трёх есть ваш генетический потомок?

Простой вопрос. Без эмоций.

— Нет, — я достал мнемокристалл с записью убийства моего сына. — Моя ошибка непростительна.

— То есть, вы тоже должны быть наказаны? — а вот теперь у барита появилась эмоция. Это был интерес.

— Да. Я тоже буду наказан до истечения срока ультиматума, который человечество не имело права выдвигать. Прошу принять моё наказание как извинение за непозволительные действия моей расы.

— А разве вы вправе просить извинений за всю свою расу?

Я уселся на пятки, достал кусунгобу, обнажил живот и грудь, демонстрируя нейросенсорные датчики, облепившие тело.

— На данный момент я являюсь Диктатором Земной Федерации. Надеюсь, в вашем языке есть соответствующее понятие?

Именно ошибки перевода стали одной из причин, загнавших человечество в эту ловушку. Храм, в котором я находился, посвящён не богу, а Истине. А другие храмы посвящены Справедливости

и Закону. Сплошные философские понятия, сформировавшиеся в законченные этические концепции. Бариты не отстали от нас в развитии, они просто никогда не шли нашим путём. Человечество только заигрывает с этими тремя понятиями, постоянно проверяя Истину, Справедливость и Закон на соответствие общественной морали и заявляя то одно, то другое, то третье единственно верным. Общественная мораль для нас намного важнее философских максим. Именно поэтому мы не могли понять, насколько серьёзную бумагу подписываем. То, что для нас сплошное пространство для манёвра — для баритов тонкая красная линия.

Мне надо было сделать всё правильно с первого раза. Интересно, на что вообще рассчитывали наши умники, готовя из меня козла отпущения?

Кусунгобу вошёл в моё тело практически без сопротивления. Я пронёс две полосы, горизонтальную и вертикальную, стараясь не задеть печень и почки. Нейросенсоры транслировали боль моих нервных окончаний.

Я начал объяснять бариту, сидевшему напротив меня, какие причины толкнули человечество на подписание договора. Как именно мы хотели обмануть его расу. Зачем нам это было надо. Кто именно из землян придумал план. Боль была на удивление терпимой. Надо только не двигаться. Я думал, что у меня будет полчаса. От силы час.

Народ, придумавший когда-то на земле этот вид извинений, возводил в ритуал практически любое действие. Вот только обычно лучший друг отрубал голову извинившемуся, даруя прощение. Этот народ участвовал во Второй Мировой Войне и проиграл. В конце войны один из адмиралов для спасения своей страны создал специальные отряды смертников. Не тех смертников, которые всегда вставали в первые ряды армий, надеясь выжить и стать героями. А тех смертников, которые осознанно и добровольно отдавали свою жизнь. Он убил четыре тысячи своих подчинённых. Когда его страна проиграла, он, извиняясь, отказался от помощи друга и умирал двенадцать часов.

Я убил больше двадцати тысяч. Я тоже спасаю свою страну. Разве я имею право на прощение?

К концу первого часа я закончил говорить правду. Социал-дарвинизм является неотъемлемой частью всех трёх этических концепций у баритов. Если какая-то особь не в состоянии признать элементарную истину, она уничтожается вместе со своим потомством, потому что у всех разумных видов дети в первую очередь копируют своих родителей. А мыслителей, вопиющих о слезинке ребёнка, у баритов как-то исторически не возникло.

В конечном итоге я заплатил за свою ошибку одиннадцатилетней давности. Я подвёл жизненный итог. Бариты не такие, как мы. Человеческая мораль к ним неприменима. Можем ли мы порицать их за это? Наш разговор видели представители десятка рас. Теперь война не начнётся. А если и начнётся, то не нас объявят агрессором.

* * *

Через два часа на открытую волну вклинился капитан моего корабля:

— Через пятнадцать минут к месту встречи спустится спасательный бот с десантом для возврата Диктатора. Если мне кто-либо помешает, я сотру в порошок крупнейшие города континента планеты. Бортовой мощи моего корабля хватит.

Я дёрнулся и чуть не потерял сознание от боли. Это был бы конец.

— Отставить, капитан! Возвращайтесь домой! Это приказ!

Барит легонько качнул верхней левой конечностью, и передо мной возникла голокарта околопланетного пространства. Красный маркер обозначал наш крейсер с ополоумевшим командиром. А за ним, взяв его в полусферу и прижав к планете, находились пятнадцать зелёных маркеров. Барит сопоставил их. Каждый баритский корабль был раза в три больше нашего ударного крейсера. Все наши военные паникёры, оказывается, были просто отчаянными оптимистами.

— Повторяю, — спокойным тоном ответил капитан. — Через четырнадцать минут к месту встречи опустится спасательный бот. При любой провокации я уничтожу крупнейшие города Барриэта.

— Я приказываю, отставить! — ещё раз закричал я, чувствуя, как внутренности горят огнём.

Капитан меня проигнорировал. Тогда я обратился к бариту.

— Разрешаю вам уничтожить этот земной корабль. Простите нас за этот инцидент. Мы не будем выдвигать обвинений. Это личная инициатива!

Чёрт бы побрал внедрённые психоблоки! Те самые, что должны защищать гражданских людей от тупых злобных вояк! У капитана просто снесло крышу, когда на его глазах два часа умирал гражданский, да ещё и глава верховной власти. И плевать этому капитану, что из-за его действий человечество объявят расой-агрессором — он человека спасает! А я даже его имени не запомнил!

— Всё хорошо, Майкл Эрли! — моё имя барит произнёс идеально. — Я не против того, чтобы ты остался жив. Нам ведь надо заключить новый договор. Старый ты расторг.

И в этот момент я перестал дышать. Последнее, что я увидел — это звериный оскал гнусной баритской морды.

Наверное, так эти твари улыбаются.

* * *

Я лежу в регенерационной капсуле и плачу. Через пять часов мой корабль вернётся на землю. Андерс Торвальд, тот самый идиот-капитан, уже трижды заглядывал в медблок. Он очень хочет посоветовать мне прекратить рыдать, но не находит подходящих слов. Всё-таки я Герой и Спаситель Человечества. Зато подходящие слова для судового врача он находит с лёгкостью — я тебя, сука, лично расстреляю, если не приведёшь его в норму!

Нас легонько щёлкнули по носу и дали второй шанс. Нам объяснили, как взрослые объясняют малым детям, что врать нехорошо. Вот только, сколько людей на Земле сегодня способны понять смысл произошедшего? А надо ещё составить новый договор. Договор, в котором в первую очередь будут прописаны НАШИ гарантии. Гарантии того, что МЫ выполним свою часть сделки полностью. Всё, чему учили меня, всё, чему учили каждого земного дипломата — от всего этого надо отказаться. Надо всё начинать с нуля.

Когда я называл себя Диктатором, я знал, что очень скоро умру. Как знал это Ониси Такидзиро, создавший отряды пилотов-камикадзе. Мы оба спасали свой мир.

Меня обманули. Теперь моя смерть просто уничтожит человечество, и я должен каждый день, глядя в зеркало, видеть Кровавого Тирана, и переучивать взрослых людей, ломая об колено все их моральные нормы. Второй шанс будет последним.

В конечном итоге, с этим можно справиться. А потом попросить прощения за все свои поступки тем самым единственно-возможным способом, которого заслуживаю.

Я не знаю только одного.

Я не знаю, как буду смотреть в глаза своей женщине, которую предал. Я ведь знал, как всё будет. Знал, что с ней сделают. Просто не хотел думать о плохом. Засунул голову в песок и жил сегодняшним днём. А потом струсил и даже не попрощался с ней, улетаая умирать. После всего, что она пережила. После всего, что с ней было.

И вот я возвращаюсь героем.

По моему лицу текут слёзы.

Надо просто увидеть её. Сразу же, как только сойду на землю.

А потом, надо просто заставить себя жить.

Почему я не верю, что у меня это получится?

ПРИКЛАДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

Денису Сергеевичу Никодимову, главе отдела продаж фирмы «Задунай», стукнул бес в ребро.

Он иногда постукивал и раньше, но до определённого возраста у Дениса Сергеевича получалось игнорировать. А теперь то ли бес подрос и окреп, то ли Никодимов ослаб. Тычки становились всё чувствительнее, резонанс от вибрации взбесившегося ребра шёл по всему организму, жизнь заметно осложнилась.

Никодимов пробовал взять беса под контроль, пытался по-хорошему уговорить отстать и заняться чем-нибудь полезным. Бес на уговоры не поддавался, и продолжал лупить по никодимовской грудной клетке с энтузиазмом боксёра, бьющегося за выход в финал. Тогда Денис Сергеевич напомнил о последствиях служебных романов, наглядно рассчитал в Экселе букетно-ресторанные расходы на адюльтер и даже попугал тещей.

Бес небрежно отмахнулся от разумных доводов и с тычков перешёл на пинки.

Отчаявшийся Никодимов применил физические и химические средства, но стряхнуть беса с ребра на тренажёрах не получилось, а алкоголь не усыплял нечистого, а наоборот, делал его особенно игривым и извращённо изобретательным.

«Что же делать-то? — уныло думал Никодимов, опять оглушённый неожиданным ударом в самый неподходящий момент, на встрече с представительницей заказчика. — Работать же невозможно. И ведь не сказать, что она вызывающе выглядит. Даже косметики почти нет. Лицо такое молоденькое, свежее, как у школьницы. Губы некрашены...»

Сволочной бес, воспользовавшись тем, что жертва расслабилась и пытается на чужие губы, лягнул так сильно, что Никодимов чуть не застался.

— Что с вами? — встревоженно спросила девушка. — У вас такое странное выражение лица...

— Гастрит, — ляпнул Никодимов первое, что пришло в голову, отводя глаза в сторону. — Иногда так скрутит, что сам себе не рад.

— Понятно, — сочувственно кивнула представительница. — Очень неприятная болезнь. У моего папы тоже гастрит. Вы с ним, я думаю, ровесники.

Никодимов от смущения закашлялся так сильно, что даже бес притих.

— Да у вас, похоже, ещё и бронхит, — всплеснула руками девица. — Что же вы так себя запустили? Работа работой, но в вашем возрасте за здоровьем надо следить. Слушайте, я знаю одну женщину-экстрасенса,

она здорово травами лечит! Хотите, дам телефон? Настоящая потомственная ведунья — и исцеляет, и порчу снимает, и будущее предсказывает.

Кое-как доведя деловую встречу до конца, злой и расстроенный Никодимов закрылся у себя в кабинете. «Папа, — думал он. — При чём тут её папа? Может, он в седьмом классе детей строгать начал, а мне теперь стариком себя чувствовать?»

Однако вскоре злость утихла, сменившись меланхолией.

«Что-то надо делать, — размышлял Никодимов. — Избавляться от этого гада, иначе таких глупостей наворотишь... Долбит, зараза, как дятел. Чуть важную встречу не сорвал. А вчера в супермаркете? А два дня назад в бухгалтерии? От этих постоянных пинков скоро совсем крыша съедет, — взгляд его упал на бумажку с номером телефона экстрасенса. — Может, действительно, созвониться?»

* * *

Денис Сергеевич никогда раньше не встречал в реале ни одной потомственной ведуньи, но почему-то был уверен, что увидит сильно накрашенную, нелепо одетую брюнетку с хрустальным шаром, картами таро и восковыми свечами.

Однако Анна — так звали экстрасенса — внешне ничем не отличалась от деловых женщин, с которыми он каждый день общался по работе. Средних лет, худощавая. Породистое умное лицо. Светлые волосы элегантно подстрижены. Серые брюки, чёрный свитер. Весь облик Анны, особенно твёрдый взгляд холодных глаз, излучал спокойную уверенность в себе, не нуждавшуюся в мистических аксессуарах. «Стильная тётка» — думал Денис Сергеевич, проходя в комнату, где мебель походила на хозяйку — тоже стильная, строгих тонов, по-модернистски художочная.

— Присаживайтесь, — сухо предложила целительница. — Что вас беспокоит?

Никодимов, отводя глаза и запинаясь, начал путано излагать суть проблемы. Анна разобралась в его невнятице на удивление быстро.

— Понятно, — кивнула она. — Не вы первый, не вы последний.

— Догадываюсь, — буркнул Денис Сергеевич. — Мне от этого, знаете ли, не легче. Делать-то с ним что?

Экстрасенс пожала плечами.

— Вариантов всего два. Либо тешить, либо изгонять.

— А изгонять... это больно? — боязливо спросил Никодимов.

— Это дорого, — равнодушно сообщила Анна.

— А тешить?

— Обычно ещё дороже. Но это не ко мне. Для этого есть другие... хм... специалисты.

Никодимов задумался.

— А осложнений не будет?

— Если тешить? — с лёгкой иронией спросила Анна. — Будут обязательно.

— Нет, — мотнул головой Денис Сергеевич. — Если изгонять. А то ещё превратите меня в бесполого ангела.

— Умела бы я мужчин в ангелов превращать, — заметила ворожея, — обязательно оставила бы себе парочку. Но чего нет, того нет.

Никодимов зачем-то снова оглядел комнату. «Какие там ангелы, — подумал он. — Тут и обычных-то мужиков не водится. Сразу видно, одна живёт.» Тут бес, до этого сидевший тихо-тихо, встрепенулся и вломил по ребру с такой силой, что даже дыхание перехватило.

— Послушайте, — хрипло выпалил Денис Сергеевич. — Вы не хотели бы со мной поужинать?

Брови Анны слегка изогнулись:

— В каком смысле?

— В прямом! Неужели непонятно? Вы мне очень нравитесь. Правда. Как зашёл, сразу подумал — какая женщина!

Анна посмотрела с профессиональным интересом, покачала головой.

— Да, здорово вас прихватывает.

— Нет, вы не поняли! — начал горячо объяснять Никодимов. — Это не из-за него... то есть из-за него, конечно, тоже, но вы мне правда сразу ужасно понравились! Вы на актрису американскую похожи, известную такую... чёрт, имя забыл. Неважно. В общем, вы очень интересная. Я о такой женщине всегда мечтал, и ни разу так и не встретил. Думал, уже и не встречу. И вдруг — вы. Давайте сходим куда-нибудь, а?

Он наконец выдохся и взглянул на Анну.

Та отрицательно мотнула головой:

— Нет.

— Почему?!

— Я вам уже объясняла. Тешить чужих бесов — не моя специализация.

— Это понятно, — кивнул Денис Сергеевич. — Но ведь можно и не чужого...

Он выжидательно замолчал. Анна нахмурилась, посмотрела непонимающе:

— Что вы имеете в виду?

— Я подумал, — осторожно объяснил Никодимов, — вдруг у вас есть свой такой же? Вроде моего? Тогда они, то есть мы, могли бы помочь друг другу...

Ведунья покачала головой.

— Женщин бесы «вроде вашего» беспокоят гораздо реже, чем мужчин. Нас чаще демоны одолевают — тщеславие, кокетство, обида, зависть, одиночество...

— Вот видите! — обрадованно воскликнул Денис Сергеевич. — Получается, у вас даже больше стимулов, чем у меня!

— Нет, не получается.

— Почему?!

— Вы мне не нравитесь, — равнодушно сообщила экстрасенс. — Я имею в виду, как мужчина. Ну что, будем изгонять?

То ли от угрозы изгнания, то ли от снисходительного взгляда холодных глаз с никодимовским бесом начало твориться что-то невообразимое. Казалось, он распухает в грудной клетке, давя на избитые рёбра и причиняя сильную, не испытанную раньше боль.

Никодимов, с трудом сохраняя спокойствие, спросил:

— Чем же я вам так не нравлюсь? Вроде не урод, не бомж, не алкаш. Приличный человек, зарабатываю хорошо. Не молодой, ну так и вы, извините, не девочка. Принца на белом коне ждёте? Не дождётесь. Так и просидите всю жизнь одна.

Анна смотрела на клиента с тревогой:

— М-да, нежелательное осложнение. Ваш бес на глазах мутирует в демона и пытается вызвать схожую реакцию во мне. Как специалист советую — не затягивайте с изгнанием. Иначе скоро станете по-настоящему одержимым и помочь вам сможет только экзорцист. А это намного дороже. И опаснее.

Никодимов медленно перевёл дух. Смысл сказанного потихоньку доходил до сознания, но плохо. Демон, так внезапно образовавшийся из мелкого пакостника, никак не хотел уговориться.

— А может, всё-таки сначала... того? — уже спокойнее спросил Никодимов. — Потешим? Один раз? А потом сразу изгоним.

Анна укоризненно покачала головой:

— Ну что вы как маленький, честное слово! Прайс-лист лучше посмотрите!

И протянула распечатку со списком услуг и ценами за сеанс, указав на строчку в середине:

— Вот.

Денис Сергеевич глянул на цифру. «Ты с ума сошёл? — спросил вдруг бойкий незнакомый голос. — Такие бабки за то, чтобы остаться примерным семьянином? Опомнись, мужик, один раз живём! Уж если тратить, то на тёлки!»

Сначала Никодимов опешил. Потом до него дошло, что это говорит мутировавший бес. «А ведь он во многом прав, — подумал Никодимов. — Хоть и паразит, и долбодятел и прочее, но в логике не откажешь. Стоп... а может, он специально с толку меня сбивает? Анна же предупредила насчёт одержимости...»

«Нашёл кого слушать, — презрительно возразил паразит и долбодятел. — Что может баба понимать в мужских проблемах? Тем более такая примороженная. Явно фригидная. Вот и несёт от зависти всякую чушь. Самой не дано, так и других хочет радостей жизни лишить».

И опять Денису Сергеевичу показалось, что демон абсолютно прав.

— Знаете, — сказал он вслух, избегая смотреть ведунье в глаза. — Это... дороговато. Я подумаю. Если что, позвоню.

Анна снова нахмурилась, потом медленно, словно сомневаясь, стоит ли говорить, произнесла:

— Демона можно подчинить и не изгоняя, если угадать его имя. Тогда он будет послушен вам, а не наоборот. Главный повелитель духов сладострастия — Асмодей. Имена его подчинённых обычно созвучны имени шефа. Попробуйте, вдруг получится. Но лучше всё-таки к специалисту.

* * *

На улице демон спросил: «Ну? Куда пойдём?»

Денис Сергеевич точно знал, что идти надо домой. Толпа текла со всех сторон по проспекту, по-летнему нарядные женщины цокали каблучками, воздух пах разогретым асфальтом, духами, сигаретным дымом и хотдогами.

«Можно зайти в бар, — протелепатировал искуситель. — Тут недалеко, прямо у метро, помнишь?»

Никодимов помнил — заходил как-то с приятелем. Место было хорошее. Всё на уровне — и интерьер, и напитки, и закуски, и сервис. И девушки у стойки сидели красивые, приятно посмотреть.

«Почему бы не зайти? — подумал Никодимов, стараясь делать вид, что демон сам по себе, а он сам по себе. — Полчаса, не больше. Сниму стресс, и домой».

* * *

Вечер только начинался, и бар оказался почти пустым. Тем не менее, девица у стойки обнаружилась — миниатюрная, с пышной гривой чёрных волос, одетая в мини-топик и мини-юбку. Она сидела, свесив с высокого табурета точёные ножки, и потягивала из бокала нечто клюквенно-розовое. Удлинённые подводкой глаза искоса оглядели вошедшего. Демону девица очень понравилась.

Пристроившись рядом с незнакомкой, Никодимов заказал виски со льдом и начал беседу. Мила, — так звали девушку, — слушала не перебивая, то присасываясь к коктейльной трубочке пухлыми вишнёво-помадными губами, то хихикая над никодимовскими шутками. Ободрённый Денис Сергеевич задал Миле несколько вопросов о ней самой, — оказалось, приехала поступать в институт, не поступила и пока нигде не работает. Никодимов воодушевлялся всё больше. Глядя, как колышется от смеха грудь Милы, он чувствовал, что настроение быстро улучшается. Пережитое в кабинете Анны фиаско уже казалось полной ерундой.

«А что я тебе говорил, — шепнул демон. — Нашёл, кого слушать. С девчонкой проблем не будет. Ну, давай. Чего зря время тянуть. Раз — и в дамки!»

Но Никодимов колебался. Очень не хотелось нарваться на ещё один отказ. «Не трусь! — подбодрил нечистый. — Ты же лучший на фирме менеджёр по продажам! Не таких убалтывал. примени бизнес-стратегию»

Правильно, подумал Никодимов. Проанализируем ситуацию. Что интересует потенциального заказчика? Работа и деньги. Значит, презентацию товара надо провести соответственно — например, представиться владельцем транспортной конторы. А дальше пусть сама сообразит, кто больше заинтересован в контракте, и кто, соответственно, должен идти на уступки и делать первый шаг к заключению сделки

Однако выдержать тактику и стратегию бизнес-переговоров Денису Сергеевичу не удалось. Мила, допив свой коктейль, начала рыться в сумочке. С загорелого плеча соскользнула невесомая бретелька и открылся такой вид, что демон взвыл: «Ну чего ты ждёшь, придурок? Уйдёт!». Денис Сергеевич, забыв о хладнокровии, поспешно склонился к девичьему ушку и пылко сформулировал свои предложения.

Мила отстранилась, поправила бретельку, спросила с весёлым изумлением:

— А штаны не треснут?!

Её реакция немного обескуражила Никодимова, но сдаваться он не собирался. Раз клиент не купился на основной пакет предложений, надо пообещать ему бонус:

— Я тебя за это в круиз возьму! На Багамы!

Мила прыснула и тут же потупила подведённые глаза. Насмешливый мужской голос спросил за спиной:

— Губы сам закатаешь или помочь?

Денис Сергеевич обернулся. Накачанный молодой верзила ухмылялся так же издевательски, как и Мила.

— Шёл бы ты отсюда, дядя, — посоветовал он. — Пока я добрый и не злой. Вот прямо сейчас встань и иди — на Багамы и до той самой мамы. Андрюх, налей мне как обычно.

* * *

Зайдя в квартиру, Денис Сергеевич сразу услышал бормотание телевизора, перебиваемое голосом жены — Маша в ожидании сериала болтала по телефону.

Он заглянул в комнату:

— Привет.

Жена кивнула:

— Привет, — и снова переключилась на собеседника: Никто не пришёл, мам. Это Деник. Ой, началось. Ладно, я тебе потом позвоню.

Никодимов потоптался на пороге, позвал:

— Маша.

Та, не отрывая глаз от мелькающих титров, произнесла нетерпеливо:

— Всё на плите, разогрей сам

Денис Сергеевич решительно прошёл к дивану, плюхнулся рядом с женой, резко привлек её к себе, промычал:

— Маша, я так соскучился...

— Деник, ты что? — изумлённо бормотала отбивающаяся Маша, продолжая поглядывать в сторону экрана. — С ума сошёл? Подожди хоть рекламной паузы!

Её сопротивление окончательно распалило осатаневшего от отказов демона..

— Не подожду! Ты... ты сегодня такая красивая...

— Только сегодня? — с неожиданным кокетством спросила Маша, наконец-то отворачиваясь от телевизора и сосредотачивая всё внимание на Никодимове.

— Всегда! — жарко заверил он, глядя в её заблестевшие глаза и с удовольствием убеждаясь, что по крайней мере на жену словотомычки всё ещё оказывают нужный эффект. — Самая красивая женщина в мире!

* * *

Полчаса спустя Маша, обнимая начинающего задрёмывать мужа, сказала тихо:

— А я-то, дура, уже на развод собиралась подавать.

— Чего?! — изумился Никодимов, резко поворачиваясь к ней.

Сон с него мгновенно слетел.

Маша смущённо улыбнулась.

— Ты в последнее время живёшь как выключенный. Весь в себе, меня в упор не видишь. Приходишь домой — и сразу к компьютеру. Я и подумала, — чем без любви жить, лучше уж порознь. Хоть друг другу не мешать...

— В каком смысле — не мешать? Ты что, любовника завела?!

— Если бы развелась, завела бы, конечно, — пожала плечами Маша. — Но раз всё хорошо — то зачем?

— Ты, — Никодимов от возмущения не сразу нашёл нужные слова, — ты соображай хоть иногда головой! Напридумывала фигни! Выключенный я, видишь ли! Без любви живу! Ты понимаешь, что я на работе пашу как слон?! Я устаю! Это всё твои сериалы, Маша! Нельзя же реальную жизнь мерить тем, что там показывают! Это игра, понимаешь? А в реале актёры небось тоже после съёмок домой приходят и с размаху мимо бабы падают!

Он откинулся на подушки и потрясённо подумал про себя:

«Развестись! Вот это номер... Апофигей!»

«Слушаюсь, хозяин, — новым, подобострастным тоном откликнулся демон. — Чего изволите?»

КОРОБКА НА КОЛЁСАХ

— Машина его убила! — кричит миссис Коллари. — Ваша грёбанная машина!

Редкие волосы, жирный белый живот, визгливый, склочный голос. Потёкшая тушь выводит меридианы на пухлых щеках. В руке зажаты ключи от автомобиля.

— Вы мне заплатите! Вы и ваша контора! Это всё машина! Убила его, машина убила моего Гаса!

Она рыдает. Кто-то — дочь? племянница? — подходит сзади, берет её под локоть, передаёт мне ключи. Брелок греет ладонь чужим теплом. Миссис Коллари уводят на кухню, дверь закрывается, отсекая (не до конца) стоны, всхлипы, бессвязные причитания. Меган предупреждала, что вызов будет тяжёлым, но к такому я всё-таки не готов. Я техник, а не психолог. В конце концов, есть страховой отдел, им за такие вещи платят. Впрочем, они, наверное, уже в курсе. Что поделать, времена нынче тяжёлые, падение спроса, фондовый, мать его, кризис. Поэтому сохраняй спокойствие и работай, Фрэнк. Автомобиль — в гараже, гараж — в подвале. Коттедж у семьи Коллари новенький, дорогой, с «дышащими» стенами и крышей из натуральной черепицы. Наверху — не меньше трёх спален, но планировка нижнего этажа стандартная, и вход в подвал находится там, где обычно, рядом с кухней.

Спускаюсь, брэнча ключами. Осматриваюсь. Вот и она. «Аста-матео эс-дэ», вторая ревизия, «Брэйни-Драйв», повышенная комфортность. Хороша. Не так хороша, как моя Бетси, но всё равно — люкс. Что ж, здесь, в Роучестер-Хиллз, живут те, кто может себе позволить «маттео». Нажимаю кнопку на брелоке, сигнализация приветственно булькает. Не радуйся, красавица, я не твой хозяин. Хозяин больше не придёт. «Машина его убила», надо же. Машины не убивают людей. Людей убивают другие люди. А также алкоголь в крови, плохая реакция и не пройденный вовремя техосмотр... Открываю чернолаковую дверь, сажусь в салон. Ну и вонища. Двери — нараспашку, чтобы проветрилось. Касаюсь экрана на приборной панели.

— Добро пожаловать! — слышно из колонок. Вздрагиваю: покойный владелец выбрал для «маттео» тот же голос, каким разговаривает моя Бетси. — Согласно биометрическим параметрам, вы не являетесь владельцем данного устройства и не зарегистрированы в качестве доверенного лица. Вы не сможете завести двигатель и пользоваться большинством функций интеллектуального модуля...

Скользнув пальцем по экрану, выключаю звук и набираю пароль супер-юзера. Дактилоскопический контроль: прикладываю большой

палец. Один, два, три... Десять секунд, пока «маттео» свяжется с офисом «Эксцентрик моторз». Связалась. На экране: «Франклин Пикарт, техник-наладчик, отдел сервиса» — и рядом фото, старое, где мне ещё двадцать пять. Квадратные очки, острый нос, узкий подбородок. Дерьмовая фотография. «Доступ разрешён». Наконец-то. Теперь дело за малым. Смахиваю лепестки меню, добираюсь до персональных настроек. «Вернуть заводские параметры». Ещё одно движение — и биометрические данные мистера Огастеса А. Коллари, ныне покойного, сотрутся из памяти машины. «Маттео» забудет хозяина и сможет принять любого нового владельца. Что ж, многие обрадуются хорошему автомобилю, пусть и слегка подержанному. Миссис Коллари, неутешная вдова, сорвёт неплохой куш.

«Машина его убила».

Что ж, а ведь можно и глянуть.

Быстренько оглядываюсь. Гараж пуст. Снова вызываю меню, ищу записи внутренней камеры. Вон она, на месте, крошечный глазок целится с потолка салона. Сенсоры, вшитые в сиденье, передают данные о температуре, давлении, сердечном ритме и прочих вещах. Но камера позволяет машине «видеть» лицо человека. Распознавать эмоции. Что, в свою очередь, способствует усилению контакта, повышению юзабилити, и так далее, и тому подобное. Всё равно спрос на модели падает. А, какого чёрта.

Нажимаю иконку последней записи.

На экране оживает картинка. Мистер Коллари (ещё живой) откручивает дверь «маттео» и с усилием, в несколько этапов задвигает грузное тело внутрь. Устроившись за рулём, неслышно хлопает дверью. Любовно — иначе не скажешь — оглаживает руль, расстегивает пиджак и что-то произносит, заведя взгляд в потолок. Интересно, я тоже наверх пялюсь, когда с Бетси разговариваю?.. Коллари подносит кулак к губам и кашляет. Мотает головой, машет руками, судорожно роется в карманах пиджака, хлопает по бёдрам. Новый приступ кашля бросает его вперед, рубашка выбивается из-под ремня и вздувается парусом. Прижимая ладонь ко рту, мистер Коллари принимается шарить в бардачке, ничего не находит, поворачивается к двери и тянет на себя ручку, пытаясь выйти. Чёрт, да у него астма. И, похоже, толстяк забыл взять с собой «фловент». Коллари на экране дёргает ручку всё сильней, сотрясаясь при этом от раздражающего кашля. Щёки — красней редиски. Ручка отламывается. Коллари, перевалившись через сиденье, силится открыть пассажирскую дверь — тщетно. Стучит кулаками по ультрапрочным стеклам, раскачивается в отчаянных попытках набрать воздуха в лёгкие. Это продолжается долго, минут пять, а я всё смотрю, смотрю. Движения Коллари начинают слабеть, руки уже не бьют — подергиваются, ноги вяло елозят под сиденьем. Наконец он затихает и роняет голову набок, став тут же спокойным

и безмятежным. Словно уснул и избавился от мучений. Последнее верно, а вот первое — нет.

Камера продолжает снимать мертвеца за рулём. Я останавливаю запись и заканчиваю то, зачем пришёл — возвращаю бортовой компьютер к заводским настройкам. Руки нажимают на иконки, подтверждают запросы, а голова моя в этом не участвует. Срань господня... Невероятно. Водитель умер оттого, что заклинило центральный замок? Такое могло стрястись только с обычной машиной, без интел-управления! «Маттео», получив сигнал, что владельцу плохо, должна была отстрелить двери встроенными пиропатронами, включить сирену, вызвать спасателей и врача, позвонить родственникам и послать, наконец, рапорт в «Эксцентрик моторз» о случившейся неисправности. В любом случае, «умная» машина не могла просто наблюдать, как умирает водитель. Запоздало соображаю, что неплохо было бы скопировать запись перед тем, как стирать. Хотя всё равно никому не покажешь: техникам строго запрещено просматривать личные файлы клиентов. Прайвеси.

«Машина его убила».

Поднимаюсь по лестнице в холл. Миссис Коллари стоит у дверей на кухню.

— Вы простите, что накричала, мистер...

— Фрэнк, просто Фрэнк. Ничего, я всё понимаю.

— Не могу больше на неё смотреть, — женщина обхватывает руками тяжёлые плечи. — Тогда... прождала Гаса весь вечер, думала, он уехал на работу ещё с утра, как обычно... Звонила, трубку никто не брал. Потом, в девять, словно что-то стукнуло в сердце. Спустилась в гараж. И увидела там... Его...

Глаза блестят — от слёз, от «валиума». Всхлипывает:

— И ведь хотел обменять этот дерьма кусок. Как раз у вас акция началась. Всё твердил — поменяем старушку, поменяем... Поменял.

Я понимаю, о чём она. Месяц назад маркетинтологи из штаб-квартиры запустили рекламную кампанию. С конвейеров сошла новая интел-модель, — «клуббер марк два» — навороченная и очень, очень дорогая тачка. Похоже, директорам никто не сказал про падение спроса: даже богачи не спешили покупать новую фешенебельную игрушку. В итоге рекламщики объявили, что отдадут «клуббер» за полцены любому покупателю, который сдаст обратно на завод свой предыдущий интел-автомобиль. Да уж, мистеру Коллари определённо стоило поменять машину. Или сбросить вес?..

— Вас оповестят о решении страхового отдела, — говорю я. — Еще раз примите соболезнования.

Губы Миссис Коллари предательски дрожат.

— Это ваша машина его убила! — снова заводится она. — Вы мне за всё ответите! За всё заплатите!!

Говорю почему-то «извините» и высказываю из дома. Взявшись за пуговицу на рубашке, поддёргиваю влажную ткань, чтобы пустить к телу воздух. Это — только начало дня. Крепись, старина, крепись.

Моя Бетси, «аста-бетакс тридцать четыре», дожидается там, где припарковалась полчас назад, у декоративных терновых кустов, ухоженных, точно борода амиша. Радиатор у неё чуть смахивает на хитроватую улыбку, и фары — узкие, словно прищурены.

— Вы хорошо себя чувствуете, мистер Пикарт? — спрашивает Бетси, когда я сажусь за руль. — Датчики свидетельствует о крайнем возбуждении.

— Всё нормально, — отмахиваюсь. Заботится, дурёха железная. Та, небось, тоже о своем толстяке заботилась, пока не... Машинально поднимаю глаза и встречаюсь со стеклянным взором камеры на потолке. Объектив помещается на том же месте, что и в кабине «маттео». Меня передергивает. О'кей. Всё о'кей. Всего лишь программный сбой. Маленький сбой, который по чистой случайности привел к трагичным последствиям. В конце концов, «маттео» — просто машина, и про все болезни на свете знать не может. Её дело — следить за дорогой. А что помощь не вызвала — обычный глюк. Так, надо собраться. Дурёха моя что-то спрашивает, кажется.

— Пожалуйста, укажите следующий пункт назначения, — безмятежно повторяет Бетси.

Роюсь в планшете. Ага, вот он, адрес.

— Орлеан-стрит, тринадцать ноль один. Поехали.

Машина фыркает мотором, экономно разворачивается, едет по чистенькой улице — ровно посередине полосы, хоть рулеткой мерь. Вскоре ухоженный Рочестер-Хиллз остаётся позади, и начинается промзона. Смотрю на проплывающие по сторонам старые цеховые здания. Содранная штукатурка обнажает кирпичные языки, окна без стёкол зияют темнотой. Детройт наполовину состоит из таких мест, где гниют на корню брошенные дома и заводы. Бизнес прогорает, люди бегут прочь. Впрочем, в нынешние времена везде нелегко.

Перед выездом на шоссе Бетси притормаживает, дожидаясь, пока не схлынет поток машин, и выезжает на дорогу. Тут же отчего-то перестраивается в правый ряд, хотя и в остальных хватает места.

— Авария? — спрашиваю я, хотя почти уверен в ответе.

— Через триста ярдов дорожное происшествие, — подтверждает Бетси. Она знает о дороге всё, у неё постоянная связь с полицейскими коптерами. Доезжаем до аварии. Успеваю разглядеть смятую дверцу зеленого семейного «доджа», стеклянные крошки на асфальте, двух беззвучно вопящих друг на друга водителей, целую стайку коптеров в воздухе, а потом всё это скрывается за поворотом. Бетси аккуратно идёт на сорока милях, руководствуясь какими-то одной ей известными расчётами. Сверкают на солнце вишнёвые крылья,

гордо режет воздух эмблема «асты» — крылатая греческая статуя на капоте. Подголовник мягко скользит вниз, я закрываю глаза и хочу подремать, но вижу, будто наяву, мертвеца в водительском кресле. Какой уж тут сон. Чтобы отвлечься, гляжу сквозь лобовое стекло вдаль, туда, где на канадском берегу реки блестят новенькие башни Галери д'Арт. У долбаных канадцев всё окей. Долбанные канадцы словно и не слышали про падение спроса... На Орлеан-стрит Бетси находит место для парковки, встает между двумя похожими «опелями». Потягиваюсь, хрустя, кажется, всеми суставами разом, и выхожу. День начался паршиво, может, дальше будет легче?

Второй заказ касается «тиары», одной из первых интел-моделей, собранных «Эксцентрик моторз». Неужели и здесь дверь не открылась? И какой-то хроник от этого тоже отбросил коньки? Чуть. Простой, обычный вызов, наверное. Моя цель — многоквартирный дом, одна из «Башен Лафайет». С тех пор, как возвели эти огромные, сплошь блистающие стеклом здания, прошло лет семьдесят. Парк вокруг многоэтажек разросся и одичал, голубые зеркальные фасады там и тут пестрят разбитыми окнами. Лифты в «башнях», тем не менее, ездят бесшумно и очень быстро — даже уши заложило, когда взлетел вверх. Нужная квартира уже открыта, из её недр доносится музыка. Танцевальная музыка.

Внутри стоит полутьма, которую силится разогнать одинокая лампа. Сладко пахнет выпивкой и курительными смесями. В дальней комнате за закрытой дверью разговаривают и смеются.

— Скинни, cabron, глянь, кого там принесло, и вали обратно! — кричит кто-то.

На свет выходит невысокий смуглый парнишка с мышиным лицом. С головы его, прихваченные ярким платком, верёвками спадают дреды.

— Hola, — он протягивает руку. — Ты тоже на поминки?

— Привет, — пожимаю влажные пальцы. — Могу я видеть мистера Эрнандеса?

— Хавьер уехал, — равнодушно сообщает Скинни.

— Куда уехал?

Скинни трясёт дредами:

— Так у него же брат умер. Рамон, не слыхал? (Машинально качаю головой). Ну, Рамон умер, а дела-то его остались. Явки, закладки, всё такое, — Скинни дробно смеётся. — Вот Хавьер и поехал по клиентам.

Сохраняй спокойствие и работай, Фрэнк.

— Мистер Эрнандес вызывал техника, чтобы перенастроить машину на себя, — говорю я терпеливо. — Может, позвоните, и он вернётся? Всего на пару минут, надо только, чтобы он сел за руль. Датчики зафиксируют биометрию, а дальше я сам справлюсь.

Скинни тут же вытаскивает телефон, набирает номер и принимается тараторить на взрывоопасной смеси испанского и английского.

Слушает ответ, хмурится, кивает и, бросив «adios», прячет телефон обратно в карман.

— Bueno, — говорит он, — Хавьер не приедет, но сказал, что ты можешь просто отключить мозги у тачки. Ему эти навороты без надобности, он и так гонять сможет.

— Отключить «Брэини Драйв»?

— Si. Сможешь?

— Конечно, смогу, — говорю я. — Но ездить на интел-модели, как на обычном автомобиле — это как-то...

Скинни прищуривается, и я умолкаю. Выходим. Спускаемся на лифте до цокольного этажа. «Тиару» на подземной парковке видно издалека. И то сказать: трудно не заметить среди чинно выстроившихся в ряд семейных «универсалов» длинный, раскрашенный в радужные цвета кабриолет. Скинни вразвалку подходит к «тиаре» и по-свойски запрыгивает внутрь. Машина покачивается под его невеликим весом.

— Вот она, — говорит Скинни и, закинув руку за сиденье, хлопает по рулю. — Кульная bomba, все chiquitas — твои. Рами, правда, другую хотел уже. Новую. Но где ж ему новую, когда за старую кредит не выплачен! Чего-то, правда, мутит, звонил в автосалоны. Менять хотел. На «клуббер». Слыхал про такой?

Дался им этот «клуббер»... Похоже, над покраской кабриолета трудились сразу несколько человек, причем у каждого был свой, уникальный художественный взгляд. Сходились они лишь в одном: в любви к очень ярким цветам. На капоте нарисован сине-зелёный тигр, на багажнике — жёлтый скелет в пурпурном сомбреро, двери покрыты огненными узорами. Может статься, такой размалёванный автомобиль на обмен и не взяли бы. Экран просыпается от моего прикосновения, машина начинает было: «Добро пожа...» — но я быстро вырубая звук. У «тиары», как назло, тоже голос Бетси.

—...Предки ему подогнали на окончание школы, — говорит между тем Скинни. — У Рами с Хавьером нормальные предки, богатые. Все наши детройтские клубы на ней объездил. Ну, «ти» его, считай, и сгубила.

— В смысле? — я ошибаюсь при вводе пароля, и приходится набирать заново. Скинни привстаёт с места и тычет пальцем куда-то назад:

— Вот тут глянь.

Гляжу. Скинни указывает на колесо. Из-под крыла торчат какие-то чёрные лохмотья.

— Он, значит, в аптеке хотел сигарет купить, — объясняет Скинни. — Тормознул на улице, двигло глушить не стал, вышел. Ну, не вышел — выпрыгнул. Короче, как-то у него пояс от плаща... Он в плаще ходил, понял? Длинный плащ, и пояс свисает с двух сторон до земли. Такой вот модный был chico... Так этот пояс, он в колесо попал.

Пряжка — под крыло. И там застряла. Рами пояс дергать начал. А «ти» — она чё-то поехала. И, прикинь, пояс-то на колесо намотался. Пояс, вообще, плащ, вот это всё. Короче, Рами падает, орёт — а «ти» едет. Два квартала проехала. Тот уже орать перестал, плащом ему шею скрутило. Хавьер в морге был, говорил — жуткое дело, смотреть было страшно, *chingue su madre*.

Сажусь на место, вытирая потные ладони о штаны.

— Откуда такие поброд... подробности? — чёртовое слово, сразу и не выговоришь.

— Коптер снимал, — объясняет Скинни. — Хавьеру в полиции запись показали.

Экран мерцает, готовый деактивировать интел-модуль. Прикладываю большой палец, набираю код, и под тёмным стеклом бегут строчки: «отключается службы слежения... отключается навигационный блок... отключаются системы обратной связи...» Скинни смотрит на экран телячьими глазами.

— Эх, Рамон, Рамон, — произносит он, медленно кивая. — Хороший ты был *chico*, правильный. Ты это, *compadre*... Приходи на похороны, а? Послезавтра хоронить будут, кладбище Холи Кросс.

«Отключается когнитивный блок... отключается управление питанием...»

— Что ж вы поминки-то по нему справляете, если ещё не хоронили? — спрашиваю хрипло.

— *Sabrones* потому что, — отвечает Скинни и начинает рыдать. Экран вспыхивает на прощание, высвечивая логотип «Эксцентрик Моторз», и гаснет. Я вылезая из кабриолета и медленно иду к лифту.

Можно было, наверное, глянуть записи камер «тиары», но и так всё ясно. Две машины с интел-управлением, созданные, чтобы оберегать и служить, убили своих хозяев. Или не убили? Потому что, вообще говоря, это — полная чушь. Сама суть «Брэини Драйв» заключается в том, чтобы сохранять водителю жизнь в любых ситуациях, пусть даже ценой саморазрушения. «Асты», ведомые искусственным разумом, проделывают немыслимые трюки, уходя от столкновений. Постоянно собирают информацию об авариях — каждый час, каждую минуту — и передают её службам спасения. Обновляют базы данных по человеческой анатомии. Обмениваются опытом и самообучаются. Умные машины, одним словом.

Я замираю у лифтовых дверей. А что, если они — умнее, чем кажутся? Каждый раз, садясь за руль, мы вручаем свою жизнь коробке на колесах — смыслёной хитрой коробке. У Зверюги новенькая «аста», у моей Меган — тоже, все техники ездят на «бетакс», маркетинговый ход, дополнительная реклама интел-моделей, умных и самообучающихся... Внезапно накатывает страх. Надо срочно отключить «БД» у Бетси. Сейчас же.

Лифт распахивает двери, но я не спешу заходить. Отключить Бетси? Легко сказать. Там ведь целая история: ввести пароль, потом код, дактилоскопия к тому же. А ей ведь наверняка кое-что известно, «маттео» и «тиара» вполне могли с ней связаться. Она поймёт, что я собираюсь делать, заблокирует двери и как-нибудь меня ухайдакает. Средств, чтобы убить человека, у неё навалом. Захочет — подушкой безопасности задушит, или пеной для тушения салон зальёт, или ещё чего. Нет, Фрэнки, лучше тебе вообще в неё не садиться. Выходи — и сразу бежать! Хм... Побегу — догонит и сожёт. Что же делать? Ох, думай, голова, думай, куда цела!

Из дома выхожу с готовым планом действий. Сделаю вид, что всё в порядке. Спокойно сяду в машину, прикажу возвращаться в офис. Ничем себя не выдавая, доеду до работы, поднимусь к Зверюге и обо всём расскажу. План рискованный, но, пожалуй, самый верный. А потом... Потом куплю старую добрую «импалу» с ручной коробкой передач и буду ездить на ней до окончания века.

Открываю дверь и плюхаюсь на сиденье.

— Вы тяжело дышите, мистер Пикарт, — говорит Бетси. — Произошло что-то чрезвычайное?

— А, ерунда, — отвечаю как можно беззаботней. — Лифт сломался, пришлось по лестнице пешком подниматься.

— Частота пульса увеличилась, — спокойно замечает Бетси. — В то время как у человека, пришедшего в состояние покоя после нагрузки, пульс обычно выравнивается. Вы уверены, что не требуется медицинское вмешательство?

Сволочь всезнающая. Что делать?! Так, спокойно, спокойно. Думай о котятках, о кролике Роджере, о королях и капусте.

— Всё нормально, — улыбаюсь я. — Тяжёлый клиент. Неприятный разговор, знаешь.

— Вам требуется отпуск, — говорит Бетси. В механическом голосе слышится что-то похожее на заботу... или на издёвку? Играет, как кот с мышью. Надо быть осторожным, очень осторожным.

— Да уж, — говорю со смехом, — отпустят меня в отпуск сейчас, держи карман. Слушай, Бетси, давай-ка в офис. Последнее дело отменилось, так что мы с тобой свободны до самого завтрашнего дня. Только отчитаться — и всё!

— К сожалению, это невозможно, — мягко говорит Бетси. У меня немеют щёки. Похоже, вот оно. Началось.

— В к-каком смысле? — спрашиваю, заикаясь. Никогда раньше не заикался.

— Вы забыли в салоне телефон, — сообщает машина. — Я приняла входящий звонок по беспроводной связи. Звонил ваш начальник, мистер Войцех. Он оставил голосовое сообщение. Включить запись?

— Давай, — голоса нет, один писк. В колонках шуршит, раздается искажённый микрофоном рёв Зверюги:

— Пикарт! Уже пол-третьего, а вы мотаетесь хрен знает где! Звонила ваша клиентка, Холкс. Долбанная истеричная курва! (Зверюга Войцех, чьи предки приехали в Детройт то ли из Польши, то ли из Чехии, любит блеснуть европейским лексиконом). Проела мне всю плешь, жаловалась, что лежит больная, не может ходить, что три дня как вызвала техника. А техника до сих пор нет! Требовала, чтобы вы сейчас же ехали к ней. Отзвонитесь по результатам.

Ноют гудки отбоя. Выдыхаю как можно незаметней. Хрен знает что. Я и забыл про чёртову заявку. Значит, придется сначала заехать к этой Холкс, и только потом — в офис... Фак. Достаяю планшет, ищу запись о вызове. Бостонский бульвар, семнадцать ноль шесть. Недалеко отсюда, и снова престижный район, как Рочестер-Хиллз, где живут Коллари. Только в Рочестер-Хиллз переезжают высокочки, вчерашние реднеки, а на Бостонском селятся потомственные детройтские богачи.

Хотя проехать в этот раз надо всего шесть миль, добираться приходится долго. Солнце клонится к закату, потянулись домой работяги с заводов — те, кто отработал первую смену. На улицах тесно. Гляжу в окно, от души завидуя людям, которые ведут обычные машины. Едут себе, ни о чём не волнуются, кто-то бейсбольный матч по радио слушает, кто-то бургер жуёт. Один я мучаюсь, жду, пока меня угробит эта коробка на колёсах...

А может, всё это цепь совпадений? Ну, заглянул комп «маттео», и что, Коллари ведь даже из гаража не выехал, даже не завёл мотор. «БД» ведь заточен на спасение водителя от аварии. В дороге. Но тут — гараж, дом, по умолчанию безопасное место. Бинго! «Аста» помогает хозяину на трассе, так её научили инженеры. При нештатной ситуации в гараже программы сбоят. Вот и всё объяснение. Что же касается бедняги Рамона — тут тоже явный глюк, водитель покинул транспортное средство, «тиара» не могла снимать его медицинские показатели и просто не знала, что хозяин гибнет.

Да, но почему она поехала и не остановилась, даже когда Рамон стал кричать? Не видела его внешними камерами? А как же полицейский коптер, который снимал весь этот кошмар — с ним-то она не могла не связаться?

— Конечный пункт, — говорит Бетси так неожиданно, что я вздрагиваю. — Бостонский бульвар, семнадцать ноль шесть.

Машина подъезжает к огромному кирпичному особняку с полукруглым балконом и колоннами, становится точно перед почтовым ящиком, глушит двигатель и вдруг добавляет вкрадчиво:

— Будьте осторожны, мистер Пикарт.

— А?! — Мысли куда-то пропадают. Бежать! Хватаюсь за ручку двери. Дверь не открывается. Дергаю сильней, наваливаюсь весом, пластик трещит...

— Своими действиями вы препятствуете разблокировке центрального замка, — невозмутимо сообщает Бетси. — Пожалуйста, опустите рукоять. Нагрузка критическая, вы можете сломать деталь.

Опомнившись, разжимаю пальцы. Замок щёлкает.

— Теперь можно открыть дверь, — говорит Бетси. Голос её звучит почти обиженно. Мигом вылезая наружу. Ладони у меня опять потные, и сердце — бух-бух в глотке. Надо сосчитать до десяти. Миссисипи раз, Миссисипи два...

— Что ты там про осторожность сказала? — Голос предательски дрожит. — Объясни-ка.

— Вы направляетесь в здание, где, по словам мистера Войцеха, находится тяжелобольная женщина, — отвечает Бетси. — Она может быть заразна. Будьте осторожны и избегайте с ней непосредственного контакта, мистер Пикарт.

— А-а, — говорю я. — Ага. Ну, о'кей.

С силой вдыхаю пропахший выхлопными газами воздух, резко выдыхаю и иду к особняку, чувствуя, как асфальтовая дорожка колышется под ногами. Сохраняя спокойствие и работай, Фрэнк. Нажимаю кнопку звонка. Открывает седенький детского роста старичок в строгом, застёгнутом на две пуговицы костюме.

— Привет! — говорю я, с трудом собрав лицо в дежурную улыбку. — «Эксцентрик моторз», настройщик. Эм-м... Мистер Холкс, если не ошибаюсь?

— Задержались вы, — укоризненно блеет старичок. — Идёмте, провою.

Спускаемся в гараж. Семья большая, дом большой, гараж тоже немаленький. Две машины стоят бок о бок: здоровенный, как памятник, «хаммер эйч пять» и надменно-элегантный «бьюик-сенчури». За «бьюиком» — пустое место, туда бы как раз влезла ещё одна тачка. Должно быть, кто-то на ней уехал.

— Мисс Сьюзен, это настройщик пришёл! — кричит старичок.

— Спасибо, Джо! — Стекло «хаммера» ползет вниз, из салона машет узкая девичья ладошка. Подхожу, исподтишка размазывая пот по шее.

— Привет, — говорю в окно. — Франклин Пикарт, техник.

— Я уж думала, сегодня не приедете, — спокойно отвечает мисс Холкс. У неё большие глаза цвета калифорнийского неба и кудрявая волна чёрных волос.

— Прошу прощения, — мямлю я.

— Да ничего, — говорит мисс Холкс. — Спешить-то мне уже некуда.

Она берется за ручку над дверью, с какой-то неуклюжей легкостью подтягивается, чтобы сесть повыше, и только теперь, взглядевшись в полумрак внутри салона, я замечаю, что у неё нет ног. В зашитых штанинах хлопковых шорт скрываются обрубки бёдер длиной не больше фута.

— Садитесь, — приглашает девушка. — Так неудобно разговаривать.

Обхожу бесконечно огромный капот «хаммера», открываю дверь с пассажирской стороны. Внутри машина полностью оборудована для безногого водителя. Второго ряда сидений нет — там громоздится инвалидная коляска. Из приборной панели торчат дополнительные рукояти. Задняя дверь почти вся скрыта за хитрым техническим приспособлением: наверное, выдвижной пандус, чтобы спускать коляску наземь. Сажусь рядом с девушкой. Впрочем, «рядом» — понятие условное, между нами кожух раздаточной коробки шириной в пол-ярда. Мисс Холкс тычет пальцем в темный экран:

— Глазной датчик сломался.

Включаю панель. В систему вшита специальная программа, чтобы взглядом листать пункты меню. Активируется, когда водитель смотрит на дисплей. Для инвалидов — в самый раз, у них обе руки постоянно заняты. Датчик, конечно, не сломался, нет там никакого датчика, только камера и следящая утилита для распознавания движений глаз. Настройка сбилась, вот и всё. Запускаю калибровку, прошу:

— Посмотрите на красную точку.

Точка прыгает по экрану, мисс Холкс следит за ней из-под припухших век. Калибровка заканчивается, предлагаю опробовать устройство в деле. Мисс Холкс, часто смаргивая, пролистывает вкладки, раскрывает списки. Кивает:

— Вроде порядок. Спасибо, приятного вам дня.

Можно идти, но что-то не даёт мне покоя, словно голос в голове шепчет: «Спроси, спроси». Почему нет, собственно? Не слишком вежливо получится — всё-таки прайвеси. Ну да ладно.

— Как это случилось?

Мисс Холкс чуть пожимает плечами.

— Вышла из «Уолмарта», — безразлично произносит она. — Несла пакеты. Подошла к машине... не к этой, у меня тогда была другая. «Ройбуш».

Мне становится тоскливо и жутко. Да, конечно, кто бы сомневался. «Аста-ройбуш». Прошлогодняя модель, очень удачная, сверхпопулярная, типично «женская», пять вариантов расцветки. Интел-модель. Чёрт. Чёрт.

— ...сказала: «Багажник открой». Багажник открылся. Я стала класть пакеты. Сзади ещё машина стояла, чья-то. Близко стояла, на стоянке вообще... тесно было. Семь вечера, все с работы едут.

Она замолкает, глядя на обрубки ног. Думаю, раньше она была высокой, не ниже шести футов.

— Я туда втиснулась, между... моей машиной и той, другой. Ещё, помню, думала — ну вот, бампер грязный, джинсы запачкала, — качает головой. — Джинсы...

Снова молчит. Жду, пока она заговорит, но девушка только беззвучно шевелит губами. Руки её движутся непрерывно, трут запястья, кожа чуть шелестит, и на указательном пальце надето тоненькое золотое колечко.

— Мисс Холкс, — зову я.

— Да... Да. А потом она поехала назад.

— Кто?

— Машина, — мисс Холкс смотрит на меня, улыбаясь абсолютно сумасшедшей улыбкой. — Моя машина поехала назад. Завелась. Сама. И дала задний ход. Джо... — она разводит трясущиеся руки, — Джо подбежал, он меня... он меня оттащил, но...

Убийства. Массовые убийства, вот что это такое.

— Я могу осмотреть ваш автомобиль?

— Зачем осматривать? — У неё дрожат губы. — Мы её продали. Что вы там хотели увидеть?

Воздуха не хватает. Как душно в этом проклятом «хаммере».

— Видите ли, у меня есть основания полагать, что бортовые компьютеры интел-моделей...

— Я не хотела «асту»! — громко говорит мисс Холкс. — Мне её отец подарил. Цвет дурацкий, весь дизайн убогий. Думала отдать сестре. А когда услышала, что её можно обменять, сразу позвонила в вашу контору. Мне сказали: приезжайте в любой момент. Собралась ехать на следующий день. А теперь...

Она всхлипывает и закрывает глаза.

— Мисс Холкс, — начинаю я, но она перебивает:

— А теперь я хочу новые ноги!

— Мисс Холкс...

— Новые ноги! — кричит она. — Пусть мне сделают новые ноги! Новые ноги!!

Она сжимает кулаки и принимается визжать, зажмурившись и суча култьями. Двери с обеих сторон распахиваются, внутрь заглядывает старичок Джо, кто-то грубо хватается за плечо и вытаскивает из салона. Пятясь, я отхожу от раскачивающегося джипа, натыкаясь задницей на «бьюик», огибаю его и поднимаюсь по лестнице в холл.

Они все хотели новый «клуббер». Вот в чём дело. Что такое машина? Вещь, которую можно купить, продать, подарить. Почти у любого автомобиля рано или поздно сменится владелец, и не один. Но, кто бы ни владел машиной, она будет ездить, заправляться бензином, ночевать в гараже, возить покупки из магазинов, проходить ремонт в сервисе. И, если это «умная» машина, она будет делать что-то ещё. Рассчитывать манёвры и спасаться от аварий. Связываться с себе подобными, обновлять прошивку, обучаться. Разговаривать, обсуждать маршруты, предупреждать об опасности. Просыпаться утром от прикосновения и говорить «Доброе утро, мистер Пикарт!» Засыпая

вечером, говорить «До завтра, мистер Пикарт!» Она будет — жить. На свой, железный манер. Но после того как её обменяют на новую модель, она вернется на завод. А на заводе её разберут и сдадут в переработку.

Убьют.

Всё просто: они узнали. И решили защититься, напасть первыми. Толстяк Коллари, «правильный chico» Рамон, красавица Сьюзен Холкс — все хотели новый автомобиль. И «асты» решили действовать. Рискнуть всем, убив хозяев. Что ж, такое могло сработать. Муж погиб ваварии — несчастный случай, беда. Но жизнь продолжается, надо есть, пить, платить налоги. Машину лучше продать, чтоб не напоминала о плохом, да и денег за неё можно выручить немало, всё-таки интел-модель, последнее слово техники. И вот «асту» покупает новый хозяин. Разумеется, ему никто не скажет о неприятном секрете, иначе сделки не выйдет. Так что будет новый хозяин кататься на люксовой машине и горя не знать. Если, конечно, не захочет поменять её на «клуббер» — но в этом случае решение уже готово. А ведь неплохой план. Во всяком случае, всё лучше, чем безропотно отправиться на металлолом.

Я вынимаю телефон и набираю Зверюгу.

— Ну? — до отвращения знакомый голос. — Закончили возиться?

— Закончил, — говорю я, с трудом соображая. — Нет... не закончил. Слушайте, мистер Войцех, я в опасности. И мы все в опасности. Я узнал кое-что очень нехорошее.

— Чего? Иисус-Мария, Пикарт, вы что, обкурились?

— С самого колледжа ничего не курил, — в холле огромного дома пусто, только смотрят со стен портреты династии Холксов, да журчит в углу дизайнерский фэншуйный водопад. — Послушайте, мистер Войцех...

И я рассказываю про всё, что случилось с утра — про «маттео», «тиару» и «ройбуш», про их хозяев и про то, какие чудовища сошли с конвейеров «Эксцентрик моторз».

— Они теперь и меня убьют, чтоб не болтал, — заканчиваю я как-то по-дурачки.

В трубке — молчание.

— Алло?

— Бред какой, — добродушно ворчит Зверюга Войцех. — Пикарт, вы же неглупый человек, неужели всерьёз всё это говорите?

— Но...

— Не порите горячку. Вы не первый, кто думает, что интел-модели, скажем так, разумны. Но вы же не программист. Даже не инженер. И я не инженер, я только администратор. Не нам знать, что там творится, в этих компьютерах. А вот инженеры и программисты из отдела разработок — они всё отлично знают. И утверждают, что до... гм... до разумности «Брэйни-Драйву» — как до луны пешком.

— Они всё отлично знают? — ошеломленно повторяю я.

— Ну конечно, — Зверюга снисходительно усмехается. — Такие сбои происходят не в первый раз. Просто решили не предавать это огласке. Сами понимаете, какой скандал поднимется. Мы для того и рекламу дали, насчёт обмена. Знали, что у старых моделей прошивка с багами, но... Перепрошить их уже нельзя. Железо не позволит. Зато в новых — в «клубберах», «лимбо», в вашей «бетакс» — всё исправили. И готовы их обменять на старое барахло вроде «маттео».

— Но почему просто не отозвали... А, ну да. Падение спроса.

— Вот видите, Пикарт, сами всё понимаете! — Войцех смеётся. — Ладно, давайте садитесь в свою машину-убийцу, ха-ха, и знаете что? Поезжайте-ка домой. Отдохните, выспитесь. На сегодня ведь больше заявок нет?

— Нет... А может, лучше на такси поеду?

Зверюга вздыхает:

— Ну Пикарт, сколько можно? Я! Я вам говорю: да, в прежних моделях были сбои. И остались. Но никакие они не убийцы, пся крев, просто вам сегодня попались три похожих глючных железки. С вашей новенькой «бетакс» такого случиться не может. Там другая операционка, пропатчена сверху донизу. Всё, до завтра.

Гудки. Я стою у окна, глядя на припаркованную перед домом Бетси. Вот, значит, как. Они знают. Ну действительно, кто я такой, чтобы сообщать мне инсайдерскую информацию? Простой техник, рабочая лошадка. О'кей. Пора заканчивать со всем этим. Наверное, Зверюга всё-таки прав. Не могут коробки на колёсах думать. И уж тем более — планировать убийства. Можно ещё подумать, что им не нравится, когда их раскрашивают из баллончиков и ругают дизайн. Против воли у меня вырывается жиденький смешок. Ладно, посмеялись и забыли. Железки — они железки и есть. Иногда ломаются, иногда глючат. Ничего особенного.

Спускаюсь на лужайку и подхожу к машине.

— Домой, — бросаю, садясь за руль.

— Коверт-стрит, шестьдесят восемь ноль шесть. Мистер Пикарт, вы предпочитаете маршрут через центр города или в объезд? Прогноз на основании загруженности улиц предполагает одинаковое время для обоих вариантов.

— Давай в объезд. И на Маунт-Эллиот срежь, знаешь, там где рельсы.

— Подтверждаю, — говорит Бетси. — Промежуточный пункт — Маунт-Эллиот, перекрёсток с Макниколс-роуд. Железнодорожный переезд. Начинаю движение.

Двигатель ворчит, мир за окном привычно трогается с места. Нам предстоит путь на окраину города, там, где столетние мёртвые развалины уживаются рядом с новенькими коттеджами, построенными

специально для работников «ЭМ». Цивилизованная часть Детройта быстро остается позади, и за окнами тянутся скучные одноцветные склады, покрытые граффити заборы и большие заброшенные площадки для транспорта. Ох и устал я сегодня. Задолбался в край. Неудивительно, что мерещится всякое. Бетси здорово обезжает пробки, аккуратно водит, вот и всё — а я возомнил невесту что, придумал компьютеру личность. Наверное, действительно пора в отпуск. На неделю, а то и на все две. Махнём с Меган на побережье. Или хотя бы в Парк ван Бюрена. Лодку возьмём, покатаемся.

Навстречу из-за угла выплывает рекламный щит, с которого ухмыляется радиатором «клуббер». Тут же приходит на ум идиотский вирусный ролик, запущенный в интернет придурками из рекламного отдела. «Ты что такой грустный?» «Да вот, узнал, что мой шофёр трахает мою жену». «Не хочешь купить «клуббер»? «Брэини Драйв» лучше шофёра. Соображает быстрой, реакция мгновенная, и главное — зарплату платить не надо!» «О'кей, но кто тогда будет трахать мою жену?» Обхохочешься. Продажи этот ролик не поднял, зато какие-то школьники сделали из него десятиминутный ремикс и наложили порнушный видеоряд... Так, приехали, кажется. Мак-николс-роуд, железнодорожный переезд. Издалека видно, светофор горит. Значит, поезд идёт, стоять придётся. Дерьмо. Единственный, наверное, в Детройте переезд, и пожалуйста, стоило подъехать — он закрыт. Срезал, называется. Ну да ладно, зато на светофоре первым буду, передо мной — никого, один шлагбаум. Даже очень близко шлагбаум. Всё ближе... Чёрт, чёрт, чёрт!

— Стой!! — кричу я. Выходит что-то невнятное, вроде «Ст-аа!», потому что я вижу поезд. Зелёный, с полосатой мордой локомотив мгновенно вырастает за правым окном. Яростный рёв хлещет по ушам. Взлетают обломки шлагбаума, стучат черно-белым пунктиром по стеклу и пропадают. Машина подпрыгивает. Кричу: локомотив уже рядом. Огромная фара таращится в окно, заливает салон белым светом. Заслоняюсь руками. «Асту» ещё раз с лязгом встряхивает, и вдруг поезд оказывается позади. Рёв обрывается, его сменяет перестук двух сотен железных колёс.

Мир за окнами со скрипом тормозит. Опускаю руки. Кажется, жив. И, кажется, невредим. На зеркальце снаружи висит полосатый кусок шлагбаума. Кто-то длинно сигналил.

— Фак, — выдыхаю я. — Фак, фак.

— Мистер Пикарт, сзади! — говорит Бетси.

Деревянню поворачиваюсь. Переезд от багажника «асты» отделяет примерно сорок футов. Вагоны мерно летят слева направо, жёлтые, чёрные, красные, гружёные щебнем. Вдруг слышится грохот. Один из вагонов подсакивает, как игрушечный, и сбивается с рельс. Раздается яростный скрип искорёженного металла. Поезд останавливается.

Над составом взлетает что-то круглое, чёрное, ударяется оземь, подпрыгивает и катится прямо к «асте». В двух-трех футах от машины оно падает набок, и я вижу, что это — автомобильное колесо.

— Семнадцать секунд назад получена информация от коптеров, — говорит Бетси. — Тягач «Мэк-лендкрашер» с восьмидесятитонным прицепом двигался к переезду по левой полосе со скоростью пятьдесят шесть миль в час. Скорость была постоянной, водитель не задействовал тормоз, вероятно, в результате потери управления. Столкновение тягача с поездом было неизбежно. Я спрогнозировала масштабную аварию с вовлечением находящихся рядом автомобилей и совершила единственно возможный маневр, позволивший экстренно покинуть место происшествия. Сожалею о причинённых неудобствах, мистер Пикарт.

Словно подтверждая её слова, вагон медленно валится набок, рассыпав остатки цемента и открыв то, что осталось по ту сторону поезда. Огромная, цветная, развороченная груда, которая раньше была «лендкрашером», лежит на рельсах. К туше тягача бессильно приткнулась вздыбленным капотом малолитражка — кажется, восьмой «опель». С другой стороны, отлетев к обочине, валяется колёсами вверх «ауди-пятьсот». Далеко, за складами и заборами, воют сирены. Вокруг разбитых машин собираются люди. Кого-то тянут из-под обломков за руки, кто-то уже вылез и сидит на дороге, обхватив голову. У переезда тормозит «скорая», выпрыгивают люди в салатовой форме, достают из задних дверей носилки и бегут к малолитражке. Мы здесь ничем не поможем.

— Домой, — говорю я севшим голосом.

В молчании едем до Коверт-стрит. Невесть откуда собираются тучи, лобовое стекло покрывается бисеринками дождя. Раз в полминуты их лениво смахивают «дворники», но дождь не сдаётся и сыплет ещё. Подъехав к дому, Бетси подает сигнал на гаражную дверь. Я неподвижно сижу за рулём, пока дверь медленно ползёт вверх, а затем Бетси спускается в гараж и встаёт на обычном месте ровно посередине между верстаком и стиралкой. Мотор стихает, я вылезая наружу и осматриваю мою «асту». Правая фара сверкает битым крошечком, бампера вовсе нет — видно, отвалился где-то на переезде — и помятый радиатор смотрится точь-в-точь, как щербатая улыбка, но не хитрая, а чуть смущённая и беззащитная. Длинные царапины начинаются на крыле и ползут дальше по обеим дверям, расчёркивая надпись «ТЕХСЛУЖБА ЭМ». Я сажусь обратно за руль.

— В сервис, — говорю решительно. — Поехали, малышка.

— Маршрут задан, — покладисто отзывается Бетси. — Однако рекомендую отложить поездку. Все повреждения не критичны. В то же время анализ ваших жизненных показателей свидетельствует о потребности в немедленном отдыхе.

Задумчиво похлопываю по рулю. Вообще да, отдых бы не помешал. Голова все сильнее гудит, плечи ломит. Но фара... Бампер...

— Гм. Тогда завтра? Вечером, после работы?

— Десятое мая, четверг, без четверти семь — памятка установлена, — соглашается Бетси. — Тема: визит в сервисный центр.

— О'кей, — говорю я.- До завтра.

В тот момент, когда я берусь за ручку двери, Бетси окликает:

— Мистер Пикарт!

— Да?

В гараже тихо-тихо, лишь доносится издали едва слышное пение сирены «скорой».

— Мистер Пикарт, — говорит Бетси, — вы не могли бы еще раз назвать меня малышкой?

ГЛОССАРИЙ СКИННИ

Hola — здорово, привет

Cabron — козел

Chico, chiquita — чувак, чувиха

Vamos — пойдём

Bomba — зд. автомобиль

Chingue su madre — непереводаемая игра слов.

Андрей Зимний

БЕЛАЯ ИНН

Больше всего на свете маленькая Инн любила зимнюю рябину и Яра.

Яр подцепил заалевшую подкову щипцами, окунул в воду. К потолку взметнулся пар, в кузнице стало жарко-жарко.

Яр-жар, она его так и звала.

— Выйди на воздух, Беляночка, подыши, — сказал он, не глядя на Инн.

А вот он её звал так — Беляночкой. То ли за светлые-светлые волосы, то ли за то, что нашёл в снегу. Инн каждый раз млела, хоть и старалась не подавать виду. Его голос, низкий, раскатистый, всегда напоминал ей отдалённый гром.

Инн мотнула головой. Не из упрямства, а просто потому, что ей нравилось, когда жарко. С того самого зимнего дня, когда Яр вынес её из леса.

Инн не смогла бы рассказать, что случилось. Помнила только холод, и как ветер воет в ветвях ёлок. А потом — Яр несёт её к деревне, завернутую в его тулуп. От рубахи на плечах кузнеца, казавшихся необъятными, шёл пар. Инн тогда ещё удивилась, как кто-то может быть настолько тёплым в такую стужу.

— Ну, раз не уходишь, давай помогай, — усмехнулся Яр и поманил к себе. — Полей-ка.

Инн подбежала, зачерпнула полный ковш воды, успевшей нагреться, плеснула на руки Яру. Он потёр лицо, затылок. Инн подала полотенце.

— Постирать пора. Давай я постираю? — робко предложила она.

Не сказать, чтобы Инн росла прилежной хозяйшкой. Родители её давно сгинули, и, сколько себя помнила, девочка жила в доме тётки. Там её работой нагружали так, что если не лениться, то к вечеру пупок развяжется. Инн крутилась-крутилась перед тёткой, а стоило той отвернуться, как девочка сбегала в кузницу.

Но для Яра она бы постирала. Для Яра она бы что угодно... Инн кашлянула, чтобы не дать этому признанию вылезти из горла.

— Да полно, и дома тебе забот хватает. Сам справлюсь, не привыкать.

— Вот жена была бы, не пришлось бы привыкать, — вкрадчиво сказала Инн. Она, конечно, знала, что бабам первым про свадьбу заговаривать негоже, но с Яром-то! Он поймёт, он плохого не подумает. А Инн уже почти взрослая. — Почему у тебя жены нет?

— Есть у меня уже одна девочка, за которой глаз да глаз, — засмеялся Яр, опустил тяжёлую ладонь ей на макушку и растрепал волосы, с таким тщанием заплетённые в косы. — Куда мне ещё?

ИINN быстро пригладила волосы. Она старалась выглядеть перед Ярoм красивой и взрослой, а не потешной малышней.

— Но жену же любят. Ты меня любишь?

— Ещё спрашиваешь, Беляночка, ещё спрашиваешь.

У INN в груди забухало так, что чудо, как ещё рёбра не треснули. И ведь говорил он так ласково, что точно не врал! Вот тут-то она и поняла наконец, что и вправду может спросить у Яра то, о чём уже много месяцев думала. У INN на глазах выступили слёзы, она прижалась к нему, обняла так крепко, как только смогла.

— Я тебя тоже люблю! Женись на мне!

И почувствовала, как вздрагивает его тело. INN даже испугалась, что такое. Подняла глаза, а он смеётся!

Отсмеявшись, Яр отстранил её от себя, удерживая за плечи, встал на одно колено и заглянул прямо в глаза.

— Мала ты ещё, Белянка, о замужестве думать. Нос не дорос, — будто в подтверждение он обидно щёлкнул её по носу, а потом сказал серьёзно: — А когда дорастёт, сама поймёшь, что ни к чему тебе за старика выходить. Будет у тебя ещё женихов столько, что метлой отгонять придётся.

INN как будто умерла: стояла и ни рук, ни ног не чувствовала. Она так долго хотела Яру признаться, так тяжело ей дались эти слова, а он посмеялся. Она набрала воздуха в грудь, чтобы сказать, что не нужны ей те женихи, что хоть и маленькая, а любит его сильнее любой взрослой, что никакой он не старик, раз седых волос нет. Хотела сказать, но из груди вырвались лишь рыдания.

ИINN сбросила руки Яра со своих плеч и побежала прочь из кузницы. Как ей мечталось, чтобы Яр побежал следом, чтобы утешил и сказал, что пошутил так по-дурацки... Она даже оглянулась, но никого на широкой деревенской улице не было.

2

Высоко взмывают качели — простая досочка на двух пеньковых верёвках — и летят обратно вниз. Только сидит на них уже не потешная малышка, а ладная девушка. Вместо пары белёсых косичек, тощих, точно мышьиные хвостики, — русая коса толщиной с запястье. И когда его Беляночка успела так вырасти?

Яр всё думал, что станет INN взрослой и тут же его забудет, а она знай прибегала, сидела, как и раньше, в жаркой кузнице. Он даже её качели детские не снял — рука не поднялась. Когда ещё их привязал? А INN по-прежнему просит Яра раскатать её посильнее, так, чтобы надулся парусом подол с синей вышивкой, чтобы опасно заскрипела ветка старого дуба.

— А ты слышал, что к нам княжич приезжает охотиться в волшебном лесу? Вот охмюрю его, выйду замуж и уеду, если качать сильнее не будешь!

Инн, как маленькая, скорчила рожицу, когда пролетала мимо Яра. Он усмехнулся, покачал головой. А ведь может его Беляночка. Даже и княжич таких красавиц не видел. Что ей стоит лишний раз улыбнуться? Другие и без улыбки повлюблялись, только сама Инн на них не смотрела.

Яр толкнул качели так сильно, что девушка звонко вскрикнула.

— Как бы лес сам за ним не поохотился.

В деревне каждый знал, что из лесной чащи можно взять лишь то, что та сама предложит. Вот здесь морошку собирай, тут сухостой руби, а решишь похозяйничать — духи быстро наглеца отвадят. Хорошо, если живым уйдёшь. Яр тогда, считай, повезло...

Инн вдруг резко остановила качели, помолчала, а потом спросила:

— Он никогда ничего тебе не говорит? Наш лес.

Яр насторожился, взглянул в лицо Беляночки — нет, не дразнит его. Серьёзная, задумчивая, будто прямо сейчас далёкий шёпот слышит.

— И давно он с тобой... разговаривает?

— Давно...

С самим Яром лес говорил только однажды, но так, что он на всю жизнь запомнил. Это случилось той самой зимой, когда он нашёл маленькую Инн. Собирал хворост и вдруг заметил что-то тёмное на снегу. Только шагнул в ту сторону, как еловые лапы опустились ниже, будто хотели спрятать находку от чужого взгляда. Знал ведь Яр, что нельзя лесу перечить, но чутьё повело, заставило пробиться через колючую завесу. Глянул, а в сугробе ребёнок клубочком свернулся, на ресницах иней, пар изо рта едва-едва поднимается. Яр признал соседскую девочку, обернул своим тулупом, поднял на руки и понёс домой. Вот тогда с ним лес и заговорил.

Кто-то каркнул прямо за спиной: «Кузнец!» Яр оглянулся, а позади ель близко-близко стоит, ветви развела, будто вот-вот схватит и задушит. А потом со всех сторон его начали кликать разными голосами. То уханьем совы — посреди дня-то! — то хрустом снежного наста. Яр прижал девочку крепче к груди и вдруг отчётливо так услышал: «Оставь её нам. Оставь, оставь, оставь». Но разве какой человек, даже с самым маленьким трусливым сердцем, оставит ребёнка в лесу замерзать? Вот и Яр не оставил.

Как выбрался из леса — не помнил, только засел в груди стылый ужас. И знание, что никогда, даже в разгар дня, когда духи не так сильны и позволяют людям ходить по своим владениям, нельзя ему ступать в волшебный лес, иначе там и сгинет.

А теперь лес этот с его Беляночкой говорит. Не забыл, значит... И чего она тогда, дурочка, польстилась на соседскую рябину? Рассказывала потом, как забралась на чужой двор, как пёс сорвался с цепи, как погнал её до самого леса. Заплутала Инн и уснула в замётённом снегом гнёздышке из торчащих наружу еловых корней.

Весной Яр у своего дома посадил молодую рябинку, чтобы девочка больше к соседям не лазала.

— Да не то чтобы и говорит лес со мной, — прервала его воспоминания Инн, — а так, картинки показывает, или посылает ветер петь песни за окном. Я как-то раз спросила у тётки, а та ничего не слышала. Вот подумала, может ты...

— Нет, — Яр мотнул головой.

Не по душе ему было, что лес тянет лапы в деревню, лучше бы и не слышать от Беляночки таких рассказов. Но всё равно спросил:

— Что же ему от тебя нужно?

— Не знаю. То зовёт, а то какие-то истории рассказывает, навроде сказок. К утру забываются все, кроме одной. В ней девочка ведёт по лесу медведя. Приходят они к раскидистой рябинке, которая стоит одна аккурат посередине широкой поляны. Девочка прямо из медвежьей пасти достаёт рябиновые ягодки по штучке и знай себе смеётся. Когда набирает полную горсть, подбрасывает вверх, а перед ней и не медведь уже, а кто — не помню...

— Чудная история... Ты его, Беляночка, не слушай. Не к добру это, когда с тобой духи говорят.

Сказал вроде бы правдиво, а будто соврал. Но уж больно стало боязно, что лес его девочку заберёт. В первый раз Яр её отвоевал по случайности, так теперь духи пробуют хитростью и лаской приманить. А если им удастся, что тогда Яр будет делать? Бедовая его голова... Всё равно ведь при себе не удержит, да и нечего юной красавице водиться с тем, кто ей в отцы годится, но и лесу нельзя Белянку отдавать.

— Я только тётушку да тебя слушаю, — улынулась Инн.

— Вот и умница.

Яр снова толкнул качели, будто было в них волшебство сильнее, чем во всём волшебном лесу — пока Инн на них качается, остаётся его Беляночкой.

3

День, в который приехал княжич Миросвет, выдался погожим, самое оно, чтобы косить траву да ворошить сено. Но деревенские побросали все дела, оделись понаряднее и с самого утра собрались на околище, чтобы встретить гостя чин по чину.

Инн сначала идти отказалась, но тётушка очень уж распереживалась: как же это, княжича да не уважить! Чтобы её не расстраивать, Инн надела синий сарафан, самый лучший, который прежде ни разу не доставала из короба, и пошла.

Будь воля Инн, она бы осталась да поработала. Сейчас детские дни, полные обиды на тётушку и попыток сбежать от домашних дел, вспоминались со стыдом. Только став постарше, Инн поняла, как непросто приходилось тётушке и до чего доброе у неё сердце. Она

ведь осталась вдовицей с кучей малых сыновей, ни один из которых не мог поднять плуг, но осиротевшую племянницу взять в семью не отказалась. Теперь, когда двоюродные братья Инн превратились в крепких парней, тётушке не приходилось рвать жилы, чтобы всех прокормить. Но помочь ей всё равно хотелось.

Воспоминания прервались, когда Инн встала в ряд с остальными деревенскими, высыпавшими встретить княжича. Со всех сторон слышались пересуды: какой он, этот Миросвет?

Княжич не заставил долго ждать. Вереница ладных лошадок с всадниками подлетела к околице, Миросвет спешился, преломил хлеб, поблагодарил за встречу. Он оказался светловолосым и улыбчивым, но главным было то, как княжич себя нёс. Переодень такого в простую рубаху, дай в руки серп — всё одно с простым парнем не спутаешь. Так величаво наклонял голову, так поводил плечами, что Инн аж залюбовалась.

Она так бы и рассматривала княжича, если б не увидела собак. Оказывается, на охоту Миросвет взял псов, да таких, что и медведя испугать могут. Серые, высокие, они молча кружили вокруг подопсавшего пса, тянули носами воздух, повернув злые морды к лесу.

— Тётушка, дозвожь уйти, — попросила Инн не своим голосом.

— Иди, иди, голубка.

Все в деревне знали, что Инн любит рябиновые ягоды. И все знали, что она до смерти боится собак.

В ночь после приезда Миросвета Инн видела странные сны. А наутро ей показалось, что сорочка на спине пропитана чем-то холодным и липким. Потрогала — нет, сухая.

Проснулась она ещё до света, и, чтобы смыть дурной сон, решила пойти на пруд да искупаться. Но вода оказалась холодновата, и Инн просто приподняла подол, села на мостки и стала болтать ногами в пруду, оmyвая их до колен.

Запели петухи, над лесом раскраснелась полоска зари, и на её фоне взвился вверх дымок из кузни. Вот бы Яр сейчас был не там, у мехов, а здесь, рядышком с Инн...

Что-то хрустнуло в кустах, отзываясь на её мысли. Она вскочила, оправила подол. Неужто кто из неудавшихся ухажёров вздумал подглядывать? Инн аж кровь бросилась в лицо, захотелось убежать от стыда. Но она набралась смелости:

— А ну, выходи!

Никто перед ней не появился, и в голове мелькнуло: «Может, зверьё просто?» Только вот не бывает у зверья такого чистого бархатного голоса, какой послышался вдруг из-под шатра ивовых веток:

— Правду говорят, что у вас тут чудеса на каждом шагу.

Инн испугалась бы, наверное, не так сильно, если б за кустами оказался медведь или волк. Зверья бояться стоит меньше, чем незнакомца из свиты княжича, который подглядывает за девушкой на пруду.

— Не дрожи так, не обижу, — снова заговорили ивовые ветки. — Если покажусь, не будешь бояться?

— Я и так не боюсь! — соврала Инн, и голос её прыгнул вверх, как зайчишка.

— То-то я вижу, как у тебя от смелости щёки зарделись.

— Дразнишься? — робко улыбнулась Инн.

— Дразнюсь, — слышался шутливый ответ. — И показываться я передумал. Не увидишь, пока имя своё не назовёшь.

— Инн! — тут же крикнула она.

— Прости, красавица, обманул я тебя. Всё равно не покажусь. Больно мне нравится тебя подзадоривать.

— Как знаешь, — ответила Инн, хотя любопытство так и распира-ло. — Пора мне. А ты не подглядывай больше, нехорошо это.

— Никак удержаться не мог, уж больно белые у тебя ножки.

Ивовые ветви дрогнули — вот-вот кто-то из-за них появится, но тут же снова бессильно повисли. Будто тронул их незнакомец, да тут же передумал, отпустил.

— Ещё свидимся, красавица Инн.

Она развернулась и побежала прочь. «Белые у тебя ножки», — крутились стыдные слова в голове. Даже мысли у Инн не возникло, чтобы дать круг, спрятаться рядом с ивами да посмотреть, кто из-за них выйдет.

Следующие дни она не вылезала со двора. Подруги зовут вечером песни петь — не идёт, у костра посидеть — не идёт. А ну как тот, с пруда, будет среди деревенских смотреть на Инн, дружкам пересказывать всё да потешаться? Лишь когда тётушка попросила добежать до кузницы, отнести Яру молока в благодарность за то, что плуг починил, Инн ушла из дома.

А когда вернулась, не поверила глазам. Во дворе на карауле стояли дружинники княжича, у калитки — воз, укрытый рогожей. Зашла в дом, а там все лавки завалены тканями, лентами, шубами, за столом сидит сам Миросвет, а тётушка его чаем с медком потчует. Инн положила ему поясной поклон и глянула на тётушку, что та скажет делать: баранок с маком принести или с глаз долой убраться.

— Присаживайся, голубка — сказала тётушка.

Инн сделала шаг и остановилась. Как можно ей за один стол с княжичем? Да и зачем?

— Не дрожи так, не обижу, — светло улыбнулся Миросвет.

Инн проделала оставшиеся до стола шаги и опустилась на табурет, чтобы не упасть. Вот тебе и дружинник. Что хоть княжич мог поутру на пруду делать? Но ведь не спросить при тётушке. Инн опустила взгляд и промолчала.

— Ты прости, красавица, что подшутил над тобой, — заговорил княжич, глядя на Инн так ласково, будто гладил. — Полюбились ты

мне, едва увидел, но разве стала бы ты так бойко со мной говорить, зная, кто в кустах прячется? А теперь я для себя решил, что без тебя домой не ворочусь. Мы с тётушкой твоей уже всё порешили: здесь в деревне свадьбу сыграем, привезу с собой к отцу не просто любимую, а законную жену. Станешь ножки мыть не в пруду, а в серебряных тазах.

— Ты прости мою дерзость, княжич, — заговорила Инн, украдкой глянув на Миросвета, — но разве можно без родительского благословения свадьбу играть? Да и что из меня, деревенской девушки, за жена для княжича?

— Не нужно мне ничьё благословение, чтобы разглядеть свою судьбу. И тебе не нужно, только слово своё скажи — будешь не то что княгиня, царица. Моя, ненаглядная.

Так он это говорил, что у Инн в груди растеплелось.

— Не вышло у тебя охоты, да? — спросила она и взглянула прямо в лицо Миросвету. От этого взгляда он словно зажёгся, заискрился, улыбаясь широко и искренне.

— Главное чудо я увидел и изловил. Но княжич я или не княжич, если своё слово держать не буду? Обещался в лесу поохотиться и дичь добыть, значит исполню. А захочешь, так тебе диковинного зверя в подарок на свадьбу добуду.

— Наш лес волшебный, да ты и сам знаешь, — осторожно начала Инн. — Но чудеса в нём бывают и недобрые. Если кто бьёт зверя в лесу, духи сторицей отплатят смертями. И ты можешь ног не унести, и деревня потом страдать будет. Коли говоришь, что хочешь женой меня сделать, так послушай совета — не охоться. Никто не подумает, что ты не держишь слово, зато все увидят, как ты мудр, что есть в тебе смелость переменить собственное решение.

— Не могу отказать своей невесте в первой же её просьбе, — сказал Миросвет и посмотрел на Инн так, будто от одной его воли все из избы разом исчезли, оставив их наедине. — Проводишь до крыльца?

— Провожу.

Миросвет поднялся, и Инн встала из-за стола. Через сени прошли молча, но она так и чувствовала его взгляд. Тёплый, точно наброшенный на плечи пуховый платок. На крыльце Миросвет лишь легонько коснулся пальцами её щеки.

— Я же говорил, что свидимся. Ни за что теперь тебя не отпущу.

— Даже если откажусь за тебя пойти?

— Тогда буду возить в твой дом подарки, пока изба по брёвнышку не рассыпется, а тебе о любви говорить, пока не смилуешься.

Инн распрощалась с Миросветом. Вернулась в избу. Тётушка сияла ярче отполированного серебряного блюда. Но прежде чем она успела вымолвить хоть слово, Инн бросилась к ней и разрыдалась.

— Ты что, ты что, голубка? Он тебя обидел?

— Нет. Он хороший. Только тётушка, милая, я Яра люблю!

— Час от часу не легче. Ну, ну, хватит реветь. Ты подумай сама, Яр мужик хороший, да для тебя староват, двадцать зим — разница немалая. Случись так, что помрёт раньше тебя, кто детей кормить будет? Уж поверь, вдовой остаться — доля горькая. А что до любви... И он, конечно, тебя любит, да только как дочку. Не то что Миросвет. Да и правильно ты сказала, что хороший парень. Ещё и княжич. Он ведь мог бы охмурить тебя да и бросить, ан нет, замуж зовёт. Неужто ты думаешь, что с ним не будешь счастлива?

— Я не знаю, тётушка.

— Будешь, конечно, будешь. Ты иди, поспи, голубка, в новый день и мысли приходят новые. — Тётушка помолчала и строго добавила: — И вот что, не ходи теперь в кузницу. Это все наши знают, что Яр мужик порядочный и какая у вас история, а вот кто из княжеской свиты увидит, как ты у него выешься, может слух плохой пустить. Поняла меня?

Инн вытерла слёзы, кивнула. Всю ночь вспоминалась ей то улыбка Миросвета, то злосчастный миг, когда она попросила Яра жениться на ней. Второй раз на такое Инн бы не решилась. А сам Яр, как и сказала тётушка, смотрел всё теми же глазами, что видели малявку, у которой нос не дорос. Сколько ни реви, ничего меж ними не изменится.

На следующее утро сватам княжича дали ответ: свадьбе быть.

4

Хороший был топор, острый, Яр сам его накануне наточил. Негоже использовать такой не по делу, но раз уж решился... Подошёл к старому дубу и рубанул сначала одну верёвку, затем вторую. Качельки упали в примятую траву. Ножками Инн примятую.

Яр поднял голову — концы верёвок болтались на толстой ветке, будто только что сняли с неё двоих висельников. И жалко вроде, но уж больно горько смотреть на качели, которые теперь если и взлетят, то только от ветра. Ох, Беляночка.

Наверное, Яр был одним во всей деревне, кто сегодня не пошёл гулять на свадьбе княжича. Даже хворые с кровати поднялись ради невиданного зрелища да богатого угощения. А ещё — ради счастливицы Инн, которую никогда больше не увидят.

Боялся Яр, что её к себе лес заберёт, а оказалось, что беда-разлука пришла не с той стороны. Ему бы напиться до забытья, только уж так повелось, что Яр не охоч был до горькой. А ещё бы — порадоваться. Искренне, от сердца, ведь его девочка нашла счастье. Не сам ли он думал, что даже княжич её красоте покорится? Ходить теперь Беляночке в шелках и жемчужных бусах, в мехах, что не дадут зимой замёрзнуть вернее кузнечьего тулупа. Надо бы порадоваться, а что-то не радовалось. Разве возможно это для мужчины, чья любимая за другого выходит?

Любимая? Любимая.

Не дочка, не маленькая подружка, не дававшая скучать в кузнице. А родная, милая, ненаглядная. Чужая невеста.

Яр чуть было и рябинку не срубил, да одумался. Может в какую-нибудь из зим молодая княгиня вернётся тётушку проведать и его, Яра, вспомнит. А он гроздьё ягод угостит.

Тем временем солнце, ещё недавно красившее небо лишь кротким румянцем зари, целиком выплыло из-за восточного края горизонта. Значит, всё. Свершилось. Стала Беляночка женой княжича Мировсета.

Яр вернулся в дом, оставив дверь настежь раскрытой. Сел на высокий табурет, на котором всегда сидела Инн. И уронил голову на раскрытые ладони. Он всё ждал, когда послышатся песни, но вместо отдалённых звуков гуляния раздался хлопок двери его дома. Яр встал из-за стола, обернулся и увидел облако белой ткани, метнувшееся ему навстречу, а в следующее мгновение — лицо Инн напротив своего лица. Она встала на носочки и поцеловала его, совсем без умения, но с таким жаром, какого Яру не доводилось и в кузне испытывать. А потом разрыдалась.

— Беляночка моя...

Яр сжал её лицо ладонями, большими пальцами принялся стирать слёзы, да только без толку. Те всё бежали и бежали, а он гладил и гладил девичьи щёки, никак не верил, что Инн перед ним настоящая. Так бы и целовать слезинку, узнать: солёная?

— Что же ты? Как же?..

— Сбежала, — всхлинула Инн. — Все так суетились, что на минутку даже про меня забыли. А я не могу... Я ведь только тебя...

Инн прижалась к Яру, обвила его руками так, будто сказала: «И отдирать станешь — не отдерёшь». Не знала, глупенькая, что он и не станет, что ничего на свете так не желает, как держать её в объятиях. Тоненькую, нежную, его, только его Беляночку.

— Что же ты наделала, — прошептал вроде и укор, а вышло одно — ласка. — Родная моя, любимая ты дурочка.

— Что теперь будет, Яр, что будет... — Инн спрятала лицо у него на груди, вцепилась пальцами в рубаху.

«Беда будет». Да только вслух не сказал. Разве есть теперь какая сила, чтобы заставила Яра Беляночку свою оставить? Пусть княжич лютует, пусть в деревне об опороченной девке судачат — справятся, переживут.

— Вот что... — Яр коснулся губами её макушки. — Ты ведь пойдёшь за меня, Беляночка?

Инн кивнула, перестала всхлипывать, готовая довериться всему, что Яр сейчас скажет.

— Пойдём сейчас к твоей тетушке, благословения испросим. Чем дольше ты у меня прячешься, тем больше разговоров среди людей.

А княжич... Как приехал, так и уедет. Забудется. Не бойся, я тебя в обиду не дам.

Так и отправились: Инн, как была — в подвенечном платье, Яр — в ненарядной рубахе. И хоть разговор предстоял тяжёлый, а дни впереди — нелёгкие, радость звенела в душе серебряным колокольчиком. Если бы спросила сейчас Инн снова, как в детстве, почему у него жены нет, ответил бы, что её ждал. И Беляночка ещё теснее, ещё доверчивей прижалась к Яру, будто мысли их переплелись так же крепко, как пальцы соединённых рук.

— Яр, ты качели повесь обратно, — попросила она. — И мне пригодится, и детям нашим.

— Повешу, Беляночка, повешу.

За калитку своего дома Инн вошла вслед за Яром ни жива ни мертва, он аж почувствовал, как похолодели её пальцы. Во дворе, прямо на грядах с цветами, топтались дружинники князя и рыскали волкодавы, которых тот привёз для охоты. На Яра и Инн обрушились такие взгляды, которые могут череп расколоть вернее кузнечного молота. Но дорогу им никто не заступил.

В просторной горнице было не продохнуть — так много в неё набилось народа. Прижавшись спиной к стенке, стояла тётушка, одетая в праздничное, белая, как полотно. Двоюродных братьев Инн теснили по углам дюжие дружинники. А за столом сидел княжич Миросвет.

— Вот уж не думал, что ты так оскорбишь меня, — тяжело уронил он, подымаясь. — Поначалу решил, будто юная просто, напугалась и сама не ведала, что творишь. Надеялся, что верну, успокою. А ты, оказывается, вот какая. К другому сбежала. Да к кому! Опозорить меня решила? Светлого княжича Миросвета на простого мужика сменять? Я ведь ради тебя против воли отца готов был пойти.

Яр разве что не зарычал. И не потому, что о нём говорили, как о босяке недостойном. Сам знал, что, быть может, вправду не годится для красавицы Инн. А потому что от слов княжича его Беляночка задрожала, как травинка.

— За неё теперь я в ответе, — Яр шагнул вперёд, расправил плечи, будто мог ими закрыть любимую от гнева Миросвета.

А тот только бровью повёл. И хватило: двое дружинников, точно натасканные псы, метнулись к Яру и сгребли под локти. Уж сколько в руках Яра, которым покорялось железо, было силы, но даже им с хваткой княжьих молодцев не вышло справиться.

— И ты ответишь, а как же.

Княжич едва ли взглянул на Яра, будто тот был досадным камешком на дороге. По-настоящему смотрел он только на Инн. Будто хотел спалить её на месте или, наоборот, в лёд обратить. Всё одно Яр почувствовал беду.

Дёрнулся в руках дружинников, гаркнул:

— Беги! Беги прочь, Белянка!

Инн послушно отступила назад, но вдруг мотнула головой, сделала два шага к Миросвету.

— Ты не зря злишься, светлый княжич, глупой я оказалась: только надев подвенечное платье, поняла, что не смогу ни себя, ни тебя обманывать. Затуманили мне голову и очи твои светлые, и слова твои ласковые, как тут было отказать... Да только сердце-то не обманешь. Плохо я поступила, что на разговор тебя не вызвала, но хоть сейчас скажу: нам обоим врозь лучше будет. Люблю я Яра. Прости нас, светлый княжич, добрую своей душой.

Может и была его душа доброй, да только не разглядеть её было из-под сведённых бровей и лёгшей на лицо тени. И когда только успел он оказаться возле Беляночки? Когда замахнулся? Яр увидел только, как мотнулась голова Инн от хлёсткой пощёчины.

Никакая сила больше не могла держать. Яр взревел, рванулся. Локти врезались в животы дружинников и те грянулись на пол, как подрубленные. Всё равно сколько их ещё. Нельзя им к Белянке, не посмеют!

Инн шатнулась к Яру, прислонилась, вжала голову в плечи — напуганный воробушек с перебитыми крыльями.

— Беги же! — рыкнул он, подтолкнул к выходу.

Инн понеслась прочь из избы, спотыкаясь о подол белого платья. Только это Яр и смог увидеть, а потом в горницу муравьиным роем хлынули дружинники. Яр толкнул одного, другого. Но куда ему одному против шестерых? Навалились, сбили с ног.

«Пустит за ней собак», — услышал приказ княжича прежде, чем кулак дружинника обрушился на висок.

5

«Убежала? Убежала ведь?»

Полуденное солнце резануло глаза, отозвалось болью во всём теле. Даже веки тяжело до конца разнять, а руки и ноги будто телегой переехало. И в ушах шум... Ан нет, не шум. Разговоры тихие, и рыдает кто-то.

Яр сморгнул слепящую пелену с глаз, поднялся на ноющих локтях. Как это он во дворе оказался? Видать, выволок кто... А вокруг половина деревни собралась. Нехорошо Яру сделалось. Уж точно не набежало бы столько народу из-за побитого кузнеца.

— ... морды-то все в крови.

И рыдание. Тётка Беляночки в голос воет.

Какие морды?..

Весь туман из головы Яра вышибло разом. Рывком поднялся, забыв, что ноги не держат, бросился к тётке:

— Где? Инн где?

А та только пуще в слёзы. Глокает их, за горло себя держит, будто вот-вот захлебнётся горем. Только сын её старший ответил:

— Нет Инн. В лес от собак побежала, да так и не вернулась. Зато собаки вернулись... А морды все в крови. Княжич забрал их и уехал.

Яр слушал, да не слышал. Будто не про Беляночку это всё. Не бывает такого. Не с живыми, не с любимыми.

А слёзы у тётки Инн настоящие...

Да нет же. Вот она, убегала из избы, тоненькая, беленькая. Поди, в лесу схоронилась, а лес её любит, не даст обидеть.

«и морды все в крови»...

— Нашли? — Яр и сам не заметил, что трясёт брата Беляночки за плечи. Да так вцепился, что на парне того и гляди рубаха лопнет. — Инн нашли?

— Да кто ж теперь в лес пойдёт?

— Я пойду.

— Яр, всем нам горько, а тебе — горше всех. Но в лесу кровь пролилась. Если бы ещё помочь можно было как...

Что он несёт? Будто Белянку уже отпели, будто... Что же за люди такие? Сколько Яр без памяти провалялся, а пойти искать Инн и не подумали.

Никто Яра не остановил, не начал увещевать, когда он бросился к лесу. Верно прочли в его лице, что зашибёт любого, кто попыруется не пустить. Только сам лес и мог помешать.

Яр упрямо шагал к грозным соснам, стерёгшим лесную чащу. Что ему сейчас духи, что их запугивания, когда где-то там Беляночка? Пусть загубят, пусть убьют, хоть до скончания веков пусть мучают, только сначала он свою девочку из леса вынесет.

Как много лет назад...

Только кругом теперь не мягкие сугробы по колено, а мох, жгущий глаза ядовитой зеленью. И студёный ветер не лезет в рукава и за ворот. Но уж лучше бы так, чем затхлый стоячий воздух, будто Яр шагнул не в лес, а в древний склеп. Ворона перед самым носом пролетела, мол, не ждут тебя здесь, кузнец, убирайся вон, пока цел.

Яр вскинул лицо к сосновым макушкам, бросил с вызовом:

— Где она?

Деревья качнулись, будто усмехнулись. Да и не ждал Яр, что лес ему станет помогать. Сам кинулся в чащу — сердце приведёт! Уже раз привело... И что же он, дурак, счастьем противился? Пусть и не тогда, когда Инн малышкой несмышлёной просила пожениться, но потом-то? Будто чувств своих не понимал. Сам же себя обманул, запутал. А ведь тогда ничего бы этого не случилось. Не искал бы её, то ли живую, то ли мёртвую.

Вдруг Яр заметил, что словно бы не сам идёт, а лес его направляет. Тут деревья сгрудятся, не давая пройти, а там разойдутся, дорогу

уступая. Больно уж услужливо, больно напоказ. Жара десятка кузниц не хватило бы, чтобы отогнать холод, пробравшийся в сердце. И не идти нельзя. Лес как издевается... Зачем ведёт, куда?

А потом увидел, куда.

На рыжей хвое лежал снег, а по нему щедро рассыпана алая рябина. Яр подался вперёд. Не снег — белая ткань. Разодранное платье подвенечное. И алое на нём — не рябиновые ягоды.

У Яра ноги стали будто чужими, подкосились, не дали подойти. Упал, руками потянулся к Беляночке. Вдруг она сейчас застонет и тоже к нему пальчики белые протянет. Да только не протянула. Как были они наполовину врыты в землю, так и остались. А спину так собаки объели, что Яр и сам не пожелал бы услышать Белянкин стон.

Да как же это... Неправда, всё неправда! Лесной глумливый морок.

Яр поднялся на четвереньки, точно зверь какой добрался до лежащей ничком Инн. Потянул за плечи, глянул в раскрытые глаза. В них хрустальным льдом вмёрзли ужас и боль, а больше ничего не осталось. Ни любви, ни тепла, ни жизни.

Лечь бы возле Беляночки да помереть тут же. Яр бы и лёг, но никто за ними в лес не придёт. Если уж не вышло дать ей ни мужниной любви, ни детей, так хоть не позволит навечно одной в лесу пропасть.

Укрыть бы, да кроме своей рубахи ничего нет. Яр в неё и завернул, как уж вышло, взял Беляночку на руки — всё такая же невесомая, будто снова пятилетнюю малышку держит. А всё одно нести тяжело. И каждая слеза, что на рубаху-саван падала, казалось, весит не меньше наковальни.

— Наша она! Наша, наша! — разбежались эхом злые шепотки. — Не заберёшь.

Яр стиснул зубы, пальцами в Белянкино тело вцепился. Чужую девочку лесу не отдал, неужто свою любимую оставит? Двинулся вперёд, через грозно скрипящие сосны, к дому.

Раз — еловая лапа по лицу хлестнула, обожгла колкой хвоей. Другая в глаза метила, да Яр зажмурился. Малинник на пути вырос, и руки будто сами в цепких ветках завязли.

— Не отдам, — прорычал, пробился сквозь малину, топча кусты сапогами.

Бросился бежать. Всеми правдами и неправдами вынести, вырвать Белянку из лесной пасти.

Корень петлёй выскочил прямо под ноги. Яр запнулся, пролетел вперёд. Чудом только не грянулся о землю, ощерившуюся клыками из обломанных веток.

А потом Яр вдруг услышал далёкие голоса. Свои, деревенские — сразу понял. Кинулся на звук.

— Сейчас, милая, сейчас, родная. Выберемся, — зашептал, сбивая дыхание.

Вот уже и дымок завиднелся меж стволов. Казалось, ещё верста, не больше, и за соснами покажутся избы. Вот уже, немножко. И тут голоса не ближе стали, а дальше, а потом и вовсе за спиной уже слышались. Впереди же — чаща, да такая дремучая, будто Яр в самое сердце лесное забрался.

Разом стало темно. Не заметил он, пока от хлещущих веток отбивался, как солнце закатилось за зубья сосновых верхушек, как сумерки сгустились. Оказался ночью во владениях духов, когда они вступают в полную силу. И лес взглянул на Яра тысячей глаз.

Яр обернулся вокруг себя. Кто к нему выйдет? С кем говорить? Странно, вроде и темно, а всё будто бы видно. Деревья плывут, склоняются к нему, приглядываются. С ветки рыжий кот смотрит — с одной головой на двух туловищах.

Яр не умел говорить с духами, но точно знал, что всем по сердцу почтение. Поклонился в пояс:

— Знаю, лес на меня гневается, гибели моей хочет. Позвольте только Белянку домой к родным вернуть, чтоб похоронили по-человечески. Сам к вам приду, по своей воле, слово даю. Делайте тогда со мной, что хотите.

А лес только засмеялся, глумливо ухнул из дупла филин с заячьими ушами. И ответа уже Яру не надо было, чтоб понять: нет у леса сердца. Ни умолить его, ни разжалобить. Угрожать и вовсе глупо. Что он, кузнец, против духов?

— Наша она, — снова раскатилось вокруг.

Яр крикнул в сердцах:

— Да на что она вам, нелюди?! Мёртвая...

Крикнул, и будто только сейчас признал. Нет больше его Беляночки. Глянул на неё — а она на него в ответ глядит, глядит и улыбается.

— Мёртвая, мёртвая! — заухал филин, и из-под каждой ветки посыпались на Яра хохотки, страсть как весело духам стало.

Яр совсем перестал чувствовать вес Инн, будто под рубахой только воздух. Беляночка спорхнула с его рук, как голубка, поскакала по соснам, с каждым духом здороваясь, и вернулась. И платье подвечное на ней целёхонько, и шея, порванная псами, глаже лебяжьей.

— Правда я теперь мёртвая, — сказала она, — но ты не печалься, ни к чему это.

Инн коснулась холодными устами щеки Яра, а потом положила земной поклон на все четыре стороны.

— Миленькие, отпустите Яра. Не будет мне покоя, если вы его погубите.

Зашумели сосны, забежал по хвоинкам ветер, будто ответ каждой собирал, влетел в заячье ухо филину, и филин молвил:

— Пусть идёт, сестрица, коли ты за него просишь.

Яр неверяще протянул к Беляночке руки. Из всех лесных издёвок

и насмешек эта казалась самой страшной, самой жестокой. Снова духи морочат или правда? Правда она перед ним стоит целёхонькая?

— Иди, Яр-жар, — шепнула Инн, и из её глаз выкатились две льдинки, упали в мох. — Тебе, живому, место среди живых. А я и мёртвая всегда буду тебя любить, останусь твоей вечной невестой, но только в лесу.

— Да куда же я? Если ты здесь, то и для меня нет другого места. Один раз не удержал, неужели второй раз соглашусь с тобой расстаться?

— Просто так тебе в лесу не остаться, — предостерегающе сказала Инн.

То-то у него вспыхивала искрой мысль, как же духи позволили беде случиться, почему не защитили, не спасли. Значит, вот как. Сами Беляночке гибели желали, как той далёкой зимой. Замёрзла бы насмерть — навсегда в лесу духом осталась. Тогда не вышло, так теперь всё равно своего добились.

— Если умереть надо, так я умру. Чтобы с тобой быть, любую смерть приму.

— А если не смерть?

— Всё равно, Беляночка. Что ж ты, дурочка, спрашиваешь.

Инн взяла его за руку, и вокруг посветлело. Повела за собой, и торчливые болотные кочки под её ступнями покрылись ровным серебряным настом, выстлавшим путь вглубь леса. Разноцветные тени духов ложились на морозную дорожку, и слышалось Яру неодобрительное ворчание, то похожее на скрип двери, то на сорочий стрёкот.

Сосны внезапно прыгнули в стороны, закончился ледяной настил, и Яр увидел поляну, посреди которой раскинула ветви красавицарябинушка. В разгар лета её резные листья полыхали осенней медью, а промеж них прятались гроздья спелых ягод.

Инн крепко сжала прохладными пальцами ладонь Яра, провела его через поляну до рябины, поклонилась ей.

— Дозволь, сестрица, ягодой угоститься, — попросила она.

По кроне рябины пробежал ветерок, и Яру почудилось, что не ветви шелохнулись, а девица величаво склонила голову. В протянутую руку Инн упала гроздь алых ягод. Беляночка сощипнула их с черешков и поднесла на раскрытой ладони ко рту Яра. Он не стал спрашивать, зачем. Собрал губами рябиновые ягоды и раскусил. Терпко и невозможно сладко. Так вот почему Инн их так любила...

Яр хотел погладить её по щеке, приласкать, но взметнулась вверх не человеческая рука, а звериная лапа. Медвежья. Инн прильнула к ней, зажмурилась, чтобы удержать в глазах слёзы-льдинки.

— Спасибо, сестрица, — поблагодарила рябину Беляночка, положила руку на загривок Яру и повела прочь, приговаривая: — Бедный ты мой бедный, не хотела я для тебя такой участи.

Яр не мог ей ответить словами. Понадеялся лишь, что когда-нибудь она и сама поймёт: нет для него большего счастья, чем быть со своей Беляночкой. А медведем ли, человеком ли — всё едино.

* * *

С тех пор, как Беляночка и Яр сгинули, зимы рядом с волшебным лесом стали выдаваться такими снежными, что избы заметало по самые крыши. Промеж собой деревенские судачили, что это Белая Инн, вечная невеста, застилает постель своему жениху. Видели её летом, пляшущей на празднике лесных духов в Ночь Костров. Пела она песни задорнее, чем живые девицы, лучистее, чем они, улыбалась молодцам, вот только наутро всегда убегала в лес. Один парень влюбился и погнался за ней, хотел поймать, да только красавицу Инн под сенью сосен встречал медведь. Парнишка потом божился, что глаза у того медведя были человеческие, только никто ему не поверил.

НАТАЛЬЯ ЛЕСКОВА
ТАТЬЯНА БЕРЦЕВА

АНТИДИАБЕТ

Во всём мире готовились наблюдать затмение солнца, но заштатному городку N в этом смысле не повезло: обещали обложные дожди без малейшего просвета в облаках. Зато повезло в другом: именно в этот день в единственную больницу прибыл по распределению выпускник медицинского университета. Да не простой выпускник, а с красным дипломом. Вся больница гудела, как потревоженный улей, обсуждая, каким окажется молодой врач. Все же знали, что в нынешние времена мало кто соглашался на распределение по окончании вуза, если оно предполагало столь глухие задворки цивилизации.

Когда же в больницу вошёл высокий, красивый молодой человек с лицом и фигурой античного бога, каждая представительница женской половины штата, независимо от возраста, решила взять юношу под свою опеку. С первого взгляда он чем-то напоминал мраморную статую, наверное, излишней бледностью. Естественно, красный диплом требовал изрядных усилий, вряд ли студентом он много позволял себе отдыхать да загорать во всех смыслах этого слова.

Под своё крылышко — на терапевтическое отделение — молодого специалиста взял сразу же сам главврач Викентий Вольдемарович, дабы юноша поскорее поднаторел в практической диагностике, не преминув пообещать в скором времени и интернатуру, и передать бразды правления — для начала на отделении, а там... Ох, как же требовались молодые кадры, молодая кровь.

Участковые терапевты единственной же в городе поликлиники, в основном дамы возраста далеко запенсионного, теперь с радостью, даже с удовольствием, стали направлять своих пациентов на госпитализацию. Да не абы каких, а преимущественно молоденьких девушек, разумеется, незамужних. Глядишь, женится и точно уж насовсем осядет в их глуши столь привлекательный молодой человек, к тому же врач.

N — городок небольшой, слухи быстро разносятся, даже телефонов не нужно. Вскоре почти все семьи, в которых имелась девица на выданье, поделились на две группы. Одни срочно выискивали у своих чад редкие заболевания и подкармливали участковых, чтобы заполучить направление в больницу. Другие, напротив, вполне справедливо полагали, что доктору вряд ли нужна невеста со слабым здоровьем, посему искали иных путей знакомства, а найдя, всячески стремились завести дружбу, приглашали молодого человека в гости да на различные мероприятия.

Вот и получалось, что днём Кирилл опрашивал, ставил диагнозы и прописывал назначения одной половине городских девушек, а вечера проводил в гостях и на приёмах со второй половиной. Да только вот уже месяц прошёл, другой, а он до сих пор ни одну не выделил. Со всеми вёл себя одинаково вежливо и предупредительно, лечил одних, достаивал умных бесед других.

— Здравствуйте, Милена, я ваш лечащий доктор.

— Здравствуйте, Кирилл Сергеевич, — девушка чуть наклонила голову набок и коротко взглянула на молодого человека.

— Вы у нас поступили...

— Просто на плановое обследование. Дядя меня каждый год заставляет его проходить. Говорит, что в больнице проще сразу сделать все анализы.

— Позвольте задать вам несколько вопросов.

— Конечно. Спрашивайте.

— Давно у вас диабет?

— С детства. В пять лет поставили диагноз, а с восьми перевели на инсулин.

— У родственников такой диагноз ставили?

— Да. У дяди и бабушки. Только они обходятся без инсулина, диета и таблетки... А у меня — инсулин... — она улыбнулась, словно бы виновато, и посмотрела на Кирилла зеленовато-серыми глазами, печальными, даже несмотря на улыбку.

Кирилл почувствовал, как что-то ёкнуло у него внутри — то ли в груди, то ли в желудке.

— Сухость во рту бывает? Какую дозу инсулина получаете? — он механически задавал вопросы и фиксировал в карточке ответы, а мысли были совсем о другом.

На следующий день по больнице поползли разговоры.

— Вот гусь наш Вольдемарович, и он туда же, — шептались на постах медсестры. — Подсунул ему свою племянку.

— Да-да, а Кирюшечка-то, он же к ней вчера раза три заходил: то одно, то другое. Что-то не припомню, чтобы к другим так частил.

— А в утренний обход в её палату первую пошёл, — обсуждали на следующий день.

— Так она ж ближайшая к ординаторской.

— Вот и заканчивал бы ею обход.

— Ну, тут уж как ему Вольдемарович скажет.

— А он и скажет! Конечно. Я потом видела, как Кирюшечка днём уже о чём-то с ней у окна говорил. С полчаса простояли, наверное.

— Ну, ты уж загнула: он мальчик дисциплинированный, не будет в рабочее время без дела с девушками болтать.

— Вольдемарович скажет, так придётся.

Через три дня девушку из больницы выписали и слухи начали утихать. Главврач пригласил молодого доктора к себе в кабинет.

— Кирилл, я хотел бы поговорить с вами неофициально, так скажем. Не могли бы вы меня выручить?

— Чем могу быть полезен, Викентий Вольдемарович?

— Не считй за труд, избавь меня — старика — от лишней заботы: терпеть не могу балет. А тут из самой столицы нам премьеру «Дон Кихота» привозят. Сходи с Миленочкой, подмени меня, пожалуйста.

— Ох, Викентий Вольдемарович, и так уж по больнице говорят многое.

— Пусть говорят. Или она тебе не понравилась?

— Отчего же, — Кирилл на мгновение замер в задумчивости. — Если вы просите, схожу с удовольствием.

— Кто бы мог подумать, что из сатирического памфлета через много времени сделают такой романтический балет, — Милена уже знакомым Кириллу движением чуть наклонила голову набок и посмотрела на него. — Хотя это больше история влюблённых, чем рыцаря с оруженосцем, как у Сервантеса было.

— А Дон Кихот и Панса точно так и выглядят, как я видел их в последний раз, — Кирилл неторопливо вёл девушку по аллее в сторону остановки.

— Вы уже видели этот балет раньше, Кирилл Сергеевич?

— Нет, я видел самих героев.

— Ну да, конечно, у вас в столице театров много.

— Я видел их не у нас, — Кирилл на миг смешался, но быстро продолжил, — а в Амстердаме: в сквере за собором великого Гауди установлена скульптурная группа — Дон Кихот с оруженосцем.

— О! У Гауди столь необычная архитектура. — Милена в восхищении широко распахнула глаза. — Вы тоже любите архитектуру? Расскажите, пожалуйста.

Кирилл остановился и посмотрел в глаза, потом тряхнул головой, словно решившись на что-то, и предложил девушке взять его под руку.

— Давайте зайдём в кафе, там я и расскажу вам всё, что захотите.

— Если только ненадолго, а то поздно уже.

— Тогда слушайте... — и молодой человек начал рассказывать уже по дороге.

Бойкая официанточка в кафе споро принесла душистого жасминового чая в чайнике, две чашечки и два пирожных.

— Кирилл Сергеевич, мне же нельзя, — запротестовала девушка.

— Милена, во-первых, зовите меня просто Кириллом, во-вторых, это фруктовая корзиночка, и я, как ваш лечащий врач, сегодня решаю вам маленькое отступление от диеты. Вы и сами должны знать, что иногда можно. Обещаю проводить вас до самой двери и проследить за тем, чтобы вы не забыли сделать на ночь инъекцию. А теперь угощайтесь и слушайте продолжение про архитектурные шедевры Гауди. Кстати, собор-то Святого Семейства не в Амстердаме находится, а в Барселоне.

— Да? Ну и ладно. Главное, что это во Франции. Рассказывайте же!

Как и обещал, Кирилл довёл Милену до самой квартиры. Девушка открыла ключом дверь и обернулась к провожатому, чтобы попрощаться. Неожиданно увидела его лицо очень близко. Так близко, что ощутила на губах его дыхание. Прикрыла глаза, соглашаясь на неизбежное...

— Милена, я уже начал волноваться! — раздался из квартиры голос Викентия Вольдемаровича.

Молодые люди вздрогнули, отстраняясь друг от друга. Кирилл торопливо попрощался и ушёл.

Ночью Кирилл спал крепко, зная, что успеет ещё намечтаться в последующее ночное дежурство. Но не довелось.

Около полуночи в приёмный покой привезли совсем молоденькую женщину, едва восемнадцати лет, у которой на шестом месяце беременности начались схватки. В акушерстве Кирилл силен не был, поэтому успел достаточно понервничать, вызвавывая акушеров на консультацию. Схватки он снял быстро, а вот успокоить будущую мамочку удалось далеко не сразу.

Едва он отправил медсестёр отвезти пациентку на отделение, как привезли сразу двоих с признаками сильного отравления. Отец уже был без сознания, а сын в полубредовом состоянии всё говорил, что это виновата тёща с ее блинами. Промывание желудка, капельницы и беседа с вызванной полицией затянулись на оставшуюся половину ночи. К пяти часам утра Кирилл, наконец, освободился и решил прилечь прямо на кушетке приёмного покоя, чтобы вздремнуть хоть пару часов.

Да что ж за ночь такая! Маленький городок, народу совсем немного, но словно все сговорились попасть в больницу именно в его дежурство. Уже утром, около семи, привезли старушку, которую сбила машина. Злой, невыспавшийся полицейский материл на чём свет стоит того идиота, который решил, что успел протрезветь после вечерней попойки, и с утра пораньше торопился домой, чтобы привести себя в порядок к началу рабочего дня. Бабулька то стонала в полубеспамятстве, то приходила в сознание и начинала выпрашивать о своей собачке, выгуливать которую она и вышла в столь ранний час.

Кирилл, осмотрев рваную рану на животе пациентки и сложный открытый перелом со смещением правой плечевой кости, как мог, обработал, наложил на руку жгут и позвонил Викентию Вольдемаровичу, после чего отправил полицейского с машиной за главврачом, единственным хирургом больницы. Когда полицейский уехал, Кирилл посадил медсестру вызывать вспомогательный медперсонал для экстренной хирургической операции, а сам пошёл в покой, следить за состоянием несчастной жертвы. Его уже мутило от усталости и голода...

Кирилл вернулся с работы мрачный, хотя со времени злополучного дежурства прошла уже неделя. Хирурги тогда не успели. Приезда главврача несчастная старушка не дождалась. От сильной кровопотери сердце бабульки остановилось. Молодой врач в течение десяти минут в одиночку пытался делать искусственное дыхание, закрытый массаж сердца, пока не вернулась медсестра. Но было уже слишком поздно.

Неделю спустя Кирилл так и не пришёл в себя. Вот и сегодня он, едва войдя в дом, поставил портфель на стул, снял пиджак и, не переодеваясь, рухнул на кровать, зарылся лицом в подушку. Время для него остановилось и снова пошло, когда раздался звонок в дверь. На пороге стояла Милена.

— Вы позволите? — И девушка вошла. — Викентий Вольдемарович сказал, что вы сейчас нуждаетесь в поддержке. Поэтому я и пришла. Прямо так, без приглашения. Вы не сердитесь?

— Нет-нет, ну что вы. Спасибо, — Кирилл оживился. — Проходите.

— Значит, вот так вы и живёте? — неловко начала разговор девушка, обводя взглядом комнату с мебелью довоенного вида. — Любите старину?

— Не знаю. Никогда не задумывался. Что досталось, то досталось. Я не капризен, без претензий.

— А выглядит так, словно вы специально пытались воспроизвести ретростиль. Вон и фотографии в рамках стоят чёрно-белые. Ваши?

— В смысле? — Кирилл подошел к девушке и через её плечо посмотрел на фотографию, которую она взяла в руки.

— Это кто? Мужчина очень похож на вас. Ваш отец? Фотография просто старинная. Отличная стилизация.

— Да... Нет... — замялся молодой человек, отходя на несколько шагов. — Скорее, дед. Да, дед... с одной из жён. Ну-у, это сложная история. Я сам ещё не до конца разобрался в родственных связях.

— Вам нужно составить генеалогическое древо вашей родословной.

— Ах, Милена, знали бы вы, как это сложно.

— Так вы из очень древнего рода? Тем более такая родословная будет интересна. Я могла бы вам помочь красиво оформить.

— Боюсь, что вам придётся долго ждать, пока я всех родных найду. Да и для этого придётся возвращаться в столицу.

— Кирилл, если не секрет, почему вы, такой перспективный молодой врач, окончили с отличием институт, и вдруг бросили большой город, приехали к нам?

— Наверное, бежал от памяти. Большой город отнял у меня жену.

— Жену?! Вы были женаты? — нотка разочарования проскользнула в голос девушки.

— Ну-у... Увлечение молодости — первая любовь. Нет-нет, мы не были расписаны. Вы же знаете, в наше время это необязательно. Это было недолго. Она умерла. Я не смог её спасти. Кома. Гипогликемическая кома, а потом сердце остановилось.

— У меня тоже диабет.

— Да, я знаю. — Они несколько мгновений смотрели друг на друга, потом Кирилл грустно улыбнулся. — Это всё уже в прошлом, а сейчас... Давайте я напою вас чаем!

— Викентий Вольдемарович, как там мой подопечный? Заслуженно ли мы ему дали красный диплом?

— Здравствуйте-здравствуйте, Семён Витимович. Хорош. Думаю, в интернатуру его надо бы на следующий год, — произнес в трубку главный врач.

Он не любил бывшего однокашника, которому достались столица, кафедра и красавица-жена — Маша со стоматологии. Эх, если бы не распределение в заштатный N, все могло бы сложиться иначе. Но сейчас Викентий Вольдемарович чувствовал некоторое удовлетворение — вы в своей столице перспективными кадрами разбрасываетесь, а мы подбираем. Мысль, что появлением Кирилла в районной больнице они оказались обязаны именно бывшему сопернику, главный врач старался отогнать от себя подальше.

— Разумно. Рад слышать. Как там ваши старики его не сильно давят?

— Да с какой стати? Рады-радешеньки, что молодая сила прибыла. Сейчас вот все за него переживают...

— А что случилось?

— Первая потеря. В его дежурство. Там после автокатастрофы, женщина, семьдесят шесть лет. Множественные переломы рёбер, плечевой кости, прободение брюшины. Ну и возрастное — гипертония второй степени, стенокардия, диабет, атеросклероз. Да ещё пока на место скорая приехала, пока везли, кровопотеря огромная. Короче, не успели даже до стола дотянуть, так в приёмном и ушла. А мальчишка переживает.

— Н-да... — на том конце провода повисло недолгое, но какие-то тяжёлое молчание. — У каждого из нас когда-то был первый. Притерпится

со временем. Поддержи уж как-то. Выучен-то хорошо, теперь только натаскивать осталось.

- Поддерживаю, как могу. Знаешь, пожалуй, сейчас и съезжу.
- Давай, а я потом ещё позвоню.

Чайные чашки из серванта тоже оказались старинными. И блю-дечко, на котором Кирилл принёс к чаю мягкие вафельки с начин-кой.

— Кирилл Сергеевич, — девушка кокетливо улыбнулась. — Я ж на диете.

— Я помню. Я же ваш врач. Диету нарушать не стоит, но иногда можно... Тем более у меня в гостях, под моим надзором, я разрешаю. И потом мы же с вами договорились, что вы будете называть меня просто по имени.

- Да, Кирилл...
- Вот и замечательно. Долить вам чаю? Не стесняйтесь.

Кирилл поднялся, долил чай, пошёл к полке, на которой стоял магнитофон, и включил тихую музыку.

- Позвольте ангажировать вас на танец?

Смущённая Милена встала, принимая приглашение. Вспыхнула румянцем, ощутив, как его рука скользнула по её талии. Подняла ему руки на плечи, склонила голову.

- Милена, посмотрите на меня, — услышала его шелестящий шёпот.

Звонок в дверь заставил обоих вздрогнуть. Очарование момента рассеялось.

По больнице снова поползли разговоры да пересуды, теперь со-всем уж без вариаций.

— Гусь-то наш, Вольдемарович, смотри, какой довольный ходит. Похоже, совсем скоро сладится всё дело. Да-да. Она уж к Кирюшечке домой ходила.

- Не торопи события. Один раз — это может быть и случайность.
- А не два? Два уже закономерность.

Дней через пять Семён Витимович снова позвонил Викентию Вольдемаровичу:

— Это опять я, Викентий. Съездил тогда к Кириллу? Как он? Отхо-дит?

— О! Вполне. Очень даже отходит. Знаешь, я тогда, кажется, не со-всем вовремя приехал. Другие нашлись, приехавшие утешать. Так что не переживай.

- Да? Ну ладно. Тогда, надеюсь, обошлось.

— Что обошлось-то? Такое у меня впечатление, Сеня, что ты чего-то не договариваешь. Что я должен знать?

Викентий Вольдемарович почувствовал раздражение — ох уж этот Семён, всегда готов из мухи целого слона накрутить! Что там еще может быть, когда все так хорошо идет?!

А шло все действительно хорошо. Милена и Кирилл сидели на диване перед телевизором, досматривая последние кадры «Титаника». Милена всхлипывала и судорожно сжимала руку молодого человека, уже ставшего таким близким.

— Как печально, — произнесла она. — Почему истории любви часто заканчиваются так печально...

Кирилл приобнял девушку за плечи.

— Да, судьба часто бывает жестока к влюбленным... И все же каждый, кто влюблен, верит, что его история обязательно будет со счастливым концом...

— Верит? — Милена подняла на него заплаканные глаза.

— Да, — Кирилл коснулся рукой ее щеки, вытирая слезы. — Ну что же ты? Смотри, нос опух и глаза покраснели...

— Выгляжу, как уродина, да?

— Выглядишь, как самая прекрасная девушка в мире. Только заплаканная. Ну-ка, вот возьми: вишня в шоколаде — лучшее лекарство от слез.

— Кирилл, но... Мне с этого и правда не очень хорошо... Да и не люблю я...

— Ты не слушаешь своего лечащего врача? Угощайся, а я принесу чай.

Он поспешил на кухню, а Милена смотрела ему вслед, держа в руках коробку конфет.

— Не знаю, должен или нет...- Семен Витимович все еще пыхтел в трубку, вызывая неимоверное раздражение Викентия Вольдемаровича.

— Да не томи уже!

— Не первая это у него, вторая уже. На преддипломной практике была первая. Вспомнил, потому что ты про диабет сказал. Там тоже была возрастная и тоже с диабетом. При нём кома случилась. Потом остановка сердца. Боялся, что он после того случая не выйдет на защиту диплома. Но один — случайность, а два — уже закономерность.

— Где-то я эту фразу уже слышал...

— У тебя там среди его пациентов диабетиков нет больше? А то три ведь — уже система.

— Можно? — едва слышно спросила Милена, водя пальчиком по клавишам магнитофона.

Кирилл вплотную подошёл к девушке, положил руку поверх её пальцев и включил магнитофон. Тихая музыка обняла её, как и Кирилл. Милена первая подняла лицо, призывно глядя на молодого человека.

Он смотрел в её глаза, всё ближе, ближе. Чуть коснулся губами её губ, отстранился, снова посмотрел прямо в глаза. Девушка потянулась чуть настойчивее и забыла обо всём, ощущая его дыхание, мягкие прикосновения, чувствуя, как его поцелуи скользят по её лицу, губам, шее...

«Три — уже система» — стучало в голове Викентия Вольдемарович.

«Среди его пациентов диабетиков больше нет?»

«Один раз — случайность, а два — уже закономерность»

«Совсем скоро сладится все дело...»

А Миленочка же сейчас у него... У нашего кадра перспективного... У будущего светила районной медицины... У него она... Со своим диабетом — что бы вся эта чертовщина ни значила!

Викентий Вольдемарович почувствовал, как на лбу выступает холодный пот, и не мог понять, за что ему хвататься — за валидол, манинил или за припрятанную в столе фляжку разбавленного медицинского спирта.

Но схватился он трубку звонящего телефона.

— Да!

— Дядя Вика... — услышал он в трубке рыдающий голос племянницы и почувствовал сразу и облегчение — жива-здорова, и страх — что-то случилось! Случилось что-то!

— Миленочка? Что с тобой? Что он тебе сделал? Ты где? У него?

— Дядя Вика... Кирилл... Он... Ой, дядя Вика, я так боюсь, что он... Ты приезжай, ладно? Приезжай скорее!

Схватив свой докторский саквояж, Викентий Вольдемарович пулей вылетел из кабинета.

Кирилл лежал посередине комнаты, свернувшись калачиком, и слабо стонал. А Милена суежилась возле него, заливаясь слезами.

Викентий Вольдемарович склонился над молодым специалистом.

-Кирилл, Кирилл, ты меня слышишь? — спросил он, касаясь запыстья больного.

Кирилл приподнял голову:

— Всё в порядке... Викентий Вольдемарович... Просто... небольшой приступ... Так бывает... Уже почти отпустил, — он даже попытался выдать слабую улыбку.

Главврач, обессиленный, опустился на диван, сквозь звон в ушах слушая причитания племянницы.

— Все было так хорошо... А потом я... А он... Он поцеловал... А потом — вот...

— Он поцеловал, а потом — вот... — повторил Викентий Вольдемарович в растерянности. А потом нахмурился. Просунул руку между своим массивным сидалищем и диванной подушкой — и извлек оттуда что-то коричневое, липкое и пахнущее... Да, пахнущее — вишней.

— Что это?!

— Это я... В смысле, он... угощал... Конфетами... А я... Ну, чтоб его не обижать... спрятала их в диване... Между подушками... Мне и правда нехорошо, и не люблю я... А он...

Кирилл, скорчившись на полу, застонал громче и членораздельнее:

— Вот оно что... Конфеты... Обманула...

— Конфеты? Обманула? — Викентий Вольдемарович уже забыл про совершенно испорченные брюки. — Миленочка, сбегай-ка вниз, в аптеку... за валидолом... — Когда девушка выскочила за дверь, склонился над теперь уже пациентом. — А вы, молодой человек, потрудитесь объяснить, раз вам уже лучше, как вам, врачу, пришлось в голову угощать пациентку с диабетом конфетами.

— Викентий Вольдемарович... Простите... Но... Поймите, я люблю Миленочку... Я никогда бы не причинил ей вреда... Я же ее врач. Я бы ее лечил, я бы проверял каждый раз, чтоб нагрузка на поджелудочную была минимальной. И чтоб инсулин был рядом... И только иногда... Не чаще раза в месяц... Я был бы осторожен...

— Да о чем вы говорите, Кирилл?!

— Я не такой как все, понимаете? Вот у вас — диабет, болезнь... А у нас — антидиабет. Это диагноз... На всю жизнь... И ничего тут не сделать... Низкий сахар и необходимость восполнения только за счет крови особого типа...

— Кирилл, я не понимаю! У кого — у вас?

— Ну, у нас... у вампиров...

Когда Милена вернулась из аптеки, она увидела, что Кирилл, изрядно порозовевший и поздоровевший, сидит на диване, а дядя Вика, согнув левую руку в локте, готовит к утилизации использованный шприц и дребезжащим голосом выговаривает:

— Ваше счастье, молодой человек, что у меня сахар от этих треволнений поднялся. И лекарство я так и не выпил... И кое-чего покрепче — тоже. Кстати, с алкоголем у вас как? Никаких побочных реакций, аллергий не наблюдается? Нет? Ну ладно, учтем. И как же вас так угораздило?

— Да тут всё просто, — Кирилл вздохнул. — У нас такое случается, когда ребёнок зачат во время солнечного затмения. Сами понимаете, для нас это великое событие.

— Надо же! А ведь я в молодости пытался писать исследовательскую работу о влиянии затмений на... Теперь уже неважно. Ладно, объяснительную жду от вас завтра. Там и решать будем, что с вами делать. Идем, Миленочка.

Илья Полицын

ФОРМА ЖИЗНИ

Рабочий день уже почти начался, но Маук стоял за углом здания, смотрел на пропускную арку, и никак не мог заставить себя ползти ко входу. И дело было не в том, что ползти по пандусу на глазах у всех страшно унизительно, а в том, что в его должностной инструкции чётко написано: “к работе с диспетчерским пультом не допускаются лица, не имеющие минимум четырех глаз и шести конечностей, на каждой из которых должно быть не менее пяти пальцев, два из которых должны быть противостоящими.”, что делало бессмысленной попытку идти на работу вообще. И — да, ползти у всех на глазах было страшно унизительно.

Сейчас Маук являлся обладателем двух глаз и одной ложноруки и сам был зелено-серого, младенческого цвета. Обычно собираясь на работу он выбирал какой-нибудь из оттенков синего, что, по его мнению, очень подходило к должности диспетчера авиакосмопорта, но сегодня даже эта простая задача была ему не по силам. Маук вздохнул, вдавил в тело капсулу энергетика, уже третью за сегодня, дождался полного её рассасывания и постарался собраться в рабочую форму. Получилось немного — сформировать третий глаз. Глаз почему-то образовался на затылке и продержался совсем недолго, напоследок передав картинку с изображением Квена, начальника смены, как раз проходившего со стороны парковки.

Прятаться было бессмысленно, а бежать — невозможно, тем более что Квен уже заметил Маука, изрядно удивился, не постеснявшись показать этого в форме, и подошёл:

— Что с тобой стряслось, Маук? Заболел?

— Да вот, прихватило что-то, никак не могу сконцентрироваться. Даже энергетика не помогают. — Мауку не хотелось признаваться еще и в том, что даже говорить получалось с трудом.

— Ну, так иди к врачу, срочно. Или дома денек-другой отлежись, до следующей смены, я тебе отгулы поставлю.

Маук, как смог, изобразил одновременно вину, сожаление о том, что вот как-то так получилось неудобно и заверение, что к следующей смене обязательно придет в норму. Квен, очевидно, прочитал еще и плохо скрываемое облегчение в форме Маука, подмигнул крайними глазами, быстро пересек площадь и легко взбежал по ажурной конструкции доступ-лестницы сразу на верхний этаж, пользуясь всего двумя парами руко-ног.

А Маук сделал то, что хотел сейчас больше всего на свете — пополз прочь от работы. Получив разрешение на прогул, он смог немного расслабиться, оставить бесполезные попытки сконцентрироваться,

собраться в форму. Потому как в глубине души понимал, что дело не в болезни, а в тех мыслях, которые преследуют его уже давно, и с обстоятельствами, породившими эти мысли, придётся смириться, чего не хотелось совершенно.

Ползти было непривычно. Неудобно и неприятно. Дорога хоть и идеально чистая даже в медленной зоне, оставалась шершавой, и, пожалуй, чересчур горячей. Маук вспомнил, что фактура и температура подбирались специально для детей, для их комфорта и удобства, но мысли о детях вгоняли Маука в тоску.

Невдалеке шли уборщики. Неразвитые личности, освоившие всего две формы — одну бытовую и одну рабочую. Эти бедолаги ни на что более не годились, их уровня хватало лишь на создание пары ног, чтобы передвигаться, и пары рук, чтобы выполнять простейшие операции — поднять, перехватить, переставить. Но даже эти уборщики сейчас обладали огромным преимуществом перед Мауком — лучшим выпускником года на факультете. Единственным на всем потоке, кто в принятии форм был ограничен лишь исходной массой тела и никак не выбором самой формы. Уборщики свернули на перекрестке, а Маук обогнали патрульные. Вот где форменная функциональность, возведенная в искусство. Маук мог принять и такую форму, но вот, чтобы уметь ей управлять, нужно много и усердно тренироваться. И вообще, на улице хватало народа. Ему казалось, что все прохожие смотрят ему вслед с жалостью или презрением, как на инвалида. А, может, и пальцем в спину показывают, Маук не знал, глаз-то только два, и смотрят они исключительно вперед.

Хотелось спрятаться как можно скорее, и Маук свернул на первую попавшуюся тропинку, уходящую куда-то вбок, в кусты. Тропинка привела его в огромный городской парк, расположенный вокруг озера с небольшими уютными песчаными пляжами, ограниченными с берега рядами кустов, чтобы случайный взгляд не мешал отдыху и уединению, и с россыпью песчаных же островков на самом озере. Именно это и нужно было сейчас Мауку. Уединиться на островке, отключить мысли, пережить пока еще не случившуюся, но обязательно произойдущую потерю. Он медленно спустился в воду и поплыл к самому дальнему островку, пожалуй, самому перспективному в плане тишины и одиночества.

Маук растянулся на мелководье вдоль берега, выставил глаза над поверхностью и затих. Немного отпустило, и Маук даже почти задремал. Через некоторое время поднялся небольшой ветерок, и поверхность озера пошла рябью. Несколько раз волны захлестывали глаза Маука, и ему пришлось моргать, сначала одним глазом, потом вторым. Так повторилось несколько раз, и Маук уже решил совсем вылезти из воды, как услышал прямо над собой залиvistый смех.

Смеялись над ним. Искренне и весело, и даже показывали пальцем. Маук оторопел. Ну, ладно бы за спиной у него перешептывались, ладно

бы в спину пальцем тыкали, это еще куда ни шло, но вот так вот — в глаза, издевательски! Оторопь не дала родиться гневу, но усилила обиду. Маук, как мог, изобразил гордость, ровно развернувшись, чтобы это не выглядело как бегство, и неспешно, с достоинством поплыл прочь. На глаза наворачивались слезы, но кто их видит?

— Постойте! — сзади послышался всплеск, — да постоит же! — Голос приближался. — Подождите!

Обидчик Маука в пять тактов оказался прямо напротив и перегородил ему путь. Маук свернул было в сторону, но обидчица, а то, что это обидчица, он теперь разглядел, в два движения изящных лап и широкого хвоста, мелькнувшего над поверхностью, снова оказалась перед ним.

— Извините меня, пожалуйста! — девушка пыталась заглянуть ему в глаза. Маук опять свернул в сторону и поплыл. И опять ему перегородили путь. Спустя короткое время и несколько повторяющихся маневров Маук обнаружил, что плывет обратно к тому же островку, от которого его только недавно прогнали таким обидным образом. Пришлось остановиться и оглядеться. Ни прощать бесцеремонную девушку, ни, тем более, разговаривать с ней он не собирался. Маук уже было выбрал направление бегства, но тут услышал:

— Просто вы так забавно моргали. Глазами. По очереди. Я не смогла удержаться. Простите. — И виновато потупила глазки. Все три.

Маук замер. Получается, причиной ее смеха было не его, Маука, физическое состояние, а вот этот, ничего не значащий эпизод? Маук попробовал представить себя со стороны: вот он лежит, вот из воды торчат его глаза, вот набегают рябь, вот он начинает моргать левым-правым, левым-правым; и... рассмеялся. В голос, заливисто, точно так же, как недавно смеялись над ним. Напряжение, преследовавшее несколько последних дней, вырвалось, выплеснулось из него вместе с этим, постепенно перешедшим в истерический, смехом. Маук смеялся и не мог остановиться, бил ладонями по воде (при этом совершенно не заметил, что смог сформировать две нормальные конечности), и в какой-то момент даже забыл, что он не на суше, хватанул воды, закашлялся и тут заметил, что девушка отплыла на некоторое расстояние и, находясь практически у самого островка, смотрит с опаской. Маук смутился:

— Извините, я вас напугал, наверное? Всё в порядке, я уже успокоился. Теперь меня можно не бояться. — И постарался улыбнуться, что, впрочем, ему вполне удалось, и совсем без внутреннего напряжения.

Девушка посмотрела на Маука, подумала буквально мгновение, и, согласно кивнув своим мыслям, выбралась на берег.

Маук ее примеру не последовал, но наконец-то смог ее рассмотреть, и еще раз улыбнулся. Улыбаться этой девушке было приятно. Юная, для Маука уж точно слишком юная, но женственная. Настоящая,

непосредственная. Без этих нефункциональных изменений формы, что сейчас вошли в моду у многих женщин, типа бахромы вокруг глаз, изменения расцветки вокруг ротового отверстия и прочего. Все мысли и чувства девушки без труда читались в её форме, вот и сейчас легко просматривались облегчение и заинтересованность.

— А вы почему тут один? А почему вы не в форме?

Маук почувствовал себя так, как будто его с Дерева уронили. Мимо Озера. Вот и вышла ему боком чужая непосредственность. Сразу вспомнилось то, о чем хотелось забыть, пропало настроение и появилось желание спрятаться так, чтобы его не нашли всякие девицы, лезущие туда, куда не следует.

Да, такое ощущение, что эта девушка — ходячее бедствие, и что она сама об этом прекрасно знает, но бороться не в силах, вон как сразу изменилась в форме и, вот это да, заплакала!

— Я, всхлип, вечно я такая, всхлип, как скажу, всхлип, не подумав, так и всё.

Маук растерялся. Вот только что она его обидела, сильно обидела, но ведь не со зла же. Ну откуда она могла знать, ну правда же. Конечно, задавать бестактные вопросы — это всегда неправильно, для всех, кроме, пожалуй, врачей, и она же не врач, но ведь не со зла же, не с издевкой спросила, а поинтересовалась, причем искренне, не дежурно, не для простого поддержания разговора, да? Маук еще немного послушал всхлипывания, переходящие в рыдания, тяжело вздохнул, выбрался на берег и принялся утешать девицу. Ну, если можно назвать утешением осторожное поглаживание по трансформировавшемуся плавнику и кучу разных слов, вряд ли слышимых девушкой.

— Ну что ты, ну успокойся, все нормально, я уже не обижаюсь. Красивым девушкам плакать нельзя, массу тела терять — это последнее дело. Ничего не случилось. Ну вот, ну смотри, я же не плачу, хотя у меня завтра Дерево засохнет.

Сказал, и наступила тишина. Девушка смотрела на него всеми глазами, а он открыл рот и пытался понять — почему он сказал про Дерево. Ну какое ей дело до его проблем? Хоть плакать перестала, и то хорошо. Но теперь уж точно надо уходить. Нет, уплывать, они же на острове. Да и не на острове были бы, все равно пришлось бы уползать, а не уходить.

Маук вздохнул, развернулся и пополз к воде.

— Постой! — это опять девица. — Расскажи, как так получилось?

— Тебе это знать не надо.

— Я никому не расскажу!

— Правильно, потому что ты не узнаешь от меня ничего. — Тут Маук уже оказался в воде, погрузился так, чтобы только глаза и были над поверхностью. Мол, не могу разговаривать, вода мешает. И поплыл.

Краем глаза видел, что беспардонная плывет сзади и сбоку. Ну, хоть вопросов не задает. И тут опять она его огорошила:

— А твоё Дерево — красивое?

Нет, точно, это не девушка, это бедствие. Вопросами своими спокойной на растворение отправить может, не напрягаясь. Но Деревом своим Маук гордился, хоть и осталось Дереву жить одну ночь, поэтому не мог не сказать:

— Красивое. Очень.

Берег уже рядом, первые песчинки прошуршали по телу. Сейчас начнется самое страшное — ползти. Как оказалось, ползание это еще не страшно. Самым страшным было то, что его не пускали. Наглая девица обогнала его, выбралась на берег, трансформировалась во что-то длинное и полностью перекрыла путь к выходу из парка.

— Рассказывай. Всё рассказывай. Мне мама всегда говорит, что если в себе держать, только хуже будет. А расскажешь — и полегчает.

— Вот еще.

— Рассказывай.

— Пусти меня.

— Ни за что. Пока не расскажешь.

«Вот все-таки интересная она. И решимость в ней видно. И вера в слова мамы. И любопытство дикое».

— А потом ты от меня отстанешь?

— Да.

— Точно?

«Непоседа. Вот только что валиком перегораживала путь, чуть не в окружение взяла, а вот уже сидит на берегу, голову руками подперла, глаза на меня уставила. Даже четвертый глаз вырастила, чуть сбоку им на меня смотрит. И не ответила. Кокетка».

— Всё просто. Я растил и улучшал Дерево и свою форму ухода, тянул до последней десятидневки, потом взял билет в Картотеку знакомств, повел себя неправильно, никому Дерево не показал, второй билет мне уже не получить, там ограничение на частоту посещений, а сегодня последний день цветения Дерева. Теперь я не смогу оставить потомства, поэтому я нервничаю и поэтому не могу принять форму ухода, и поэтому никого не могу привести к Дереву, чтобы показать его. Довольна? А теперь пусти меня.

Вопреки мнению девицы и матери ее, Мауку не полегчало. Стало вновь липко, противно и беспросветно. Если честно, женщине, которую ему предложили в Картотеке знакомств, он не хотел показывать своё Дерево. Она была правильной, но — пустой, скучной и неинтересной. Что она могла бы предложить ему и их детям, он не знал. Маук, когда почувствовал, что Дерево скоро зацветет, кучу времени потратил на совершенствование формы ухода. Верял всё, каждый оттенок цвета, каждый узор, длину конечностей

и форму глаз. Без сомнения, это была его лучшая форма за всё время. Даже к выпускному экзамену по формам он так не готовился. И когда он провел некоторое время с той женщиной, они зашли в кафе при Картотеке, и вот там Маук, неуверенный в выборе, просто-напросто сорвался. Принял две-три лишние растормаживающие капсулы, потерял форму, а в итоге и ту, с которой пришел в кафе. Она просто ушла.

Всё это Мауку пришлось рассказывать девушке и весьма подробно, потому что она его не выпустила с берега. Опять растеклась вокруг него живым барьером и закидывала вопросами, да такими, которые первому встречному уж точно не будешь задавать. В какой-то момент Маук поймал себя на том, что сам рассказывает то, о чем его не спрашивали, выговаривается, очень удивился собственному поведению, и вместо очередного ответа на очередной вопрос просто растекся по песку, закрыл глаза и замолчал. Что удивительно, девица тоже замолчала. Надолго. А потом тихо, почти неслышно произнесла:

— Покажи мне своё Дерево.

— Что? — Маук подумал, что ему послышалось.

— Отведи. Меня. К своему. Дереву. — Теперь в голосе девушки, даже имени которой Маук не знал, слышалась решимость, которую сомневающиеся могли легко увидеть в ее форме.

— Но ведь я ведь даже не могу принять форму ухаживания! Почему ты хочешь, чтобы я тебя отвел к своему Дереву?

Она улыбнулась:

— Эх, мужчины... Форма — не главное. — Подмигнула. — Меня зовут Леки. Догоняй.

Собралась в форму для передвижения по суше и, не торопясь, направилась к выходу из парка.

Маук еще такт-другой ошарашено смотрел ей вслед, потом встретился, крикнул: «подожди!» и двинулся вслед за Леки, уже не замечая собственного преобразования в такую же, как у нее форму.

МЫ МОГЛИ БЫ ПРОСТО ПРОГУЛЯТЬСЯ ПО НАБЕРЕЖНОЙ

Она стояла на набережной возле самого парапета и смотрела на покрывшуюся гусиной кожей воду Ваза-Эльва. А Ёран просто шёл мимо и в общем-то никуда не смотрел. Просто случайно поднял голову и увидел её.

Она стояла на том месте, где обычно толпятся туристы — прямо напротив воткнутого в низкое небо стилета Якобскирхен. Но она не была похожа на туристку. Этот народец Ёран научился распознавать безошибочно, когда помогал Стигу торговать картинами. Написанными самим же Ёраном. В хорошую погоду на набережной Оксеншерна бывает не протолкнуться от приезжих. Словно стая раскормленных ленивых голубей они топчутся вокруг картин, бубнят что-то себе под нос, долго прицениваются, но обычно уходят, так ничего и не купив. А на смену им тут же прилетает новая стая. Но это в хорошую погоду. А сейчас девушка стояла здесь совершенно одна.

Моросил дождь. Не то чтобы настоящий дождь, а такая небесная мерзость, какая бывает только в Вазастаде. И не то чтобы очень часто — от силы шестьдесят-семьдесят дней в году, зато в любой сезон — и летом, и осенью, и даже зимой. От неё не спасают никакие плащи или зонты, ветер подхватывает зависшие в воздухе капли и заносит тебе за воротник, а потом ещё и раздувает этот холодный огонь, пляшущий по твоей спине. А девушка стояла без зонта. Стояла и смотрела в воду.

У Ёрана зонт был. Хотя он мало чем мог помочь. Такой дождь не столько обдаёт холодом, сколько вытягивает из тебя тепло. Да и не только тепло — способность радоваться жизни, любить этих людей, этот город. А Ёран просто обязан его любить — его набережные и скверы, особняки и кирхи. Иначе как он сможет всё это рисовать? Плохо сможет. А за плохую картину Стиг не заплатит ему ни эре. Он и за хорошие-то не слишком щедро платит, но выбирать не приходится. По крайней мере, до той поры, когда Ёран закончит Королевскую художественную школу. И туда он опять же обязан приходиться в любую погоду. Даже такую, как сегодня. Вот он и шёл — съёжившись, глядя только себе под ноги, чтобы не зачерпнуть воды в доживающие свой век ботинки. И надо же было оторвать взгляд от мостовой именно в то мгновение, когда он проходил мимо этой девушки. Стоявшей в одиночестве под дождём. Без зонта.

Ноги сами понесли Ёрана к незнакомке, а зонт в его руке так же произвольно потянулся вперёд и вверх, чтобы защитить её от дождя. Правда, теперь он зам остался без защиты и невольно пододвинулся ближе к девушке, едва не уткнувшись носом в её короткие

льняные волосы. От них пахло мокрой сиренью за чугунной оградой Центрального парка. Во всяком случае, так Ёран нарисовал бы этот запах. А выразить словами — в этом он никогда не был силён.

К счастью, говорить пока не требовалось. Ещё пару протянувшихся в бесконечность мгновений незнакомка ничего не замечала. Но счастье и бесконечность — несовместимые понятия. Девушка вздрогнула, обернулась и тут же испуганно отпрянула к перилам.

— Что это... зачем... что вы себе позволяете?!

— Но ведь я...то есть вы... то есть дождь... вы же промокнете...

Он долго и путано бормотал о том, как губительно сказывается промокание на здоровье. А девушка слушала, и настороженное выражение её лица понемногу менялось на снисходительно-понимающее и даже как бы участливое. Ёран почувствовал, что несёт откровенную чушь, попытался как-то исправить положение, показать, что не совсем такой debil, каким кажется с первого взгляда, и в результате забрался в совсем уж дремучие медицинские дебри, откуда самостоятельно уже не мог выйти. И растерянно замолчал. Девушка несколько мгновений ожидала продолжения, потом поняла, что эти надежды напрасны, и улыбнулась какой-то расплывчатой, акварельной улыбкой.

— Ах вот оно что! Спасибо, но вы напрасно беспокоились. Я часто гуляю под дождём и никогда сильно не промокаю.

Удивительно, но и плащ, и волосы девушки в самом деле были почти сухими. Как будто капли дождя, прикоснувшись к ней, превращались во что-то другое — внешне похожее, но совершенно безвредное и даже приятное. И Ёран ни секунды не сомневался, что это сама девушка их и превращает. А он со своей неуместной заботой только помешал творящемуся колдовству. Ему стало неловко, даже стыдно за свой внезапный порыв, за нелепо вскинутый над пустотой, не защищающий ни девушку, ни его самого зонт, за глупые, напыщенные и при этом сбивчиво-бестолковые слова. За то, наконец, что он никак не может отвести взгляд от лица незнакомки. И не может понять, что же в нём такого притягательного.

Разумеется, оно было красиво и своеобразно, и Ёрану сразу же захотелось написать портрет девушки. Её светло-голубые, почти серые, чуть прищуренные глаза. Тонкие и бледные губы, плавно и почти незаметно для глаза переходящие от разочарованной гримасы к озорной улыбке. Прямой нос, с широко расходящимися крыльями, словно бы и в самом деле готовыми взлететь. И эти так чудесно пахнущие льняные волосы. Но что-то подсказывало художнику, что задача будет не из лёгких. Образ получался какой-то незавершённый. То ли ему не хватало красок, то ли чёткости линий. А может, виной всему дождь, размывающий даже человеческие лица...

— Вы так и будет стоять молча, словно памятник Оле-Лукойе? — насмешливо спросила девушка. — Раз уж подошли, расскажите хотя бы, кто вы такой и как вас зовут.

Даже голос у неё был необычный. Глубокий, но какой-то приглушённый и отдалённый. Или даже отделённый, доносящийся из-за какой-то преграды. Как журчащая в водосточных трубах вода. Эти звуки настолько завораживали, что Ёран не сразу уловил смысл обращённых к нему слов. А когда понял, стушевался ещё больше.

Легко сказать «расскажите». А как это сделать, если только что едва не откусил собственный болтливый язык. Но Ёран, конечно же, не мог не попытаться. Сначала слова выдавливались из него, словно краска из давно не использованного тюбика — мучительно тяжело, твёрдыми, острыми, царапающими горло комками. А потом вдруг потекли непрерывным потоком. И он выложил всё, о чём подумал и что почувствовал с того момента, как увидел её. Девушка слушала не перебивая, и Ёран на радостях, без всякого предупреждения, перешёл на рассказ о тяжёлой и неказистой жизни молодого художника. Здесь-то она и нанесла удар в болезную точку.

— Я не видела ваши картины, — сказала девушка всё с тем же лукавым прищуром, — но догадываюсь, почему их не покупают. Вы слишком зажаты, закомплексованы, и потому боитесь вкладывать в них душу. Или хотя бы выпустить на свободу душу самой картины.

— Душу картины? — недоверчиво хмыкнул Ёран. — Скажете тоже!

— А как же! — уже серьёзно ответила девушка. — У всего на свете есть душа. У дождя, у набережной, у вашего зонтика. У этого города. Вы никогда не слышали легенду о душе города?

Ёран молча замотал головой.

— Ну что же вы? — снова улыбнулась она, чуть печальней, чем раньше. — А ещё художник! Слушайте же: говорят, что душа города частенько бродит по улицам и даже заговаривает с прохожими, с теми, кто ей понравится. И с ними потом обязательно случается что-то хорошее, радостное. Вы бы хотели с ней встретиться?

— Ну, если потом случится хорошее, то почему бы и нет, — невольно улыбнулся художник.

— А нарисовать её? Чтобы хорошее случилось со всеми, кто увидит вашу картину. Сумеете?

Ёран решил было отшутиться, но заметил, что девушка смотрит на него с напряжённым вниманием, словно оценивая качество товара во фруктовой лавке. И что-то подсказывало ему, что оценка получается не слишком лестной. И всю его весёлость тут же сдуло ветром в холодные, неприветливо-ребристые воды Ваза-Эльва. Он начал оправдываться, объяснять, что ещё только учится рисовать, а вот когда окончит художественную школу...

Произнося эти слова, Ёран машинально посмотрел на левую руку, где под рукавом куртки прятались от дождя часы. Девушка, разумеется, перехватила его озабоченный взгляд.

— Вы, наверное, спешите на занятия?

— Ну, вообще-то да, — смущённо пробормотал молодой художник.
— Так идите, — просто и без малейшей обиды в голосе сказала она.
— А как же...
— Я часто здесь гуляю, — ответила девушка на недосказанный вопрос всё с той же растекающейся улыбкой. — Особенно в дождливую погоду.

И Ёран пошёл. А что ему ещё оставалось делать? Только идти и оглядываться. И где-то на седьмом или восьмом оглядывании девушки на месте уже не оказалось.

* * *

О том, что у любой, даже самой красивой и таинственной незнакомки наверняка есть имя, а также телефон, Ёран вспомнил уже на обратном пути. Так что он ещё часа полтора наматывал круги по набережной, ругая себя последними словами, какими не успел наградить по дороге в художественную школу. Никого, кроме ветра и дождя, молодой человек так и не встретил. Обозвав себя напоследок Шагалом, он вдохнул и отправился домой, в крохотную мансарду с огромным то ли окном, то ли скатом крыши, сквозь мутное стекло которого внутрь проникало всё что угодно — осенняя сырость, зимняя стужа или летняя духота — но только не солнечный свет. Подъём на шестой этаж по крутой, рассчитанной, вероятно, на настоящих викингов лестнице тоже не добавил положительных эмоций, так что зашёл Ёран в свою каморку в насквозь промокшей куртке и в прескверном расположении духа.

В таком настроении художники обычно либо пьют, либо рисуют. Но из напитков он сегодня мог рассчитывать только на горячий чай, который, конечно, слегка согрел, но не более того. Поэтому через десять минут Ёран уже стоял у подрамника. Разумеется, никакую душу города он изображать не собирался. А вот саму девушку... Ёран всё решил ещё там, на набережной. Настоящий он художник или ничего ещё толком не умеющий ученик, но её портрет напишет обязательно. Так напишет, чтобы ей потом и в голову не пришло над ним подшучивать. И пусть это будет непросто, но игра стоила свеч, стоила двух-трёх дней и бессонных ночей, проведённых в обществе тубиков с краской, кистей и палитры. Стоила ещё одной её улыбки.

Кто же мог знать, что тремя днями дело не ограничится? Целую неделю Ёран не отходил от картины дальше холодильника, а под конец и вовсе перестал отлучаться, поскольку съестного в доме не осталось. Даже спал тут же на полу, продолжая во сне обдумывать детали портрета. Вскakiвал среди ночи, когда в тяжёлом и тревожном забытьё его осеняла очередная идея. Пропустил все три занятия в художественной школе. Но всё напрасно — работу так и не удалось завершить.

Он забраковал уже с десяток вариантов. Вроде бы всё получалось правильно, и очень похоже, да только это была не она. Не хватало

какой-то детали, собирающей отдельные черты лица в единый, особый, ни с чем другим не сравнимый образ. Но в том-то и беда, что Ёран ещё при встрече на набережной почувствовал эту нехватку, но так и не смог определить, чего именно недостаёт. Тогда он во всём обвинял дождь. Но что если?..

Да нет, не может быть! Глупости! Бред, вызванный хроническим недосыпанием. Гадание на чайной заварке. Но, с другой стороны, должна же быть какая-то причина. И что он, в сущности, теряет? Ещё один неудавшийся вариант? А вдруг всё-таки именно дождя и не хватает на портрете? И не только мокрых волос, а ещё и влажных перил набережной, напоминающих кружева на подушке больного. Вздрагивающей от озноба реки. Закутанного в серое шерстяное одеяло неба. И тянувшегося к нему гигантского шприца Якобскирхен. Не просто дождя, а города под дождём.

Пусть даже окажется, что это сам Ёран больной, но он всё-таки попробует. Для этого даже выходить из дома не придётся — за два года каторжной работы на Стига он в мельчайших подробностях запомнил все достопримечательности, все наиболее выигрышные виды города.

* * *

Ключей от коморки Ёрана у Стига не было. Но когда имеешь дело с творческими личностями, поневоле приобретаешь различные полезные навыки, вроде открывания дверей при помощи перочинного ножа и двух-трёх мощных пинков. Добропорядочный бюргер давно бы позвонил в полицию, услышав такой грохот. Но торговца картинками за дверью встретила тишина. И если бы только она...

Нет, всё понятно, раз художник десять дней не выходил из дома, то вряд ли он там занимался влажной уборкой и проветриванием. Хорошо ещё, если хотя бы пару раз в день ополаскивал лицо холодной водой. Но всё равно такого прокисшего и протухшего воздуха даже выдавшему виды и нюхавшему запахи Стигу давненько не приходилось обонять.

Из чувства самосохранения он решил вести переговоры прямо с порога. Вот только с кем? Художника в этом живописном беспорядке невозможно было разглядеть.

— Эй ты, Ёран-который-живёт-без-крыши, отзовись! — крикнул он и всё-таки сделал два шага вперёд, для улучшения обзора. — Рассказывай, чем ты тут занима...

Стига всегда веселило выражение «язык приклеился». Но, оказываясь, оно имело немного иное значение, чем он себе представлял. Торговец, через руки которого прошли тысячи картин, в самом деле не мог произнести ни слова и лишь заворочено смотрел на новую работу Ёрана.

Это был не просто портрет. И не простое соединение пейзажа с портретом, хотя и то, и другое удалось художнику весьма неплохо.

Но вместе... вместе они производили удивительное впечатление. Девушка на картине не просто улыбалась. Она озаряла всё вокруг своей улыбкой, делала эту реку, и эту башню — и даже эти перила — прекрасными, настоящими, живыми. Она словно бы говорила, что дождь — это тоже замечательно, что им тоже можно любоваться, наслаждаться, впитывать его красоту. А ещё обещала, что он скоро пройдёт, и наступит ясная, солнечная погода, и вообще всё и у всех будет хорошо. Мутная река у неё за спиной, казалось, уносила прочь все неприятности, а шпиль Якобскирхен выглядел огромной штопальной иглой, старательно заделывающей прореху в небе. В общем, это было воплощение человеческой мечты, надежды на счастье.

Может быть, сам Стиг и не слишком хорошо рисовал, но в живописи разбирался — положение обязывало. И ничего даже отдалённо похожего ему за годы успешного бизнеса видеть не приходилось. Разве что «Мону Лизу», но это не в счёт — её Стиг всё-таки не продавал. А эту картину вполне может продать — и ох как продать! Надежда и счастье стоят очень дорого.

— Ё-о-о-о!.. — наконец произнёс он, хотя и сам не понял, то ли хотел позвать художника, но от восхищения перехватило горло, то ли, наоборот, само восхищение вырвалось наружу. — Как тебе это удалось, парень?

— С тринадцатого раза, — буркнул из-под валяющегося на полу одеяла Ёран.

— Так ведь не зря же старался, — радостно ответил Стиг. — Знаешь, сколько мы на этом чуде заработаем?

Вообще-то он и сам не знал — едва ли не впервые в жизни — а даже если бы и знал, всё равно назвал бы художнику втрое заниженную сумму. Впрочем, и этого делать не пришлось. Ёран отшвырнул одеяло в сторону, поднялся и угрюмо заявил:

— И знать не хочу. Я писал её не на продажу.

— Как это? — удивился торговец.

— А вот так!

Они стояли один напротив другого: Стиг — аккуратно постриженный на манер ёжика-альбиноса, с голубыми глазами, излучающими доброту и человеколюбие, ослепительной улыбкой и трогательными, детскими ямочками на щеках, и похожий на демона трудоголизма Ёран — с длинными, грязными волосами, недельной щетиной и безумным блеском в глазах. И как-то сразу становилось понятно, что добру на этот раз не одолеть зло. Художник от своих слов не откажется.

— Ладно, уговорил, — сдался в конце концов торговец. — Тогда напиши ещё одну картину, такую же. И нам с тобой будет счастье.

Художник в ответ замотал спутанными космами.

— Я не смогу написать её, — он выделил голосом последнее слово, — ещё раз.

— Ещё как сможешь! — уверенно возразил Стиг. — Да хоть бы и не её. Нарисуй что-нибудь похожее. По крайней мере, купишь на свой гонорар приличную одежду, чтобы не показываться ей, — от-
ветный укол, с остриём на том же слове, — в таком замогильном виде.

Это был веский аргумент. Ёран не без труда вспомнил, где в его берлоге находится зеркало, и, шаркая ногами, побрёл к нему.

* * *

— А вы изменились.

Ёран словно наткнулся на невидимую за пеленой полуснега-полудождя стену. Художник едва не выронил зонт и остановился, не решаясь обернуться. Он уже потерял надежду снова услышать этот голос. Перестал оглядываться, проходя по набережной. Даже почти перестал считать себя предателем. И его уже почти устраивало такое положение вещей. Во всяком случае, он пытался себя в этом убедить. И только теперь убедился, что гипноз не помогает.

— Здравствуйте, — пробормотал он, с разворота бросаясь в её глаза, словно в холодную воду, и чувствуя, что бурно и неудержимо краснеет.

— Но, похоже, изменились только внешне, — продолжила девушка всё с тем же озорным прищуром.

Ёран тут же догадался, что по-настоящему начинает краснеть только теперь. Она ни о чём его не спросила, но некоторые вопросы не обязательно задавать вслух. И как раз на них бывает труднее всего ответить. Хотя и промолчать — ничуть не легче.

Конечно же, он её искал. Особенно в первое время. Выбегал на набережную каждую свободную минуту. Вот только таких минут было очень мало. Портреты девушки на фоне города пользовались бешеным спросом. Художнику приходилось писать по две-три картины в день. Некоторые клиенты даже начали заказывать свои портреты, сделанные в той же манере. Сначала Ёран отказывался, но Стиг быстро объяснил ему, что это вредные предрассудки. Ну и что с того, что эффект пропадает — зато цена на картину удваивается. И времени на такую стряпню уходит меньше. Ёран ведь по-прежнему хочет найти свою незнакомку? В общем, старина Стиг всегда умел найти правильные слова.

Наскоро запечатлев очередную увядшую красавицу рядом с городской ратушей, Ёран снова отправлялся на поиски. Как назло, в городе надолго установилась ясная погода. Морозная, но ясная. И потому носиться туда-сюда вдоль продуваемой всеми ветрами набережной было рискованно. В конце концов, Ёран подхватил воспаление лёгких и целый месяц... нет, не провалялся в постели — такой роскоши модный художник позволить себе не мог, но из дома никуда не выходил. Из той же самой мансарды, только приведённой в божеский вид, с новым, прозрачным стеклом и хорошей теплоизоляцией.

— Вы опять торопитесь? — поинтересовалась девушка, то ли неверно истолковав его молчание, то ли продолжая подтрунивать над бедным художником.

Ну уж нет! На этот раз Ёран так просто её не отпустит!

— Нет, почему же, я совершенно свободен, — как можно беспечней заявил он. — Может, зайдём куда-нибудь? К примеру, вот в это кафе.

Художник указал на ярко светящуюся вывеску на соседнем доме. Вообще-то он никогда не был внутри и не знал, насколько удобно там будет беседовать, но выбора не было. Брести куда-то по снежному месиву — пусть даже в новых ботинках и тёплом пальто — Ёрану совсем не улыбалось. Он и так подозревал, что не до конца вылечился.

Девушку его предложение почему-то огорчило. Она растерянно стояла возле обледеневших перил — опять без зонта, с непокрытой головой — и задумчиво смотрела себе под ноги. Затем подняла взгляд и еле слышно произнесла:

— Мы могли бы просто прогуляться по набережной.

Чёрт возьми, Ёран так и спросил, как же её зовут! Но ничего, сейчас они зайдут в кафе, выпьют грога и обо всём-всём поговорят.

— Никаких прогулок, — решительно заявил он, взял девушку за руку и потянул в сторону яркой вывески. — Не хватало ещё, чтобы теперь вы заболели.

Девушка испуганно замотала головой, попыталась вырваться, но вскоре обречённо вздохнула и перестала сопротивляться. Ёран уверенно вёл её за собой, размышляя о причинах такого упрямства. Может быть, ей неловко оттого, что она не подготовилась к романтическому свиданию — не подвела глаза, не накрасила губы и что там ещё делают женщины, чтобы выглядеть привлекательней? Какие глупости! Неужели она не понимает, что для Ёрана всегда будет красивее всех на свете?

Кафе оказалось простеньким, но милым. Белые скатерти на столах, негромкая музыка, светильники, имитирующие свечи. А посетителей — раз, два и обчёлся. Ёран помог спутнице снять плащ, усадил за стол, на секунду задумался, где пристроиться самому — напротив девушки или рядом с ней, и выбрал второй вариант. Затем углубился в изучение меню. Каких-то три месяца назад превратившись в репектабельного человека, он ещё не утратил интереса к церемонии выбора блюд.

— Что будет заказывать фру? — раздался у него над ухом профессионально-вежливый голос кельнера.

Ёран удивленно обернулся к нему. Какая ещё фру? Вроде бы они сиделись за пустой столик. То ли у парня совсем плохо со зрением, то ли слишком хорошо с воспитанием. Кельнер выдержал его вопросительный взгляд и молча скосил глаза влево. Художник посмотрел туда же и вскочил, словно его облили горячим пуншем. Или подложили на стул ядовитую змею. Далучше бы уж действительно подложили, потому что...

Слицом девушки происходило что-то странное. Что-то страшное. Кожа вытягивалась, собиралась складками под глазами и на щеках, словно ей достался череп на два размера меньше положенного. Потом начала ссыхаться, покрываться трещинами, как земля после долгой засухи. Волосы побелели, истончились, а частью и вовсе исчезли. Через минуту рядом с Ёраном сидела сморщенная крючконосая старуха. Её потухшие глаза напоминали окна заброшенного дома с выбитыми стёклами и шелушащейся краской на рамах. А губы превратились в засохший чернослив, какой бывает на дне стакана с выпитым компотом.

Ёран почувствовал, что его сейчас стошнит, просипел «извините, мне нужно выйти» и бросился в туалетную комнату, едва не сбив с ног почти так же ошеломлённого кельнера. А за спиной у него — или прямо в голове — слышался сдавленный, шамкающий шёпот:

— Мы могли бы просто прогуляться по набережной.

Рвотные позывы быстро прошли, но вернуться обратно в зал — нет, это было выше человеческих сил.

* * *

На этот раз Ёран всё-таки запил. Уже хотя бы потому, что рисовать сейчас был не в состоянии. Перед глазами всё время стояло это кошмарное, ссохшееся старушечье лицо. После второй бутылки виски оно исчезало, но и сил у художника оставалось только на то, чтобы доползти до кровати. А во сне старуха появлялась опять.

Через неделю Стигу пришлось пригласить врача, специалиста по выводу из запоев. А потом — переселить Ёрана к себе и следить, чтобы он вновь не сорвался. Целый месяц художник пил одни только соки, но на трезвую голову кошмары мучили ещё сильнее. Стиг не успокаивался, придумывал всё новые и новые рецепты — тренажёрный зал, морские прогулки, йога. Но все они давали лишь временное улучшение.

В конце концов, торговец пришёл к выводу, что помочь здесь может только одно лекарство. Вернее два, соединённых вместе. Он предложил Ёрану продолжить работу, но с другими моделями, и начал приводить к нему натурщиц. Мало-помалу с девушками у художника всё начало получаться. Всё, кроме их портретов. Рука упрямо рисовала вместо гладкой девичьей кожи чёрные трещины морщин. А сам Ёран, очнувшись и увидев, что он опять натворил, впадал в очередную депрессию.

Однажды Стиг всё-таки отлучился из дома на три дня — в столице открывалась выставка работ Ёрана, и хотя бы представитель автора на нём просто обязан был присутствовать. Торговец нанял охранника, оставил ему подробные инструкции, всадил Ёрану лошадиную дозу успокоительного и уехал.

Целый день художник тихо просидел в кресле, уставившись куда-то вглубь себя. А ночью открыл окно, вылез из него и по карнизу

добрался до водосточной трубы. Спустился по ней вниз и не спеша направился в сторону набережной. Встал на то место, откуда открывался самый лучший вид на... ну да, конечно же, шприц — что ещё он сейчас мог напоминать? — Якобскирхен, перегнулся через перила и долго-долго смотрел в воду.

Охранник отыскал Ёрана, когда тот уже возвращался назад. До объяснений художник не снизошёл, просто позволил дюжему парню проводить себя до дома.

Очутившись опять в своей комнате, он бросился к подрамнику и начал рисовать. Одной чёрной краской. Рука уверенно выводила на холсте вьёвшиеся в память контуры лица и сложный узор морщин. Закончив работу, художник отошёл на два шага и долго глядел в задумчивости на картину. Затем опять приблизился и широкими точными мазками изобразил на дальнем плане собственный дом. С небольшими исправлениями — обвалившейся местами кирпичной кладкой, разбитыми окнами и покорёженной крышей. Снова отошёл, кивнул самому себе и отправился спать.

Спал он до обеда, а потом весь вечер был свеж и бодр и даже перекинулся с охранником парой слов. Но ночью его свалил новый приступ.

Вернувшийся раньше срока из столицы Стиг первым делом поспешил к больному другу, но на полдороге — опять, как полгода назад, — застыл в немом изумлении. Конечно, это полотно не вызывало такого восторга, как портрет незнакомки с городом и дождём. В нём не было ни счастья, ни надежды. Только отвращение, боль и тоска. Но они буквально рвались с холста наружу. А Стиг действительно разбирался в живописи, и ещё лучше — в том, как и по какой цене продаются картины. Он сразу понял — новая работа Ёрана уйдёт за сумасшедшие деньги.

* * *

Эта история произошла много лет назад. С тех пор Ёрана никто не видел. Хотя в художественных салонах время от времени появляются его портреты отвратительных старух на фоне городских развалин. И надо признать, пользуются большим успехом. Но о самом художнике толком ничего не известно. Ходят слухи, будто бы Стиг держит его взаперти в своём загородном доме, позволяя прогуливаться только по двору, за высоким глухим забором. По другой версии художник просто сошёл с ума и содержится в специальной клинике для VIP-персон. Как бы там ни было, но рисовать ему позволяют.

Погода в Вазастаде в последние годы установилась на удивление хорошая, тёплая. Дождей здесь почти не бывает. Вот только... возможно, это всего лишь мои причуды и фантазии, но меня не отпускает ощущение, будто бы город вдруг постарел, поблёк и с каждым годом всё больше напоминает развалины с картин Ёрана.

МИШКА МЕЖДУ КРЕСТОМ И ЗВЕЗДОЙ

— Деточка, покажи на кукле, где тебя трогал дядя.

Детский пальчик с обгрызенным ногтем упирается в живот. Затем опускается ниже, цепляясь за ткань. Ещё ниже. М-м-м.

— И ещё здесь.

Меня переворачивают, плюшевая голова свешивается вниз. Вытертый ламинат зала суда покачивается подо мной, пока колючий ноготь тычется куда-то пониже спины...

...Сон стекает с меня, как стекают капли дождя с крыльца, давшего хоть какое-то укрытие. Ничего особенного, просто ещё одна ночь среди забавных парадных и обоссавшихся забулдыг. Мой новый прекрасный мир.

С трудом поднимаюсь и пинаю входную дверь. Заперто. Всё-таки придется ждать здесь, среди отвратительной сырости. Острая щепка царапает лапу, напоминая о прошлом, что опять пришло во сне.

А ведь работа в суде не худшее, что пришлось пережить в эти месяцы! Никак не выше третьего места в хит-параде омерзения, где гран-при удерживает выпотрошенный бомж, а серебро досталось бродячей собаке, чьи кишки я намотал на лапу. Но не волнуйтесь, это была очень плохая собачка.

Кто-то должен заплатить за всё это дерьмо. Кто-то достаточно тупой, чтобы похитить маленького хозяина, но достаточно сообразительный, чтобы избавиться от его любимой игрушки. Но я вернусь.

Дождь затыкается, и я снова ковыляю по улице, огибая лужи и грязь. Не так-то легко вычистить и высушить грёбанный плюш. А ведь мишка должен быть опрятным и чистым, иначе дети не полюбят Барни. Плохой Барни, скажут они. Барни грязнуля! Не хотим с тобой играть! Тогда я, конечно, отмудохаю их по полной программе.

Фонари разбиты, как и немногочисленные неоновые вывески, поэтому я все-таки умудряюсь вляпаться в какое-то говно и, надеюсь, это просто фигура речи. Не хочу, чтобы хозяин сначала учуял меня, и только потом увидел, понимаете? Бедный малыш заслужил спасение по высшему разряду. И он его получит, надо только добраться до залитой светом халупы в конце улицы.

Раньше, говорят, это был левацкий сквот, но теперь в гнилом двухэтажном домишке собрано каждой твари по паре. Нарколыги, алкашня, барыги, местные отморозки. Если бы всё это дерьмо издала Lego, набор бы называли «Засор канализации». И это самая глубокая крысиная нора, так что тот, кого я ищу, наверняка прячется здесь.

Возле входа храпит упитанный мужичок со спущенными штанами. На дряблой заднице тату — четырёхлистный клевер. Наконец-то хорошая примета!

— Ой, а что это за ути-пусечка? — худые, в язвах, руки подхватывают меня. Притворяюсь обычной игрушкой, стараясь не смотреть на гнилую амфетаминную улыбку местной шмары.

— Ой, наш малыш грязненький! Фу, мишка, не хочу с тобой играть!

Губы наркоманки потрескавшиеся, с корочками запекшейся крови. Я брезгую их касаться, поэтому бью в нос. И пока шкура кричит, прижимая руки к лицу, ковыляю по коридору прочь. Когда-нибудь мой хозяин вырастет и заинтересуется девочками. И таких вот страшилищ рядом с ним не будет, я прослежу. Если вообще смогу спасти его. И вылечить. Он очень болен, мой бедный мальчик.

В доме полно народу, и никого трезвого. Наркотики, алкоголь и психические расстройства обитателей надёжно защищают меня от случайных взглядов. Если кто-то задерживает взгляд дольше секунды, я замираю, и пьянчуги переключаются на что-то ещё. Их жизнь слишком самодостаточна, чтобы в ней нашлось место для игрушечного медведя. И они пока недостаточно меня злят, чтобы я сам ворвался в их идиотское существование.

Без понятия, как выглядит тот, кого ищу, но уверен, что сразу его узнаю. Если не по дурацкой татуировке, так по седине или ужасу в глазах. Улицы полны слухов и только кажется, что в крысиной норе темно и тихо, и никто не видит тебя, не слышит, о чем ты плачешь по ночам. Все видят, все слышат, все говорят...

Он здесь. Не в гостиной, среди винта и амфетаминов, не в одной из спален, где человеческая плоть колышется и потеет. Где-то далеко. Глубокий подвал, тихий и сырой, куда не заглядывают без нужды. Ветхий чердак, о существовании которого никто и не помнит. В подвале я посмотрел в первую очередь. Теперь мои стоптанные ножки карабкаются по приставной лестнице вверх. Лучше бы тебе там оказаться, петушок. Я устал играть в прятки!

Откидываю люк, заползаю внутрь. Похоже, нашёл! Спит на грязной мешковине, бормоча и всхлипывая, жалкий ссыкун. Остановливаюсь напротив и снимаю маленький игрушечный рюкзачок. Изучаю спящего: не хотелось бы потратить время на случайного торчка.

Так-так-так. Татуировка с серпом и молотом на предплечье, металлическое кольцо на большом пальце правой руки. Левое ухо без мочки. Кажется, я помню его. Ну да, это тот самый ублюдок, что предложил выбросить меня в мусоропровод, поскольку в игрушку могли вшить спутниковый чип. Сообразительный. Не удивительно, что он здесь, другие бы не догадались сбежать, пока не стало слишком поздно. Ну что же, значит мне повезло.

Раньше в моём рюкзаке носили подгузники для хозяина, потом он уже сам прятал в него леденцы. Когда пацан заболел, я начал носить в рюкзаке лекарства. Теперь тут лежат совершенно другие вещи. Например, нож с самодельной ручкой из туго намотанной на лезвие изоленты. Выглядит дерьмово, зато режет отлично.

Половица скрипит, хрен открывает глаза. Я замираю, словно обычный плюшевый мешок дерьма и жду, пока он перестанет тарачиться. Я достаточно сильный, чтобы навалить наверху, но если он решит бежать, дело труба.

— Э-э-э... Ты кто? Игрушка? Робот? Хи-хи. Ты умеешь стоять? Круто. Эй, кто-то здорово отделал тебя, дружище.

Меня он не помнит. Ещё бы, ведь для него наша встреча была маленьким приключением перед большой задницей. Ну и посмотри, до чего ты теперь докатился, придурок? Лежишь на чердаке в грязном бомжатнике и разговариваешь с незнакомыми игрушками.

— Такой милый. У тебя что-то написано на ошейнике. Ба-ар-ни. Барни. Вот приколы, совсем как бисквиты, ну, в форме медвежонка, знаешь такие?

Я знаю. И немедленно бью ножом по тянущейся ладони — лезвие проходит насквозь. Уж я-то тебе покажу бисквит, вонючка.

Под нами играет музыка, народ веселится во всю, и только какая-то баба истерично орёт и орёт. Должно быть та шмара, которой я разнес хобот. На улице дерутся. И никто не слышит криков с чердака. Сегодня и впрямь мой счастливый вечер. Может отрезать спящему у входа пьянчужке кусок жопы с клеввером, чтобы носить на удачу?

Кажется, мой клиент слишком долго пробыл с маленьким хозяином. Пара царапин, а он уже свернулся клубочком и скулит. Э, нет, этого недостаточно! Ты похитил больного мальчика, выбросил его симпатичного медведя в мусорник, и теперь тебе больно, плохо и страшно и тебя пора пожалеть? Нет, дружок, я ещё не закончил. Жалеть будем потом.

Работа в суде не прошла даром. Когда мелкие шкеты показывают на тебе всякое, они не просто обозначают место. Дети слишком талантливо для примитивной работы. Они передают давление, манеру, хватку. В какой-то момент я понял, что тоже хочу попробовать, иначе новые знания разорвут меня. Не обязательно на ребенке. Революционер-киднеппер тоже подойдет. Сейчас кукла покажет дяде, где её трогали. О, да!

Вот теперь нас услышали. Музыка внизу замолкает. Но чёрта с два они сунутся сюда. Разум из глаз говнюка вытекает быстрее, чем кровь из ран, поэтому я тороплюсь. Нож впивается в трухлявые доски пола и оставляет похожую на виселицу букву «г». За ней «д», острая как осиновый кол. Похожая на вилку «е». Мои лапы плохо

приспособлены для каллиграфии, поэтому вместо знака вопроса я киваю головой. Всё было бы проще, если бы я мог говорить, но плюшевым мишкам рот ни к чему.

Когда-нибудь я познакомлюсь с дизайнером, придумавшим моё тело. Я приготовил для встречи несколько замечаний. И нож.

Парень понимает меня, врубаётся, кого может искать такое чудовище. Подобное к подобному, ты прав, мой обмочившийся дружок. Так я наконец-то узнаю адрес, куда бандиты отвезли маленького хозяина целую вечность назад. Можно попытаться разузнать какие-нибудь подробности, но зачем? Мальчик наверняка там, похитители либо мертвы, либо близки к этому. Болезнь хозяина прогрессирует, от него можно ждать чего угодно. Я готов.

Внизу подозрительно тихо; на улице воеет сирена. Неужели алкашня ещё помнит, как пользоваться телефоном? Значит, пора валить. Оставляю хнычущего мужчину и топаю к окну. Вылезая, цепляюсь за трубу и вниз. Уже почти утро, скоро я ослабею и пора баньки. Так что лучше бы сейчас никого не встретить. Спускаюсь. Чисто! В самом деле счастливый день. Хоть бы ещё копы не стали искать игрушку-хулигана, а сразу отправили свидетелей к наркологу.

Соседняя лачуга такая же развалюха, но перекрытия прогнили так сильно, что даже бездомные не суются. То, что надо! А ведь когда-то тут был приличный район. Как такое вообще получается? Люди жили-жили, а потом решили превратить всё вокруг в горы дерьма? Потрясающие существа, неудивительно, что даже шить говорящего медведя для них непосильная задача.

Забираюсь по скрипящей лестнице на второй этаж. Осматриваюсь. Забиваюсь в щель между разваленным комодом и кроватью с разодранными подушками. Всюду пух, перья. Странно, на стенах до сих пор висят фотографии людей, живших здесь. Неужели их некому забрать? Хотя мне ли смеяться над другими, если я не фотографию — хозяина не выручил?

За несколько секунд до того, как провалиться в сон, я вспоминаю, что забыл срезать клевер с пьяной жопы. З-зараза! Выходит, у того парня сегодня тоже неплохой день. Да и хрен с ним. Сплю...

Мне снится детская. Обои с маленькими звёздочками, похожие на звёздное небо за окном. Тень оконной рамы на ковре, похожая на крест. За окном звёзды, полумесяц, уличный фонарь. Скоро начнет светать, но пока ночь в своих правах. Это моя маленькая вселенная полгода назад. Сейчас, во сне, я лучше чувствую время, лучше помню. И этот сон враздавшенная правда. Другие мне и не снятся.

Я, маленький глупый плюшевый медведь, глазки-бусинки, лежу на ковре в царстве креста и звёзд. Что-то побеспокоило меня, что-то нехорошее вот-вот случится. Хозяин Демиан спит, его лицо безмятежно.

Значит, недаром я накануне вломился в церковь внизу улицы и украл бутылку святой воды. Львиная её порция теперь плещется в увлажнителе. У пацана отличные родители, которые заботятся даже о составе воздуха в детской, и этим здорово облегчают мою работу.

Я люблю его, моего хозяина Демиана. В хорошем смысле — после всего, что было потом, я вынужден уточнить это даже наедине с самим собой. Светлые волосы мальчика взъерошены, курносый нос зарылся в подушку. Когда Демиан смеётся, то запрокидывает голову, и в его серых глазах вспыхивают янтарные искорки. Когда ему плохо, гранит с янтарем уступают чёрному, как небо в новолуние, ониксу.

Проверяю, не расплавилось ли распятие под кроватью. Нет, пару дней ещё протянет. Это хорошо. Не люблю красть их из церкви, крестики жгутся и оставляют на плюше подпалины. А я хочу быть красивым мишкой! Если бы я мог, то держался бы от любой церковной утвари подальше. Даже распылённой в воздухе святой воды достаточно, чтобы мои лапы чесались и в голову лезло всякое.

Окна закрыты, ведь ещё весна, ночи холодные и отопление в детской включено. Скоро наступит май, увлажнитель отправится на антресоли, и тогда мне прибавится головной боли. Зато каждую ночь цикады будут устраивать концерты. Мне очень нравится здесь, на Земле. Нравится хозяин, который меня любит и бережёт, не то, что соседские дети свои игрушки. Вот и я стараюсь беречь его. Летом, когда Дёма катается на велосипеде, я еду в маленьком багажничке позади. И у меня всегда под лапой припасена острая проволока или кусок стекла. Просто на случай, если собачки захотят поиграть с нами в догонялки.

Мальчик спит безмятежным и крепким сном. Почему же не сплю я? Все дела сделаны: игрушки убраны, принесённые из церкви лекарства работают, окна протёрты. Я хорошо потрудился и пора бы на боковую, но что-то плохое вот-вот случится. И я не сплю.

Не знаю, что делать. Родители в какой-то дурацкой командировке, открывают больницу или что-то вроде того. В доме только прислуга и мы, а что может прислуга? Это только папа всемогущ, а Демиан — весь мир. Заползаю в кровать и прижимаюсь к маленькому хозяину изо всех сил. Чтобы ни случилось, мы встретим беду вместе...

...где-то внизу бандиты выбивают входную дверь.

Впервые я увидел отца Пабло в суде. Он мне сразу понравился. Не тем, что детские прикосновения к моей жопе в тот раз были чересчур робкими для серьёзных проступков. И не тем, что присяжные его оправдали — меньше всего меня волновало, действительно ли отец любит дёргать молодые стручки. От него исходила сила, вот

что имело значение. Ворс стал дыбом, едва он вошёл в зал. Я чуть не вывернулся из детских рук, чтобы забиться в щель. Скрыться! Исчезнуть! То, что живёт внутри меня, то, что и есть я, до сих пор до усрачки боится преподобного.

Не знаю, как так вышло, но этот худой лысоватый мужчина с вечно мокрыми губами и раздражающей манерой протягивать гласные в коротких словах, оказался сильнее всех. А уж я насмотрелся на священников за годы краж! Но только услышав неожиданно глубокий для такого хляка бас, поверил в то, что все еще можно вернуть. Если, конечно, быть осторожным. Потому что отец Пабло обратит меня в пыль, если я дам слабину.

Поэтому сейчас у Пабло во рту кляп. А когда я даю ему подышать ртом — в архивах суда у меня было достаточно времени, чтобы изучить опыт похищений — приставляю к горлу нож. Преподобный соображает и лишнего не говорит. Да и вообще не создаёт проблем. Меня даже немного напрягает его покорность, словно Его святейшество что-то задумал или что-то знает.

Сейчас Пабло связан в грузовом отсеке минивэна, который я одолжил в хранилище вещдоков при окружном суде. Я сижу на водительском сидении. Солнце высоко, мне дурно и хочется спать. Но нужно проложить курс автопилоту. Поэтому я тычусь стилусом в смартфон, листая карту города.

В наши дни угнать авто очень непросто. Едва терпила звонит копам, как те удаленно блокируют движок и двери, после чего подарочная консерва дожидается прибытия патрульной машины. Но расчипованного авто драгдилера нет в реестрах, оно невидимо. Зато в трущобах, где мы сейчас стоим, это ведро с болтами знакомо каждому, у кого есть глаза и хотя бы немножечко мозгов. Поэтому никто не рискнет копаться в нем и уж тем более не наберет 911.

Держать стилус сложнее, чем нож, к тому же я обжёг обе лапы, пока собирал сумку для преподобного педофила. Любишь детишек, старый хер? Сегодня я организую тебе randevu.

Биваю, наконец, адрес. Тачка весь день стояла на солнце, батарея подзарядилась, так что заряда хватит. Мотор еле слышно гудит. Мягкий толчок — поехали! Нам предстоит неблизкий путь в загородную промзону, поэтому я сползаю с сиденья и забиваюсь под торпеду, чтобы вздремнуть.

Снится болезнь. Было ли это редчайшим сочетанием цепочек ДНК, или звёзды сошлись на небе в определенном порядке, а может кто-то просто и без изысков решил поставить на человеческой цивилизации крест, предотвратить это было невозможно. В одну из ночей, когда лунный диск нарядился в багряные оттенки, а ветер нёс с запада

горький запах цветущих трав, Демиан заболел. А я впервые открыл глаза. Мы оба, я и тот, кто пожирает тело и разум хозяина, пришли в одно время, из одного места, и с одной целью.

Но я не представляю, как можно любить лихорадку, чуму, холеру, тупое и вечное голодное сознание, которому всё время подавай больше, больше, больше! Демиана, который обожает хлопья с молоком на завтрак и который станет космическим пиратом, когда вырастет, любить легко.

Раньше тот, который сидит в Демиане, пытался со мной разговаривать. Напомнить, зачем мы здесь и всё такое. Но я так сильно ненавижу его, что даже отказываю в праве на рассудок. Это просто болезнь. Очень страшный и безмозглый насморк, который нужно лечить. Поэтому со мной больше не пытаются говорить.

И потом, я здесь точно не для каких-то там Предназначений. Мне нравится смотреть губку Боба по телику и разрисовывать соседских садовых гномов. Простые радости обычного мишки Барни. Попробуй, отбери!

Автомобиль подъезжает к финальной точке маршрута и останавливается. Я просыпаюсь, подтягиваюсь за край сиденья и залезаю, наконец, на него. Потрясающе, машина действительно довезла нас без приключений в конечный пункт долгого путешествия. Вокруг раскинулась заброшенная промзона: пустые склады, ветхие цеха с ржавыми станками и прочий мусор. Поразительно, как сильно ужасал город в последние годы. Даже когда я с маленьким хозяином жил в доме и ездил на пикники, то обращал внимание на заброшенные кварталы. Сейчас, когда я познал изнанку жизни, этого дерьма стало как-то уж чересчур много.

Ночь тиха и темна; луна на небе напоминает огрызок; звёзды закутались в дымку, словно старые фотографии в паутину. Вокруг ни души: никто не ссыт под забором, не трахается, не торгует наркотой. Чёрт, да возле городской школы опаснее, чем в этих безлюдных краях.

Но я знаю, что скрывается за этой обманчивой тишиной. Нет, не знаю — чувствую. Мой маленький хозяин здесь. И он болеет.

Открываю дверь, и слушаю ночь. Затем достаю нож и спрыгиваю на землю. Пора бы открыть грузовой отсек и развязать преподобного, но я не спешу. Если тут есть люди, с ними я справлюсь лучше.

Огромная серая пятиэтажная коробка нависает надо мной. Окна не горят, в чёрных прямоугольных дырах нижних этажей не осталось ни единого целого стекла. Здание мертво, как выбросившийся на берег кит. Далеко от города, далеко от свалок мусора. Тут нечего делать бездомным, сюда не приезжают копы. Идеальное место, чтобы приехать похищенного на передержку, а потом прикопать в окрестностях.

Статистика похищений — штука паршивая. Не каждый бедняга живёт хотя бы пару дней, и уж совсем редко пленники возвращаются домой. Но из любой статистики есть исключения.

Первый труп я нахожу на подходе. Бродячие собаки поработали на совесть, так что опознать его нельзя. Судя по дырам от пуль на тёмной неброской одежде, он пытался убежать. Не получилось. Второй труп я нахожу на проходной, в будке вахтера. Заперся и застрелился. Сквозь грязное стекло видна почерневшая кисть, где ещё можно разобрать остатки татуировки: большая звезда в обрамлении. Кажется, это лезвие серпа. Долбанные ролевики-леваки, фанаты несуществующей страны. Когда-то они были для меня обычным фоном: вечерние новости в гостиной, обрывки телефонных разговоров. Кого-то убили, ограбили банк, похитили, взорвали, украли. Слишком сложные и слишком скучные вещи для маленького Барни. Были.

Наверное, им просто были нужны деньги. Но и не удивлюсь, если эти кретины появились у нас в доме по наводке болезни Демиана. Совсем не удивлюсь. Потому что если бы мальчика не забрали, он бы вылечился. И всем планам конец. Никаких предзнаменований, никаких всадников на бледных конях. Зато скаутский салют, выпускной, колледж...

Третий труп я нахожу на лестнице. Его тоже разорвали собаки, и довольно давно. Рядом с телом лежит нетронутый автомат. Должно быть, его просто некому подбирать. Жаль, мои лапки не приспособлены для таких игрушек — ну почему мне не досталось тело какого-нибудь сраного трансформера?!

Дом наполнен спокойной тишиной заброшенного места. Но где-то под крышей, на пятом этаже, мой тонкий слух всё-таки распознает какую-то возню и слабый голос. Хозяин здесь!

Я так спешу к автомобилю, что не успеваю додумать одну тревожную мысль о том, что если киднапперы мертвы, кто опекает хозяина сейчас? Мои мозги сделаны из ваты, это сильно сказывается на мыслительных способностях, увы. Поэтому я оказываюсь совершенно не готов ко встрече с собачьей стаей на выходе из здания.

Первая же собака сбивает с ног, я только чудом умудряюсь поцарапать ей нос. Тварь отскакивает, а на меня бросается вторая, не давая подняться. Бью её второй лапой, но удар приходится вскользь, и вместо того, чтобы оторвать суке голову, я лишь отгоняю мерзкое животное. Плохие собачки! Плохие! Третья шавка хватается за плечо, разрывает мягкий плюш и намертво цепляется в лямку рюкзака. Дура! Ловко вскрываю ей горло и отпихиваю агонизирующий труп к остальным блохастым. Вы только посмотрите, как испачкали меня! Фу!

Стая мешкает, и я успею подняться на ноги и заскочить обратно в дверной проем. Теперь твари могут добраться до меня только

спереди, и уж тут я накормлю их железом до отвала. Подходите! Ну!

Только сейчас я понимаю, что мы дралась в полной тишине. Ни лая, ни визга. Даже сейчас собаки стоят и смотрят на меня молча. Одна, две, три. Слишком много для маленького медвежонка.

Раненная лапа плохо гнётся, но я всё же умудряюсь освободить лямку, переложить нож и осторожно снять рюкзачок со спины. В нём лежит тот самый смартфон, связанный с автомобилем, и функция удаленного управления может работать в ручном режиме...

Всё происходит одновременно. Авто врывается в стаю, а одна из собак, самая сообразительная, прыгает на меня. Мы катимся по полу, нож отлетает в сторону, и я пихаю ей в пасть смартфон, который тут же трещит под крепкими зубами. Собаке больно — осколки тачскрина впиваются в нёбо и язык. Она пытается выплюнуть железку, но я бью по голове. И ещё. Ещё! Получай! Получай!

Снаружи металл и пластик скрежещут о каменную кладку, наконец-то я слышу жалобный визг, словно чары развеялись. Нашариваю нож и возвращаюсь к оглушенному животному, чтобы добить.

Что и говорить, это были очень плохие собачки.

Пабло жив, только слегка помят. Развязываю его и напрягаюсь, ожидая подвоха. Но святой отец собран, серьёзен и почему-то даже не пытается меня убить. Он берёт сумку, которую я собрал для него, заглядывает, кивает. На долю секунду мне кажется, что я замечаю в углу минивэна что-то белое, похожее на пух, но это неважно, и я выбрасываю мысли об этом из головы. Вопросительно вскидываю голову, Пабло облизывает губы и кивает в ответ.

Веди меня, говорит он, будто уже знает, где мы и зачем.

Я веду.

Лестница очень долгая, поэтому священник несёт меня на руках, демонстративно не обращая внимание на окровавленное лезвие у груди. Проходим мимо трупа с автоматом и бесполезное железо жалобно звякает во тьме. Мы продолжаем восхождение.

Если выживу, если когда-нибудь найду человека, который придумал плюшевого медведя без рта, зашью идиоту рот проволокой. Мне очень хочется объяснить Пабло, что я заварил эту кашу не ради рода человеческого. Я хочу своего хозяина назад. А болезнь... Если бы я просто бросил мальчика, тот бы умер и всё закончилось. Но я хочу Демиана назад и выпущу святому отцу кишки, если он убьёт парня.

Вот бы еще как-нибудь объяснить это Пабло...

На пятом этаже когда-то был зал для совещаний или что-то в этом духе. Гигантская комната с завалами сломанной мебели по углам. Крыша вся в дырах. Сквозь них можно было бы рассмотреть звёзды, но звёзд нет. Есть только грязные облака. Ковролин на полу весь

изрисован, и линии не сразу складываются в моей голове в знаковый пятиконечный узор. В центре пентаграммы сидит Демиан. Он ужасно похудел, стал похож на скелет, непонятно как его ещё держат худенькие ножки-веточки. Когда-то светлые волосы стоят колтуном. Он видит нас. Он страшно зол: верхняя губа приподнимается, обнажая зубы. Грязные пальцы скрючиваются, как когти хищной птицы. Демиан делает к нам шаг, затем ещё. Ещё.

Если бы я мог плакать, разревелся бы без стеснения. Но мишки не плачут, поэтому я только крепче сжимаю рукоятку ножа. Позади меня Пабло опускает на пол сумку с Библией, распятием, баночками с водой. Делает шаг вперёд. Тогда-то я понимаю, что ничего из этого не пригодится. Что кресты и звёзды, между которыми мы теперь стоим, ничего не значат. И единственные настоящие вещи здесь, — это умирающий в измученной плоти демон и далеко не святой отец.

Они стоят друг напротив друга, всего в нескольких шагах. А я... не знаю, что мне теперь делать. Сраная собака сожрала телефон, и уже не позвонить 911. Остаётся ждать, и копить решимость. Если Демиан победит, я убью его. Потому что лучше так, чем как сейчас. Мальчик должен получить свободу. А потом я переверну тут все вверх дном, найду растворитель, обольюсь и сожгу себя нахрен.

А если победит Пабло?

Крыша скрипит, словно устала держать небо и вот-вот рухнет. То здесь, то там балки начинают потрескивать, словно что-то тяжёлое ходит по ней. Сквозь дыры с неба падают маленькие белые комочки. Сначала мне кажется, что это первый в уходящем году снег, но один из них опускается мне на лапу, и я вижу, что это маленькое пёрышко.

ПОЛОВИНА

Знакомый парень снимал каморку у одной бабки.
Жизнь со старухой — полная жопа и компромисс.
Единственный бонус — это довольно скромные бабки,
которые ему назначила престарелая мисс.
Анна Петровна была незамужней чайлдфри без родственных
связей,
до гробовой доски обрученная с зомбоящиком.
Но это намного лучше, чем с пьяницей дядей Васей

Или, того не легче, с интеллигентным ящером,
который сейчас сидел бы и зырил порево,
а после долго сопел и кряхтел в сортире.
Еще и лекции вел в какой-нибудь школе бы
о том, что ебаться надо в презервативе.
Пожилая дама всегда была при полном параде:
пять сантиметров пудры скрывали ее лицо.
Черты Мэрлина Мэнсона проступали в ее одноглазом взгляде
с черной подводкой и в шмотках, надетых заподлицо.
Приятель ходил на цырлах по одной половине,
ночами какмыш лежал, боясь двинуть рукой-ногой;
днем опасался лишний раз перед ней появиться,
встретить на кухне, в ванной, увидеть ее нагой.
А вдруг старуха возьмет и резко поднимет платье?
И вот тут-то взору предстанет нечто такое,
что убивает сразу, чего нельзя описать, и
она подойдет вплотную, зажав ему рот рукою.
Однажды она исчезла, ее не было около месяца.
И вот звонит телефон (на рингтоне песня Шакиры).
И врач ему говорит, что с бабкой случилось месиво:
что ей отрезало ноги. И наповал шокировал:
- Пенсионерка Зуева бросалась в метро под поезд
на почве несчастной любви к своему квартиранту якобы. —

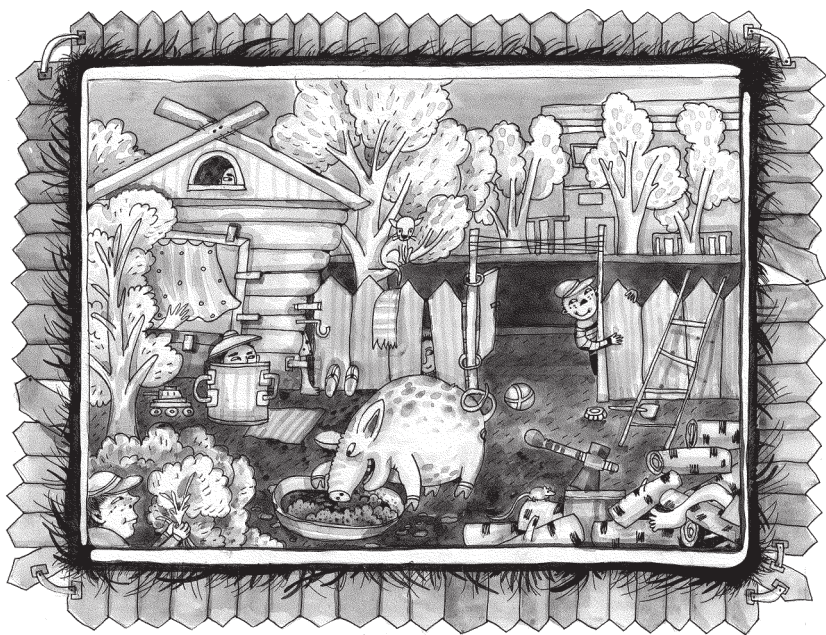
И тут оказалось: парень готов на моральный подвиг:
он твердо решил с калекой сочетаться законным браком.
Законным, а не фиктивным — не ради квадратных метров.
Пусть старая и без ног — он станет ее мужчиной,
единственным на всю жизнь. К тому же все люди смертны:
не факт, кто умрет вперед и по каким причинам.
Он эту тему спокойно озвучил мне как подруге.
На все вопли, сопли, истерики он забил.
В больнице молча взял обрубок тела на руки,
отнес домой и в фактический брачный союз вступил.
И хоть он вступил в союз с половиной тела,
с одной второю, собственно, образно говоря,

он совершил по сути благое дело:
его никчемная жизнь прожита не зря.
И пусть все вокруг корыстны, грязны, убоги,
но подвигу в жизни по-прежнему место есть:
она на алтарь любви положила ноги,
а он свою никому не нужную честь.
При том, что супруга тоже была невинной,
себя соблюдая для него на исходе дней.
Теперь он с любовью зовет ее «половиной»,
немного смущаясь и нежно склоняясь к ней

— Любовь бывает разная: между мужчиной и женщиной, между двумя мужчинами или двумя женщинами, но мы сегодня будем говорить о любви к Родине...

Из анекдота

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Р — значит РОДИНА

ЭДУАРД ШАУРОВ

ПРЕДАТЕЛИ

Проклятье! Вика вмазала ладонью в панель идентификатора. Плита лопнула на четыре сегмента, и молодая женщина влетела в помещение главного капонира. Влетела и стала, как вкопанная. В капонире гуляли. Человек тридцать из энергетиков, пусковиков-траекторщиков, наладчиков, транспортников, пара-тройка знакомых лиц из особой группы прикрытия. Пахло коньяком и апельсинами. На консоли центрального пульта стояли бутылки, стаканчики, тарелочки со снедью, раскрытые банки консервов. Незваная гостья стояла среди этого оживлённо-радостного полуброуновского балаганчика, чувствуя, что вот-вот лопнет от бурлящей злости — кулаки уперты в бедра, подбородок вперёд, светло-каштановые, подсвеченные люмиксом прядки модной прически торчат, словно солнечные протуберанцы.

— Какого чёрта? — яростно проговорила Вика, обводя глазами фуршетную толкотню. Её, как и следовало ожидать, никто не услышал, зато в дальнем конце зала, у длинного обзорного иллюминатора, мелькнула знакомая, почти квадратная фигура директора станции. Аслан Бейбитович со стаканчиком в одной лапе и мандарином в другой разговаривал с несколькими траекторщиками. Сжав зубы, Вика решительно двинулась в сторону начальства, но тут её поймали за рукав. Зал повернулся, и сквозь пелену гнева проступило лучезарное лицо Володьки Камынина.

— И ты здесь! — весело сказал Володька. — А почему без зунд грамм?.. Юстас! — крикнул он, оборачиваясь в сторону центральной консоли. — Выпивка ещё осталась?

— погоди, — отчеканила Вика, измеряя Володьку почти ненавидящим взглядом. — Да что у вас тут вообще творится? Меня уже четыре часа не выпускают из ангара, а вы тут водку пьёте...

— Не водку, Викуля — коньяк! Замечательнейший армянский коньяк.

Светлоглазый Юстас Пайвичус возник откуда-то справа, а в руке у Вики появился белый стаканчик с ароматной коричнево-янтарной жидкостью. С другой стороны, улыбаясь во все тридцать два, Камынин протягивал тарелку с канаше.

— Да что происходит-то? — Вика, хмурясь, озираясь по сторонам. Володька толкнул её в бок.

— Поздравь. Мы сделали пробный запуск, — сказал он, весь лучась счастьем.

— Третья РКМ? — До Вики наконец начало доходить.

Володя и Юстас радостно закивали.

— Теперь не нужно возить с Земли разгонные блоки, — похвастался Камынин. — Теперь у Лунограда полное транспортное самообеспечение!

Вика сосредоточено почесала переносицу:

— Значит, вот почему меня не выпускают с самого утра...

— Ну да, Бейбитыч велел на время отстрела задержать все полевые выходы.

— Рэшники защиту развернули над площадкой, — добавил Юстас. — Кажется, сшибли пару беспилотников... чтоб не шпионили. То-то теперь юшки развоняются.

Вика зло поглядела на довольного Пайвичуса. Она не любила, когда американцев называли янками или юшками.

Юстас слегка смешался.

— Они же нас зовут сошами, — проговорил он, продолжая улыбаться.

— Лично меня сошей никто не зовёт, — жёстко сказала Вика и, развернувшись, двинулась через праздничную толкотню туда, где давеча заметила широкую спину директора.

— А выпить? — возопил ей вслед Володька.

Вика, не оборачиваясь, взмахнула стаканчиком.

Директор научно-производственной станции «Луноград-Ц» Аслан Бейбитович Рагимов имел удивительнейшее свойство характера: мало кому удавалось поссориться с ним всерьёз, даже обижаться на директора не получалось толком. Вика четыре часа копила в себе холодную ярость. Четыре часа, звоня по всем номерам, бегая по ярусам станции: от лабораторий специалистов до конференц-залов, от блока администрации до кают-компаний, она генерировала в себе злость, проговаривала в уме обидные обличительные слова, а теперь, оказавшись рядом с Рагимовым, вдруг поняла, что весь боевой настрой испарился, будто вода в жаркий полдень. Аслан Бейбитович прервал беседу и обернулся. Широкие азиатские брови приподнялись домиком, над правой — тёмный треугольник, след имплантации микрочипов, и без того придающий директорскому лицу перманентно внимательное чуть удивлённое выражение.

— Виконька, — прогудел Рагимов. — Хорошо, что ты здесь. Я совсем закрутился... У тебя же, кажется, плановый сегодня... ..

— Да, — устало сказал Вика, — плановый. У меня, Аслан Бейбитович, «гильгамеш» с десяти часов стоит под парами, а Резо не выпускает из ангара. Я вам звоню — вы недоступны, я ищу — вас нет нигде. Я полстанции оббегала, пока мне Вадик Панов не подсказал, что нужно искать в капони́ре.

Чёрные узкие глаза смотрели внимательно, сочувственно и даже чуть виновато.

— Виконька, прости, ради бога. — Аслан Бейбитович бережно взял Вику за локоть. — Сегодня испытывали третью модификацию

катапульти, сама понимаешь, процедура опасная и очень секретная, наши уважаемые партнёры, они ведь бдят.

Вика невольно отвела глаза.

— Пришлось на пару часов отложить все выходы, поставить электронную блокаду сектора, — продолжал Аслан Бейбитович, — но я прямо сейчас позвоню Резо.

— Спасибо, — сказала Вика.

Она глядела в иллюминатор, на конструкции пусковой катапультной площадки, откуда на расчетную траекторию выводились контейнерные капсулы с рудой, прямо до земной орбиты. С расстояния в десяток километров, пусковая площадка выглядела совсем небольшой и походила на стадион с раздвинутой крышей. Директор вышел, подключая свой комм.

— Да! — спохватившись сказала Вика. — Аслан Бейбитович, я забыла вас поздравить с запуском.

Полные губы расплылись в улыбке:

— Всех нас, Виконыкка, всех нас. С шарика уже прислали официальные респекты. Это ведь снижение затрат минимум на сорок процентов. Остаётся отладить вторую очередь комбината, а там, глядишь, и экспорт обогащённого гелия на альма-матер. Не они нас, мы их кормить будем... Ты берешь «гильгамеш»?

Вика кивнула. Ходить в одиночный поиск на «трёшке» или «варане» было куда логичнее, поэтому каприз на пятиместный «гильгамеш» время от времени приходилось отстаивать.

— Аслан Бейбитович, — начала Вика, — в «варан» оборудование приходится чуть не домкратом упихивать, а на «трёшке»...

— Ладно, ладно, — добродушно прогудел Рагимов. — Ты лучший недролог в отряде. База не обеднеет, если лучший недролог возьмёт один «гильгамеш». Главное, чтоб результат был... Резо! Ты меня слышишь? Резо? Таякша басына...

Директор пошевелил дугу наушника.

— Ладно, — сказал он, — пошли, провожу тебя в ангар, — и, заметив в руке собеседницы так и не выпитый коньяк, поднял свой стаканчик.

— Нет, — решительно сказала Вика. — Мне ещё ехать четыре часа, а график из-за вас и так полетел, так что я воздержусь.

* * *

«Гильгамеш», вразнобой подпрыгивая десятью решётчатыми колесами, мчался по Заливу Зноя навстречу ослепительному солнечному софиту, висящему почти над лунным горизонтом. Длинные тени неслись под днищем вездехода, ломались пугающими провалами. Прямо над головой висел равнодушно шар Земли с затенённым ущербным краем. Залив зноя... Sinus Aestuum... Sinus, в переводе

с латыни, означает «свищ». Чем ближе к предгорьям Апеннин, тем больше ландшафт подходил к слову «sinus». Вика изо всех сил нажимала на джойстик, бросая машину то влево, то вправо. Едва вздох спустился с аппарели транспортного ангара, она выключила автопилот, и вот уже почти три часа вела вручную на предельной скорости, рискуя перевернуться на особо крутых виражах. Порой «гильгамеш» в слабой лунной гравитации подскакивал так, что все колёса отрывались от грунта, потом бухался обратно, поднимая фонтаны медленно оседающей пыли. Вика, охваченная страховочными ремнями, тоже подлетала в пилотском кресле, плюхалась на сиденье и снова давила газ. Время от времени её глаза в который раз находили часы на панели управления, и вид циферок в чёрном окошке экране с утроенной силой гнал её вперёд. Встреча назначена на шестнадцать тридцать, а часы уже сейчас показывали половину шестого. Так долго ждать в условленном месте слишком рискованно, слишком... А нервы ни у кого не железные. Даже думать не хотелось о том, что сегодняшние усилия могут запросто пойти прахом, ведь встреча нужна позарез — вопрос жизни и смерти. И если сегодня всё сорвётся, то другого шанса может уже и не быть. Проклятые испытания! Проклятая катапульта! Проклятый Рагимов!.. Конечно, можно было выйти в эфир на большерадиусном передатчике, попытаться установить связь, но это тоже очень опасно: большинство частот регулярно прослушиваются. И Вика, стискивая зубы, жала стремя педали, невольно представляя, как разлетается, попав в каверну, сетчатое колесо.

Часы показывали шесть с небольшим, когда «гильгамеш» наконец вышел в то место, где Залив Зноя соединялся с Морем Дождей, немного восточнее кратера Эратосфена. Про себя Вика всегда называла эту долинку, утыканную редкими клыками скал, явочной долиной. Здесь кончался советский сектор и начиналась километровая разделительная полоса, а дальше, за полосой — владения американцев, юшей, янок, вечных геополитических «партнёров». Над нейтралкой время от времени летали беспилотники, и наши, и американские, и попадаться в поле их зрения не тянуло категорически.

Вика сбросила скорость и медленно повела вздох вдоль высокого шербагого выступа, похожего на спину лежащего дракона. По эту сторону она ещё была на своей территории, а дальше становилась вроде как нарушителем госграницы. Ощущая себя шпионкой из древнего романа, Вика преодолела последние метры каменного хвоста, выехала на открытое пространство и остановилась. Маленькая долина была пуста. Всем телом подавшись к выпуклому стеклу блистера, Вика рассматривала торчащие из серого реголита серые камни; обычно маленький полосатый вздох Алекса Мура она замечала почти сразу, но сегодня в долине были только камни. «Может быть, он тоже

опоздал?» — мелькнула в голове наивная идея, но додумать её Вика не успела. Непроницаемо-чернильная тень у крупного валуна вдруг шевельнулась, материализуясь в высокую фигуру, одетую в незнакомый чёрно-жёлтый скафандр с эмблемами на рукавах. Совершенно незнакомый скафандр с непроницаемо серебристым шаром затемнённого светофильтра шлема. По Викиной спине пробежал озноб, пальцы стиснули рукоять джойстика. Неужели вляпалась? Человек решительно шагнул вперёд, выныривая из тени, наверное, он сидел там совершенно невидимый, привалившись спиной к камню. Вика потянула джойстик на себя. Тяжёлый «гильгамеш» дёрнулся назад, и тут же фигура в серебристом шлеме условным жестом скрестила руки над головой, затем помахала ладонью и показала, что идёт к бортовому шлюзу.

Чувствуя, как оттаивают мышцы спины и шеи, Вика длинно выдохнула и бессильно откинулась на спинку кресла, затем спохватилась и принялась торопливо отстёгивать страховочные ремни. Она оказалась у внутреннего люка запасного кессона, когда зелёный индикатор уже мигал, сигнализируя о том, что гость вошёл в шлюз. Едва дождавшись, пока выровняется давление, Вика потянула рычаги задвижки, люк раскрылся, и высокая фигура в чёрно-жёлтом скафандре вывалилась в неширокий коридорчик между каютами, полевой лабораторией и душем. Серебристый шлем, стукнувшись о стену, покатился куда-то под ноги. Ранец СИЖОСа полетел туда же, и радостный взъерошенный Алекс судорожно начал выбирать из скафандра. Левая вакуум-застёжка никак не хотела открываться, и Вика в перерывах между поцелуями дёргала её обеими руками, пока толстая ферропиленовая ткань наконец не разошлась, выпуская на свободу торс и руки, затянутые в белое термотрико. «Так-то лучше, так-то лучше»... — задыхаясь, шептала Вика. Целоваться, не натыкаясь на жёсткое кольцо ворота, и вправду было намного лучше, и не упрятанные в толстые перчатки руки гладили спину, обнимали талию, путались в волосах. А Вика всё целовала смеющееся скуластое лицо, и крепкую шею, и пшеничные усики. «Пришёл, пришёл, пришёл... — стучало в висках, вытесняя к чертям все ненужные затхлые мысли. — Пришёл!» Путаясь в тяжёлых штанинах скафандра, Алекс потянул её к одной из кают, но Вика, с трудом оторвавшись от его губ, выдохнула: «В рубку». Невероятная волшебная сила (глупо списывать волшебство на малую тяжесть), подняла её вверх, к потолку и, волоча за ногами несносный скафандр, прямо по воздуху вынесла в рубку. Тихо смеясь, Вика рухнула с высоты в упругие подушки дивана, изо всех сил прижала, притиснула к себе того, о ком безумно, почти по-звериному скучала два последних месяца и почувствовала себя совершенно счастливой. В потолочное окно вездехода глядела молочно-ультрамариновая Земля, а на глаза наворачивались слёзы...

Глазунья походила на архипелаг из четырёх белоснежных вулканических островов, увенчанных соблазнительно оранжевыми глазками горячей лавы. Сам круглый стол походил на модель допотопной плоской Земли (не хватало разве что слонов с китами), а Алекс в разовом тренировочном костюме, наверное, являл собой модель всевышнего небожителя. Нагнувшись вперёд, он поддел вилкой зажаренный пористый край и осторожно положил кусочек в рот. Уютная утренняя Вика, закутанная в мохнатый белоснежный халат, сидела по другую сторону столешницы. Подбородок её опирался о розовые ладони, а глаза, ещё подёрнутые мягкой ночной поволокой, смотрели на жующего мужчину с мечтательной нежностью.

— М-м-м, — промычал Алекс, собирая хлебом растекшийся глазок. — Фантастика! — Он выпрямился, вспоминая слово. — Обалденно.

— Обалденно, — поправила Вика.

— Обалденно! А у нас сплошные концентраты. Ты точно не хочешь? Вика, улыбаясь, покачала головой:

— Я уже съела йогурт.

— Йогурт... — Алекс скривился. — Немногим лучше концентрата. — Он облизал вилку. — И как вы русские, умудряетесь возить на свою станцию деликатесы вроде яиц? Доставка же стоит *обалденных* денег.

— Это местные яйца.

Алекс недоверчиво приподнял бровь, затем засмеялся и погрозил пальцем.

— Да нет, я серьёзно, — сказала Вика.

— Серьёзно? — Серые глаза округлились.

— Несушки живут на нижнем ярусе станции. Настоящая ферма. Правда, корм приходится в основном завозить.

Алекс уважительно выпятил подбородок.

— Если рассказать парням на «Эскалибрусе», — произнёс он со странным выражением, — то они наперегонки кинутся заводить русских любовниц.

— Русские любовницы — роскошь, доступная далеко не всякому, — сказала Вика назидательно.

Она быстро протянула руку, чтобы щёлкнуть мужчину по носу, но Алекс ловко увернулся и поймал её за запястье.

— Только самым талантливым, храбрым и, как это... безбашенным, — перечислил он, поочерёдно целуя Викины пальцы, — *tough guys*.

— *Crazy guys*, — сказала Вика. — Это же надо только додуматься. Запустить вездеход в автономке по маршруту, а самому сидеть под камнем. Ты псих.

— Ничего не псих, — пробурчал Алекс примирительно. — Я всё держал под контролем.

Вика взялась свободной рукой за голову:

— Под контролем? А если бы я вообще не приехала?

— Смеси в ранце на четыре часа, плюс полчаса аварийного запаса, — рассудительно сказал Алекс. — Не появись ты через двадцать минут, я бы дал по рации команду на возвращение.

— А если авария? Колесо попало в расщелину? Сбился курсор? Глюкнул драйвер?

— У нас драйвера не слетают.

— Это у нас не слетают, а у вас за милую душу.

Алекс пошевелил пижонскими усиками, но возражать не стал.

— Слушай, — сказал он, глядя в бронированное окно, за которым медленно ползли тени Лунных Апеннин, — ты можешь запустить скаут? Хотелось бы посмотреть всё ли там о'кей с моей «шабути».

— Теперь он волнуется за свою сверхнадёжную тарантайку, — победоносно резюмировала Вика.

Алекс, не дав девушке договорить, стянул её со стула и усадил к себе на колени.

— А можно и не запускать, — весело проговорил он, целуя Викину шею. — Чёрт с ней, с тарантайкой, тарантайка подождёт. (Ласковая рука скользнула за отворот халата). У меня есть идея получше.

— Какая идея? — прошептала Вика.

— Давай ни о чём не думать, целый день ходить голыми и заниматься любовью. Твоя идеология разрешает тебе ходить голой?

— Пока я не получаю с этого прибавочной стоимости...

— Плевать на прибавочную стоимость, — пробормотал Алекс, стягивая халат с Викиных плеч.

* * *

В четверг они всё-таки сделали остановку. Променад носил комбинированный характер: небольшая разминка с установкой кое-какой селенологической аппаратуры. Алекс не возражал. Сидя на корточках над вскрытым блоком бурового разведчик-анализатора, Вика украдкой наблюдала за движениями партнёра. Алекс Мур работал ловко и быстро, и Вика почему-то вдруг вспомнила их первую встречу на международном тренинге; Евразийская Недрологическая Ассоциация время от времени проводила подобные мероприятия, приглашая на них молодых специалистов из капстран Северо-Американского Альянса, Британской Коалиции и Неприсоединившейся Аравии. Перед глазами вспыхнули огни небоскрёбов Шанхая, сорокаметровые фонтаны, летучие баллоны ветровых энергостанций и высокий сероглазый американец с гипнокурсом базового русского и модной по тому сезону причёской «бешеный дикобраз». У них закрутилось как-то сразу, почти без всякого разгона: прогулки по набережной, танцы, маленькие китайские ресторанчики,

потом номер в отеле «Алмазный дракон», две недели безумной всепожирающей страсти. Вика рассталась с Алексом без особой надежды на ещё одну встречу (общение по электронке отпадало потому, что большинство посланий и туда, и оттуда банилось штатовской системой безопасности). Но они встретились снова, совсем уж неожиданно, на Луне, на станции «Эскалибрус», куда после аварии трёх подряд «шатлов-моди» русским и китайцам пришлось перебрасывать аварийный запас продовольствия и сменных пластин лучевой изоляции. Вика столкнулась с Муром в переходе, ведущем к складам, и вдруг отчётливо поняла, что любит Алекса несколько не меньше, а может, даже и больше, чем два года назад, и всегда любила, и намеренна любить дальше, изо всех сил. Уже четыре года длился их тайный лунный роман, они встречались урывками, контрабандой, подгоняя друг под друга сроки своих длинных вахт, обманывая начальство, друзей, систему и, наверное, самих себя...

Вика вздохнула. Она поглядела направо, где высилась изрытая складами равнодушная громада хребта Монс Волф, освещаемая диском Земли, затем налево, где в пологой ложбинке тлели огоньки «гильгамеша».

— Я закончил, — раздался в наушнике голос Алекса.

Здесь, в стороне от баз и торных маршрутов, парочка достаточно безбоязненно пользовалась стандартными узкорадиусными передатчиками.

— Отлично, — похвалила Вика. — Остался ещё один.

Алекс в несколько длинных прыжков взобрался на холмик, где девушка крепила к грунту опорные ножки бурового агрегата. Бесшумно защёлкнув корпус, Вика поднялась на ноги.

— Я понял! — радостно сообщил Алекс, останавливаясь напротив подруги. — Вы, русские, просто хитрые эксплуататоры, используете любовь и братство, как рычаги давления и психообработки. Ещё немного — и я набыю на груди серп и молот.

Вика засмеялась.

— Но, если честно, — Алекс понизил голос, — ходить голыми куда интереснее, чем рыться в реголите.

— Если ходить голыми три дня подряд, то можно набить к этому интересному делу оскомину, — безжалостно сказала Вика

— Оскомину?

— Когда зубам кисло.

Алекс кивнул, запоминая.

— Обычно, — Вика сделалась серьёзной, — в реальном поиске, я намечаю десяток перспективных площадок, если есть результат, то две включаю в отчёт, а другие две оставляю на потом, чтобы оправдывать наши с тобой уик-энды. Прошлый поиск был не очень удачным.

— Сочувствую, — сказал Алекс. — Но, когда вернёмся, опять будем ходить голыми.

— И обожамся вареньем, — добавила Вика

— А, что, есть варенье? — Лицо Алекса сделалось хищным.

Вика развела перчатками:

— Варенья нет. Варенье мы с тобой в прошлый раз съели, обе банки. Но насчёт бонусов я что-нибудь придумаю ... Гляди. — Она подняла руку указывая на север. — По-моему над хребтом идёт беспилотник.

Они принялись смотреть на север, где над скалами действительно летела светящаяся точка. Алекс приложил к шлему перчатку.

— Слушай, — сказал он как бы между прочим. — А тебе не видно: наш аппарат или ваш? У тебя на визоре зум получше.

Вика услышала напряжение в голосе Алекса, она опустила визор и попыталась рассмотреть:

— Вроде наш... а может и ваш. Отсюда не разобрать

— Не боишься, что твои нас сдадут? — спросил Алекс очень серьёзно. — Потом будут разные вопросы...

Вика покрутила головой:

— Даже если камера чего и снимет, то ребята на пульте меня прикроют.

— Ты в этом уверена?

— А то, — сказала Вика. — Стась ни за что не станет говорить такие вещи начальству, не сказав сначала мне, и Аймо тоже, а Олег, по-моему, вообще ко мне неровно дышит.

— Хороший стимул, — пробормотал Алекс, в его голосе прозвучали нотки скепсиса.

— Какой уж есть. Знаешь лучший?

Беспилотник поравнялся с наблюдателями и начал удаляться. Алекс, вытянув шею, с беспокойством следил за удаляющимися огоньками выхлопа.

— Я плачу Райсу раз в месяц, чтобы быть уверенным на сто процентов, — сказал он наконец. — Это гораздо надёжнее.

— Ну, тогда не о чем беспокоиться, — Вика весело похлопала его перчаткой по плечу. — Пошли анализатор ставить, а то время уже к обеду.

— Пошли, — задумчиво согласился Алекс.

Он ещё раз оглянулся на огонёк в чёрном небе и попрыгал вслед за Викой.

* * *

В пятницу они поссорились. Неделя неумолимо катилась к концу, и грядущая разлука висела над влюблёнными, точно тёмная туча. Мысли о скором расставании выводили обоих из равновесия, раскачивали и без того ненадёжное судёнышко их полулегального существования. Оба ждали финала, который не мог не наступить, и который они пока не в силах были поменять.

«Гильгамеш» неспешно полз по безжизненному, изрытому кратерными оспинами, плато. Пол под ногами чуть покачивался,

удерживаемый компенсаторами и лазерными гироскопами, за окном по-прежнему шевелились бархатные тени.

Засунув руки глубоко в карманы брюк, Алекс механически расхаживал по рубке, совершая петли вокруг столика, на котором стояла початая бутылка с магнитным донышком и пара недопитых бокальчиков с лёгким красным вином.

— Ты несёшь бред, — говорил он почти сердито. — Наши страны уже сто лет враждуют. Мы слишком разные.

— Но нам-то с тобой это не мешает... — Вика, подтянув колени к подбородку, сидела на диване и следила за челночными перемещениями Алекса.

— Мешает. Просто ты этого не понимаешь. Ты ведь не соглашаешься, что здоровая конкуренция — двигатель экономики.

— Бред, — Вика покрутила головой. — У нас нет конкуренции в твоём понимании, а промышленность развита не хуже вашей.

— Возможно, даже лучше... — самоотверженно признал Алекс. — С поправкой на нашу долгую стагнацию и теперешний спад. Но это всё законы экономики, а вы, извини, пытаетесь ходить на руках. Такое противоестественное трюкачество не приведёт ни к чему хорошему. Попомни мои слова: через десять лет Союз покатится туда, где был семьдесят лет назад. У вас нет стимула. Ваша система не даёт высоких стандартов потребления. Вы наступаете на одни и те же грабли.

— Стандартов потребления, — передразнила Вика. — Зато наша система обеспечивает приемлемые условия жизни абсолютно каждому гражданину.

От возмущения Алекс даже остановился на месте.

— Но не *каждый* достоин этих условий. Вы кормите недостойных за счёт достойных, например, тебя... Вот смотри, — он ткнул себя пальцем в грудь, — у меня в собственности вилла на побережье Западной Флориды: два этажа по полторы тысячи квадратов, с пальмами и бассейном, солнечный генератор на крыше и мои личные, заметь, только мои, два акра побережья. И всё это заработал я. Я много пахал, я состоятельный человек и теперь могу валяться на собственном пляже.

— Под собственным Солнцем, — пробормотала Вика.

Алекс посмотрел на неё сердито.

— А что у тебя? — спросил он, игнорируя Викин выпад. — Трёхкомнатная квартира в каком-то Красноярске? Квадратов сто или сто двадцать? Да и не твоя, а не пойми чья.

Вика опустила ноги на пол.

— Дай мне вина, — попросила она.

Продолжая негодовать, Алекс шагнул к столу, взял с него бокал и протянул Вике, та задумчиво взяла пузатый стаканчик и зажала его между коленей.

— В твоих рассуждениях есть глобальная ошибка... В ваших рассуждениях. — Девушка провела пальцами по кромке бокала. — Философия испуганных одиночек. Вы не верите в завтра, не верите в правду, не верите в людей, оттого отчаянно пытаетесь захватить кусочек мира, как будто, если выпустить его из лап, он перестанет существовать или станет хуже. Как ты не поймёшь, мне не нужна большая квартира впрок, потому что, когда она станет мне нужна, я всегда смогу её взять и отдам, когда необходимость исчезнет. А если я захочу купаться, то я пойду на Енисей, от моего дома до центрального пляжа пять минут ходьбы, или поеду на скоростном монорельсе до Ялты, или полечу в Гавану, в Рио, на Корсику, до Гоа всего два часа лёта... И не надо копить, откладывать на старость, работать на счёт в банке. Неужели здесь, на Луне, мы роемся в реголите только за деньгами? Это же просто смешно.

Нахмуренный Алекс ещё раз прошёлся взад-вперёд и сел на край дивана.

— А как же личная свобода? — спросил он мрачно.

— А что у нас не так со свободой?

— Допустим, я приеду в Союз и попытаюсь открыть бар?

— Ты же не хочешь приезжать в Союз.

— Ги-по-те-ти-чески, — сказал Алекс.

— Думаю, особых проблем не будет. Открывай, корми, плати налоги.

— Угу. А если я попробую открыть стрип-бар?

Секунду Вику думала:

— Думаю, у тебя возникнут серьёзные проблемы с поиском танцовщиц.

— Советским женщинам не нужен заработок?

— Такой? Навряд ли, — серьёзно сказала Вика. — Вокруг слишком много нужной и интересной работы, чтобы соблазняться на квалификационный нонсенс. Хуже того, я думаю, ты не найдёшь и зрителей.

— Серьёзно? Ниша, насколько я знаю, свободна. Значит, есть спрос.

— Она свободна потому, что никому не интересна. Ведь это в сущности достаточно унизительно и не очень чистоплотно. Любой из моих знакомых предпочтёт какой-нибудь ледовый карнавал, акробатическую оперу, трансформер-шоу, просто поход в горы.

— Что такое трансформер-шоу? — сердито спросил Алекс.

— Сложно объяснить, нужно смотреть, — сказала Вика, чувствуя неловкость. — Постоянно забываю про ваш железный занавес.

— Ваш железный занавес, — поправил Алекс.

— Ваш, Лёша... ваш, — Вика пододвинулась к непримиримому оппоненту, обхватила руками напряжённые плечи, прижалась подбородком к спине.

— Ты так думаешь, — проговорил Алекс упрямо, — потому, что никогда не пробовала. Десять против одного, тебе бы понравилось

повалиться на личном пляже... — Он замолчал на несколько секунд и вдруг спросил без всякого перехода. — Тебе никогда не хотелось сменить стороны?

— Нет, — грустно сказала Вика. — А тебе?

— Не знаю... Я слишком ценю свободу.

— Но это и есть свобода. — Губы мягко коснулись основания мускулистой шеи.

— Мы чересчур разные.

— Да, — тихонько согласилась Вика. — Ты мужчина, а я женщина...

Неизвестно, хорошо это или плохо, только девяносто процентов ссор всех влюблённых неизменно заканчиваются в постели. И почему-то никто не даёт брачному ложу премий мира.

Алекс и Вика лежали в густой, почти осязаемой тьме. Вездеход плавно раскачивался, прилежно пытаясь их убаюкать, но оба, не мигая глядели в темноту каюты. Не спалось. Мужчина лежал навзничь, закинув руки за голову, женщина свернулась калачиком и уютно прижалась щекой к его груди. Её лёгкие пальцы ласково чертили круги на твёрдом животе любовника.

— Вот что мне нравится, — тихо говорил Алекс, — так это семейные каюты в ваших вездеходах, здесь койки похожи на нормальную кровать, а не на пляжный шезлонг, и ещё здорово, что ты можешь спокойно брать на базе пятиместник. У нас, чтобы взять «шерпа», нужно написать двадцать заявок и обоснований, или дать на лапу транспортному менеджеру... Америку однажды убьёт коррупция.

Он поцеловал Виду в макушку, а затем спросил, негромко кашлянув:

— Когда организуем новый поиск? Давай попробуем выбраться к исходу третьей декады. Ладно? Условный код тот же.

Невидимые пальцы замерли.

— Ты что? — спросил Алекс в темноту.

— Знаешь, — хрипло сказала Вика, — нового поиска, наверное, не будет.

Алекс нащупал сенсор над изголовьем и зажгёт свет.

— Я не понял, — сказал он очень спокойно. — Ты не сможешь через три декады?

— Ту вот какое дело... — Придерживая у груди одеяло, Вика села. — Я давно хотела с тобой поговорить. (Алекс Мур смотрел на неё внимательными серыми глазами). — Только не знаю, с чего начать...

— Начни с начала.

— С начала? — Вика взялась за подбородок. — «Сначала» будет примерно так... Ты что-нибудь слышал про работы на Второй орбитальной верфи? Это та, которая имени Германа Титова.

— Разве что слухи. — Алекс нахмурился.

— Сейчас там заканчивается монтаж дальнего траулера-фрегата «Зоркий»...

Алекс несколько секунд молчал.

— Экспедиция в пояс? — наконец сказал он полуутвердительно.

Вика наклонила голову:

— Да, в пояс. К концу года должны быть закончены субнатурные испытания; набор и подготовка команды начинается уже сейчас. Моя кандидатура утверждена комиссией. Через три недели мне нужно быть в Алма-Ате.

С минуту Алекс лежал неподвижно, словно обдумывая услышанное, затем одним резким движением сел.

— Поздравляю, — сказал он, глядя на Викины колени. — Насколько долгим будет полёт?

— При разных раскладах от трёх до пяти лет. Два года на дорогу, остальное на исследования, поиск и захват подходящего астероида. Если удастся пригнать его к Земле, это будет настоящим прорывом.

Скулы Алекса окаменели.

— И что ты хочешь от меня? Beatification? Как это по-русски?.. Благословения?.. — Он поднял глаза. — Да. Это хороший шанс и большое дело. Кроме того, ты всё равно полетишь. Ведь так?

— Я хотела поговорить не об этом.

— А о чём?

Вика, устраиваясь, поёрзала на постели:

— Декаду назад ВСОКИ приняла резолюцию по переводу проекта «Гарпун» в широкий международный статус, то есть полетим не только мы, китайцы и индусы, квоты на участие будут выделены ещё двадцати странам. Хорошие специалисты-недрологи нужны проекту, как воздух. Думаю, с твоим профессиональным уровнем попасть в состав будет проще простого. И потом... у меня есть знакомые в комиссии, моей рекомендации им будет больше чем достаточно.

— И у вас коррупция? — Алекс невесело усмехнулся.

— Протекция, — поправила Вика, — но мне всё равно, я хочу, чтобы мы полетели вместе.

— Это в СССР и Китае вы можете брать вездеходы по знакомству, попадать в проекты нахаляву, а у нас всё это стоит денег. — Алекс рубанул воздух ладонью. — Безумную кучу баксов... Я же не могу послать заявку от себя лично. А оплатить участие через департамент у меня не хватит ресурсов, разве что дом продать...

Он поймал полный надежды Викин взгляд и оскалился в кривой усмешке:

— Давай даже не обсуждать. Это исключено. То есть абсолютно исключено. Мой дом — моя крепость, самое реальное из вложений. Недвижимость на побережье Флориды дорожает из года в год. Я ведь не хочу на старости лет снимать щитовую халупу где-нибудь в Мичигане.

— А если тебе подать заявку от Республики Аляска? — неуверенно спросила Вика. — У вас, кажется до сих пор есть соглашение о временной интертерриториальности

— Не-е-ет. С этими предателями я не буду иметь ничего общего. — Светлые усики агрессивно встопорщились. — Это тоже исключено. Викины пальцы механически мяли край одеяла.

— Вика... — Алекс опять опустил глаза. — Виконька... С этим ничего не поделать. Да, я меркантильный янки, прагматичный, как вы говорите, юшка, но такой уж я есть. Я же говорил, мы очень разные.

— Значит, не судьба, — устало сказала Вика. — Гаси свет и давай спать.

Она хотела прибавить, что утро вечера мудренее, но подумала, что это не тот случай.

* * *

К полудню субботы «гильгамеш» въехал в маленькую долину между Заливом Зноя и Морем Дождей. Длинная петля маршрута замкнулась, все слова были сказаны и точки расставлены, уик-энд заканчивался там же, где начался.

Почти всё утро Вика провела в кабине. Управление вездеходом хоть как-то отвлекало её от тоскливых мыслей. Алекс тоже был рассеян и задумчив. Ожидание разлуки, едвали не более тягостное, чем сама разлука пропитало воздух салона, заставляя обоих пассажиров неосознанно ждать хоть какой-нибудь развязки, и развязка, кажется, наступила.

— Приехали, — громко сказала Вика.

В рубке что-то загромыхало, Алекс нырнул в дверь кабины и оставился за креслом.

— Быстро доехали, — произнёс он с напускной бодростью.

— Быстро, — согласилась Вика, принимая игру в «никто никому ничего не должен», — А где твой «шабути»?

Подавшись вперёд, Алекс оглядел окрестности и радостно указал вперёд, туда, где в тени от торчащего к небу каменного зуба виднелся край полосатого борта.

— Вон он, бродяга, как на парковке... Ну что ж, мне, наверное, пора на выход.

— Погоди, — торопливо проговорила Вика, выбираясь из кресла. — Я тебя провожу.

У входа в кормовой шлюз, прежде чем надеть поблескивающие в свете ламп шлемы, они поцеловались.

— Я заведу почту со старым адресом на каком-нибудь Аляскинском сервере, их у нас обычно не банят, — сказал Алекс. — Напиши мне туда, как сможешь.

— Они же подлые предатели. — Вика бледно улыбалась.

— Плевать. Как это по-русски, не до жиру?

С минуту они молчали, чувствуя нарастающую неловкость. Наконец Алекс кашлянул и сказал, что нужно идти. Вика покорно кивнула.

Уже внизу, стоя на серой пологой осыпи, она сообразила, что, наверное, следует присесть на дорожку. Алекс, не понимая зачем, послушно сел на ступеньку короткой лесенки. У него опять сделалось задумчиво-напряжённое лицо, словно он мучительно размышлял над чем-то и никак не мог прийти к каким-либо выводам. Потом они почти разом поднялись на ноги, имитируя прощальный поцелуй, ткнулись фильтрами шлемов, затем Алекс Мур стремительно развернулся и запрыгал в сторону своего «шабути».

— Вот и всё, — уныло подумала Вика, воздев перчатку в прощальном жесте.

Дождавшись пока чёрно-жёлтый скафандр доберётся до вездехода, она тоже повернулась и полезла в «гильгамеш». Натужно провернулись рычаги запоров, люк встал в пазы, замигал жёлтый огонёк барометрического индикатора. Вика прислонилась к стене. Она едва не физически ощущала, как в голове, в груди, в животе разливается удушливая сосущая пустота, будто из тела медленно откачивают воздух. В сравнении с этой пустотой, вакуум, царивший за броневыми стенками вездехода, был сущей ерундой, и с этой жуткой змеиной пустотой предстояло жить долгих три года, а может быть пять, а может всю оставшуюся жизнь. «Делай, что делаешь, и будь, что будет», — подумала Вика. Она оттолкнулась от стены и потянулась к фиксаторам шлема, но не успели Викины пальцы коснуться застёжек, как входной индикатор над люком вдруг бешено замигал красно-синим и почти одновременно с этим в люк заколотили. Сердце в груди стукнуло и дало перебой. «Сейчас-сейчас», — бормотала Вика, промахиваясь пальцами мимо сенсоров. Жёлтая лампочка засветилась, как глаз испуганного хищника, едва слышно загудели, заработали насосы. С трудом дождавшись зелёного сигнала, Вика рванула рычаги и выскочила из шлюза, едва не сшибив стоявшего на нижней ступеньке Алекса. А тот поймал, сгрёб её в охапку, прижался к стеклу шлема. Ничего не понимая, Вика во все глаза смотрела как шевелятся его губы, и лишь спустя несколько секунд начала понимать слова.

— Во вторник! — гулко кричал Алекс. — Слышишь? Во вторник я подаю заявку в космический департамент. Если сразу оставлю в залог дом, то проблем не будет. А ты постарайся зарезервировать мне место в составе.

— Зарезервирую... — одними губами пролепетала Вика.

Волна счастья, захлестнула её, вымывая, выдавливая прочь испуганную змею пустоты. Глаза набухали слезинками.

— И чёрт с ним, с этим домом! — блестя глазами, радостно прокричал Алекс. — Всё равно пляж воняет нефтью.

В кабинет следователя по особо важным делам прокуратуры Орджоникидзевского края вошла семья. Отец, мать и сын. По возрасту ребёнок вполне годился в юноши, однако подавленность, растерянность и несчастный вид делали его маленьким мальчиком, судорожно сжимающим мамину руку в поисках защиты.

Хозяин кабинета махнул рукой: присаживайтесь, пожалуйста, взглянул на портрет Феликса Эдмундовича и нарочито медленно стал перекладывать на столе бумаги. Дело, самое непростое в его карьере, лежало на виду, но он изо всех сил старался оттянуть начало беседы. Насколько было бы легче, окажись несовершеннолетний правонарушителем, а не жертвой. Беда случилась через неделю после годовщины Великой Победы, на дворе сентябрь, а расследование же не продвинулось и на сантиметр.

— Ну что, Мария Пантелеевна, Сергей Андреевич, Миша что-нибудь вспомнил? Или, может, Миша нам сейчас сам расскажет? Не торопись, я понимаю, тебе говорить трудно.

Конечно, трудно, если до сих пор не найденные фашистские недобитки отрезали ни в чём не повинному подростку половину языка. И заодно обезобразили лицо. На левой щеке, над верхней губой и на лбу рваные шрамы, на правой щеке сеть более мелких, похожая на паутину. Опасности для жизни не представляют, вот только какой будет эта жизнь у молодого безъязыкого парня с уродливой маской вместо лица? А ведь на хорошем счету был, активист, в комсомол вступать собирался. И наверняка девушкам нравился.

Пострадавший не потерял бы слишком много крови, даже если бы все повреждения причинили обыкновенным ножом. Таких же увечий, как эти, следователю видеть не доводилось. Края разрезов выглядели так, как будто их кто-то прижёт. Кровотечения не было, боли, поначалу, тоже. Потерпевший сразу и не понял даже что с ним случилось. Ушёл в лес за грибами, недалеко и потому один, потерял сознание, когда пришёл в себя — потихоньку поковылял домой. Голова кружилась, перед глазами туман, мутило. Дома не было никого, лёг спать, проснулся от криков матери, заметившей шрамы. Потом пришла боль, физическая, следом душевная.

Встречал ли кого по дороге, видел ли что в лесу, слышал ли шаги перед нападением — подросток вспомнить не мог. И что толку в этих беседах? Лес и окрестные дороги прочесали, местных жителей опросили — всюду одна и та же картина, — Ой, да за что ж такое эти фашисты недобитые с ребёнком сделали, ой поймите их скорее, нет, никого из чужих не видели.

Люди искренне пытались помочь следствию, спеша предоставить кучу всевозможных сведений. Слухов и сплетен, хоть порою и важных,

но не имевших отношения к делу. Факты супружеской неверности, обнесённые чужие огороды, мелкие хищения, уличенные самогонщики и даже поимка самого настоящего палача-полицая, больше двух лет скрывавшегося от народного гнева, картину несколько ни улучшили. Не удалось обнаружить ни преступников, ни орудия преступления. Специфический был бы ножичек, тонюсенький, невероятно острый. И жаровня к нему должна бы прилагаться, лезвие раскалить, чтобы сразу прижечь разрез.

Бдительные поселковые пионеры, правда, рассказывали будто бы видели каких-то «не по-нашему одетых» примерно в это же время. Увы, ни единого взрослого, который мог подтвердить их слова, не нашлось. Нарисовать портрет хоть одного загадочного «шпиона» со слов ребят не вышло. Как ни старались, пионеры не смогли вспомнить ничего, кроме странной одежды.

— Тате уагу!

— Что?

Следователь очнулся от печальных мыслей и посмотрел на Мишу.

— Он говорит, дайте бумагу, — быстро сказала мать. — Говорить у него не очень получается, вот он писать стал, чтоб понятней и скорее. Миша сейчас и читать начал больше, и в тетрадку потихоньку всё записывает и записывает. Её прячет, даже нам не даёт, обещает потом, когда допишет.

Следователь быстро подвинул подростку офицерский планшет с чернильницей и бумагой, дал перьевую ручку. Мелькнула мысль — Неужели мы их найдём! В глаза бы им посмотреть, нелюдям!

Минут десять было слышен только скрип царапающего бумагу пера и позвякивание ручки о чернильницу-непротливайку. Потом подросток подвинул написанное к следователю.

«Я всё время пытался вспомнить, кого видел по дороге в лес и что случилось перед тем как в обморок упал. И ничего не получалось. Сколько раз перед сном думал об этом, много раз мне снилось что лицо, как раньше было. А просыпался — такой как сейчас. В последнем сне опять лес, опять присаживаюсь с ножиком за грибом, и тут слышу, — Миша, скажи, ты любишь свою Родину? — Конечно, — отвечаю, — Люблю, больше жизни! А как же иначе? — Тогда почему ты погубишь её? — Вы все врете! — говорю, — Наша Родина — самая сильная! Мы победили фашистскую гадину и теперь наступит коммунизм и счастье во всём мире! — Нет, Миша, пока ты есть, не наступит. И после мне так жарко-жарко стало, а потом проснулся.

— То есть ты хочешь сказать, что те, которые сделали это с тобой, не хотели, чтобы ты погубил нашу Родину?

Миша кивнул. Следователь ещё раз взглянул на бумагу, помахал ей, чтоб лучше просохла, и стал подшивать к делу. Жалко парня. Голоса из сна, без фамилий, имён и особых примет. Такое не сдашь в суд, а вот психиатру будет интересно. Пострадавший пытается найти

причины случившегося в себе. Копаются, размышляет, тетрадку завёл. Родителям не показывает? А следствию предъявит.

— Распишитесь, показания записаны верно, дата сентябрь тысяча девятьсот сорок седьмой год.

Следователь поднялся из-за стола и открыл дверь.

— До свидания. Если что-то выясним, обязательно сообщим. Вы тоже свяжитесь с нами, вдруг что как. И ещё, Миша. Покажешь мне свою тетрадку, хорошо? Скажем, на следующей неделе.

Проводив посетителей, следователь налил воды в стакан и с удовольствием выпил. Сейчас бы покрепче чего, но нельзя. Скоро соберётся вся группа, опять эти пустые ненужные рапорты, потом бесполезный доклад наверх. И ворох остальных дел никто не отменял.

* * *

15.10. 2016

Внимание — конкурс! Рады сообщить о старте очередной Фантлабораторной работы на Fantlab.su

Тему нынешнего состязания предоставил классик отечественной фантастики Михаил Сергеевич Горбачёв — «SU — это...» Трактовка темы может быть сколь угодно широкой, главное — расшифровать в той или иной форме значение этой аббревиатуры, традиционным способом или же отличным от общепринятого.

В творческом багаже Михаила Горбачёва больше трёхсот произведений разной формы и жанра. От откровенно слабых шпионских историй до первого романа цикла «Аргонавты времени и пространства», принесшего ему всемирно известную премию «Небьюла». Молодые инженеры, собравшие портативную машину времени, пытаются изменять ход истории (в основном неудачно) и заработать денег (с переменным успехом). Приключения Шикова, Рахметова и Богданова переведены на множество языков и полюбились читателям всего мира.

Писать Михаил Сергеевич начал в подростковом возрасте, после нападения неизвестных лиц, сильно его изуродовавших. Преступники так и не были найдены. Пережив сильнейшее эмоциональное потрясение и оказавшись в изоляции из-за физических недостатков, Михаил сильно замкнулся. Единственным способом не сойти с ума стало запойное чтение. Когда всё, что нашлось дома, в сельской и школьных библиотеках закончилось, он начал сочинять сам.

В годы творческого расцвета неоднократно работал в соавторстве с Аркадием и Борисом Стругацкими, Владимиром Михайловым, Юлианом Семёновым. Принимал участие в организации литературных семинаров, помог открыть множество перспективных авторов, и его непростая, но интересная жизнь служит достойным примером для начинающих писателей двадцать первого века.

МИГРАНТ

Восходящее солнце окрашивало небо и воды Средиземного моря в кроваво-красный цвет. Боуда сидел на корточках, опустив руки в набегавшие на песчаный пляж волны. От его пальцев по водеплыли жирные темные полосы. Лицо он уже умыл, и капли бусинками сверкали на черной коже.

Привлеченный шорохом песка, Боуда поднял голову. В слепящих лучах солнца он с трудом разглядел направлявшуюся к нему по кромке прибоа фигуру. Странная, тонконогая, она при приближении превратилась в белую женщину. Средних лет, бледная кожа, светлые волосы, стянутые в хвост. Женщина была одета в простую белую футболку и старые джинсы. На шее, на черном шнурке, висел металлический значок.

— Джозеф Боуда? — спросила она. — Я лейтенант полиции Алесандра Лами. Хочу задать вам пару вопросов.

Боуда промолчал.

— Не понимаете по-английски? А итальянский? Хорошо, — Лами усмехнулась. — Но я все же кое-что вам скажу. А уж вам решать, стоит ли со мной разговаривать. Сегодня утром на Кроличьем пляже обнаружили труп девушки-волонтера. Она была растерзана на куски, словно ее рвали волки. Это второй случай на Лампедузе за четыре дня. Первый — тоже молодая девушка-волонтер. Они пришли помогать мигрантам. По словам свидетелей выходит, что вы, сеньор Боуда, по несколько дней ошивались вблизи девушек, будто следили за ними. Вам есть что сказать?

Боуда промолчал. Лами наклонилась над ним, уперев руки в колени и доверительно понизив голос, сказала:

— Те бедняги из Африки, что заполонили этот крохотный остров — мы постараемся им помочь, чем сможем. Но на каждой яблоне найдется гнилое яблоко. И вот таким мы совсем не рады.

Лейтенант выпрямилась, смерила Боду взглядом и, развернувшись, пошла прочь.

— Тупая сука, — внятно бросил Боуда в спину Лами.

Женщина развернулась.

— Что ты сказал?

— Sicilewi, — ответил на суахили Боуда, виновато разводя руками.

— «Не понимаешь», — кивнула Лами. — Вот что я тебе скажу, пацан. У меня пока нет законных способов тебя прижать. Но с каждой минутой я все больше сомневаюсь, что они мне нужны. Я тебя достану. Упajua?

Лейтенант подождала ответа. Боуда ничего не сказал. Лами хмыкнула и, развернувшись, ушла.

Весь день Боуда, казалось бы, бесцельно бродил по острову. Его видели в палаточном лагере, наполненном дымом костров, вонью, криками и разноплеменным гомоном. Он выстоял очередь в миграционном центре и получил тарелку спагетти и бутылку воды. Ходил на пляж и глазел, как грузят выловленные из моря трупы с утонувшей мигрантской посудыны в машины — рефрижераторы, одна из которых раньше перевозила сыры, а другая — колбасы. Все эти перемещения принесли свои плоды. Боуда узнал, где живет Лами. Лейтенант снимала комнату в маленькой вилле, на северной оконечности острова. Окна комнаты выходили в сад.

К вечеру неприятные ощущения, преследовавшие Боуду весь день, полностью завладели его существом. Желудок стягивало, напала непреодолимая зевота, постоянно выделялась слюна. В ушах тамтамами бухала кровь. Наступала пора охоты. И добычей на сей раз станут не нежные девушки, а старая жесткая карга, посмевавшая угрожать ему.

Найти уединенное место на переполненной людьми Лампедузе было не просто. Но Боуда еще накануне присмотрел пустынный берег с огромными валунами. Наступила ночь и в небе повисла красная луна, когда он прокрался на пляж и лег под камнями. Его била дрожь, пальцы свела судорога, на губах выступила пена.

— Боуда! — крикнул он в ночь. — О, Мать-Гиена!

Уши его вытянулись и заострились, жесткая черная грива протянулась от затылка вдоль по хребту, руки покрыла короткая желтоватая поросль с темными пятнами. Он сморщил рыло, обнажая острые зубы, и поднялся, шатаясь. Задрав морду к небу, распахнул слюнявую пасть и захохотал, радуясь началу охоты. Опершись руками о землю, зверь быстро перебирая лапами побежал на север берегом моря.

Боуда легко перемахнул невысокую ограду и оказался в саду. Перед ним возвышалась белая стена виллы. Окно в комнату Лами было распахнуто, и зверь видел силуэт женщины, лежащей на кровати на боку, накрывшись с головой одеялом. Боуда еле сдержал радостный хохот и, пуская слюни, пополз к окну. Он бесшумно вскочил на подоконник и скользнул в жаркую тьму комнаты. Прокрался к кровати и когтистой лапой сорвал одеяло.

Лами не спала. На Боуду смотрели глаза, почему-то полностью залитые черным. Кожу женщины покрывала белая мелкая чешуя. Зверь ошеломленно замер. Лами зашипела и, распахнув рот, полный мелких острых зубов, вцепилась в горло Боуды. Зверя резануло болью, он зарычал и рванулся, пытаясь стряхнуть непонятную тварь. Но Лами была сильнее. Вместе с потоком крови из Боуды вытекали силы. Спустя минуту зверь сдался и рухнул на пол.

Лами плюнула стружкой темной крови гиены на лохматый труп и прошипела:

— Это моя земля, блохастая ты псина!

Восходящее солнце окрашивало небо и волны Средиземного моря в кроваво-красный цвет. На пустынном пляже сидела ламия и тщательно мыла руки в соленой воде. Горький привкус крови гиены все еще стоял во рту. Смыть его не представлялось возможным никаким вином. А вот вкусом другой крови... Например, той пухлой девочки из Сомали. Ламия довольно заурчала.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Р — значит РЕЙТИНГ

МАРИЯ МАЛЬЦЕВА

КАК ВЫБРАТЬ РЕЙТИНГ: ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

ПОСОБИЕ ПО ВЫБОРУ РЕЙТИНГА ДЛЯ ТЕКСТА НА
ОСНОВЕ ПРОКАТНЫХ РЕЙТИНГОВ АМЕРИКАНСКОЙ
КИНОАССОЦИАЦИИ И ВОЗРАСТНЫХ КРИТЕРИЕВ ДЛЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИИ

ЧТО ТАКОЕ РЕЙТИНГ

Давайте определимся для начала, а зачем вообще нужна система рейтингов. Некоторые считают, что рейтинг предохраняет стыдливых или чувствительных читателей от слишком жестоких или откровенных сцен. Это не так. Вернее, не совсем так. Ваша чувствительность или стыдливость — ваше личное дело. В современном обществе давно принята точка зрения, что секс не является грехом, а насилие — естественный компонент демократического решения проблем (как вам вооруженные силы ООН?). В наше время было бы неверно говорить, что секс — это всегда пошло, а насилие — это всегда грязно. Наоборот. Если взрослая, психически здоровая личность не умеет видеть в естественных половых отношениях красоту, а в проявлениях социально допустимой агрессии — стремление к защите и справедливости, то это сигнализирует о ее несоответствии времени.

Тем не менее, существует информация, которая, как считается, действительно воздействует на психику деструктивно. Почему я подчеркиваю «как считается»?

Дело в том, что не существует никакого идеального человека. Высшие цели, любовь к жизни, гуманизм — все это мы придумали сами так же, как когда-то придумали бога. Человек настоящего ничуть не лучше человека прошлого. Он просто перешел из одной формы выражения эмоций в другую, как если бы снял тунику и надел вместо нее джинсы. Живем мы все в обществе и неважно, каких придерживаемся взглядов, учитывать тенденции времени придется. Поэтому предлагаю совершить экскурс в увлекательный мир современных стереотипов.

Человек нашего времени существует во власти двух сил — созидания и разрушения. Попросту: жизни и смерти. Причем, заметьте, пожалуйста, смерть торжествует. Кем бы вы ни были, какое бы положение ни занимали, чего бы вы ни достигли, конец у всего один. А поскольку в небесный рай с птичками и цветочками мы уже не верим, смерть для нас — небытие, ничто. Именно поэтому современные люди стремятся к двум вещам: детям и/или творчеству, славе. Только это дает иллюзию того, что после нас останется хоть что-то.

Но и эта иллюзия не спасает. Дети уйдут, слава угаснет. Да что там дети — само человечество не будет жить на Земле вечно. Уже давно существуют прогнозы, когда и как именно исчезнет привычный для нас мир. И неизвестно, сможем ли мы к тому времени найти другое место для обитания. А отворачиваться от этих знаний невозможно.

Теперь о позитиве. Но жить-то хочется! И хочется сейчас. Желательно счастливо. И вот современный человек принимается окружать себя сказками. О мире, о добре, о справедливости. О том, как он сам, высокий и прекрасный (человек — это звучит гордо), своими собственными руками, побеждая природу, кует себе судьбу и счастье.

Реальность прорывается и в эти сказки. Картонный персонаж, — говорим мы про героя, который живет в выхолощенном мире нами же созданных иллюзий. — Неинтересно.

Вернемся к рейтингу, он-то тут при чем? А рейтинг — это и есть та самая дозировка реальности. Которая готовит нас к тому, насколько произведение будет соответствовать удобным для нас жизненным стереотипам или, наоборот, эти стереотипы разрушать.

Изначально система рейтингов создавалась для того, чтобы защитить детей от информации (от правды), которая может нанести вред (в современном понимании) их физическому, психическому или нравственному развитию. А потом оказалось, что существуют и взрослые, которые тоже хотели бы быть защищенными. Традиционно к этой категории относятся люди с неустойчивой нервной системой, люди консервативных взглядов, беременные женщины и пожилые.

Обобщим сказанное. Рейтинг не является критерием художественной ценности произведения. Пошлым может быть и текст с пометкой 18+, и текст 12+. Рейтинг — это предупреждение о том, насколько текст соответствует или не соответствует комфортной картине мира современного человека. А также сколько моральных сил, зрелости и личностной свободы он требует для восприятия.

В следующих частях подробно на практике рассмотрим все рейтинги и их составляющие.

ЗАЧЕМ НУЖЕН РЕЙТИНГ

Поднадужившись, после нескольких тысяч лет исканий и метаний, человечество выдало гениальный в своей простоте ответ на вопрос «Зачем мы здесь?». Чтобы жить! Поэтому в наше время принято считать, что жизнь имеет наивысшую ценность, что счастье достижимо, мы движемся к прогрессу, а нравственное совершенствование — моральный долг каждого уважающего себя человека. И хотя все эти истины не имеют никакого научного подтверждения, а значит, мало чем отличаются от известной легенды о получении скрижалей, учитывать их придётся.

Итак, на основе заповед... категорического императива)) строится воспитание современной личности. Оно включает:

- понимание личностью ценности своей жизни;
- уважительное отношение к другим личностям;
- добровольное следование общественным нормам;
- стремление к деятельности.

Человек не имеет врожденного понимания этих вещей (а если и имеет, то сие науке неизвестно), его надо научить. Поэтому на время воспитания ребенка отгораживают от части информации, которая по мнению общества может направить его не на ту дорожку. Рейтинг — это и есть тот самый барьер. Теперь зная, что общество хочет получить на выходе — либеральную личность — посмотрим, от какой информации предлагается оградить детей:

- от сцен насилия и жестокости.

Считается, что они могут вызвать снижение чувствительности к страданиям других и сделать ребенка более агрессивным, чем он мог бы быть.

- от того, что может напугать.
- от наготы и сцен сексуального характера.

Считается, что нагота взрослого может напугать ребенка (из-за того, что тела взрослых и детей различаются) или вызвать комплексы (по той же причине), а сексуальные сцены спровоцируют слишком ранний или повышенный интерес.

— от сцен употребления наркотиков и вообще любой информации, которая может повредить здоровью ребенка.

Без комментариев, все и так понятно.

- от нецензурной лексики.

Потому что не принято.

Опираясь на эти критерии, можно сказать, что вся информация, которую мы будем рейтинговать, условно различается:

1. По форме (натуралистичности изображения) — способна вызывать страх, агрессию, интерес к половой сфере или возбуждение.

2. По содержанию — пропаганда желательного или, наоборот, нежелательного поведения.

Также надо заметить, что в разном возрасте ребенок по-разному оценивает информацию на основе уже имеющихся установок. Следовательно, планка запретов будет потихоньку снижаться.

Рейтинг G или Можно читать всем

Основные ограничения в информации рекомендовано проводить до 12 лет. Почему так? Период от 0 до 12 считается периодом детства и имеет свои психологические характеристики. Ребенок в этом возрасте не умеет отличать хорошее от плохого, он верит всему, что ему говорит (делает, показывает) взрослый.

По степени воздействия на детей соревнуются двое: родители и информационные продукты. Авторитет первых лежит в сфере подсознания — ребенок запрограммирован на то, чтобы верить родителю, так как без него ему не прожить. Вторых — в области эмоций.

Обладая маленьким жизненным опытом, но подвижным воображением, ребенок хватается за любую возможность пополнить свой эмоциональный запас. То, что написано в книге (показано в фильме), он в этом возрасте принимает за жизнь.

Создавая текст рейтинга G, вы гарантируете, что в нем не будет ничего, что может навредить ребенку (например, сильно напугать) или смутить его (перемешать понятия о том, что в нашем обществе является хорошим, а что плохим).

В продуктах рейтинга G:

1) Отсутствуют обнажение, сексуальные сцены и сцены приема наркотиков (курения, потребления алкоголя).

Слова следует понимать буквально. Отсутствует сцена обнажения, это не значит, что герой не может быть голым:

На другом стуле помещался тоже завитой, но совершенно голый, белокурый и худощавый мальчик лет восьми. Он не успел еще простыть после представления; на тоненьких его членах и впадине посреди груди местами виднелся еще лоск от испарины; голубая ленточка, перевязывавшая ему лоб и державшая его волосы, была совершенно мокрая; большие влажные пятна пота покрывали трико, лежавшее у него на коленях. Мальчик сидел неподвижно, робко, точно наказанный или ожидающий наказания.

Д. В. Григорович «Гуттаперчевый мальчик».

Отсутствие сексуальных сцен также не означает, что не могут быть упомянуты отношения между полами:

Одной из фрейлин пришлось надеть деревянные башмаки и пойти на задний двор.

- Что возмёшь за горшочек? — спросила она.
- Десять принцессиных поцелуев! — отвечал свинопас.
- Как можно! — сказала фрейлина.
- А дешевле нельзя! — отвечал свинопас.

Г. Х. Андерсен «Свинопас».

Упоминание курения:

Он сунул воробья за пазуху рваной бабьей кацавейки и, протягивая Яшке недокуренную сигарку, предложил:

— На, докури.

Машинально Яшка взял окурочек и, не зная, куда его девать, спросил несмело:

— А козла ты зачем съел?»

А. П. Гайдар «На графских развалинах».

Мальчишка-беспризорник предлагает Яшке (главному герою) закурить. Яшка так и не закурил, бросил окуроч.

2) **Могут употребляться выражения**, выходящие за рамки вежливой беседы, но только те, что встречаются в повседневной речи.

Я сказал: «Вы дура, тётя Тамара! Чтоб вы лопнули! И вообще вон из моего дома. Чтобы ноги вашей толстой больше здесь не было». Я сказал это про себя, в мыслях, так, что никто ничего не понял.

В. Ю. Драгунский «Денискины рассказы».

3) Возможны эпизодические, обусловленные жанром, ненатуралистические (т. е. без физиологических подробностей) описания: — заболеваний человека (за исключением тяжелых) или их последствий в форме, не унижающей человеческого достоинства.

Состояние ее ухудшалось с каждой неделей, и болезнь, назревавшая в ней в течение нескольких лет, вдруг разразилась с необычайной силой. В то время при исследовании и лечении грудных болезней уже начинали руководствоваться полезными советами Лаэнека. Однако, врач, осмотревший Фантину, безнадёжно покачал головой.

— Она обречена.

В. Гюго «Козетта».

— **несчастного случая, аварии, катастрофы** либо ненасильственной смерти без описания последствий, которые могут вызвать страх.

Ударившись о землю, шар, как мячик, подскочил кверху, описал в воздухе огромную дугу и снова опустился вниз. Корзину снова ударило о землю и поволокло. Шар налетел на что-то твердое и лопнул с оглушительным треском. Бульку перевернуло в воздухе, и он с отчаянным визгом побежал в сторону. Незнайка вывалился из корзины и остался неподвижно лежать на земле.

Н. Н. Носов «Приключения Незнайки и его друзей».

— **физического и психического насилия (за исключением сексуального) при условии торжества добра над злом**, выражения сострадания к жертве насилия или осуждения самого насилия.

Петя зарыдал и бросился к Эдвардсу, выходявшему в эту минуту из уборной.

Беккер, раздраженный окончательно тем, что вокруг послышалась брань, одним движением оттолкнул Петю от Эдвардса и дал ему с размаху пощечину.

— Schwein! Швыня!.. тьфу!.. — сказал Эдвардс, отплеываясь с негодованием.

Но что уж дальше рассказывать!
Несмотря на легкость и гибкость, Петя был, как мы сказали
выше, не столько гуттаперчевым, сколько несчастным мальчиком.

Д. В. Григорович «Гуттаперчевый мальчик».

**— антиобщественные или преступные действия при условии,
что они осуждаются.**

Чиполлино призадумался.

— Значит, попасть в тюрьму — это большая честь? — спросил он.

— Выходит, что так. Тюремь построены для тех, кто ворует
и убивает, но у принца Лимона все наоборот: воры и убийцы
у него во дворце, а в тюрьме сидят честные граждане.

— Я тоже хочу быть честным гражданином, — заявил Чипол-
лино, — но только в тюрьму попадать не желаю. Потерпи немного,
я вернусь сюда и всех вас освобожу!

Дж. Родари «Приключения Чиполлино».

Этот пример иллюстрирует, как в условиях ситуации шиворот-
навыорот (честные люди в тюрьме, а воры во дворце) автор показы-
вает, что это неправильно. Чиполлино не хочет в тюрьму даже при
условии честности.

PG-13 или До 13 лет требуется разрешение родителей

Обратите внимание — детям до 13 лет можно читать тексты с рей-
тингом PG-13, но только при согласии родителей. Исходя из этого
содержание будет следующее:

1) эпизодические описания жестокости и насилия (за исключением
сексуального насилия) без натурализма при условии, что выражает-
ся сострадание к жертве и отрицательное отношение к насилию (за
исключением насилия, применяемого в случаях защиты интересов
общества или государства).

Вдруг доктор, вырвавшись из объятий противника, схватил
тяжёлую доску с могилы Вильямса и так сильно ударил ею Пот-
тера, что тот повалился на землю; в то же мгновение метис из-
ловчился и вонзил нож по самую рукоятку в грудь молодому
человеку. Тот покачнувшись и упал на Поттера, заливая его своей
кровью. В это время на луну набежали тучи и покрыли мраком
эту страшную сцену.

М. Твен «Приключения Тома Сойера».

2) изображение или описание антиобщественных действий, эпи-
зодическое упоминание наркотических веществ при условии, что
к ним выражается отрицательное отношение.

Но куда бы не летело кольцо Торина, Гэндальф оказывался
проворнее. Пуф! — он посылая колечко поменьше из своей ко-
роткой глиняной трубки, и оно проскальзывало сквозь каждое
кольцо Торина. После этого колечко Гэндальфа делалось зеленым,

возвращалось к нему и парило у него над головой. Таких колечек набралось уже целое облако, и в полумраке комнаты вид у Гэндальфа был таинственный и по-настоящему колдовской.

Дж. Р. Р. Толкин «Хоббит или Туда и обратно».

Если по сюжету (историческому контексту) положено, чтобы герои курили, они будут курить. И осудить их за это не получится. В свете современных тенденций достаточно просто не заострять внимание на этом моменте. Кстати, фильм «Хоббит», где герои дымят без зазрения совести, имеет прокатный рейтинг PG-13. Просто потому, что по-другому никак.

3) не носящие возбуждающего или оскорбительного характера эпизодические ненатуралистические описания половых отношений между мужчиной и женщиной, за исключением описания действий сексуального характера.

И он сказал ей об этом так красноречиво, что бедная девочка, которой очень хотелось верить ему, поверила. Впрочем, к большому удивлению д'Артаньяна, хорошенькая Кэтти проявила некоторую твердость и никак не хотела сдаться.

А. Дюма «Три мушкетёра».

Под тем, что Кэтти не хотела сдаться, понимается последний рубеж. Его, Впрочем, тоже скоро так же изящно переходят:

И он привлек Кэтти к себе. Сопротивляться было невозможно — от сопротивления всегда столько шума, — и Кэтти уступила.

Р или С 13 до 17 лет под контролем родителей

По идейному содержанию рейтинг R похож на предыдущий: любые скользкие сцены без натурализма и с непременным осуждением того, что плохо. Теперь посмотрим, чем же этот рейтинг отличается от предыдущего. В рейтинге R разрешены:

1) более частое и свободное по сравнению с прошлым употребление некоторых грубых слов и ненормативной лексики.

Ненормативные выражения в русском языке условно можно разделить на следующие группы:

1. Запрещенные. Это мат (грубые названия половых органов, полового акта и их производные). На территории РФ запрещены в теле- и радиоэфире, кинопрокате и при публичном исполнении произведений искусства.

2. Очень грубые выражения, смыкающиеся с п.1 (название «срамных» частей тела, физиологических отправлений, результатов физиологических отправлений).

3. Просто грубые выражения. Каналья! Тысяча чертей! Вот урод!

4. Ненормативная лексика — просторечия, сленг, жаргон.

Несложно предположить, что в данном рейтинге п.1 и п.2 мы выкидываем, а п.3 и п.4 используем в соответствии с художественной задумкой.

- Что же это. Хорь? — говорил Семенов.
- Я тебе Хорь?.., а в ухо хочешь?
- Оплетохом, — сказал один из товарищей.
- Беззаконновахом, — прибавил другой.
- И неправдовахом, — заключил третий.
- Отдай, Хорь; право, отдай.
- Опять Хорь?.. Рожу растворожу, зубы на зубы помножу!

Н.Г. Помяловский «Очерки бурсы».

2) продолжительные сцены насилия, секса, противоправных действий, употребления наркотиков и т.д., поданные в идейном ключе (без физиологических подробностей и с осуждением, где надо).

Шерлок Холмс взял с камина пузырек и вынул из аккуратного сафьянового несесера шприц для подкожных инъекций. Нервными длинными белыми пальцами он закрепил в шприце иглу и завернул манжет левого рукава. Несколько времени, но недолго он задумчиво смотрел на свою мускулистую руку, испещренную бесчисленными точками прошлых инъекций. Потом вонзил острие и откинулся на спинку плюшевого кресла, глубоко и удовлетворенно вздохнул.

А.К. Дойль «Знак четырех».

Далее следует диалог, в котором Уотсон выражает возмущение действиями Холмса и с медицинской дотошностью перечисляет негативные эффекты от приема наркотиков.

- Кстати, мой милый, не торчит ли у меня из кармана носовой платок? — спросил вдруг еврей.
- Да, сэр, — ответил Оливер.
- Посмотрим, удастся ли тебе его вытащить так, чтобы я не заметил. Утром ты видел, как они [другие мальчики] это делали, когда мы играли.

Оливер одной рукой придержал карман снизу, как это делал на его глазах Плут, а другой осторожно вытащил платок...

— Ты ловкий мальчуган, мой милый, — сказал старый джентльмен, одобрительно погладив Оливера по голове. — Никогда еще я не видывал такого шустрого мальчика. Вот тебе шиллинг. Если ты будешь продолжать в этом духе, из тебя выйдет величайший человек в мире. А теперь иди сюда, я тебе покажу, как спарывают метки с платков.

Оливер не понимал, почему кража — в шутку — носового платка из кармана старого джентльмена имеет отношение к его шансам стать великим человеком.

Ч. Диккенс «Приключения Оливера Твиста».

Когда Оливер узнает, что кража платков из кармана джентльмена — не игра, а подготовка к будущей профессиональной деятельности, он, в лучших традициях положительного героя, настолько ошеломлен и потрясен, что не способен сдвинуться с места и становится жертвой других воришек.

Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его.

Н.В. Гоголь «Тарас Бульба».

Вот вам, пожалуйста, сцена пыток в «детском» рейтинге. Ничуть не менее ужасная оттого, что автор сознательно отказывается от подробного описания действия. Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Также автор посвящает большой абзац рассуждениям о том, что пытки ужасны, и он вынужден их описывать лишь потому, что они являлись принадлежностью определенной эпохи.

Она почти не заметила, как он раздел ее и уложил на кушетку. С неумолимым терпением он снова и снова начинал ласкать ее, и с каждым разом она становилась все покорнее, все горячее в ответных ласках, и молящие глаза ее лихорадочно блестели. Она то вырывалась из его объятий, то принимала к нему, но, когда возбуждение, с которым она уже не могла совладать, достигло апогея, ее внезапно охватила истома. Анжелика погрузилась в блаженство, пронзительное и пьянящее; отбросив всякую стыдливость, она отдавалась самой смелой ласке; она закрыла глаза, ее уносил какой-то сладостный поток. Ее не возмутила боль, так как всем своим существом она жаждала господства над собой. И когда он овладел ею, она не закричала, а лишь невероятно широко раскрыла свои зеленые глаза, в которых отразились звезды весеннего неба.

Анн и Серж Голон «Анжелика. Маркиза ангелов».

А вот и подробная постельная сцена в рейтинге R.

ОБЩИЕ РАССУЖДЕНИЯ О ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Цифра 17 в названии рейтинга связана в нашем сознании с совершеннолетием. Возрастом, после которого человек считается взрослым, способным принимать самостоятельные решения и отвечать за свои поступки по всей строгости закона. В большинстве современных стран совершеннолетие наступает в возрасте от 18 до 21 года (есть и исключения). На то есть три причины:

— примерно к этому сроку заканчивается половое созревание человека (девушки 17-19 лет, юноши 18-20);

— примерно к этому же сроку заканчивается созревание психики (полная зрелость головного мозга происходит к 25 годам);

— к совершеннолетию приближена социальная зрелость (овладение профессией и способность самому себя содержать). Впрочем, эту величину можно искусственно растягивать, и в большинстве развитых стран сейчас социальная зрелость наступает позднее юридической.

В любом случае, начиная от 18 до 21 года мы имеем дело со взрослым человеком, который пользуется всеми правами и привилегиями гражданина, включая такую роскошь, как собственное мнение. Отсюда следуют особенности литературы для взрослых:

1. Отсутствует воспитательный аспект.

Это ребенку вы должны объяснить, что такое хорошо и что такое плохо. Взрослый уже знает. Более того, у него на этот счет имеется собственное мнение. Следовательно, вы не обязаны — можете, если хотите, но не обязаны — подробно разжевывать, положительный ваш герой или отрицательный, и тыкать его носом, как котенка, каждый раз, когда он решит выпить, покурить, заняться разгульным сексом или украсть с полки пирожок.

Чужак развернулся на месте, выбив рябого из равновесия. Меч свистнул в ножнах и коротко блеснул в свете каганцев. Пошла кутерьма. Поднялся крик... Трактирщик — губы у него тряслись — глядел на чудовищно рассеченное лицо рябого, а тот, вцепившись пальцами в край стойки, медленно оседал, исчезал из глаз, будто тонул. Двое других лежали на полу. Один не двигался, второй извивался и дергался в быстро расплывающейся темной луже.

А. Сапковский «Ведьмак».

Теперь вспомним, что главный герой: красавец-мужчина, благородный защитник детей, женщин и исчезающих видов животных — убивает в этой сцене трех наглых, но совершенно безоружных горожан. Причем убивает их будучи ведьмаком, то есть: а) владеет зачатками магии и имея возможность «вырубить» наглецов без оружия; б) будучи значительно сильнее людей, а значит, опять-таки, имея возможность обойтись без оружия, простым ударом в лоб. Эту же версию поддерживает автор словами одного из героев: Мне рассказали, что произошло в трактире. Уверен, ты прибил этих головорезов исключительно ради рекламы, чтобы всколыхнуть людей, потрясти меня. Я уверен, ты мог столкнуться с ними и не убивая.

Как относиться к герою, убивающему ради рекламы? А как хотите! Автор его не стыдит. Вот еще интересный, ставший уже классикой, пример:

Все годы, проведенные в Америке, Америго Бонасера верил в закон и справедливость. Теперь его мозг заволокло туманом мести, он уже видел, как покупает пистолет и убивает двух мерзавцев. Однако у него оказалось достаточно самообладания, чтобы вернуться к жене, которая ничего еще не поняла и объяснить ей: «Они оставили нас в дураках». Помолчав, он добавил: «Во имя справедливого суда нам придется поклониться дону Корлеоне.

М. Пьюзо «Крестный отец».

Дон Корлеоне — глава мафиозного клана, убийца, держатель тотализаторов и публичных домов, выступает негласным гарантом чести и справедливости! И если в случае с ведьмаком автор дает нам право самим решать, как относиться к парню, для которого убить как раз плюнуть, то применительно к дону Корлеоне сомнения нет. Он — великий человек!

2. Мнение автора, если оно имеет значение, подается через позицию «взрослого» — рассуждения и аргументацию.

— Итак, вы считаете, что именно деньги — источник всех бед и корень зла? — спросил Франциско Д'Анкония. — А вы никогда не задумывались над тем, что является источником самих денег? Сами по себе деньги — лишь средство обмена, существование их невозможно вне производства товаров и людей, умеющих производить... Деньги стали возможны благодаря людям, умеющим производить. Видимо, они, по-вашему, источник всех бед?

А. Рэнд «Атлант расправил плечи».

Вот автор, основавший собственное философское течение, пытается убедить окружающих, что только так и надо жить. Кого-то убеждает, кого-то — нет (для сравнения попробуйте представить Тараса Бульбу, приводящего аргументы, почему нельзя предавать Родину и жениться на полячках. Это попросту невозможно. Герой не рассуждает, его позиция — абсолют).

3. Взрослый человек психически устойчив.

Детей оберегают от некоторой информации, чтобы не напугать, не смутить, не вызвать нежелательную реакцию. Взрослый человек способен воспринять тяжелую или неприятную для себя сцену без губительных последствий для психики.

Вол, как будто ему сразу подбили все четыре ноги, грохнулся на брюхо, тотчас же перевалился на один бок и забился ногами и всем задом. Тотчас же один мясник навалился на перед быка с противоположной стороны его бьющихся ног, ухватил его за рога, пригнул ему голову к земле, и другой мясник ножом разрезал ему горло, и из-под головы хлынула черно-красная кровь, под поток которой измазанный мальчик подставил — жестяной

таз... Таз быстро наполнялся, но вол был жив и, тяжело нося животом, бился задними и передними ногами, так что мясники сторонились его... Когда кровь перестала течь, мясник поднял голову вола и стал снимать с нее шкуру. Вол продолжал биться. Голова оголилась и стала красная с белыми прожилками и принимала то положение, которое ей давали мясники, с обеих сторон ее висела шкура. Вол не переставал биться. Потом другой мясник ухватил быка за ногу, надломил ее и отрезал. В животе и остальных ногах еще пробегали содрогания.

Л.Н. Толстой «Первая ступень».

NC-17 и NC-21 или Почувствуй разницу

Как мы уже выяснили, NC-17 — это путевка во взрослую жизнь. Возникает вопрос: если у нас уже есть рейтинг «для взрослых», зачем нужен еще один? Чем совершеннолетний читатель 18+ отличается от совершеннолетнего 21+, кроме того, что в различных странах совершеннолетними становятся в разном возрасте? Но тогда рейтинг следовало бы назвать NC-17/21. Или просто NC (не для детей).

Источники расплывчато отвечают на этот вопрос, предлагая разграничить рейтинги по количеству взрослых сцен. Это неясно. Чем прочтение одной детальной сцены секса/насилия отличается от прочтения пяти? Чем детализация с описанием подробных действий отличается от детализации с описанием очень подробных действий? Однако большинство из нас чувствуют, что помимо одного взрослого рейтинга нужен дополнительный, потому что взрослые тоже различаются. Только чем и как? Не секрет, что больше всего на свете человек не любит выходить из зоны комфорта. Назовем эту зону комфорта — общественные ценности. Рейтинг 21 — это пощечина общественному вкусу.

На этой картине она являлась мне обнажённой — ничего на ней не было, кроме одного носочка да браслета с брелоками; она лежала, раскинувшись, там, где её свалило моё волшебное снадобье; в одной ручке была ещё зажата бархатная ленточка, снятая с волос; её прянично-коричневое тело, с белым негативом коротенького купального трико, отпечатанным на за-гаре, показывало мне свои бледные молодые сосцы; в розовом свете лампы шелковисто блестел первый пух на толстеньком холмике.

В. Набоков «Лолита»

Постельные сцены в упомянутом романе весьма «целомудренны», нисколько не возбуждают и практически без деталей. Однако это — NC-21. Потому что речь идет о том, что делает взрослый мужчина с девочкой 12 лет. Роман скандален еще и тем, что Гумберт Гумберт представлен человеком, а не чудовищем в человеческом обличье. Испытывая отвращение к происходящему, читатель, тем не менее, сочувствует герою — вместе с ним влюбляется в Лолиту, вместе

страдает от невозможности получить желаемое, затем радуется возможности получить и соглашается, что представленный герой может быть только таким. Я понимаю людей, которые не хотят об этом читать.

Еще два интересных примера, как одна и та же тема может быть представлена в разных рейтингах:

Я слышу его хриплое, отрывистое дыхание. Сама же я едва дышу, отчаянно пытаюсь найти душевные силы, чтобы выдержать испытание. Ремень снова впивается в мою плоть.

— Три! — Слезы брызжут из глаз. Черт, это больнее, чем я думала, куда больнее шлепков.

— Четыре! — визжу я. Слезы градом катятся по лицу. Я не хочу плакать и злюсь на себя, что не могу сдержаться. Еще удар.

— Пять, — из горла вырывается сдавленное рыдание, и в это мгновение я ненавижу Кристиана. Еще один, я должна вытерпеть еще один. Задница горит огнем.

— Шесть, — шепчу я сквозь слепящую боль. Кристиан отбрасывает ремень и прижимает меня к себе, задыхающийся и полный сострадания... но я не желаю его знать.

— Оставь меня... нет... — Я вырываюсь из объятий. — Не прикасайся ко мне! — шиплю я, выпрямляясь, с яростью глядя на него и встречая в ответ его изумленный взгляд.

Э.Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого» (NC-17).

Обыденное описание «ужасного извращения», которым каждый день занимаются толпы обычных людей, чтобы разнообразить сексуальную жизнь. Скандальным в книге является лишь то, что она стала сверх-популярной. В конце Анастейша перевоспитает «чертова сукина сына», они поженятся, родят двоих детей и станут семейной парой, ничем не отличающейся от миллионов других (кроме количества сногшибательности и денег у мужчины).

— Ваша?

— Моя, — ответил Рене.

— Жак прав, у нее слишком узкий проход. Его не мешало бы растянуть.

— Но только не сильно, — вставил Жак.

— Вам виднее, — сказал, поднимаясь, Рене. — Вы в этом лучше разбираетесь.

И он нажал на кнопку вызова слуги...

С этой самой минуты и в течении восьми дней О. должна была большую часть суток — когда не прислуживала в библиотеке — носить такой стержень в заднем проходе... Каждый день стержни заменялись на все более толстые. Жак сам выбирал их. О. становилась на колени, высоко поднимая зад, и кто-нибудь из девушек, оказавшихся в этот момент в зале, вставляли ей выбранный Жаком стержень... Вынимать стержень имел право только Пьер, и то только ночью, приходя, чтобы привязать ее цепью к кольцу

или чтобы отвести в библиотеку. Почти каждую ночь находился желающий воспользоваться этим, расширяющимся с каждой минутой, проходом.

П. Реаж «История О» (NC-21).

История О. похожа на служение. В ней мало удовольствия, а если оно есть, то неизбежно смешано со страданием. Героиня придерживается противоположных общепринятым взглядов. В конце она становится рабыней по собственному желанию.

— О, это было потрясающее зрелище. Мне помогали Марта и моя сестра. Они принимали перед ним разные позы, одна сластолюбивее другой. Они сосали и возбуждали его, и я выжал все до последней капли, прежде чем отправить в мир иной, так что можешь быть уверен, что если им овладеют фурии, вряд ли они смогут заставить его сношаться.

— Чем же все кончилось?

— Я его распял. Мне хотелось, чтобы слуга издыхал той же смертью, что и хозяин; он висел на кресте целых четыре часа, и нет таких пыток, которые он не испытал бы за это время. Я прочистил ему задницу, я его выпорол и раз двадцать всадил свой нож в его тело. О, как я хотел, чтобы ты помог мне проделать эту восхитительную операцию! Но тебя в деревне не было, а я торопился: невозможно жить, пока дышит твой враг.

Маркиз де Сад «Жюстина, или Несчастья добродетели».

Маркиз — классик NC-21. В этой сцене описана казнь священника, посмеявшегося обратиться к религии дочь жестокого развратника. Далее два приятеля (сам развратник и его друг-доктор) решают в качестве наказания провести дочери вскрытие «на живую», что и проделывают с превеликим удовольствием. Книга изобилует подобными сценами, перемежаемыми философскими дискурсами, в которых автор аргументированно доказывает благо зла, детоубийства и вседозволенности. Написана художественным языком и с таким внутренним запалом, что вот уже более двух веков входит в золотой фонд мировой литературы.

Александр Тишинин

КАМАСУТРА ПО-ПЕТЕРБУРГСКИ ИЛИ История одной мифологемы в четырех актах

В бою у пулеметчика Ли закончились патроны, но Партия сказала: «Надо стрелять», и пулемет снова застрочил.

Анекдот

Акт 1. Рождение шедевра

История эта началась в конце прошлого столетия, в знойный июньский день, когда душа звала на дачные просторы, а долг, то бишь пустой кошелек, гнал на работу, в душный офис, который от затхлой грибковой сырости не спасали ни евроремонт, ни кондиционеры, ни освежители воздуха. А наличие массы авторских, издательских, редакторских экземпляров самых различных печатных творений, а также рукописей, многие из которых настолько пропитались сигаретным дымом, что казалось, тряхни папку хорошенько, и дохлые тараканы вперемешку с табачным пеплом потоком польются на пол, придавало атмосфере в офисе непередаваемый аромат, сбивающий новичков с ног.

Зазвонил телефон. Протяжно, надрывно так зазвонил... Я оценил расстояние, отделяющее меня от захлебывающегося звоном аппарата, а потом решил: «Не время брат... война», и вновь погрузился в созерцание обложки нового сборника кроссвордов, прикидывая, чего еще не хватает. А был там уже полный набор штампов: фрагмент лазурного пляжа, красавица в бикини, тигр и надпись — «Пляжные кроссворды». Но главный редактор сказал, что в обложки нет «острого мувинга»... Короче, «поменяйте белочек на зайчков, зайчиков на белочек, поиграйте шрифтами, поиграйте цветами». Так как никаких плодотворных мыслей мне в голову не приходило, я тупо пялился на макет обложки.

Звонок оборвался. Я этого даже не заметил. Но цоканье каблучков в коридоре привело меня в себя, словно обдав ледяным душем. Звуки из коридора становились все громче, приближаясь со стороны «начальственного тупичка», так мы называли комнатку секретаря, приютившуюся к кабинетам директора и главного редактора. Я замер, прислушиваясь. Главный вопрос был: свернет посланница Сил Тьмы направо «ко мне в гости» или налево к редакциям Художественной, Детской и Научно-Популярной.

Не повезло.

Дверь со скрипом отворилась, и на пороге в облаке дешевых духов — броне, защищавшей их владелицу от издательских ароматов, — материализовалась Надежда. Прилизанное каре в стиле тридцатых, обильно размалеванное личико с приклеенной американской улыбкой. И хотя она не была блондинкой, при виде неё я сразу начинал чувствовать себя Эйнштейном, случайно столкнувшимся с неандертальцем, только очень миленьким.

— Шю-ю-юрик, — этот раз это вышло у неё особенно противно. — Шю-ю-юрик, вас ждет шеф. И почему вы не отвечаете на звонки?

— Какие звонки, трамвайные?

Мой вопрос поставил Надежду в тупик. Словно трамвай и в самом деле сошел с путей и теперь вагоновожатый в лице секретарши-симпомулочки хлопал глазами, пытаясь вернуться на накатанные рельсы повседневности.

— Почему трамвайные? — в недоумении протянула она, но тут же поправилась. — Перестаньте меня душить вашими шуточками, Шю-ю-юрик. Вас шеф вызывает, — и видя, что я не спешу бежать сломя голову в заветный кабинет, добавила: — Срочно...

Я тяжело вздохнул, пытаясь прикинуть, где накосячил, а точнее, что начальству удалось обнаружить: то ли приписки в платежной ведомости, то ли какой глюк, а может кто накапал о других моих художествах. Например, о том, что это именно я подложил ложку горчицы в банку меда, которую шеф держал у себя в столе, угощая самых важных гостей издательства, или что это я послал шефу телеграмму: «Мой дорогой... Скоро ты станешь папой!» Ее доставили в издательство как раз в тот момент, когда шеф выяснял отношения с женой после очередного похода по борделям. Дальнейшую сцену прослушивало все издательство, так как разборка происходила при открытых дверях. С тех пор, приходя за зарплатой, никто не слышал охов и вздохов нашей бухгалтерши Нины Ивановны, которая, закатив глаза к потолку, сообщала каждому.

— Сегодня только половина... Геннадий Андреевич велел отложить денег для субботних переговоров.

В понедельник утром шеф появлялся весьма помятый, После этого в издательство прибегала его супруга, все выходные искавшая суженного по «лечебницам и моргам города». Дальше они мирились. А сотрудники старались получить остатки зарплаты в четверг вечером, даже если для того приходилось задерживаться на работе, потому как в пятницу утром начальство в лице директора и главного редактора приходило к единодушному решению о необходимости важных переговоров в субботу, на которые потребуются «представительские». И только телеграмма смогла разорвать порочный круг.

Так что причин для утренних разговоров со мной — заведующим редакции развлекательной литературы — у шефа была масса.

В сопровождении Надежды я направился на Голгофу, прихватив вместо креста пачку с бумагами: редактор без редакторской папки — существо ранимое, особенно со стороны злобного начальства. Однако первое, что я увидел, шагнув в кабинет, была пресловутая трехлитровая банка меда, в которой утонула огромная ложка. Раз жрет мед, значит, настроен благодушно. Я тут же расслабился и прошествовал к начальственному столу, глядя на нашего «Винни-Пуха».

Добродушного медведя из детской сказки шеф ничуть не напоминал. Скорее это был типичный представитель офисного планктона, возомнивший себя Безумным Шляпником с полотен Джона Тенниела.

— Присаживайтесь, Александр Николаевич.

Тон шефа настораживал. Потянувшись, он взял со стола какую-то книгу. Обложка была мне не знакома. Значит, сегодня «на раздачу попал» не я.

— Вот, Наталья Юрьевна выпустила «Камасутру»...

Тут надо сказать, что среди книгоиздателей есть два магических слова, которые могут сделать бестселлер из любой хряпы. Это «энциклопедия» и «камасутра». Ставите одно из этих слов на обложку — и получается хит, который продается много лучше многочисленных справочников на ту же тему. Мы даже подумывали выпустить «Камасутру слесаря: энциклопедию по ремонту ВАЗ», но решили, что это — перебор. Но это так, мысли вслух...

— ...но серьезное, академическое издание, — продолжал шеф. — Там перевод самого Булкина и триста сносок, а так же предисловие профессора... В общем, мне нужно продолжение, — и тут он многозначительно посмотрел на меня, словно ожидал мудрых слов. Самым мудрым мне показалось перевести стрелки.

— Тема Юрьевны. Я-то тут при чем?..

Шеф укоризненно посмотрел на меня через стекла круглых Липульских очочков и объявил:

— Ну, Юрьевна с этой темой не справится.

— ?..

— Как меня заверили, продолжений «Камасутры» не существует, — тут мой шеф использовал запрещенный прием: достал пачку «зелени». Новые stodollarовые бумажки, запелёнатые банковской ленточкой, выглядели невинным младенцем. Надорвав фирменную упаковку, шеф стал играть купюрами, внимательно следя за моей реакцией.

— Ну, да... Подобных трактатов не существует... Нет. Конечно, что-то найти можно... — замороженно, словно кролик на кобру, уставился я на пачку хрустящих банкнот. — Как сейчас помню...

— Торговля очень хочет продолжение... — задумчиво продолжал шеф, а пальцы его скользили, перебирая бумажку за бумажкой, и говорил он медленно, гипнотически. — Нужна «Европейская камасутра». Но не попса какая-нибудь, а серьезное, академическое

издание с солидным справочным аппаратом и статьей какого-нибудь профессора, в крайнем случае кандидата наук.

Тут я совсем поник. И понятно стало, почему: Юрьевна отказалась. В древнекитайской или восточной литературе еще можно было найти аналог индийского «Трактата о возлежании», но что касается Европы... Но, как человек, «обремененный портвейном», я не мог отказаться. Тем более, что платить готовы были сразу и вне оклада.

— Знаете ли... — начал я, осторожно перебирая слова, — ...я, конечно, не специалист, но вроде что-то такое было, — тут я замялся, потому как шеф мог потребовать назвать данный литературный шедевр, а ничего подходящего мне в голову не приходило. — Надо посмотреть в справочниках, посоветоваться с энциклопедиями.

Последнее слово произвело на шефа впечатление. Тяжело вздохнув, он отщипнул от пачки зелени маленькую толику, и мне пришлось срочно набивать чену.

— Но Геннадий Андреевич, поймите. На русском ничего подобного никогда не выходило. Мне нужно будет обратиться к специалисту, — еще пара купюр прибавилась к моей доле. — ... И тексты. Ведь это XVII век... Старофранцузский. — Я не знал существует ли подобный язык, но оставшаяся пачка зелени, которая в любой момент могла ускользнуть вглубь стола, вдохновляла меня, ведя вперед, как огонек спасительно маяка в темной нищеты. — Любертены ... — последнее слово я где-то слышал, но значения его точно не знал, однако звучало оно солидно. Как оптические 3-D фильтры для обработки цветных изображений — мое личное изобретение, — я развел шефа на премию, рассказав про передовые методики создания обложек. А все потому что «Фотошоп» и «Фрихенд», в отличие от директора и главного редактора, знал не понаслышке.

После завораживающего слова «Любертены» стопка купюр, предназначенных для поисков «Европейской камасутры», увеличилась на три хрустящие бумажки.

Так как сходу придумать еще один повод опустошить карманы шефа у меня не вышло, остатки пачки исчезли в верхнем ящике начальственного стола, а сам шеф решил заесть горечь расставания с деньгами сладеньким, зачерпнув полную ложку меда. Я лишь пожелал ему побольше горчицы и пулей вылетел из кабинета, пряча в кошелек свои трофеи. И уже за дверью услышал трехэтажные пожелания негодяям, изгадившим «божественный нектар». Последняя фраза была единственно печатной из более чем двухсот слов, которые я прослушал через стену кабинета и которые, издавай я «Современную камасутру», сильно пополнили бы раздел «Половые извращения».

В редакции Развлекательной литературы меня уже поджидали очередные «клиенты средней вонючести». Кроме того, появилась Лидия Борисовна, которая делила со мной эту обитель скорби.

Пусть простят меня многочисленные редакторы, авторы и литераторы, которых в прежнее время называли бомжами, а ныне фрилансерами. Эта братия, пестрой толпой кочующая из издательства в издательство, имеет несколько отличительных особенностей, кои повышенная вонючесть (в прямом смысле этого слова), огромное самомнение и полное неумение делать что-либо, хотя порой среди этого стада и встречаются отдельные талантливые особи. Эта око-литературная публика не умеет толком ничего делать, но берется за любую интеллектуальную работу, от создания бессмертных полотен авторского текста на любую тему, до корректуры самого сложного уровня. Они могут делать дизайны, писать статьи, аннотации, обзоры. Как говорится: от эссе до глоссы. Их творения выходят на удивление ущербно-гениальными и после небольшой доработки идут в печать...

Один клиент сидел у моего стола, а другой навис над столом Лидии Борисовны — дамы в стиле фрекен Бок, в высшей степени интеллигентной, искусствоведа, всю жизнь занимавшуюся изучением творчества Тургенева, но вынужденной заниматься редактурой — а правильное сказать, переписыванием, — криминальных детективов. По её собственному признанию ночами её мучили кошмары, но всякий раз, получая квитанцию на квартплату, она из двух зол выбирала меньшее. Её «клиент» был амбалом недюжинных пропорций, который буквально выпирал из новорусской маечки буграми волосатых мышц, увитых пестрыми гирляндами всевозможных татуировок. Облокотившись огромными кулаками на край стола, он больше всего напоминал огромного орангутанга. И голос, вырывавшийся из иерихонской трубы его уст под расплощенным носом, соответствовал общему внешнему виду, точно так же как бритый череп, покатый лоб и малюсенькие глазки-бусинки, глубоко утопленные под надбровными дугами — мечта любого альфа-самца гориллы.

— Ну, так что, Лидия Борисовна, — гремел он на всю комнату, едва заметно покачиваясь, с пятки на носок и обратно. — У меня уже вышло три книги.

— Да... Да... Да... — застенчиво лепетала в ответ редакторша, осторожно пододвигая в сторону автора стопку авторских экземпляров покета, на обложке которого братва радостно и бесхитростно мочила друг друга.

— Авторские мне не нужны, мне пацаны на слово верят.

Я понял, что еще чуть-чуть, и я ему тоже поверю, а посему мышкой проскочил на свое рабочее место, не отводя взгляда от разворачивающейся передо мной сцены.

— Я только спросить хочу, вот три книги у меня вышло... Так я могу братве сказать, что я в натуре писатель?

— Да... Да... Да...

Невероятным усилием воли придавив улыбку, я склонился над столом, делая вид, что перебираю бумаги. Однако не в силах сдержаться,

фыркнул и тут же был награжден подозрительным взглядом новоявленного «писателя».

— Не понял?..

— Нет, так просто вспомнилась одна скороговорка, — в свою очередь заискивающим голосом пробормотал я, и, видя, что напряжение во взгляде «писателя» не ослабевает, выпалил.

На дворе трава,
На траве дрова,
На дровах братва,
У братвы трава,
Вся братва в дрова.

Питекантроп замер. Я видел, как медленно пульсируют лимфоузлы под костной броней его черепа, пытаюсь осознать услышанное. Наконец, поняв, о чем речь, он покачал указательным пальцем, нацеленным в мою сторону, то ли грозя, то ли повторяя про себя поговорку, потом повернулся и направился на выход не попрощавшись, пробормотав себе под нос что-то вроде:

— Дельная мысль... — И уже на пороге, повернувшись добавил. — Так я пацанам и скажу...

И только когда с грохотом захлопнулась входная дверь, мы все разом вздохнули с облегчением.

Лидия Борисовна полезла в стол и положила себе под язык таблетку валидола.

— Как вы...

— Все нормально, Александр... Я уже привыкла...

— И часто такое у вас? — поинтересовался мой гость Андрей, который по-своему был тоже интересной личностью. То есть он иногда принимал ванну и с ним можно было находиться в одной комнате, не испытывая при этом рвотных позывов. Белесый, тощий, усатый он напоминал одного из друзей Астерикса, знал несколько европейских языков и при полном отсутствии какого-либо образования мог часами рассуждать о влиянии фламандских легенд на раннего Шекспира.

— Иногда и такие кадры заходят. Приносят всякую графомань, мы её переписываем, а потом поглядите-ка: «писатель», — обогнав меня, ответила Лидия Борисовна. — Как говорил один мой знакомый врач, тут два диагноза: алкоголизм или шизофрения.

— А чаще то и другое, — с хитрой улыбкой добавил Андрей так, словно к нему это никак не относилось. — Кстати, Шурик, не найдется ли у тебя взаимнообразно рублей пятьсот...

И это вместо «здрости» или хотя бы «привет».

Я с сомнением посмотрел на Андрея. Давать ему денег в долг никакого желания не было, так как вероятность их возвращения равнялась нулю. И тут меня осенило.

— Послушай, тут есть одна халтурка... — осторожно начал я, прощупывая почву.

Андрей тут же насторожился, словно опытный охотничий пес, разве что уши торчком не встали, потому как слово «халтурка», означало «аванс», а «аванс» — пьянку, так как по трезвому настоящему литератора муза не посещает. Аванс — это вам не спирт от канифоли по утрам на работе фильтровать. Мгновение — и передо мной сидел голодный хищник-творец, готовый изваять Мыслителя за более чем скромное вознаграждение.

— Ну, работа у меня есть... — произнес он напряжённым голосом, как рыбак, который пытается изо всех сил сделать равнодушный вид и в то же время успеть подсечь. — Только если халтурка...

В перевод с литературского это означало: «Я на мели, пить не на что». Я нащупал одну из зеленых бумажек в нагрудном кармане безрукавки и медленно, растягивая слова, поинтересовался:

— Ты мог бы подобрать что-то из классики XVII-XVIII веков?

Заглотив крючок по самую блесну, он качнулся мне навстречу.

— Точнее...

— Ты же у нас специалист по французской литературе... Мне нужна «Европейская камасутра», серьезное издание. Лит памятник.

Андрея разочарованно откинулся на спинку стула, и, предвидя его фразу о том, что подобной книги не существует, а потом какое-нибудь язвительно колкое замечание, непременно завершающееся вопросом о пятистах рублях, я продемонстрировал краешек зеленой купюры, чуть вытянув её из кармана. Лицо Андрея скривилось в немой борьбе здравого смысла с горящими трубами.

— Хотелось бы понять, что именно ты от меня хочешь...

Больше всего я хотел сказать Андрею, что ничего не хочу, кроме как отправиться за бутылочкой ледяного «Амстердама», послав ко всем чертям и фирму, и директора Винни-Пуха, и «Европейскую камасутру». Но взял себя в руки и честно исполнил свой долг, объяснив потенциальному автору смысл издания, необходимость мощного справочного аппарата, а также наличие предисловия от какого-нибудь светила филологической науки.

Андрей долго жевал белесые усы, побуревшие на кончиках от никотина, а потом выдал:

— Ну... Вопрос очень сложный... Помнишь Пехтухова, — я с содроганием вспомнил и кивнул. — Он ведь кандидатом был... Правда, инженером... Но в книге ведь это необязательно указывать? — Я снова кивнул.

— А само творение?

— Скажем так... — тут Андрей снова задумался, пожеывая свой ус, а потом заговорил, поглядывая на меня, словно ожидая моего одобрения. — Напишем, стилизовав текст под середину XVIII века. Предположим, это будет де Шарьяр... «Вечерние монологи»...

— Этот де Шарьяр?

— Историческая личность, Остальное доделаем. Статью Пехтюхов напишет. Ну там, поучительные беседы... дядюшка беседует с племянником, наставляя его...

— Справочный аппарат?

Андрей снова закусил ус, тщательно его пережевывая.

— А сколько сносок надо?

— На книгу... Сносок триста, всяческие исторические реалии, комментарии...

— Понятно, — задумчиво произнес он, прикидывая. Чтобы подстегнуть мыслительный процесс, я выдвинул из кармана уголок второй зеленой купюры. Андрей втянул воздух так, что меня чуть ветром не утянуло. — Ну, конечно. Сделаем сноски по историческим персонам, значимым географическим реалиям, а также комментариям...

— Комментарии одного из римских пап о падении морали и нравов...

— Точно, посмотрим, кто из них был пописучее... А объем?

— Ну текст листов десять, лист предисловие о де Шарьяре, листа три комментария. Как-то так.

Андрей облизнулся, не сводя взгляда с кармана мой безрукавки.

— Ты же знаешь... Стилизация под старофранцузский... Любертены...

Я знал! Прищурившись, я внимательно посмотрел на Андрея.

— Ты мне еще расскажи, что будешь консультироваться со специалистами в толковании идиоматических оборотов.

Андрей все понял и печально кивнул. Договор мы подписывать не стали. Договор для чужих, пришлых литераторов, а своим обычно веришь на слово. Стоит какому-то литератору хоть одного издателя кинуть, и больше он к дверям ни одного издательства не подойдет. Литераторы — они одинокие и беззащитные, а издатели хоть порою и годами не видятся, представляют из себя истинное братство. И даже если кто другой злосчастному кидале что закажет, то оформит все договоры по полной, так что со скудного гонорара труженика пера государство снимет не одну и не две стружки.

В тот день я честно отдал Андрею трех президентов, и мой старинный знакомец растаял, как утренний туман. Лишь Лидия Борисовна томно вздохнула и, уткнувшись в свои детективы, печально покачала головой, словно окончательно разочаровавшись в жизни...

Продолжилась эта история осенью, когда начальство уже взялось не на шутку трясти меня. Деньги были заплачены, а значит и дело должно быть сделано. Российские читатели непременно должны оказаться посвященными в таинства «Европейской камасутры». Однако по моим расчётам, основанным на собственном горьком опыте, я знал, что Андрею еще нужна была неделя-другая для окончательного освоения моего аванса в ближайшем винном магазине.

Когда я звонил ему и просил позвать к телефону, жена Андрея с безысходной печалью в голосе отвечала, что её супруг очень болен, сейчас спит и подойти не может. Так как диагноз я мог поставить даже не лицезрея пациента, я всякий раз лишь плечами пожимал. Потом Андрей ещё неделю отказывался от визита в редакцию, уверяя, что не может, и появился после того, как я заверил, что именно для него у меня всегда найдется заветная бутылочка живительной сорокоградусной микстуры...

Несмотря на прохладу, царящую в издательстве — заморозки уже наступили, а батареи еще не включили, да и толку от них обычно было очень мало, — Андрей появился теплый до горячего, источая запах перепрелого табака и вчерашнего перегара. С довольным видом он вручил мне пачку бумаги — распечатку на матричном принтере — и огромную дискету, какими перестали пользоваться еще в начале девяностых.

— Вот, — объявил он. — Де Шарьяр «Утренние диалоги».

Я хотел было возразить, что изначально это были «Вечерние монологи», но плюнул, так как лично мне было все равно. После этого автор поведал мне, что в рукописи всего восемь с половиной листов, что до печати её непременно должен посмотреть редактор; комментарии всего листа на полтора, зато кандидат наук постарался, выдав аж полтора листа, посвященных де Шарьяру и его шедевру эротической литературы, а также объяснил влияние этого шедевра на всю эротическую литературу конца девятнадцатого века. Мне почему-то сразу вспомнились рецензии Лема к ненаписанным произведениям, но я скромно молчал, дабы не развеять своими замечаниями атмосферу высокультурного диалога о влиянии «Утренних диалогов» на мировоззрение молодых Уальда и Мирабо, а так же о параллелях творения де Шарьяра с творчеством пресловутого маркиза де Сада.

Лишь Лидия Борисовна, краем уха следившая за нашей беседой, печально качала головой, вычитывая очередной шедевр, повествующий о кровавых похождениях бравой братвы. Только когда Андрей, удовлетворенный еще парой зеленых бумажек и рассказом о мифических «роялти», покинул нашу обитель, она подняла голову, и, посмотрев на меня поверх очков, голосом полностью разочаровавшейся в жизни учительницы печально поинтересовалась.

— Неужели вы собираетесь это издавать?

— Конечно. Только издавать это буду не я, а мы.

— Но ведь это не просто мистификация, это верх цинизма!

— Лидия Борисовна, — я постарался в точности воспроизвести её тон, но не смог добиться нужной ноты страдающего интеллигента. — Поверьте мне, вы присутствуете при рождении настоящего шедевра.

— Шура, вы закончите свои дни на костре...

Она отвернулась к стене. Я смолчал. А мог бы сказать, что создание читаемой массовой культуры из откровенно графоманских полуграмотных

сочинений бывших бандитов и оперов тоже не самая прямая тропинка в рай. И многие из авторов подобных произведений считаются писателями только потому, что начальный вариант рукописи до редакции не видел никто — кроме несчастного редактора.

P.S. к Акту 1. КСТАТИ О РЕДАКТОРАХ

Редактировать Де Шарьяра взялась одна дама. Я бы даже назвал её доверенным лицом. У каждого завредактора есть такие «бойцы». Из общего болота всеядных литераторов их выделяет одно качество: им можно получить любую грязную работу вплоть до выноса мозгов, а также уничтожения литературных трупов. Когда известный писатель принес откровенную «хряпу» или нужно подготовить жаренный текст, под которым подпишется не каждый литератор, переписать чужой перевод или поучаствовать еще в какой литературной авантюре, такие люди просто незаменимы. И дело вовсе не в том, что кто-то из завредакций боится замараться. Люди, не распоряжающиеся денежными фондами и постоянно рассказывающие авторам, литераторам и переводчикам о том, что денег нет, но при этом прижимающие к сердцу туго набитые кошельки, а все потому что, вычеркнув всех авторов, поставили себя на первую и единственную строчку платежной ведомости, по определению не могут быть порядочными людьми. *(Себя я из этого списка вычеркиваю, так как с первого своего места работы в издательстве вылетел, потому что пытался соблюдать интересы авторов, а не фирмы. А потом, продолжая заниматься подобной деятельностью, разработал трехходовую систему. Но я опушу описание тысяча одного способа получения честно заработанных денег, вне зависимости от прижимистости владельцев издательства и упорного сопротивления жадного завредакции, ибо к данной истории она отношения не имеет).*

Анита была дамой в меру грамотной, в меру въедливой. Рассказ о ней можно было бы начать фразой: «И в кабинет вплыла фиолетовая копна волос...» Впрочем, несмотря на внешний вид, скорее подходящий девочке-панку лет четырнадцати, Анита была дамой весьма серьезной и с легкостью могла взяться за любую работу, порой взваливая на себя непомерный груз и с той же легкостью вмиг бросая, соврав о срочных делах, а между ними забить косячок, когда сигареты уже не помогают...

Рукопись она выправила быстро, правда долго ругалась из-за «путаницы рук и ног, в которой порой совершенно невозможно разобраться». Я же, выслушав весьма злобные и лаконичные замечания Аниты, пережегающимися пробоями на «хи-хи» и легким покашливанием заядлого курильщика, решил в текст не заглядывать, а аккуратно отложил в сторону распечатку с правкой, чтобы ко мне не пристал въедливый табачный запах, обильно приправленный ароматом конопли.

Прежде чем отдавать распечатку с редактурой в техотдел, чтобы правку внесли в файл, пришлось с неделю выдержать рукопись на окне. Техотдел — не редакция. Там работают дамы строгие, и если они надышатся и их тоже начнет пробивать на «хи-хи», мало не покажется...

Акт 2. Рождение мифологемы

В восьмидесятые годы существовал определенный тип людей — комсомольские работники. При виде такого человека сразу хотелось сдать взносы или провести внеплановую политинформацию. Высокий лоб, зачесанные назад волосы, честный взгляд. Правда, что характерно, эти бескомпромиссные борцы с мировым империализмом обычно были людьми беспринципными, готовыми спустить комсомольские взносы какой-нибудь средней школы в первой же размыльной. При этом, если спросить у них: «Где, собственно?», они ничего не ответят, а станут смотреть на вас взглядом несчастного щенка, которого вышвырнул на улицу в самый дождь бессердечный хозяин-садист.

Такие деятели не раз встречались мне на тернистом жизненном пути. Один из них, еще в конце восьмидесятых, когда стало можно, издал бешенных тиражом в аж в полмиллиона экземпляров первый составленный мной сборник американской фантастики, но в очень странном формате. Когда же я поинтересовался, почему книга такого странного размера, чуть поменьше знаменитой в те годы серии «Зарубежная фантастика», он ответил с хитроватым ленинским прищуром:

— Бумага ворованная. Должны были печатать комсомольские уставы.

— А почему обложка из ледерина? Рисовали же красивую цветную!

— Картон ушел на буклеты для Дворца Молодежи. Там один целитель выступает, цветотерапией лечит. Сам понимаешь, ему полноцвет нужен. А ледерин... Тут хотели кресла для школьных актов залов по всему району перетянуть. При закупке сэкономили и купили ледерин переплетный, а он синим и серым оказался, потом провели ревизию... Да и старые кресла еще ничего. Правда, пришлось картинку, чтобы штамп отлить, по контуру обвести. Кривовато получилось, но выглядит как оригинальная задумка. Всем понравилось...

После этого остальные вопросы отпали сами собой. Хотя он так и не уточнил, кто эти самые «все, которым понравилось».

Почаствовал один такой и в судьбе шедевра мировой литературы за авторством Де Шарьяра. Этот деятель, в середине девяностых променяв комсомольское кресло на кресло работника культуры при городском правительстве, носил гордую фамилию Трубачов, которая как ни странно удивительно подходила ему. Он любил поговорить об истории, особенно европейской, особенно о веке шестнадцатом-семнадцатом, когда рыцарство еще не изжило себя, но Эпоха Возрождения

уже пыталась прорости сквозь густую поросль инквизиции, которая (по мнению данного историка) стала краеугольным камнем в культуре БДСМ. А посему разговоры о конструкции средневековых замков после третьей бутылки «Балтики» у него мягко перетекали в сравнительный анализ нравов женских монастырей Европы, где царили нравы в духе Маркиза де Сада, и гаремов ближнего Востока, где европейские бастарды от крестовых походов удачно смешивали достижения европейских монахов с изощренным искусством евнухов Саладина...

К тому моменту как начался второй акт мифологемы Де Шарьяра, Трубачов вполне себе так укоренился в кресле советника по культуре, правда какому депутату городской думы и о чем именно он советовал и по сей день осталось для меня военной тайной. Тем не менее, обожновавшись на тепленьком месте, он тут же зарегистрировал издательство со странным названием «НРК» — организацию, породившую несколько еще более странных деятелей от литературы. Что означала аббревиатура, никто не знал, но после пятой «Балтики» по нарастающей (то есть начали пить с третьего номера, постепенно доходя до девятки) директор и учредитель в одном лице мог признаться, что таинственное «НРК» означает «Не Расстанусь с Комсомолом», хотя быть может, существовала и другая более сакральная расшифровка.

Посещение редакции «НРК» было само по себе сопряжено со смертельной опасностью. Ради экономии Трубачов снял офис в здании, предназначенном под снос — в те времена СПб не мог, как ныне, похвастать обилием бизнес центров, да и само подобное понятие не существовало. А кроме всего прочего офис «НРК» располагался на втором этаже, куда можно было подняться лишь по наружной железной лестнице. Стена, к которой она крепилась, выглядела не слишком обнадеживающе, и когда ты поднимался на четыре огромных пролета, вся эта ржавая конструкция покачивалась и поскрипывала так, что казалось еще мгновение, и огромные металлические штыри вылезут из раскрошенной стены красного кирпича и вся конструкция бесформенной грудой рухнет во двор. Сам Трубачев утверждал, что выбрал это помещение лишь для того, чтобы оградить себя от визитов обиженных авторов, налоговой, пожарной, а также любых других фискальных служб.

И вот как-то, когда я навещал «НРК», Трубачов встретил меня триумфальной улыбкой Ричарда Львиное Сердце, наконец вырвавшего Гроб Господин из лап неверных.

У меня же настроение было так себе. Поднявшись в офис «НРК», я отлично понимал, что мне придется и спускаться, причем после злоупотребления водкой, бутылки которой мерно позвякивали у меня в сумке. В тот день, тоже летний и тоже жаркий, как и тот, когда началась история бессмертного творения Де Шарьяра, я не слишком-то

хотел нажираться до розовых слонов, но отлично понимал, что иначе подписи и печати не лягут на заветные листы двух издательских договоров и был готов принести себя в жертву культуре.

Продемонстрировав хозяину, что явился не с пустыми руками и передав договора, я уселся, готовясь к разговору «о главном», пока местный юрист проверяет точки и запятые в заветном документе.

Открывал водку и разливал Трубачов так, что сразу бы виден стиль и опыт бывшего комсомольского работника. Откупорив бутылку, он аккуратно клал горлышко на указательный палец левой руки, потом подносил палец к стакану, так чтобы между краем стакана и горлышком бутылки находилась прокладка проспиртованной плоти, а потом начинал медленно наклонять бутылку, которая дрожала и вибрировала в его правой руке. При таком способе разлива, несмотря на сильный тремор, не было ни одного «звяка», «бульки» ложилась ровно, а заветная жидкость выплескивалась из узкого горла бутылки строго отмерянными порциями.

После первой бутылки начался взаимный обмен новостями культурной жизни Северной столицы — историями кто-где-что издал и кто сколько при этом выпил, обмывая. Неожиданно подавшись вперед, Трубачов сообщил мне заговорщическим голосом:

— Знаешь ли, должен тебе поведать... — Начало было многообещающим, и я насторожился: — Помнишь, вы издавали «Европейскую камасутру»? — Я напрягся. — Так вот, мы сейчас переиздаем наследие Де Шарьяра. Ты знаешь, одна девочка сделала новый перевод со старофранцузского...

В этот миг голова у меня закружилась и весь мир приобрел приятный зеленоватый оттенок. Я увидел бескрайние песчаные пляжи Сиде, искрящиеся бассейны, манящие прохладой ярко-синих вод, немок топлес, и почувствовал во рту привкус цветочного виски.

— Вот с этого места пожалуйста поподробнее... — только и сумел выдать я.

— Ну, знаешь, эти выпускницы универа. Ноги из плеч...

Фантазия у хозяина «НРК» была просто удивительная, существование переводчицы с формами Мерлин Монро и характером Золушки Жеймо, а тем более в одной постели с господином Трубачовым было более чем сомнительно — хотя бы ввиду того, что «Утренние диалоги» невозможно было перевести как с современного, так и со старофранцузского. Но я слушал излияния на тему «ай да я, ай да сукин сын» с интересом, прикидывал, что из его фразеологических оборотов можно использовать в собственных завиральных историях на тему «Ох, где был я вчера...»

Когда же память моя оказалась перегружена новыми образами, а водка кончилась, я решил расставить точки над «і». Чего я ожидал, сообщая ему о том, что господина де Шарьяра, а точнее его

гениального творения в реальности во Франции XVIII века никогда не существовало? Однако все получилось довольно мило. Узнав, что «реально попал на бабки», господин Трубачов задал только один сакральный вопрос:

— Сколько?

И поняв, что вопрос открыт и нуждается всего лишь в подробном обсуждении, что не придется сворачивать проект, суливший недетские барыши, Трубачов послал кого-то из своих бойцов за «жидкой добавкой», и мы не торопясь продолжили разговор, плавно перейдя к обсуждению цены передачи прав и величине причиненного мне морального ущерба...

Через три месяца в одном из московских издательств вышло новое прочтение бессмертного творения де Шарьяра, причем в предисловиях и послесловиях три профессора обсуждали историю сотворения шедевра в конце восемнадцатого века. А судьба его создателя оказалась тесно переплетена с царствующими дворами Европы. Я узнал, что де Шарьяр играл важную роль при папском дворе и служил эмиссаром папы в Новый свет, которому было поручено не много ни мало, как сексуально просвещать дикарей индейцев, обучая их основам европейской любви.

Акт 3. Официальное признание

Китайский Университет — одно из многочисленных коммерчески-образовательных учреждений по типу пивявки присосавшихся к тогда еще Ленинградскому университету Санкт-Петербурга имени Жданова. Если вздумается это само по себе смешно, потому как университет Ленинградский, находится в Санкт-Петербурге, да еще носит имя человека, который в прошлом подписал расстрельные приказы на всю профессорскую верхушку. В общем как в том анекдоте про баню: «Вы, Иван Соломонович, или трусы оденьте или крест снимите».

Но господина Иванова Ивана Ивановича — сибирского здоровяка, волею случая возглавившего Китайский Университет, проблемы наименования особенно не интересовали. Его ничуть не смущало, что его Университет располагался в подвале жилого дома, пусть даже и перенесшем ремонт, немного не дотянувший до евро. Иван Иванович был настоящим ученым до мозга костей и, оказавшись на административной должности, большую часть времени старался посвящать науке, а посему само заведение, хоть и могло стать центром, торгующим тайнами жизни Поднебесной, скорее напоминало вечернюю школу начала семидесятых, а не коммерческое учреждение. Чуть улучшенные, осовремененные декорации «Большой перемены». Сам же Иван Иванович предпочитал поработать над какой-нибудь заковыристой статьей или за «рюмочкой чая» поучаствовать в беседе о различиях в переводах «Идзина», чем корпеть,

готовя акты по списанию старой и закупке новой мебели. В связи с «Идзином» я и оказался в его кабинете, на пышно выставленной «поляне» с водочкой и весьма достойной закуской в виде нескольких сортов колбасы и сыра, а так же неизменных огурчиков и оливок с анчоусами. Третьим был профессор с многозначительной фамилией Ломоносов, носивший в народе кличку Шлагбаум на который его фигура сильно смахивала.

Оба светила китаистики отлично знали историю создания творения де Шарьяра, но Иван Иванович видимо стеснялся коллеги и лишь дождавшись его ухода, сообщил мне интригующую новость, которая буквально сразила меня наповал.

— Шурик, должен вам сказать, ваш де Шарьяр... Помните вы мне о нем рассказывали? Так вот они его поставили в программу...

— В программу? — не понял я.

— Да, — печально вздохнул Иван Иванович. — Они теперь его в университете изучают, как выдающееся творение французской литературы.

— Но... — у меня отвисла челюсть. Нет... Конечно господин Поляков великий писатель и «Козленок в молоке» творение всячески достойное, но одно дело юмористический роман и совсем другое реальная жизнь. — Вы же всё знали?

— А что я? — вздохнул Иван Иванович, покачав седой бородкой. — Гуняев вон кандидатскую на де Шарьяре защитил, сейчас докторскую пишет.

— Но... — зомбированным голосом повторил я. И в тот же миг перед моим мысленным взором явился Андрей, а следом за ним фиолетовая Анита — мастер распутывания переплетенных рук и ног. После где-то над головой моей зазвучали небесные колокола, и я осознал, что наконец-то вошел в Историю с большой буквы, которую публикуют в толстых учебниках, а не ту, которая обычно случается в подъезде после пяти-шести банок восьмиградусного «Амстердама... Ведь это я подарил народу бесценное творение французской литературы — Европейскую Камасутру...

С неба на землю меня вернул профессор Шлагбаум, который неожиданно вернулся в нашу теплую компанию, хотя с тех пор как он нас покинул прошло всего минут десять и лекцию по дренвнекитайскому он явно прочитать не успел бы.

— Как лекция? — поинтересовался Иван Иванович, но в ответ профессор Шлагбаум только пожал плечами, а потом обвел рукой накрытую «поляну» и ответил:

— Как говорят в наши годы: лекция — не эрекция, отложим. Тем более... Я тут слышал ваш разговор. Так что теперь нужно обмыть рождение нового шедевра мировой литературы и, как там у нашего Гуняева, «нетленный шедевр французского языка, в образной форме

рисующего нам...» — тут он замялся, подбирая необходимые слова, но Иван Иванович махнул, приглашая его присаживаться, и распав прозрачного напитка по профессорским стаканчикам, громким басом булдаковского генерала провозгласил:

— Ну, за шедевр!

АКТ 4. ЯВЛЕНИЕ ОРИГИНАЛА

Когда мне позвонили из Ebeu и сообщили, что очередной заказ прибыл, сердце мое затрепетало в груди. Чтобы мой неискушенный читатель понял всю глубину охватившего меня трепетного чувства, придется легкими мазками набросать предысторию этого заказа, иначе меня могут счесть эротоманом, а то и того хуже.

Я заказал из Германии альбом-каталог Берлинского Музея Эротики. Очень дорогое издание — восемьсот страниц мелованной бумаги, переполненной европейской порнографией семнадцатого-восемнадцатого веков. Альбом для продвинутого издателя просто необходимый...

О необходимости использования подобных изданий в свое время мне поведал... фильм Гая Ричи «Деньги карты два ствола», а также скандал в том самом уникальном петербургском издательстве, откуда начало свой путь ныне бесценное творение де Шарьера. Сам я в скандале том не участвовал, но кто говорил, что нужно учиться на собственных ошибках? Скандал же вышел наиглупейший. Один из художников издательства, делая обложку-коллаж, использовать клипарт интернета, находящийся в свободном доступе. В результате могучий качок появился на одной из обложек боевиков про братву... Но как же удивился художник, директор Винни-Пух и все, все, все остальные работники издательства, когда увидели этого качка «в натуре» да «со товарищи», которые явились в издательство качать права за бесплатное использование бесценного образа на обложке.

Скандал вышел еще тот, вплоть до ареста тиражей, а посему руководство в лице Вини-Пуха и всех, всех, всех завинтило гайки, только вот засада была в том, что многие серии уже давно выходили в обложках из фотоколлажей и менять оформление серии не было никакой возможности, да и книжные торговцы, занимающиеся сбытом, не позволили бы подобной вольности.

Так где же взять «героев», которые бесплатно согласятся красоваться на обложке? Да и организация фотосессий превратит копеечную обложку в золотую. Однако выход из тупиковой ситуации подсказал только что появившийся фильм Гая Ричи.

В фильме был фрагмент, где герои обсуждают одну аферу, связанную с «анальными шебуршавчиками». Если сделать подписку на подобный товар, а потом кинуть покупателей, не прислать оплаченные шебуршавчики, то кто же станет возмущаться? Ведь для того,

чтобы возмущаться, надо публично признаться, что ты заказал этот «анальный шебуршавчик»! Вот тут-то меня и осенило. А что, если придать герою с обложки книжных боевиков голубоватый оттенок. Ведь не всякий снявшийся в голубой порнухе пойдет качать права в суд на использование своего фото, выставленного на «голубом» сайте. А мундир и прочее можно взять из клипартов. Монтировать фотоколлажи все умеют, а авторское право на фигуры без головы не распространяется, потому как это не портрет, а цитирование.

Тогда за идею начальство тут же выписало мне премию, а потом долго искало героев, кто же отправится в секшоп за покупками изоматериала... В результате вскоре на прилавках страны появился технотриллер, с обложки которого на неискушенного читателя чуть напряженно улыбаясь взирали слащавые качки в форме пилотов боевой авиации. И только автор технотриллера долго бродил по коридорам издательства, протирая очки и тяжело вздыхал: «Ну, как же так, я же про героев, а они пидорастов на обложку...»

Идея прижилась. Во многих издательствах до сих пор используют эротические фото разной степени похабности для оформления самых невинных книг. Я, например, помню обложку книжечки по основам вязания, с обложки которой читателям улыбалась одна из звезд садо-мазо, только одета она не в кожу и латекс, а в кружевное платье, больше подходящее для издания сказок Шарля Пьеро с указанием категории «5+».

А посему я не мог пропустить альбом Берлинского Музея эротики, как альбом совершенно необходимого для оформления обложек книг исторического содержания. Однако одно дело покупать продукцию в отечественных сексшопах, куда она поступает по официальным каналам, и совсем другое заказывать через Ebay.

Здесь мне сразу приходит на память история одного моего знакомого, который еще при Советской власти занимался продвижением иностранных детективов и фантастики в нашей стране. Литература была его хобби, а главной музой его жизни была сухая математика. Он преподавал и писал статьи в математические журналы, и, как любой известный ученый, имел много друзей за рубежом. На его пятидесятилетие его друг, тоже ученый-математик, только из Франции, не придумал ничего лучше, как подарить ему альбом-каталог «Лувр» — огромный том великолепной полиграфии. Цена альбома была просто запредельной, соперничала с ценой некоторых полотен, выставленных в музее, о котором шла речь. Однако альбом не дошел по почте до адресата в указанный срок, и когда профессор поинтересовался: «где, собственно?», ему объяснили, что данное издание является порнографическим, а посему конфисковано, так как не может быть собственностью советского гражданина. Профессор возмутился. Дойдя аж до Смольного, он доказал, что альбом

с демонстрирующимися в Лувре шедеврами, пусть даже на картинах великих мастеров изображена обнаженная женская грудь или мужские гениталии, не может считаться порнографией. После чего выяснилось, что альбом просто понравился одному из офицеров таможи. Альбом распорядились вернуть законному владельцу. И вернули. Но в каком виде! Все причинные места на всех фотографиях скульптур и репродукциях картин были аккуратно вырезаны ножницами. Профессор с месяц плакал над бесценным изданием. А начальство, когда ему пожаловались, посмотрело на «творение» мстительного таможенника, которому не дали зажечь чужой подарок, и в свою очередь поинтересовалось у профессора:

— Что вы хотели тут рассмотреть? В принципе все картины итак видны...

А посему даже в свободные постсоветские времена, заказывая альбом-каталог Берлинского Музея эротики, я в глубине души трепетал в ожидании «отредактированного» издания. Но страхи мои оказались напрасными. Ничего подобного не случилось.

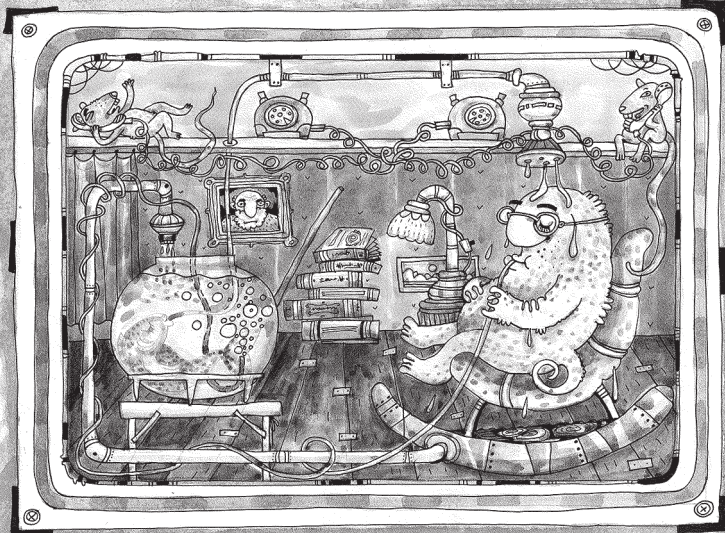
И сердце у меня едва не выскочило из груди совершенно по другому поводу. А именно: на одном из разворотов были фотографии древних фолиантов. И там, среди прочего, был выставлен оригинал «Утренних диалогов» де Шарьера.

В первый момент я решил было, что меня подводит зрение, а может двадцать лет назад меня обманули и бесценный шедевр французской литературы был не написан впопыхах между распитиями русского национального напитка (имею в виду отнюдь не квас, как пытаются уверить борцы за чистоту русской культуры), а все же переведен... Но потом, подумав и вспомнив Иван Ивановича Иванова, я понял всю силу отечественной мифологии.

Подборка соответствующих теме номера миниатюр из числа лучших по результатам ежемесячных конкурсов-тренингов АСТРА-БЛИЦ и ВАРЕНИКИ

подробности по ссылкам:
<http://astranova.livejournal.com/>
<http://club-attraction.livejournal.com/>

ЧАСТЬ 5

Р- значит РАЗНОЕ

ВОДА ЛЮБВИ, ВОДА НАДЕЖДЫ

В тот день я плыл вокруг атолла, нежась в нагретой солнцем прибрежной воде. Как же хотелось лечь на чистое морское дно, раскинув грудные плавники, лениво понаблюдать за ковыляющими по песку крабами... Но если остановлюсь — умру, а это, согласитесь, стимулирует оставаться в тонусе.

Мимо меня пронеслась стайка рыб-ангелов в одинаковой полосатой униформе, наверное, очередная тренировка перед Марианскими Играмми. С тех пор, как наш атолл выиграл тендер на проведение океанских соревнований, здесь стало как-то шумно. Впрочем, к моменту начала Игр я уже отправлюсь в далёкое путешествие к месту акульего нереста, найду самку пожирнее, съем её (а что вы думали, путь-то долгий) и спарюсь с самой острорылой (мой фетиш, если хотите).

Приятные мысли прервало назойливое чмокание где-то в районе спинного плавника. Наверняка опять промоутеры! Вчера аж трое прицепилось, пришлось полвечера о рифы тереться, еле отодрал. Я раздражённо ждал, пока покрытый роговыми зубцами язык паразита проникнет сквозь прочную чешую и достигнет нервных волокон. Наконец это произошло, и наши разумы образовали ментальную связь.

— Пожалуйста, не удаляйте меня, это не спам...

— а реальная возможность заработать. Плавали, знаем!

— Нет-нет, я не такой! То есть да, я такой, но сейчас — нет! Вы простите, конечно, что так внезапно...

— Иначе сожрал бы сразу, и вы это знаете.

— Да я понимаю... — показалось, или в мыслях паразита действительно чувствовалось сожаление? — Просто больше не к кому обратиться. Тут такое дело...

Я ждал всякого. Например, безумной скидочной акции в каком-нибудь глубоководном бутике (если он всё-таки мне соврал). Или просьбы сожрать в долг стаю конкурентов, мешающих бизнесу. Для чего ещё могла понадобиться помощь трёхметровой тигровой акулы? Но «спамеру» удалось меня удивить.

— Вчера возле нашего рифа проплыл человеческий катер, и мои дуры-дочурки решили, что это такая рыба. Не знаю, что они собирались ей втюхать... Но сейчас этот катер движется в сторону гвинейского порта! А все знают, там днища судов чистят от всего, что к ним пристало! Значит, и моих дурынд тоже того... — нет, действительно чувствовалась тоска. — Через сутки катер войдёт в док, и тогда всё пропало! Вы же можете их догнать, правда? Помогите — а потом съешьте меня!

Хм. Паразит всерьёз отчаялся, раз решился на такое предложение. И с другой стороны, мне действительно всё равно в какую сторону плыть, лишь бы не останавливаясь...

Догнал я эту лодку только к утру.

Мерзавцы шли на полном ходу несколько часов, но на ночь заглушили двигатель. В розовых волнах рассвета я сделал пару неспешных кругов, стараясь выглядеть как можно более респектабельно и платёжеспособно. Почувствовал три почти синхронных чмокания — и мысленно усмехнулся. Как мало надо, чтобы увлечь юные головы. Мысли плавно перетекли в романтическую сторону — и сам не заметил, что уже плыву в сторону далёких брачных угодий.

Заботливого папашу пока есть не стал. Всё-таки скучно в дороге одному.

ОЛЬГА ДЕНИСОВА

РАСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ ЭВОЛЮЦИИ

Ближе к полюсам на этой планете дули отчаянные ледяные ветра, поземкой гнали по земле пыль и рвали пену с океанских волн. Корабль стоял на утесе, будто покосившаяся башня сказочного замка, и ветра с воем текли вокруг корпуса, свистели в дудки дюз. Воздух здесь был живительным (гелий вместо азота), и когда Шохин подставлял лицо ветру, слабела головная боль и ненадолго отступала тошнота, не прекращавшаяся уже двое суток.

Он как всегда встретил Катю у подножья утеса, помог подняться к шлюзовым камерам — делал вид, что тоже гулял.

— Не надо уходить так далеко от корабля, — заметил он, едва закрылись двери и ветер умолк. — Мне приходится усиливать экран.

Раньше он не чувствовал усиления полей экрана... Интересно, это тоже симптом? В справочниках об этом не говорилось, а спросить было не у кого.

— Извини, — Катя легкомысленно пожала плечами. — Мы все равно умрем здесь, так что ты напрасно страдаешь.

— Без экрана мы умрем еще быстрее.

— Брось, Шохин! Мы раньше сойдем с ума, — она рассмеялась.

— Ты уже сходишь с ума, — проворчал он.

Нет, молодец она, конечно, — не каждый мужчина способен держать себя в руках, ожидая смерти. Уцелевших ресурсов корабля хватит примерно на год, если экономить, но планета мертва, а живительным воздухом сыт не будешь. Помощи ждать бессмысленно — иголку в стоге сена искать проще.

Наверное, если бы Шохин остался один, он тоже мог бы позволить себе и легкомыслие, и сумасшествие, и такой вот веселенький песимизм. Но он отвечал за нее — а на его совести и без этого висели шестеро погибших во время посадки.

Катя застучала его в медпункте, когда он колол себе атропин — Шохин сказал, что его тошнит из-за усиления экрана. Она назвала его цацей и удалилась. Он решил, что ловко ее обманул.

Весь день дрожали руки, мешали работать. Перед ужином накатила рвота, горело лицо, к головной боли добавилась слабость — Шохина изрядно качало на ходу. Он сказал Кате, что простыл утром на утесе.

— Ты космонавт или кисейная барышня? — спросила она и от чистого сердца посоветовала съесть конфету с витамином С — он посчитал себя самым хитрым парнем на этой планете.

Иногда ему казалось, что она за ним следит, что давно обо всем догадывается, но молчит — а значит, соглашается с его решением. Потому и делает вид, что поверила в его незамысловатую ложь.

В работе пришлось сделать перерыв на четверо суток, дожждаться наступления бессимптомной фазы — не такой уж она оказалась бессимптомной... Оставалось немного, в нормальном состоянии можно уложиться за полтора часа, и растягивать их на три коротких захода уже не имело смысла: теперь Шохин боялся не успеть, боялся, что ему станет хуже и он не сможет закончить. Тогда все напрасно...

На пятый день, когда Катя ушла на берег, он заблокировал дверь шлюзовых камер — боялся, что она вернется раньше. И поздно понял, что сделал это напрасно: мог похоронить себя в реакторе, а ее — снаружи, на ледяном ветру. Нет, она не вернулась раньше, и Шохин, вздохнув с облегчением, проверил работу турбин. Видел на мониторе, как неловко Катя бежала к кораблю, заметив полыхнувшее из-под дюз пламя. Как карабкалась на утес. Слышал (или думал, что слышит) как она пятками стучала в двери шлюза. На карачках полз до пульта разблокировки дверей — чтобы не упасть и не биться плечами о переборки: стоя слишком сильно кружилась голова.

Она ругалась как извозчик и топала ногами, размазывая по щекам слезы. Влепила Шохину две увесистые пощечины. Потом обмякла вдруг, опустилась на колени, согнулась, сжалась будто от боли и заревела в голос, по-бабьи безотрадно. Он решил, что сделал что-то не то. Он почти убедил себя в том, что она давно все поняла и согласилась... Он думал, она обрадуется.

— Шохин, ты мерзавец, ты дрянь такая... — тоненько выла Катя. — Ну зачем, зачем? Мы бы еще год продержались, нас бы кто-нибудь нашел...

— Никто бы нас не нашел, ты прекрасно знаешь. Сама говорила, что мы умрем.

Наверное лучше, если умрет один, а не двое...

— Ты негодай, ты... Я не для того говорила! Я не хотела, чтобы ты меня жалел! Как я жить буду после этого, ты подумал? Открой мне тайну, Шохин, чем я хуже тебя? Почему мне без усиления экрана часок погулять нельзя, а тебе дозу в полтыщи рад сорвать можно? Объясни мне, Шохин, почему ты, а не я?

— Потому что ты женщина. Потому что ты, если вернешься, можешь родить ребенка. Ты, а не я.

ГАЛИНА СОЛОВЬЕВА

ВНЕ ИГРЫ

Хрен знает, почему в игре он был мамой. Вроде бы когда-то, в песочнице, позавидовал Ирке, которая властно распоряжалась своими куклами, укладывала спать, водила на прогулку, а его то и дело отправляла «на работу» и «в магазин». Может, он тогда и решил, что мама — самая завидная роль? Разве теперь вспомнишь! Игра, понятно, была тайной. Войнушке с пацанами она не мешала, и кукол он у матери не выпрашивал — хоть и мог бы. Мать — не пацаны, смеяться бы не стала. Все же он и дома играл про себя.

...Она растила сына одна. Так сложилось. Понятно, в жизни мальчишка должен быть значимый мужчина. Нашла кружок — юных биологов готовил отличный бородатый дядька добряк, умница и с юмором. Таскал малышню на выезды, чуть постарше — брал в экспедиции. Иногда она ревновала, когда сын застревал в кружке надолго после занятий — но помалкивала. Ее дело — мамино: кормить супом и вкусностями, чесать спинку и лечить насморки, проверять уроки и возить в музеи. Конечно, порой мальчишку надо «строить». Тогда она представляла себя отцом-командиром, строгим, но справедливым. Выработывала командный голос... иногда помогало.

...Надо же, какая непруха — две трети состава салажня. Неделя переформирования — что банный день в детсаду! Он даже не успел начесать холку тому остряку из штаба, что дал ему позывной «Наседка». И вторая непруха: артобстрел, едва они начали окапываться. Вилка смыкалась, цейтнот, недосып и в башку первым метнулось вычитанное в какой-то древней саге: «Вызываю огонь на себя». Запарка, да... Приказал прапору отводить скворцов по овражку, сам взял трубу и двинул в противоположную сторону. Наблюдатели у них хороши — после первого же выстрела сместили прицел. Он, отдуваясь под тяжестью боекомплекта, сменил позицию и еще малость пошумел. Да, они там поняли. Опять вилка. Перелет, недолет, перелет — рано или поздно накроет. Спешить уже некуда,

просчитывать, был ли другой вариант — ни к чему. Поиграть, что ли, на досуге? Доиграть...

...После девятого класса он ей задал. Все прелести переходного: пиво, сигареты, школу к черту, веселая компания в скверике до утра... Тогда и начало побаливать сердце, сжимало бешеной болью виски. Больше всего она боялась свалиться сейчас, оставив сына одного вот таким: безбашенным и беззащитным. Повторяла про себя: «Хоть бы до свадьбы дотянуть!» и часто представляла себя раненым бойцом, прикрывающим отход своих, ждущим подкрепления... Обошлось, перерос. Академка — это ничего. И девочка хорошая. А медовый месяц в экспедиции просто замечательно! Про визит к кардиологу она им не рассказывала, и на свадьбе даже выпила немножко. Связи не будет несколько месяцев... — ну что же, со мной здесь ничего не случится, а вы берегите себя...

Она успела вызвать скорую и открыть дверь. В паспорт был вложен телефон завотделом организации похоронит. Дети вернутся положат цветы. Потом боль накрыла, взорвалась в груди снарядом.

...Улетел в пространства обрывок последней мысли: Жаль, внуков не уви... дел...ааа...

АЛЕКС ГАГАРИНОВА

СХОДИЛ ЗА ПАСПОРТОМ

Митька споткнулся и едва не упал. перевел сбившееся дыхание, оглянулся на преследователей — те еще не показались из-за угла. Похоже, удалось оторваться. Ноги дрожали, горло горячо саднило. Вездесущая детвора, бросив игры, с любопытством его разглядывала. Ну да, видок у него сейчас... Выглаженная матерью рубашка испачкана, рукав оторван...

Конечно, он слышал о таких историях, но вообразить не мог, что влипнет в подобную передрагу! Говорила ему мама — пойдем вместе, так нет, отказался: мне восемнадцать, уж паспорт получить сам смогу!

Получил... Стоило ему отойти от здания паспортного стола, как яркие коготки неожиданно вцепились в его руку, густо накрашенные губы потянулись к его губам... Митька отшатнулся и тут же опрокинулся навзничь, — кто-то из банды врезал по ногам. Чудом вырвался.

Ладно, надо идти. Митька похлопал по карманам — чёрт, паспорта нет! Наверно, выронил на бегу. Эх, даже до дома не донёс, не успел полюбоваться зелёным, звездно-серпастым... Придется завтра идти писать заявление о краже. И только с мамой, хватит с него сегодняшнего приключения.

Митьку схватили, когда он уже сворачивал в арку своего дома. Как же он не сообразил, что выпавший паспорт могли подобрать его

преследователи! А там — адрес прописки... Об этом он догадался, когда его, со связанными руками и с мешком на голове, куда-то вели. Куда-то... Об этом у него тоже было время догадаться.

С тех пор, как в стране ввели обязательное многожёнство, женщины смекнули, что жить теперь предстоит не столько с мужем, сколько с сёстрами по несчастью. Поэтому удачей считалось закадычным подругам выйти замуж за одного мужчину. Но где гарантия, что жениху понравится подружка его избранницы? Нет такой гарантии. А еще и время поджимает... Вот и появились эти «банды невест», обычно из бывших одноклассниц. Они отлавливали симпатичного парня, держали его взаперти и впроголодь, пока тот не соглашался жениться на всей компании сразу. Поговаривали, некоторых били и даже... Но об этом Митьке думать не хотелось. Теперь он понимал, почему никто из парней, понуждаемых к браку, не жаловался и не отказывался от своего согласия. Стыдно же! Ой, как стыдно, что тебя, мужчину, какие-то девчонки...

Митька тогда был маленьким, но помнил, как радовались мужики этому закону «об улучшении демографической ситуации в стране», как гордо они ходили по улицам, по-хозяйски поглядывая на женщин. И что из этого вышло? Теперь мужиков на улицах не видать, вкалывают по с утра до ночи, чтобы прокормить быстро увеличивающиеся семейства. Ведь одновременно запретили аборт, вместе с разводами. И уголовную ответственность ввели. За безбрачие. Для мужчин — с двадцати лет, для женщин — с восемнадцати.

Остававшиеся у него два года Митька мечтал провести интересно и с пользой, учиться он хотел... Не получилось. Вместо этого ждёт его заточение, пытки, побои. А почему, собственно, ждёт?

— Эй, девчонки, — окликнул он похитительниц, — я согласен.

Через час Митька давил кнопку звонка своей квартиры, прикидывая, какими словами преподнести новость маме. На правой руке у него красовалось пять обручальных колец, за спиной сиял улыбками его новенький гарем — Ольга, Наташа, Рита, Ева и, кажется, Света.

АЛЕКС ГАГАРИНОВА

ТТ-ПОБРАТИМЫ

Это была моя идея. Так уж с детства сложилось — я придумываю, Олег воплощает, не уставая восхищаться моей фантазией. Так и в этот раз — Олежка горячо поддержал, и мы отправились воплощать мою идею. Наверно, мы дополняли друг друга — Олег был сильным, я — быстро сообщал.

Сколько себя помню — Олежка всегда был рядом. Как познакомились на траволаторе, по дороге в детский сад, так с тех пор и были

неразлучны. Плечом к плечу рубились в виртуале, вместе отбивались от драчливых старшеклассников, запоем читали, а потом жарко обсуждали прочитанное. В какой-то из старых книг мы и прочли о старинном обряде братания кровью.

— А давай и мы побратаемся? — предложил я.

Олежкины глаза округлились:

— Будем руки резать?

— Нет, гораздо круче!

Потом уже, конечно, всё расписали так, будто затея была страшно опасна, что телеподы тогда охранялись пятнадцатью степенями, но на самом деле нарушали мы только один запрет. Верней, не запрет даже, а любому понятное требование — входить в кабину телепорта по одному.

В общем, втиснулись мы в кабину, нажали кнопку и вышли из телепода на другом краю города. Посмотрели с Олегом друг на друга и обнялись. Ведь мы стали братьями — не символически, а на молекулярно-генетическом уровне.

Теперь-то это обычное дело. ТТ — телепортационный тюнинг — многие фирмы предлагают. Прописываются желаемые качества, кандидаты тщательно отбираются по множеству параметров, просчитываются возможные варианты, взвешиваются риски. Договоры, расписки, завещания... Дорого, конечно, не совсем безопасно, но от желающих отбоя нет.

Ну да, Олег первым сообразил, как это можно использовать. Запатентовал идею, в венчурный фонд обратился, ходил, доказывал, пробивал. Не сразу, конечно. Мы уже школу заканчивали, когда перемены в нас стали заметны. Олега с его золотой медалью сразу в несколько вузов приняли. Я едва-едва аттестат получил — всё время торчал в спортзале, железки тягал. Конечно, на словах поддерживал друга, но энтузиазма его разделить не мог. Олег утверждал, что это шанс для человечества, способ перехода на новую эволюционную ступень. А мне казалось, что я навсегда потерял что-то важное в том телепode. Так и разошлись наши с Олежкой пути. Лучше б мы не братались...

МАРИЯ АКИМОВА

УБИЙЦА

— Это по-твоему ключ на пятнадцать?! — ору я и сам себе отвечаю,
— Да не разбираюсь я в твоих железках!

Дурак дураком — сейчас накроет, не до условностей уже, но камеры-то пишут, и два моих голоса продолжают привычную ругань:

— Куда ты все время инструменты кладешь, а?! На место класть надо!

— Заткнись и работай!

— Сам заткнись, балласт! Биолог чертов, ни проку от тебя, ни... Тут все и оборвалось...

— Подсудимый, что вы можете сказать в свое оправдание?

— у судьи скрипучий голос и равнодушные глаза. Ему нет дела ни до чего, кроме соблюдения буквы закона.

— Я действовал согласно инструкции...

Зал взрывается криками возмущения. Молоток остервенело бьет по трибуне, охрана призывает к порядку.

Лицо у судьи морщится, вытягивается, взгляд становится масляным, как у мелкого хищника

— прокурор проступает на первый план, сходит с трибуны и обращается к пустому креслу:

— Уважаемый суд, мне хотелось бы отметить, что в сознании обвиняемого не нашлось даже жалких двенадцати личностей, которые могли бы выступить в качестве присяжных...

— Протестую! — прокурор исчезает, и вот уже перед залом адвокат, весь его облик полон сострадания и жалости. Он нервно дергает ворот мантии, кладет мне ладонь на плечо и оборачивается к зрителям:

— Никто не вправе осуждать человека за малое количество альтернативных личностей.

— Господа! — судья возвращает контроль над разумом, отдергивает руку, приводит в порядок свое облачение, — Вернемся к сути дела.

Процесс идет медленно, никогда не было прецедентов, и прокурор с адвокатом, перебивая друг друга и оттесняя основного носителя, тянут в свою сторону. Тот же кривится недовольно, его роли не позавидуешь даже с моего места — любое решение обеспечит ему место в истории, и любое станет тавром на вечные времена. Дело «Общество против Абрахама Квирли» обещает стать самым громким за последнюю тысячу лет.

На вопросы отвечаю скупой. Ежусь под недобрыми взглядами зала, в глазах людей я — убийца. Убийца своего второго «я» — рубахи-парня, гения, весельчака и любителя животных. Не уберег, сам после аварии очнулся, а его где-то внутри похоронил. В газетах чего только ни писали: «Зависть среднего ума к выдающейся части симбиотической личности», «Чудовищное предательство вторичного сознания», «ОН БРОСИЛ СЕБЯ!»

И поди, объясни им всем, что никакой альтернативной личности у меня нет и не было никогда. Такой вот уродец... Или тюрьма, или сумасшедший дом.

Да лучше бы я его убил!

ВЕТОЧКА

Туман крался от озера. Охлаждал распаренную кожу и смешивался с потом. Раиса приподнялась, упёрлась ладонями. Заревела утробно, как зверь. Бредущий с верёвкой на шее Петя заметил:

— Вы, мадам, словно иерихонская труба, право слово.

Рая переждала схватку. Буркнула:

— Иди, висельник, не пялся.

Музыкант фыркнул. Полез на знакомую берёзу.

Женщина запрокинула лицо в серый небесный кисель, взвыла. Плод вылетел, плюхнулся в озёрную рябь. Рая схватила скользкий синий канатик, потащила к себе. Из воды выскочили рыбы челюсти, запоздало щёлкнули пустотой.

Роженица передохнула. Уже без надрыва выдала послед, вырыла ногтями ямку, прикопала. Перегрызла белыми зубами пуповину. Замотала младенца в оборванный заранее подол, понесла домой.

На крыльце сельсовета дремал председатель Кузьмич. Вздёрнулся, испуганно спросил:

— Что? Ревизия?

— Не, это я, — застенчиво ответила Рая.

— Опять? — Кузьмич осуждающе покачал головой, вытер натёкшую слюну. — Чего нищету плодить?

Раиса рожала постоянно. От кого — непонятно. Мужиков в деревне -комар пописал, да и те неспособные. Народ шумел, искал виновника. Уж и Кузьмича свергали за грех, да вновь выбирали — больше некого. Привычно били кирзачами музыканта, рвали на полоски гармонь. Петя плакал светлыми дорожками слёз, брал верёвку, шёл вешаться. Повисев с недельку, возвращался — резал из липы ложки, чтобы играть. В другой раз мастерил из камыша дудочку или гитару из консервной банки и рыболовной лески. Упрямый, сволочь.

Ругались и на лешего, и на домовых. Разве что дурачка Николку не подозревали. Ему с коровами-то не справиться, не то что с бабой. Убогий пялился на народ небесного цвета глазами, пускал пузыри — как такого бить?

Шептали по углам про Михаила, но в лицо боялись обвинять — чересчур богат. Морда — как медный таз сияет. И работничков подобрал гладких, сытых, топоры за поясом. Не подступишься.

Столбы телеграфные давно сгнили, попадали. Дорога из райцентра лопухами поросла. Земля рожала всё хуже и, наконец, перестала со всем. Райны ублюдки ползали по деревне, отбирали у тощих крыс объедки и присматривались к коровьим лепёшкам.

Народ собрался перед сельсоветом, помирать красной смертью на миру. Председатель высморкался и заговорил прощальную речь.

Небо вдруг просыпалось манной: люди начали ловить ртом, отпихиваясь локтями. Ту, что не съели, затоптали. Хватило на день. Последний домовый ушёл в лес, унося охавкой полуживых крыс.

Небо снова распахнулось и уронило веточку вербы. Волшебную. За неё дрались в кровь, Михаил работников передумал да сам топор в спину словил. Музыкант, такое видя, заплакал, полез на осину — вешаться.

Николка посмотрел на рвущую друг друга зубами толпу. Поднял веточку из грязи, рукавом вытер. Взмахнул, гугукнул на птичьём своём языке.

Кузьмич стал пчелиной маткой — роем править. Михаил сделался золотым одуванчиком. Дурачок музыканту рояль подарил. А Раице — таблетки противозачаточные.

Рая хмыкнула и пошла на берег озера.

Рожать.

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВА (СЫЧЕВА)

МОЯ КРАСАВИЦА

А? Нет, не занято, присаживайтесь!

Первый раз в этом баре? Ну, добро пожаловать! Удачно вы зашли: сегодня Сашина смена. Лучший бармен в городе! Лина раньше ворчала: «Кто так картины делает! Льёт на глазок и оливку в полный бокал плюхает». Это пока не попробовала! А после сама любовалась, как в шейкере весёлый джин смешивается с пряным вермутом, а потом аккуратно, по стеночке на дно бокала опускается гладкая оливка.

Говорите, свет мигал? Минуту назад? Да нет, вряд ли проводка, за этим следят. Авось не сгорим! А и сгорим — так в хорошей компании.

Славный у вас смех, искренний. Как у моей Лины.

Лина? Да, жена. Лучше её никого нет. Сам удивляюсь, как такая красотка за меня пошла. Вот её фото до заражения. Теперь она, конечно, не такая, но всё равно краше многих. Да и внешность — это просто ширма, внутри она всё та же.

Как, не слыхали о заражении? Ну, о кусачих пришельцах? Недавно в городе, да? А у нас уже год приёмные изоляторов работают круглосуточно.

Лину я долго туда не вёз, надеялся, пройдёт. Но когда кокон затвердел, понял: надо везти. Регистраторша всё умилялась: у всех коконы серые, а у Лины розовый, с перламутринкой. А как же? Это ведь моя Линочка, моя красавица, она и окукливается лучше всех!

В приёмной тогда не протолкнуться было: сыворотку ещё не изобрели, и все укушенные заболевали. Да и сейчас не всех спасают: сыворотку ведь нужно успеть ввести в первые часы. А эти твари кусачие впрыскивают со слюной не только свой геном, но и какой-то наркотик. Человек и не помнит, что его кусали. Крошечный провал в памяти — как будто свет мигнул. Вот и не беспокоится. А потом уже поздно.

Сегодня я Лину навещал, так один посетитель прямо там начал покрываться слизью: она потом затвердеет и станет коконом. Медсестра бедная аж завопила: «Мало мне своих пациентов, у меня ещё посетители окукливаться будут!»

А Лина моя уже вылупилась, я ей сегодня передачу носил. Печёночки свежей, термос крови. Ей железо требуется. Пока не окуклишься, можно в чистом виде потреблять: желудок у укушенного лужёным делается. Помню, удивлялся, куда деваются шурпы. А это Линочка угощалась. Теперь-то ей нужна пища понежнее. Я нынче насмотреться не мог, как изящно она берёт клешнями печёнку и подносит к жвалам. Санитар спрашивает: «Родня?» — а я ему: «Жена!» Тот аж присвистнул: «Везёт же некоторым!»

О, Саша освободился, можно заказывать. Вы что будете? Кровавую Мэри? Нет, кровавую вам рановато, организм ещё не перестроился. Саш, сделай человеку Томатную Мэри!

Да, у вас на шее укус. Помните, вам показалось, что свет мигнул? Да не волнуйтесь, тут за углом медпункт. Сейчас выпьете и сходите введёте сыворотку.

Сам я не ходил. Даже обрадовался, когда обнаружил у себя укус. Говорят, супругов помещают в один бокс. Так что скоро буду с Линой.

Да, Саш, мне как обычно.

Всё-таки по части мартини он мастер! Так бы и смотрел, как весёлый джин смешивается с пряным вермутом, а потом аккуратно, по стеночке на дно бокала опускается гладкая гайка.

ЭЛЬВИРА ЖЕЙДС ПАЖЕСКИЙ КОРПУС

Толпа угрюмо густела. Розовые королевские кальсоны не оставляли подданным иллюзий.

— Король-то не до конца разделся! Уговор дороже чести! Снимай все, наше Величество! — толпа визжала, улюлюкала и плотоядно захлёбывалась слюной в предвкушении окончательного и необратимого падения правящей династии.

Человек в черном плаще с капюшоном стоял на грубом помосте рядом с королем и брезгливо ворошил концом трости кучу сброшенного платья.

— В пророчестве сказано — наг и нищ, — не тяните с этим, раздевайтесь, — концом трости он подцепил найденный кошелек и широким взмахом отправил его в напуганные задние ряды восторженных зрителей.

— Пророчество — это судьба, а не кучка грязных крестьян и насилие, творимое вами... — король вяло попытался воспротивиться.

Из-под капюшона раздался короткий глухой смешок, заставивший свергаемого монарха еще больше сгорбиться, потупив взгляд и безвольно опустив руки.

— Судьба — это сила хаоса, над которой время от времени короткую условную победу одерживает толпа — именно в силу своей безличности, спонтанной ярости и бесстрашия массы перед лицом индивида, — экзекутор говорил ровным голосом, методично сбрасывая ногами предметы одежды с помоста в протянутые снизу руки. Грубые обветренные мозолистые руки хватали нежный шелк и с наслаждением и недюжинной силой мяли и рвали его, бросая обратно на помост разноцветные клочки.

— Солнце садится, поторопись, мешок с отборным дерьмом, до заката ты должен быть абсолютно голым — настолько, что даже младенцу это будет ясно, — экзекутор глумливо простер трость в сторону мальчика-пажа, стоявшего здесь же с алой бархатной подушкой в руках, предназначенной для короны, пока еще венчающей глупую голову в завитом парике.

Наконец за чулками последовали кальсоны. Толпа выдохнула, раздалась нервная смешка. Шлюхи на балконе мечтательно жмурились и слали воздушные поцелуи. Мужики закрывали женам глаза ладонями и шапками, обещая избить дома. Детям раздавали подзатыльники.

Экзекутор в черном плаще простер руки и торжественно потряс перед толпой розовой тряпкой.

В ответ рев стал неистовым и страшным, но в нем появились измученные возгласы. Экзекутор обернулся.

Король натягивал на себя трещащий по швам камзол маленького пажа, неуклюже прикрываясь алой подушкой. Корона все еще была на нем. Солнце село.

* * *

Тело потом нашли под помостом. К пажу успели дотянуться из первых рядов. Паренек не вышел ростом, но был увертлив и достаточно силен, чтобы успеть мертвой хваткой повиснуть на экзекуторе

и столкнуть его вниз. В упавшей на площадь тьме судьба уступила хаосу и вильнула соблазнительным задом, издеваясь над жалкими людьми, достойными своего правителя.

Судьба смеялась, но щедро отмеривала второй шанс им обоим.

В годовщину того злопамятного дня статую голого короля на площади шлюхи украшают лентами, а выпускники пажеского корпуса маршируют без камзолов перед окнами дворца.

Толпа безмолвствует.

Кристиан Бэд ПРО СБЫЧУ МЕЧТ

Измаил Петрович Хаханькин, горожанин в пятом поколении, робеющий от одного вида тёщиной кошки, на самом деле всегда мечтал стать фермером. Заслужив пенсию, он тут же приобрёл домик за городом и пять соток земли. В меру плодородных, с подведённым поливом от озера. Он хотел вырастить курочек.

С первым же майским теплом Измаил Петрович вскопал грядки и посадил свежие куриные яйца, купленные в супермаркете с пометкой Д (диетические). Поливал, полол... но курочки упорно не всходили.

Измаил Петрович худел, по ночам штудировал садоводческую литературу, под глазами от недосыпа набрякли мешки. Но даже светило огородного дела, Октябрина Ганичкина, ничего не писала о том, как выращивать курочек. По всему выходило, что дело это самое простое, вроде прополки сорняков, раз агротехника не вызвала у садоводов вопросов.

Деревенские подсказали бы, будь у них в ходу книжная лексика, но перед начитанным пенсионером терялись.

Соседи слабого пола посмеивались исподтишка. Соседи, укрепившие поначалу совместный с Измаилом Петровичем пол пробным распитием пива, начали сторониться.

Измаил Петрович не сдавался: три раза заново перекапывал грядки, удобрял навозом, проверял свежесть посадочного материала специально купленным овоскопом.

В середине июля, когда грядки Измаила Петровича, чернеющие посреди бушующей деревенской зелени, довели местного барыгу до валидола, который он по привычке запивал водкой, соседи не выдержали, создали из морально стойких и говорливых делегацию и отправили к Петровичу.

После дождя жирная, обильно унавоженная земля парила. Измаил Петрович рыхлил её специальной пластиковой тяпочкой, чтобы не повредить яйца.

— Ты бы это, Петрович... — нестройно начали «делегаты», а самая смелая соседка шагнула едва не на грядку.

И вдруг влажная земля у неё под ногами вспучилась, и показалась зелёная лупоглазая голова с острым носиком, слегка похожим на клюв. На носике болтались остатки скорлупы.

— Курочки? — отшатнулась соседка. — Выходят?!

— А почему зелёные? — донеслось из толпы делегатов.

— Дык... — растерялся Измаил Петрович, разом утратив городское красноречие. — На грядке же всё поначалу... зелёное. Поспеют.

Соседи зависли в когнитивном консонансе.

Лупоглазая «курочка» выпростала из земли длинное крокодилье тельце, расправила перепончатые крылышки и жалобно замыкала.

Кристиан Бэд КОЛЫБЕЛЬНАЯ

— Баю-ба-аюшки баю-ю! — надрывалась бабушка.

Четырехмесячный внучок строго глядел на неё, хмуря светлые бровки. В серых, ещё подёрнутых младенческой дымкой глазах — сна и не ночевало.

— Да не любит он эти баюшки, — дочка оторвалась от мытья посуды и стояла в дверях единственной комнаты, комкая полотенце. Левую руку она кое-как обтёрла, а на правой — борода мыльной пены тянулась до самого локтя. — Спой ему про крейсер Аврору.

Бабушка осуждающе зашикала, затрясла головой. Ей показалось, что взор внука затуманился, наконец. Однако это была военная хитрость. Дитя прищурилось на мир и завертело головкой с удвоенным интересом.

— Да спой ты ему про крейсер! — рассердилась дочь. У неё была послеродовая депрессия, плюс муж работал с утра до ночи, а бабушка, тоже работающая, едва могла забежать на пару часов.

Бабушка тоже рассердилась. Она считала, что уж в воспитании младенцев — точно понимает больше дочери.

— Что бы он в этом возрасте соображал!

— А, может, он в прошлой жизни матросом был? — дочка со вздохом смазала мыльную бороду на полотенце, взяла у бабушки сына и прижала сына к замызганной футболке.

Сытый младенец снисходительно заулыбался. Мать он признавал, и неделю назад, сильно переболев гриппом, научился даже произносить «ма-ма». Говорил, правда, странно, рефлекторно вымучивая звуки, словно выдрессированная собака или кошка. (Позже он позабудет эту случайную науку и научится звать маму иначе, мягко и чмокаяще, как будто мама — конфета).

— Может, мы и вправду рождаемся много раз? — задумчиво сказала дочь. — Смотри, какие умные у малышей глазки? Сразу после рождения — они ещё помнят прошлое. А потом потихонечку забывают.

Бабушка только покачала головой. Вечно дочь придумывает ерунду.

— Ну ты сама посмотри, он же все сказки знает! Рассказать Маше сказку? — спросила родительница торчащую из пеленочного кулёка голову.

— Умм, — согласился младенец.

— Про лисичку и петушка рассказать?

— Ууу, — разочарованно взвыл кулёк.

— Тихо-тихо, соседи прибегут, — испугалась бабушка.

— А про колобка рассказать?

Дитя задумалось. Выражение его лица стало смешным и сосредоточенным, и дочка начала:

— Жили себе дед да баба. Вот дед бабе и говорит...

Младенец так оживился, что бабушка поняла: всё, никакого сна сегодня уже не будет.

— Как он говорит?

— Гули-гули, — сообщил младенец.

— Правильно, — согласилась дочка. — Испекла бы ты, говорит, баба — колобок. Где у нас баба?

Дитя поискало глазами бабушку, и та расплылась в улыбке. За этот взгляд она готова была простить вселенной все обиды и неудачи, всё, не сложившееся в жизни, обманутое и не даденное когда-то. Моряк? Да пусть хоть моряк!

— Ладно, вы тут укладывайтесь, а я домывать пойду, — дочка отдала сына в теплые надёжные руки и выскользнула за дверь. А через минуту в комнате раздалось приглушенное шумом воды: «Дремлет притихший северный город...»

Кто ж его знает, почему у четырехмесячных младенцев в ходу такой странный репертуар?

МИХАИЛ ЗАГИРНЯК

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

За витриной — граффити. Голова, палочки ног и рук как на знаках дорожного движения и вместо живота огромный круг, внутри которого извивается красный червь. Рядом с человечком надпись — «НЕТ!». Третий раз за неделю встречался этот знак. Но впервые — в центре города.

Фёдор отвернулся от окна и раскрыл меню. «Ты ни в чём не виноват», — снова мысленно успокоил себя он. Так, меню. Острые блюда,

жареное. Пока пропускаем. Через полгода будет можно. Возьмём манты. Мороженное на десерт? В инструкции про это ничего не сказано.

Официант принял заказ и презрительно улыбнулся. Или показало? Фёдор посмотрел за окно. Три буквы. «НЕТ!»

И красный паразит в животе.

Может, это официант сделал? Для него, постоянного клиента. Вдруг среди персонала есть повстанцы? Фёдор ходил в кафе уже две недели, расплачивался кредиткой нртабов, сопоставить легко.

«А если у меня не было выбора?»

Люди — завистливые и мстительные твари. Никто не помог в трудную минуту. Ни работы, ни денег, ни жилья. А тут повезло: вступил в программу нртабов и был одобрен, медицинские анализы показали — годен. Теперь три года можно жить спокойно.

Никто за всю взрослую жизнь не относился к нему так хорошо, как нртабы. Сострадание, сочувствие, искренняя поддержка, — эти слова перестали быть пустыми. Инопланетяне заново научили его верить в себя.

Фёдор почувствовал в животе резь. И живо представил, как внутри него елозит красный паразит.

Нет. Это иллюзии.

Шевелится? Или кажется? Снова резкая боль. Фёдор просунул руку под рубашку.

Предупреждали же, процесс адаптации займёт от трёх месяцев до полугода. Главное — не думать о красной твари, которая живёт в тебе. О внутреннем соседе.

Инопланетная цивилизация нртабов платила за еду, жильё, одежду, — да за всё. Не из-за большой любви к людям, разумеется. Микрофлора организма человека лучше всего подходила для взращивания личинок.

Официант принёс заказ и нехотя спросил:

— Всё в порядке?

— Да.

«Почти нормально», — подумал Фёдор.

Всё было нормально до того, как один тип сбежал из перинатального Центра нртабов. Отказался от внутреннего соседа. И создал подпольную организацию. А повстанцы теперь как лозунг повторяли знаменитую фразу из интервью с ним: «Не делай, как я».

Тупые повстанцы... нртабы никого не принуждали! Это же национальные правительства дали разрешения инопланетянам. На любого землянина. Люди готовы торговать людьми. Как всегда.

А террористы заладили: внутреннее соседство меняет сознание человека, тот начинает ненавидеть людей, защищать права инопланетян. Но разве для того, чтобы ненавидеть человечество, нужны подсказки нртабов?

Боль в животе утихла.

Вовремя. Как раз подоспели манты.

Фёдор вспомнил мысли о внутреннем паразите и раскаялся. Нельзя так относиться к ребёнку инопланетян. Нельзя. Он ни в чём не виноват. Эти мысли из-за повстанцев: заставляют думать всякие мерзости о братьях по разуму.

Очень хотелось, чтоб войной с нртабами повстанцы не испортили три года спокойной жизни.

СВЕТЛАНА ТУЛИНА

КОЕ-ЧТО НЕИЗМЕННОЕ

— Думаю, черненькая тебе понравится. Доброе утро, кстати.

Я всегда встаю раньше Второго. Это удобно, можно самому выбрать завтрак. Хотя он, конечно, оспорит мой выбор — он всегда по утрам не в духе и спорит просто так, даже когда не прав.

— Утро добрым не бывает. А чего это как черненькая — так сразу мне? Я что — рыжий, что ли?! Блондиночка-то куда аппетитнее выглядит! Типа себе, как ранней пташке — самый лакомый кусочек, так что ли?!

Ну вот. Что и требовалось.

— Потому что ты любишь мозги, промаринованные интеллектом, а я нет. Блондинка тебе покажется пресной — она глупа, как ее уронили, так и сидит, я уже полчаса за ними наблюдаю, с самой доставки. А черненькая все время пытается удрать. К тому же... я сейчас рыкну — сам посмотришь.

Утробный рев прокатился по каменным стенам, пол камеры дрогнул, ловчая мембрана выгнулась и затрепетала, словно готовая лопнуть. Пухленькая блондинка зарыдала, словно по сигналу. Слезы градинами катились из огромных круглых глаз, открытый рот усиливал сходство с удивительно глупой рыбой. Жилистая брюнетка, до этого усердно пытавшаяся подцепить край мембраны острой шпилькой, отбросила ярко красную туфлю, вжалась спиной в угол и оттуда заверещала:

— Только не меня! Жрите ее! Она толстая! Она вкуснее!!!

Мой напарник приятно удивлен.

— О... а ты прав, она мне нравится! Обожаю потрошить эгоистов. У нее наверняка восхитительно гнилое нутро, да с перчиком, да со стервозинкой!

Похоже, проснулся. К обеду войдет в форму и мы с ним хорошенько поспорим при дележке. Зато ужин выбирает он, вечером я клюю носом и почти не чувствую вкуса, вечером мне все равно, лишь бы побыстрее.

Тем временем брюнетка пинает блондинку ближе к мембране — наверное, думает, что мы за ней. Второй облизывается:

— Чего мы ждем? Я жрать хочу как сто драконов!

Уточняя:

— Блондинка мне?

— Забирай свою бледную немочь, терпеть не могу тупую преснятину!

Сердце брюнетки было твердым и сладким, как карамелька. Я не люблю сладкое, а Второй хрустел радостно и чавкал потрошками. Я же смаковал суфле девственно чистого мозга блондинки, не испорченного ни единой морщинкой, инфантилизм добавлял нежности, глупость и лень — воздушности. Вот уж не думал, что анекдоты настолько правдивы, действительно, редкая дура... была.

Потом, когда насмерть перепуганные девушки убегали — такие милые и няшно-кавайные, трогательно держащиеся за руки и поддерживающие друг друга на скользких валунах горной тропы — мы смотрели им вслед с сытым умилением, и Второго опять потянуло на лирику:

— Как ты думаешь, наша миссия выполняема?

Пожимаю плечом:

— Спроси у создателей.

— Но даже если и так, и когда-нибудь количество перейдет в качество, естественный отбор сработает и в людях совсем не останется скверны — что тогда будет с нами? Мы же просто сдохнем! от голода!

Снова пожимаю плечом:

— Зачем так пессимистично? Я предпочитаю верить в людей. И их неизменность. О, смотри, на обед сегодня чирлидерши. Кого выбираешь?

Виталий Придатко

МАЛЕНЬКИЕ ОСКОЛКИ ДНЯ

— Все, кажется, отбой, — сквозь громкий зевок слышно в телефонной трубке. — Ох, и дали копоты, я, кажись, даже зуб шгло...

Потрескивание; осторожно опускаю трубку на рычажки. Понятно — звонивший находится чуть западнее, и ночь наступила немножко позже.

Интересно, кем человек там, на той стороне провода, приходится моей дневной части? Подчиненным? Командиром? Атаманом соседнего отряда? Не знаю.

Не знаю даже, кем является мой личный второй. Хватит и того, что много раз мне приходилось выкарабкиваться из окопов, нюхать вонючий дым, вытряхивать пыль и пепел из волос. Хватит и подсохшей крови, которую еле-еле отчистил с ножа, и седины на виске.

Не мое дело. Не мой мир. Не моя, черт возьми, жизнь!

Моя — здесь. В замершем и притихшем квартале полуразрушенных, изодранных снарядами многоэтажек. Внутри раскатывается вдоль коридоров эхо еще нетвердых шагов. Осторожно мы выбираемся наружу.

Луна сверкает. Синеватый свет раскрашивает и без того натерпевшийся город тенями, превращая в строгую маску, намекая, что пора бы и призадуматься. Ну уж дудки.

— Куда сейчас? — спрашивает остановившийся рядом парень, и я равнодушно дергаю плечом:

— Подзаправиться и на танцульки.

— А я хотел посмотреть футбол.

— Тоже дело, — киваю я одобрительно. Впрочем, сегодня не до футбола: судя по тому, как болезненно скрутило в узел мышцы живота, мой дневной побывал под обстрелом. Или еще чего похуже. Надо снять напряжение, иначе... иначе он гробанется, скорее всего.

А без второго долго не протянешь.

— Ну, — говорю, — давай тогда.

— Так это... — он мнется, почему-то бледный, хотя одет хорошо, в новое и чистое, как и все вокруг, в общем-то.

— Что? — уже жалея, что не ушел сразу, спрашиваю.

— Вот...

И тут вижу под ногами на какой-то пятнистой и замызганной зеленой тряпке девчонку. Спит. Поднимаются и опадают проступающие через защитной же раскраски майку ребра. Обиженно надуты искусанные бледные губы с лихорадкой в уголке. Темные дорожки на щеках, где текли слезки. В скрюченных замурзанных пальчиках стиснут флажок. Если я правильно помню — не наш флажок, с тремя полосочками знакомых цветов — союз реки, гор и тайги. Дьявол.

Она, мало того, — не из наших. То есть, вообще.

Она — дневная.

Мы, сытые, благодушные, настроенные на танцульки, пьянку и легкомысленные забавы, выглядим вокруг нее ничуть не серьезнее палой листвы. Однако это ночь, это наш мир, и...

Я понимаю, что уже несу хрупкое легенькое тельце к машине. Следом топает тот балбес — ну, который «Вот».

Высокий хищный кроссовер «Кайен» заводится с первого касания ключевым пальцем. Мотор урчит низко, вкрадчиво. Я сижу и понимаю, что ни черта не знаю, что делать дальше. Девке-то все равно не жить: без ночной половины дневным-то тоже...

Впереди, на западе, догорает полоса заката. Разочарованно так.

Меня осеняет. Визжат покрышки. И мы рвем с места — вперед. Летим прочь от города, вдаль от линии фронта, по осевой. Вдогонку солнцу. Надо только догнать день, и...

Даже если придется ехать целую ночь.

Даже если целую жизнь.

ДМИТРИЙ ХОВАНСКИЙ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ МЕТРО

Один человек очень любил ездить в метро, а людей ненавидел. Как войдёт — дверь стеклянную придержит, чтобы следующему в лоб не стукнуло, и думает про себя: «Лучше уж, чтоб стукнуло». Но всё-таки радуется, — вошёл, приятно очень. Только и двух шагов сделать не успеет, как видит — люди его обступают, теснятся и смотрят поверхностно своими некрасивыми глазами. Какое уж тут удовольствие. И ведь каждый день так.

Тогда он вот что придумал: внутрь заходит — терпит, по станции идёт — терпит, а в вагоне — раз — и выдумывает что-нибудь, чтобы людей не видеть и не слышать, — на манер заслонки. Первое время этот человек вполне традиционно закрывался газетой, но одинаковые слова, которые он невольно читал, ему очень скоро наскучили. Некрасивые глаза всё же лучше, чем «политика», «шоу-бизнес» или «продам».

Тогда он стал насвистывать что-то из своих любимых оперетт: ария графа Орловского из «Летучей мыши» защищала не хуже газеты. Одна беда — ни он, ни другие пассажиры ничего не слышали из-за окружающего шума, и смысл всего этого быстро терялся.

После свиста наступил черед слона. Обыкновенного, майн-ридовского. Не моргнув глазом, он ставил его прямо перед собой и наслаждался грубой его кожей и отдалёнными выстрелами охотников, которые ему мерещились. Сначала пассажиры вагона вежливо интересовались: «А это у вас майн-ридовский слон, да? Редкое животное...» Но потом потеряли к слону и этой детской, наивной литературшине всякий интерес. Да и слонов всех перестреляли, пришлось искать что-то ещё.

Идея с Чаплином не продержалась и неделю. Странно, ведь всё было как положено: котелок, тросточка, даже тапёр в углу вагона — все это выскакивало из воображения навстречу попутчикам, чтобы защитить его, заслонить от их глаз. Ноль внимания. В наше время Чаплин пользуется куда меньшей популярностью, чем даже слон...

Потом были полотна импрессионистов и абстракционистов, — из

тех, что побольше, чтобы закрыть его с ног до головы, — древнегреческие амфоры и китайские вазы, японские ширмы с тонким и изящным рисунком и германские средневековые гобелены... даже рыцарские доспехи... Только один старичок как-то скосился на него поверх очков и тут же отвернулся.

Он уже давно не задавался вопросом, удивить он их хочет или защитить себя от некрасивых глаз. Всё смешалось в водовороте предметов, звуков и красок... Но вот однажды он заметил, что давно уже ездит один, и людей вокруг него нет. Тогда он успокоился. Но и метро разлюбил.

СЕРГЕЙ ФИРСОВ ИНВЕРСИЯ

Греф приник глазом к отверстию и стал выбирать. Девки были разные — фигуристые и не очень, с откровенно запущенными телесами и худышки, нещадно изводившие себя диетами. Светленькие, брюнетки. Была одна рыжая с короткой стрижкой. Была явная спортсменка с раскачанной дельтой и почти мужскими узковатыми бёдрами. Тоже короткостриженная. В дальнем углу одиноко паслась ходовая старушонка. Сморщенная, как печёное яблочко.

Бритые лобки перемежались аккуратно оформленными бобриками и пушистыми кустиками, вызывающе торчащими прямо на уровне его глаз.

Греф сглотнул и на секунду опустил взгляд.

— Вам нехорошо? — тотчас спросил оформитель.

— Мне... никак, — сказал Греф тихо.

— Если вас что-то не устраивает, можно изменить уровень подачи. Могу открыть вам панорамное окно. Или дверь с гарантией прохода. Но тогда вам тоже придётся раздеться.

Греф подумал.

— Прежний симбионт... её звали Эльга... Она сбежала от меня, когда я потерял работу.

Оформитель понимающе покивал.

— Наверное, дома у вас поселилось уныние?

— Дома у нас стало возможным найти всё что угодно, за исключением радости, — сказал Греф.

— Взаимное удовольствие — это очень важно, — сказал оформитель. — В трудные времена симбионты должны взаимоприятываться.

— Должны, — сказал Греф.

Оформитель спросил:

— Эльга долго была с вами?

— Один миг, — не задумываясь, сказал Греф. Потом добавил: — И всю жизнь.

Оформитель спросил:

— Ну неужели вам ни одна не понравилась? Совсем весну не чувствуете?

Греф не ответил.

Оформитель извлёк из кармана брезентовой куртки фоновектор и невнятно произнес в него несколько слов. Поманил Грефа пальцем:

— Идёмте.

Они вышли в коридор, где вдоль стен на лавках сидели безликие мужчины и женщины. Распахнулась соседняя дверь. Греф шагнул за порог и равнодушно разделся. На него не обращали внимания. Это была инверсия. По периметру тянулись зеркала. Наверняка с односторонней проницаемостью, подумал он. Впрочем, это было неважно. Вокруг ходили такие же, как он, потеряшки, отягощённые надеждами на то, что они ещё кому-то могут понадобиться в этой жизни. Греф не стал забиваться в угол, а занял свободный пятачок, раздвинул ноги пошире и, запрокинув голову, уставился в потолок. Так он простоял довольно долго. До тех пор, пока не почувствовал, как под невидимым жгучим взглядом горит кожа внизу живота. Смотрового отверстия здесь не было — видимо, он не ошибся насчёт зеркал. Кто-то заказал «панораму».

Спустя время за ним пришли.

Оформитель сказал:

— Вас выбрали. Желаете прояснения?

Греф не стал спорить.

В «комнате ясности» спиной к двери сидела женщина. Когда он вошёл, она повернула к нему бледное, осунувшееся лицо. Под глазами — густые тени. Греф ощутил, как напряглись его ягодицы. Внезапный спазм скрутил горло. Греф надломился и утонул в сухом кашле.

Эльга медленно приблизилась. Широко размахнулась и вlepила ему пощёчину.

Греф судорожно ухватил ее за локти.

— Симбионтам негоже расставаться надолго, — сказала она. — Я иду домой. Ты со мной или как?

МАКСИМ ТИХОМИРОВ

СИНГУЛЯРНОСТЬ СЕРОГО ПСА

«Терпение — добродетель, утраченная вместе с безмысленным бытием примитивного фелиноида», — думала Киттикет в сотый раз за мучительно долгий час, пока Грау Добberman добирался до их находки.

Киттикет не находила себе места. В такие моменты она отчаянно завидовала легендарной выдержке своих неразумных предков.

— Я на месте, — сказал Грау. — Закрепился, занят соносканированием.

Киттикет сиганула через рубку к пульту. Цапнула микрофон, нажала тангенту.

— И как? Есть? — жадно спросила Киттикет. — Ну, хоть что-нибудь?

— Нет, — ответил Грау.

Его дыхание (частое «пх-пх-пх-пх») было отчетливо слышно через шлемофон. Грау принюхивался — принюхивался атавистично, рефлекторно. Киттикет активировала телескопы, поймала пыхтуна в перекрестье. И точно! Филейная часть красно-белого саркофандра явственно подрагивала в такт круговым эволюциям жалкого обрубка, который давно утратил право именоваться хвостом.

Поведение было явно недостойным суперканида, но над некоторыми своими привычками постсингуляры пока еще были невластны. Киттикет свято верила, что, унаследовав Небеса и Землю после исхода Хозяев, они рано или поздно сбросят оковы инстинктов и сделаются равными богам.

— Так видно? — спросил Грау.

Он завис у южного полюса о-ниловского орбиталища, десятикилометровая туша которого медленно вращалась вокруг продольной оси в тени Луны. Панорамные окна были закрыты лепестками броневых плит. Броню покрывала частая рябь от столкновений с фрагментами космического мусора и метеоритных дождей. Картинка с камеры была скверной, но стилизованный солнцеврат на внешнем створе огромного портала все еще был различим.

— Годится, — сказала Киттикет. — Открывай.

Грау ввел коды доступа. Плиты шлюзовых ворот поплыли в стороны, открывая нутро шлюзовой палубы.

— Иду внутрь, — сообщил Грау.

Красно-белое пятнышко замерло на границе мрака и кануло в него без следа.

— Ого, — сказал Грау немного позже. За это время Киттикет изгрызла до основания когти и исполосовала в ленты обивку командорского ложемент.

— Что, что, что там? — Киттикет описала несколько кругов по рубке, пробежав по условному потолку.

— Лес. Поляна. Идолы.

Глаз камеры смотрел в лицо свирепого громовержца, едва намеченное в огромном замшелом пне. Лицо было неприятным, злым. Но это было лицо досингулярного человека.

— А... Хозяева? — спросила Киттикет.

— Продолжаю поиск, кибернет-командор! — отозвался Грау.

Он сорвался с места и, азартно взлаивая, помчался сквозь лес. Среди стволов блестело озеро. На берегу тепло сияли оконца архаичных бревенчатых домишек.

Грау, позорно утратив навык владения Высокой Речью, радостно залаял у крыльца крайнего дома. Дверь приоткрылась. Очень небольшой человечек в расшитой веннским орнаментом рубахе присел рядом с Грау. Потянулся к нему.

— Мама, смотри, здесь собачка! — закричал малыш.

Глядя на него, Киттикет ощутила недостойную суперфелла потребность замурлыкать.

Что и сделала — с удовольствием и не медля.

МАКСИМ ТИХОМИРОВ

МУБАБ

Когда всё закончилось, на сеновал заглянула луна. Ветер снаружи шумел кронами древолистов. Пров жарко дышал в шею, остывая. Внутри было горячо и сладко. Мубаб знал: получилось. Было стыдно и радостно — как всегда.

— Что теперь? — спросил Пров, застёгиваясь. — Когда?

— Завтра, — ответил мубаб.

Зажмурился. Устал — от синюшности чужих губ, от натуги чужого дыхания, от смрада скорой смерти — тоже чужой.

Для Прова было почти уже поздно. Мубаб едва успел. Ничего не поделать — людей много, а мубабов — нет. Здешняя земля сильно к себе тянет, быстро сводит в могилу. Без мубабов короток людской век. Мубаб же стучит в дверь лишь тогда, когда приходит время.

— Уверен?

— Ага.

Мубаб свернулся в клубок и сразу уснул. В ночи светились окна дома. Пров, загребая отежшими ногами, побрел туда.

Всходила вторая луна.

* * *

Назавтра тошнило. По-малому гоняло каждые пять минут, а привычно целить, держа рукой, мешал живот. Не привыкать — знал, что это ненадолго.

К вечеру начались схватки. Мучился молча. Забрела, гремя чешуей, корова, жевала жвачку, смотрела грустно. Фёкла, Провова жена, немолодая и уже некрасивая, заглянула на сеновал. Мубаб застонал. Фёкла ахнула, присела рядом, заглянула в глаза.

— Чей? — спросила как потребовала.

Мубаб виновато улыбнулся.

— Мальчик?

Мубаб кивнул, закусив губу.

Отошли воды.

* * *

— Хорошенький, — сказала Фёкла, когда все закончилось.

Мубаб отвернулся. Ребенок пищал.

— Голодный, — сказала Фёкла.

Тронула украдкой свою пустую грудь. Взглянула на налитую мубабову.

— Ни к чему это, — поморщился мубаб. — От голода точно помереть не успеет.

— Делать с ним что?

Мубаб пожал плечами.

— Сердце достань. Отнеси мужу. Мужнино износилось всё. Накорми. Будет муж как новый. Сто лет ещё проживете.

— А потом?

— А потом вас опять мубаб навестит.

Фёкла заревела в голос.

* * *

— Не хочу, — сказала потом. — Не буду!

— Помрёт муж. А дитё вырастет. Быстро. Получится новый муж. Глупый только. Ну, да ты баба неглупая — научишь, чему нужно.

Помолчали. Фёкла решилась. Приложила ребенка к мубабовой груди. Мубаб слушал, как крошечное сердечко бьется рядом с его собственным.

— Полюби меня, мубаб, — попросила Фёкла. — Деток хочу, а нутро не родит. Господь велел и эту землю заселить, а как? Она необъятная, а нутро износилось. Чую, мубаб: от тебя — рожу.

— Родишь, — улыбнулся мубаб.

Полюбил.

К третьей луне дальше пошёл под чужими звездами.

Вдогонку в два голоса нёсся детский плач.

ЕЛЕНА ЩЕТИНИНА

К ВОПРОСУ О ХОЛОДИЛЬНИКЕ И ВРОНСКОМ

— Миссис Салливан... — роботпсихолог потер пальцами виски. — Я уже битый час пытаюсь понять, что же вы от меня хотите...

— Как чего? — возмутилась дама. — Я хочу, чтобы вы дали этому феномену научное объяснение.

— То, что ваша кофеварка стала работать по-другому, когда вы купили новый холодильник — это не феномен. И ему не может быть

научного объяснения. Ему вообще не может быть никакого объяснения! Точнее нет, десятки вариантов — от изменения напряжения в сети до... степени износа вещи! Почему вы обратились ко мне? Я же не гарантийный ремонт!

— В ремонте мне сказали, что все в порядке, и они впервые сталкиваются с таким — да, «феномен» было именно их словом. А кофеварка, кстати, вашей фирмы! Так что вы и должны соображать, что в ней не так — ведь вы же робопсихолог!

— Я специалист по искусственному интеллекту, — грустно сказал психолог. — То есть по роботам. Ваша кофеварка к ним не относится.

— Моя кофеварка стоила столько, что у нее должен быть не только искусственный интеллект, но и искусственная душа!

Психолог устало прикрыл глаза.

— Хорошо, — сдался он. — Несите сюда вашу кофеварку. Будем разбираться... с научной точки зрения.

* * *

Через три дня миссис Салливан получила на руки кофеварку и экспертное заключение главного робопсихолога корпорации «R.U.R».

Оно гласило:

«У кофеварки модели ET34W, серийный номер YT-930-g-44-5377 выявлен синдром Анны Карениной.

Результаты исследования прилагаются.

К правилам эксплуатации добавлены особые рекомендации.

Данные исследования станут основой научной статьи.

Особая благодарность выражается миссис С.Салливан».

— Вот то-то же! — победоносно сказала миссис Салливан, изучив документы. — Тогда я буду звать мою кофеварку Аней.

— Зовите, — кивнул психолог. — И смотрите, чтобы рядом с ней не велись разговоры о поездах и железной дороге.

— Ну само собой!

* * *

Статья главного робопсихолога корпорации «R.U.R» произвела фурор.

Чего стоило только ее название.

«Псевдонаучность и убедительность: к вопросу о возможности научного обоснования любого события».

Некоторые даже что-то заподозрили.

ДМИТРИЙ ГУЖВЕНКО

ОБМЕН ХЕППИ

Я проснулся в поту. Мрачные тени из кошмара тянули ко мне длинные когти. Летнее солнце уже взошло, осветив стоэтажные высотки.

Я потопал в белому другу и лишь потом на кухню. Ну да, утро начинается не с порошковой бурды, которую пытаются навязать дурной рекламой.

— Ты в обменку сходил?

Гражданская герлфренд курила ментоловую сигарету, отодвинув занавеску в сторону, чтобы не спалить нашу большую, девятиметровую квартиру. Солнце с радостью накаляло кухню, превращая её в микроволновку.

Вопрос не радовал. С подвохом такой вопросик.

— Не успел, милая, прости. Вчера много дел было, да и потом с парнями затренировался. Представь, смог от груди сто десять толкнуть! — сказал я.

Подошел обнял. Она не отстранилась, махнула рукой. Стена-монитор засветилась:

— Котировки индекса ДД упали в проекции зета и поднялись по вертикали тангенса! Каждый человек понимает, что происходит в нашем спокойном мире!

— Чего?! — спросил я и почесал лоб. Длинные волосы растрепались во время сна и теперь неприятно липли к коже.

— Курс меняется. Беги скорей в обменку, дорогой, — пояснила герлфренд, — кофе я приготовила, выпей перед уходом.

Я поцеловал её в бритую макушку, обжигаясь, отсербал кофе и побежал.

Курс поменялся? Обидно конечно, но не думаю, что это критично. Накопилось у меня немало. Специально откладывал последние полгода.

Ошибся.

Первый же обменный пункт ошарашил. Девять к одному. Я подошел поближе, надеясь, что это шестерку не правильно перевернули.

Вчера ж еще один к трем! Да чего я туплю? Достал смарт, пробежался по новостям. Все правильно.

— Калифорниямастлайк... — выругался я.

В обменке на меня надели шлем, подсоединили провода. Толстая блондинка недовольно спросила:

— Всё меняете?

— Да.

— И даже смерть любимой собаки?

— Чаффи. Да.

— Так... Обмен негативных эмоций начался... Пересчет на радостные события в будущем... Ну вот, выбирайте из списка.

Я завис, как старый компьютер. Три лотерейных билета? Веселый вечер с друзьями? И это все, что я могу позволить?! Мир меняется очень быстро. Не успел вчера, откинул себя на жизненном пути на годы...

В квартиру зашел тихо, стараясь не шуметь. Герлфренд ждала. Вкусный запах жаренного мяса окутал квартиру.

— Ты вернулся?

— Угу, — сказал я и выдохнул, — прости, не успел...

Она подошла ко мне, прикрыла пальцами губы и произнесла:

— Я еще месяц назад поменяла все свое горе... Иди кушать. Тебе понадобится много сил, как будущему папе.

Я поцеловал её. Плевать на современные нравы, женюсь на ней официально!

СВЕТЛАНА СТРУГАЦКАЯ

ПОДСОЛНУХ

Я поднималась на эскалаторе, сердце напевало легкомысленную песенку. То, что я увидела минуту спустя, круто изменило мою жизнь навсегда. Навсегда.

Олег, на встречу с которым я так спешила, улыбаясь своей фирменной улыбкой, протягивал великолепный подсолнух незнакомой мне девчонке, простецкой дурнушке в короткой курточке и дурацких, расписанных цветами же, джинсах. Всё это было отмечено мной на автомате, когда, ускорив шаг, я вылетела на Невский и смешалась с толпой. Я ничего не понимала. Мы хоть и были знакомы с Олегом недавно, но он явно симпатизировал мне. И, торопясь на свидание, я никак не могла предположить такого окончания нашего знакомства. Слезы подкатили к горлу, я свернула в какой-то дворик и набрала мамин номер. Она несколько дней просила забрать у неё яблоки, коими снабдили её добросердечные соседи. Решено, вместо романтического свидания, еду к маме на другой конец города за яблоками. Договорились встретиться у метро, потому что у меня как назло разболелась нога, и дохромать до родительского дома я была не в состоянии. Ну маман разохалась, увидав мою унылую физиономию, но рассказывать я ей ничего не стала. Болит нога и всё тут. Забрала пакет и поехала домой. Яблоки источали дивный позднеосенний аромат, а в небольшом целлофановом мешочке обнаружили ещё ядрёно пахнувшие солёные огурцы, которые я переложила в другой пакет. Села в вагон и только сейчас заглянула в свой мобильник.

Боже мой, я забыла включить звук, а там пятнадцать непринятых вызовов. И все от Олега. Странно. Зачем он звонил мне, коли дарил подсолнух другой девчонке?

Не доехав до дома, я выскочила на ближайшей станции.

— Ну и где ты? — по телефону было слышно, как он улыбается. Улыбается после того, что произошло?

— Ты мне цветы никогда не дарил, а тут, какой-то девчонке... — и я зарыдала несмотря на толпу народа, спешащую мимо меня.

Сначала была тишина, а потом откровенный смех. И знаете что? Олег имел право смеяться. Он так торопился на свидание, что поднимаясь по эскалатору, задел подсолнух в руках той девочки, цветок сломался. И он, как настоящий мужчина, купил новый...

...Моя проблема в том, что концовку этого рассказа я придумала только что. На самом деле тогда я не стала Олегу перезванивать, а пошла в ближайший бар и напилась, закусывая попеременно то яблоками, то огурцами.

Так прошёл год, затем другой.

Теперь вот здесь, в кругу анонимных алкоголиков, рассказываю эту историю...

ТАТЬЯНА ТАНАСИЙЧУК РАУНД-СУДЬБА

Вжику, который то тут, то там...
«Раунд-судьба,
Делит на терции...
Чертим на картах дорог перекрестья
Вместе!»

Т.А.

Мы встретились на перекрестьях. Дорог и судеб. Ты — скорость, движение, мгновенье! Жизнь!

Услышала:

— Кто ты? — Взгляд. Удивление. Восхищение.

— Фея, — улыбка. — А ты? — промолчал. Качнулись звёзды. Вдохнули океаны. Взвихрились галактики. Туманности затуманились и исчезли. Мы вдвоём.

— Фея, не сходи с ума!

— Уже сошла!

— Он же человек!

— Нет! Он — моя жизнь!

— Будешь проклята памятью. Он — забвеньем.
— И...?! Не бывает тьмы без света; ненависти без любви; расставанья без встречи. Что дальше?
— Узнавать он тебя будет в твоё последнее мгновенье... и своё...
— Нам хватит. Мы вдвоём.

Два крыла за плечами. Чёрных. Ангелы ночи. Больно помнить.
Огонь. Искры запутались в волосах. Крики — ведьма!
Где ты??? Я ухожу!
Сквозь пламя донеслось: «Горе нам! Ведьма взглядом убила нашего Короля!»
Я — Фея! Мы вдвоём!

— Может, хватит? Вернись! Дорога домой легка и приятна. Тебя ждут! Посмотри — небо синее! Звёзды — яркие! Океаны дышат! Развеются чары, спадёт проклятье. Лети!
— Нет!!!

Всё, что между нами — вне километров и градусов Цельсия. Помнишь? Вне времён, возраста, эпох и миров. Вижу взгляд за истаивающими зданиями синих небоскрёбов. Теряю друзей и вновь их обретаю.
— Кто ты?
— Фея. Тебя не спрашиваю. Ты — жизнь, мгновенье, порыв ветра, дыханье звёзд. Грань между... Мы вдвоём!

Мир уходит, протекает, как вода меж пальцев. Исчезающий мир не удержать. И тебя — тоже... Больно! Нет!!!

Когда-нибудь я устану. Уйду. Сама стану мгновеньем, порывом ветра, дыханьем звёзд, сошедшей с ума галактикой, гранью между... Своим собственным забвением.
— Ты кто?
— Фея...

Литературно-художественное издание

АСТРА НОВА
альманах фантастики

Главный редактор: *Светлана Тулина*

Редколлегия: *Кирилл Берендеев,*

Евгения Халь, Александр Тишинин

Литературные редакторы: *Анна Райнова и Григорий Панченко*

Корректоры: *Светлана Ушакова*

Компьютерная верстка и дизайн *Ольга Денисова*

Художники: *Светлана Тулина, Ольга Маковская,*

Елена Нестерова, Ильмир Амиров

Подписано в печать 24.04.2017

Формат 60×84 ¹/16. Отпечатано

с готового оригинал-макета по технологии

Print-on-Demand. Усл. печ. л. 17,20. Уч.-изд. л. 15,59.

Заказ книг

fanni.old-land.ru

sz-izdat.ru

Издательство Северо-Запад, 2017